

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2020

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2020 — 1(58)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Композиционное мастерство как прерогатива художественного опыта

(К 160-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехова)..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Вячеслав Алтунин. Тоска (глава из романа «Уход»)..... 19

Александр Сегень. Господа и товарищи (главы из романа)..... 25

Игорь Карлов. Дважды краснознаменная повесть имени генерального секретаря ЦК КПСС,

президента СССР Горбачева М. С. (главы из повести)..... 35

Вячеслав Лямкин. Отпусти его на небо, душа, отпусти... (главы из повести)..... 46

Аркадий Мар. Вальс для Наташки (повесть в новеллах)..... 55

Ефим Гаммер. Оки-доки: Мурманск — Североморск — Амдерма (главы из повести)..... 67

Вадимир Трусов. Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина

(художественно-публицистическая повесть)..... 78

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов. Командировка..... 115

Ольга Малыгина. Алкино чудо..... 124

Игорь Егоров. Нескудеющая сила..... 129

Сергей Крестьянкин. Выбор..... 133

Вячеслав Тебенко. Первая линия (отрывок из рассказа)..... 138

Геннадий Маркин. Скомканное письмо..... 147

Валерий Румянцев. И все-таки... 162

Валентин Огнев. Ефремовские купцы Мясищевы..... 171

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Поэзия Пензы: Ольга Коршунова, Валерий Сухов, Вера Дорошина..... 177

Елизавета Баранова (Весина). *Colis eum?*..... 182

Игорь Лукьянов. «Как в мифах Эллады...»..... 185

Владимир Корнилов. Зимние мелодии..... 187

Владимир Шугля. Шестое чувство..... 190

Николай Еремин. Ока влюбилась в Енисей..... 193

Расуль Ягудин. Стихи разных лет..... 194

Константин Струков. Черноухо. Сказание о собаке..... 197

Валерий Демидов. Коба (Иосиф Виссарионович Сталин)..... 213

Евгений Чугунов. «Век новый пробует смотреть...»..... 223

Олег Мошников. В горку Млечного Пути... 227

Анатолий Арестов. Земля.....	229
Марина Щенятская. Мелодия грусти.....	232
Игорь Лукин. 21 ноября.....	234
Людмила Леушина. Россия-матушка!.....	237
Юрий Токарь. Эхо надежды.....	239
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Алла Новикова-Строганова. «Надо верить в бога...»: Святочные рассказы А. П. Чехова (к 160-летию писателя).....	241
Евгений Асташкин. Навянное чтением «Приокских зорь».....	246
Яков Шафран. Золотое перо Евгения Трещева (о творчестве писателя).....	249
Игорь Карлов. Книга о любви.....	261
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
Материалы авторов и об авторах: Роман Тишковский, Михаил Лапшин, Сергей Сенин, (Ольга Карагодина, Петр Гулдедава, Николай Иванов, Вадим Карасев, Сергей Котьяло, Тамара Булевич, Дмитрий Кузнецов, Ольга и Наталья Артемовы, Александр Хадарцев, В. Ф. Шугля)....	

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — и.о. зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полюцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского государственного университета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: <http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).

См. также на сайте «Русское поле»: <http://priokskie.ruspole.info> и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: <http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>, <http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и <http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: <http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori> <http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчег» в Фэйсбуке: <https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/> <https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts>

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМПОЗИЦИОННОЕ МАСТЕРСТВО КАК ПРЕРОГАТИВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА

К 160-летию со дня рождения выдающегося русского писателя
Антон Павловича Чехова (1860—1904)

♦ В настоящей «Колонке» используем уже хорошо знакомый постоянным читателям «Приокских зорь» прием: знаменательную литературную дату «совмещаем» — в данном случае — со своего рода проникновением в творческую мастерскую выдающегося писателя; своего рода «литературная учеба» для писателей, набирающихся художественного опыта. Рассмотрим повесть А. П. Чехова «Степь».

«Степь» (подзаголовок — «История одной поездки») написана А. П. Чеховым в 1888 году. Тогда же и напечатана в журнале «Северный вестник». В повести нашли отчасти отражения детских и более поздних воспоминаний Чехова о поездках по южной степи к своему деду и поездка домой весной 1887 года. Последняя была непосредственно перед написанием повести, и ее впечатления, обновившие ранние, детские, очевидно, были использованы писателем. Об этой поездке Чехов писал А. С. Суворину: *«Чтобы не высохнуть, в конце марта уеду на юг, в Донскую область, в Воронежскую губернию и проч., где встречу весну и возобновлю в памяти то, что уже начало тускнеть. Тогда, думаю, работа пойдет живее».*

Это, кстати, был и первый дебют Чехова в «толстом» литературном журнале. Может, отчасти, и поэтому «Степь» вызвала в литературном мире значительные споры и разногласия. Также различно отзывались о повести и наиболее видные литературные критики того времени; в основном критики порицали автора за «неумелую» композицию, отходящую от принятых канонов в литературе. Так, Гаршин писал, что от большого произведения требуется подчеркнутое раскрытие главной идеи и ясного намека, *«в каком из действующих лиц она наиболее пластически выражается».* А. Арсеньев же отказывался признать «Степь» новаторским по композиции произведением русской литературы, называя повесть *«новым шагом по старой дорожке».* Критики Аристархов и Ладожский отнесли к повести как произведению «начинающего автора». Это сильно возмутило Чехова. Основное возражение критики вызывало, как это можно видеть, композиция «Степи»: многие сочли, что в этой повести Чехов не преодолел свою увлеченность малыми формами художественных произведений, что вся повесть есть слепленные искусственно малые сцены и очерки, формально лишь связанные друг с другом образом Егорушки.

Однако еще более было положительных отзывов современников: Плещеева, Салтыкова-Щедрина, Михайловского, Вс. Гаршина, Горького. Одни — литературные критики — весь спор о «Степи» сводили к композиционной неустроенности произведения, другие — писатели-современники Чехова — восторгались художественностью повести:

«...Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать Вам не могу... Что за бесподобные описания природы, что за рельефные симпатичные фигуры... Пускай в ней нет того внешнего содержания — в смысле фавулы, — которое так дорого толпе, но внутреннего содержания зато неисчерпаемый родник... И

сколько разбросано тончайших психологических штрихов» — А. Н. Плещеев. Горький, говоря о «Степи», особенно отмечал, что здесь «все — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте... А. П. Чехов «Степь» свою точно цветным бисером вышил».

Итак, разделение мнений одобрительных и неодобрительных в споре, возникшем вокруг «Степи», отнюдь не странным образом совпало с разделением на критиков и художников (по преимуществу, конечно), все является третьейскому взору понятным: критики неодобрительно восприняли композиционные нововведения, привыкшие к пятидесятилетним канонам русской литературы. Ибо вся эта литература еще жила в 80-е годы традициями повестей и романов Тургенева. И в силу своей профессии критикам, особенно из ординарных, ничего и не оставалось, как заметить и не одобрить изменение Чеховым этих самых «тургеневских канонов», особенно в композиции произведения.

Художнику же свойственно иное восприятие. Ни в коем случае не отказываясь от критического отношения к произведениям своих коллег, он, в силу своего художественного вкуса и чутья, неотъемлемого от творческого процесса, исходит в оценке произведений от первичного в них (или — для них) — художественного отображения жизни, в то время как критик чуть ли не подсознательно, в силу своей профессии, отталкивается от вторичного: схемы произведения. И лишь талантливый критик уравнивает в себе это двойное видение-воззрение на оцениваемое им художественное произведение.

Сам Чехов о композиции «Степи» отзывался вполне определенно в том смысле, что тема родины, отечества — основной лейтмотив «Степи». Перед читателем развертывается картина степной России, огромного поля от Таврии и вверх, до окраин черноземных губерний. Степь с ее солнцем, испепеляющим в июле малые деревеньки и пшеничные поля; полузаспаные люди, ищущие в полдень любой тени: от дерева ли, от амбара, чтобы сном скрасть самое жаркое время дня; скрипящие обозы, растекающиеся по степи, по ее бесконечно широкому, без обочин, без канав, без конца дорогам. И люди, люди... И мальчишки, и обозники, и графиня, и управляющие. Где-то по степи «кружит» богатырь Варламов. По следам его мчится тарантас. И непонятно кто кому нужен: тарантасу ли Варламов, Варламов ли обозу и пр. И все они под одним солнцем, в одной степи; мочит их один дождь, и для всех гремит гулкий степной гром. И в отдельных этюдах, очерках живых лиц — все характеры русских степных людей. Чехов писал: «...Вам понравился Дымов, как материал... Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямехонько для революции... Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сохнет или попадет в острог. Это лишний человек» (из письма к А. Н. Плещееву).

♦ Отсюда и возникла подобная композиция «Степи». Иной она быть и не могла. Ибо выдержать классическую, «тургеневскую» связность с полными переходами от образа к образу, от картины к картине, от детали к детали при воплощении подобной темы возможно только в большом романе. Повесть же — некое подобие квинтэссенции романа, как это следует из определения самого жанра. Поэтому Чехов старался лаконично, одновременно многогранно раскрыть явления жизни. При чтении повести также чувствуется очень явно единство тона повествования. Чехов сам отмечал свою заботу об этом моменте. Всего этого критики и не поняли, или не восприняли; они сочли, что в повести нет действия, слишком мимоходом, бегло обрисованы персонажи. И тут же пресловутое «пренебрежение традицией русского романа» и пр. Что в «Степи» только и есть, что «эпический пафос» в изображении природы степной России и «пейзажное творчество».

Чехов и сам признавался, что писал слишком «компактно» эту повесть, боясь растечься на мелочах. И ко всему прочему следует помнить и понимать молодого

еще писателя, впервые создающего значительное по объему произведение. В письме к Григоровичу он подробно описал принципы композиционного построения «Степи». Вот этот отрывок из письма: *«Для дебюта в толстом журнале я взял степь, которую давно уже не описывали. Я изображаю равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов, ночные грозы, постоянные дворы, обозы, степных птиц и проч. Каждая отдельная глава составляет особый рассказ, и все главы связаны, как пять фигур в кадрили, близким родством. Я стараюсь, чтобы у них был общий запах и общий тон, что мне может удастся тем паче, что через все главы у меня проходит одно лицо. Я чувствую, что многое и поборол, что есть места, которые пахнут сеном, но в общем выходит у меня нечто странное и не в меру оригинальное... В общем получается не картина, а сухой, подробный перечень впечатлений, что-то вроде конспекта; вместо художественного, цельного изображения степи я преподношу читателю «степную энциклопедию». Первый блин комом. Но я не робею. И энциклопедия авось сгодится. Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику. Если моя повестушка напомнит моим коллегам о степи, которую забыли, если хоть один из слегка и сухо намеченных мною мотивов даст какому-нибудь поэтику случай призадуматься, то и на этом спасибо».*

В этом объяснении Чехова выделяются три момента. То, что у писателя был замысел, который и воплотился в «Степи», написать повесть не с гладким течением сюжетного действия, а с более сложной организацией: отдельные сцены или рассказы, но связанные общим тоном повествования (степь-родина) и присутствием всюду одного лица (Егорушки).

Опасения Чехова, что может выйти что-то «не в меру оригинальное». Это относится все к тому же опасению, врожденному для русской литературы 80-х годов, нарушить, выйти из «тургеневских канонов». Чехов эту боязнь преодолел, в этом, может, главная причина — его «писательская юность».

Признание возможной «неполноценности» повести как художественного произведения. Напрасное, как мы сейчас можем видеть. Чехов же видит свою заслугу, даже в случае признания этой неполноценности, хотя бы в том, что привлек внимание к давно не разрабатываемой теме степи.

Итак, понятно, что хотел воплотить Чехов в своей повести и как представлял себе сюжетное и композиционное начала в «Степи».

♦ О предполагаемом продолжении повести. Сюжет «Степи» производит впечатление прерванности. Действительно, Чехов собирался продолжить работу над повестью, поэтому он и «оборвал» ее столь неожиданно, не оставляя места сомнению о продолжении «Степи». Нет, очевидно, прямого указания на причину перерыва в написании: возможно Чехов *хотел «проверить» начало произведения на отзывах публики и критики*, возможны и иные соображения. Не следует забывать, мы уже начинали с этой фразы выше, что Чехов впервые писал столь крупную вещь и не смог «единым духом» создать ее полностью, без перерыва... Но планы написания продолжения сохранились в его письмах. Так в письме Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 г. он писал: *«...В своей «Степи» через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит непременно плохим. Если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, то я буду продолжать ее. Я нарочно писал ее так, чтобы она давала впечатление незаконченного труда. Она, как Вы увидите, похожа на первую часть большой повести».*

Возможно, как это видно из переписки писателя, что и денежные затруднения торопили Чехова печатать незаконченную «большую повесть» («*Деньги мне очень нужны...*») — пишет Чехов по поводу напечатания «Степи»). В том же письме Плещееву Чехов опять говорит определенно о продолжении повести: *«Что касается Егорушки, то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенький о. Христофор уже*

помер. Гр. Драницкая (Браницкая) живет прескверно. Варламов продолжает кружиться...». Однако повесть не была продолжена, возможно что и к лучшему; теперь, по прошествии времени, «Степь» производит впечатление композиционной законченности, да и сюжетная целостность не очень-то страдает от отсутствия задуманного продолжения. Так кажется.

♦ Сюжет «Степи». Прежде чем приступить к рассмотрению композиции повести, исследуем сюжет. Сюжет и композиция взаимосвязаны по достаточно сложной схеме. Рассмотрев сюжет «Степи», мы вольны проанализировать любую из форм композиции произведения с тем, чтобы непосредственно перейти к ней; тогда анализ композиции будет проведен в параллели с сюжетом произведения.

Если теперь сопоставить сюжетное движение повести Чехова и соотношение композиции и сюжета, то, проанализировав их, можно отметить резко отличительную особенность этого произведения: значительная корреляция сюжета и композиции, хотя было бы одной крайностью утверждать, что здесь сюжет совпадает с композицией, а с другой — имеется резкое несовпадение композиционной и сюжетной организации произведения, то есть нельзя сказать, что преобладает одна из двух схем: (а) сюжет \equiv композиция; б) сюжет + (внесюжетные элементы) \in композиции, при неравенстве: (внесюжетные элементы) $>$ сюжетные элементы. ...Извиняемся за символы логики.

Хотя можно рассуждать двояко и выбрать схему и (а) и (б)* именно в силу того, что в повести, по самому авторскому замыслу, нечетко выражены основные элементы сюжета: завязка, предшествующая ей экспозиция, кульминация, развязка. Вернее, можно прочесть и так, но в том-то все и дело, что Чехова менее всего интересовали строгие обозначения сюжетного плана. В обычном же чтении фиксируются не отрезки от «элемента сюжета до элемента», а непрерывное течение описания. Наконец, связующее присутствие мальчика можно совсем оттенить, а в центр повествования поставить или совокупность образов людей, связанных с движущимся обозом, или меняющиеся картины степи: утром, в полдень, в предвечерье, вечером, ночью, в грозу... Эти три варианта элементности сюжета суть «движение сюжета» справа. Так что представляется более целесообразным вместо схем (а) и (б) при анализе «Степи» пользоваться термином «корреляция композиции и сюжета» в том смысле, что они не идентифицируют друг друга, а, оставаясь самостоятельными, во многом сближаются. При этом они выполняют и порознь, и вместе те задачи, которые им и отведены, в соответствии с литературоведческой терминологией.

Сам Чехов писал, что «Степь» во многом напоминает «степную энциклопедию», и что во многом она писалась вдохновенно, без четких начальных планов: «...«Степь» кончена и посылается. Не было ни гроша, и вдруг алтын. Хотел я написать два-три листа, а написал целых пять. Утомился, замучился от не привычки писать длинно, писал не без напряжения и чувствую, что наерундил немало». Кстати, литературоведами отмечена вообще эта индивидуальная особенность сюжетообразования в творчестве Чехова. М. Б. Храпченко пишет: «Автор «Степи» и «Вишневого сада» избегал исключительности как в выборе ситуаций, так и в обрисовке героев. Одна из отличительных черт его реализма — раскрытие коллизий, драматических положений в процессе воссоздания обыденной жизни».

И еще о роли в произведениях Чехова вообще корреляционной связи сюжета и композиции, выявляемой через подтекст: «Реалистическое изображение действительности в произведениях Чехова отмечено не только лаконизмом, решительным преодолением всякого рода внешней красоты, выпренности, но и тем, что многие человеческие связи и отношения раскрываются через подтекст. Давно и пра-

* Несмотря на эту неопределенность, скорее нечеткость в отведении границ сюжету и композиции, они у нас не отождествляются друг с другом, хотя в литературоведении существует и такой подход.

вильно указывалось на то, что в реалистическом письме Чехова заметное место занимают импрессионистические начала показа жизни», — пишет М. Б. Храпченко.

Вот эти импрессионистические начала-то особенно и заметны в «Степи»; производя своего рода «сюжетное дробление», его многослойное наложение на композицию произведения, они придают повести характер художественной «степной энциклопедии». Все сказанное выше подчиненно одному: показать или доказать малопродуктивность строгого выделения сюжетной линии при анализе «Степи» и отдельного от сюжета рассмотрения композиции повести. Фраза же, выше приведенная относительно отсутствия «четких начальных планов», ни в коей мере не означает, что Чехову приписывается бездумное сочинительство, куда бог и перо приведет. Да это и почти невозможно, ибо нельзя писать без замысла (можно, и многие пишут — без плана), а довлеющая сила замысла была определена еще три столетия тому назад в каноне искусства классицизма Буало:

*Но если замысел у вас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов*

.....

(Понимая «слова» значительно шире обиходного значения).

И еще одна фраза оттуда, во многом характерная для повести Чехова:

*Хотя в сюжете нет докучного порядка,
Он развивается естественно и гладко.*

И последнее замечание, относящееся и к композиции, и к сюжету: о конфликтности сюжета. Коль скоро «Степь» есть произведение сюжетное, то в нем отмечен конфликт; сюжет всегда конфликтен. В современном научном толковании конфликт в сюжете художественного произведения определяется весьма многогранно (М. Б. Храпченко): «Структурную основу литературных произведений составляет конфликт в его определенном художественном выражении. Как в выборе конфликта, так и в поэтическом его воплощении ясно проявляются идейные начала творчества. Однако рассмотрение их в данной связи не может быть обособлено от внутренней коллизии произведения и ее раскрытия. Конфликт, его своеобразие в значительной мере предопределяют и особенность действующих лиц, и их расстановку в процессе повествования, ибо художник замышляет не просто «чистый», абстрактный конфликт, а конфликт между так или иначе прояснившимися в его творческом сознании героями, характером. Развитие конфликта обуславливает не только связи и противоречия художественных образов, но и соотношение отдельных сторон, компонентов литературного произведения, его внутреннее строение».

И опять — применим это к конкретному анализу — особенности «дробящегося» сюжета, пресловутый импрессионизм творчества Чехова. Повесть, по словам самого писателя, разбивается на несколько отдельных сцен, лишь для общности связанных образом центрального героя — мальчика Егорушки. В каждом из этих «очерков» легко отыскивается свой конфликт; и развитие этих «локальных» конфликтов как раз безусловно приведено в соответствие с внутренним строением повести. Этого требовала сама сложная организация «Степи». Но поскольку все события повести соотносятся с Егорушкой, то можно определить и конфликт всей повести, общего сюжета именно в этой связи: это конфликт Егорушки со средой, новой для него, в новой обстановке — возчики, степь, одиночество среди чужих по духу людей и пр. — после города, дома, мамы... Здесь находим все элементы сюжета, характеризующие конфликт — «движение сюжета». Первоначальная отчужденность Егорушки переходит в прямое столкновение, ненависть к Дымову и пр. Это кульминация. Кульминация

тоже имеет двойника-отзвук: болезнь Егорушки; хотя отзвук совершенно в ином качестве: физический недуг, а не душевная депрессия... Но вот мальчику раскрывается иная жизнь степи, людей, возчиков, того же Дымова. Наступает развязка. Отзвуком она повторяется выздоровлением Егорушки. Конфликт мальчика дублируется описанием природно-стихийного конфликта: степь с ее различными состояниями, в основном, в соответствии с душевным состоянием мальчика. И здесь кульминация — гроза.

При сюжетно-конфликтном анализе «Степи» бросается в глаза в обычном понимаемом смысле нечеткость этой сюжетно-конфликтной организации, ее невыявляемой нарочито четкости. Это специфическая особенность творчества Чехова: его подход к типичности, в частности сюжетной, и отсутствие в его произведении аффектации. Это факт, давно отмеченный и подробно изученный современным отечественным литературоведением. Первое вытекает из строгого требования Чехова к отбору жизненных фактов и выявления на этой основе типических конфликтов (С. М. Петров): *«Преобразование реальной жизни в художественное содержание, в произведение — в сюжет и фабулу (ход действия) совершается в реализме прежде всего путем отбора писателем фактов и событий. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы в ней, как в фильтре, осталось только то, что важно или типично», — рассказывал Чехов. Типично с точки зрения раскрытия сущности тех явлений действительности, которые отразились в данном житейском факте, случае, эпизоде и т.д.»*

Это говорит о четком понимании писателем самой сути реализма. Ибо в то время многие понимали и толковали реализм несколько вульгарно: как хладнокровное отражение «добра и зла». Как писал Федор Сологуб в предисловии к пятому изданию «Мелкого беса»: *«Этот роман — зеркало... Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражается в нем одинаково точно»*. Благо, что это «фотографическое» утверждение в самом романе Сологуба так и не отразилось; ибо не отразилось там ни на грамм прекрасного, но лишь великое человеческое уродство. Потому «Мелкий бес» и стал значительным произведением в отличие от многих других книг его.

И относительно второй особенности Чехова так сказано в трехтомной монографии о русской литературе конца XIX — начала XX вв. (М.: Наука, 1971): *«...Со всем этим связана и другая черта чеховского повествования, отличающая его от сочинений и позднего Толстого, и писателей «горьковской» линии, — более ровное течение жизни, свой образ времени. Чехов изображает подчас столь же трагические события..., но мир его произведений, в целом, значительно менее взрывает, не говоря уже о том, что иным является и отношение к такого рода событиям. Если, например, у Горького, Андреева, Серафимовича чрезвычайные драматические ситуации являются сплошь и рядом «ударными» моментами повествования, то у Чехова они играют значительно менее существенную идейно-композиционную роль... Чехов продолжал, как и раньше, тяготеть к изображению жизни в ее повседневных, внешне не драматических проявлениях, демонстрируя ужас обыденного существования»* (В. А. Келдыш).

Поэтому-то даже «чистый» вымысел в произведениях Чехова не выпирает своей фантазией, наготой выдумки. По своей инвариантности с типичностью он и воспринимается как таковой. Отсюда и «сюжетная скупость» писателя. «Степь» тому пример. Как писал Белинский: *«Простота вымысла в поэзии реальной есть один из самых верных признаков истинной поэзии, истинного и притом зрелого таланта»*.

♦ Два необходимых композиционных условия в «Степи». Эти два условия суть: (а) сама композиция произведения соотносится и *определяется* действительными жизненными обязательствами; (б) композиционное построение мотивируется характером.

Действительно, множество условий, необходимых для наиболее убедительного композиционного построения произведения, в конечном счете «укрупняются» имен-

но в эти два условия: жизненности и характерной мотивировки. Читая «Степь», менее всего можно отрицать жизненность обстоятельств, показанных в повести. Вот эти жизненные обстоятельства, лежащие в основе повести: типичная картина из жизни степной зоны России 80-х годов позапрошлого века; показана и жизнь природы: середина лета, и жизнь людей, связанных со степью, ее уездными городками. Даже промысел их чисто степной: торговля овечьей шерстью для Ив. Ивановича, Варламова, отчасти графини Браницкой (Драницкой), отца Христофора, оставившего на время духовные занятия и пустившегося в торговые спекуляции. И возчики обозов, и овечьи пастухи — все при своем обычном деле. Жизненна и обычна для времени, места, сословия и пр. история Егорушки, дворянского сына из уездного *N*. *Z*-ой губернии, отправленного бедной его матерью в другой, больший чем *N*, город для учения в гимназии.

Ничего удивительного нет и в появлении у костра обозчиков «счастливого Константина», несколько тургеневского персонажа, но оттого не менее жизненного и в 80-е годы. Да, здесь, пожалуй, и не могло быть иначе: слишком сильны были личные впечатления Чехова, когда писалась им повесть. В цитированных выше письмах к Григоровичу и Плещееву он сам об этом говорит. И пусть это были лишь впечатления детства и короткой «взрослой» поездки писателя. Каким-то таинственным путем сознание художника в творческой работе над образами памяти вызвало потребность создания именно такого произведения, причем идея обрела воплощение на скелете очень жизненных и действительных обстоятельств. *«Несомненно, что жизнь воздействует на личность художника сложными путями. Часто незначительные, на первый взгляд, явления оказывают сильнейшее влияние на писателя...»* — пишет М. Б. Храпченко.

«Жизненность» в таком понимании присуща вообще реалистическому произведению: *«...для реализма характерно, что процесс жизни предстает в его изображении в тех формах, в каких он протекает в самой реальной действительности. Это имеет определяющее значение и для композиционных форм реалистического произведения»* — а это мнение С. М. Петрова.

Трудно судить о жизненности обстоятельств теперь, отстоя от времени, описанного в «Степи», почти на полтора десятилетия. Однако ясное подтверждение мы находим еще в детстве, читая Гарина-Михайловского, Пришвина и Лескова, Григоровича, Тургенева, Эртеля... Во всех реалистических произведениях 70 — 80-х годов прошлого века найдем и оторванного от мамы маленького гимназиста Егорушку, торгового о. Христофора и бритого, скучного на чувства Ив. Ивановича, а особенно — фразы крестьян, пашущих и в отхожем промысле, босяков и бедолаг, изобилием которых всегда славилась крестьянская Русь. Композиция произведения основывается на жизненной правде.* Правда эта может сюжетно выражаться очень выпукло, подчеркнута (Горький, Серафимович, Андреев...), но может иметь форму типичного, повседневного, как это мы видим у Чехова. Но от этого соотношение композиционного построения и действительности изображенных обстоятельств не меняются.

И от того, кто из писателей строит композиционно произведение, на каком социодинамическом сечении, мы и определяем их как писателей остросюжетных и писателей, такого острого сюжета избегающих. Второе композиционное условие: мотивировка характерами. Ниже мы будем подробно говорить о композиционном аспекте характеров. Однако достоверность, убедительность и достижение ей назначенной цели, в конечном итоге, композиционного построения произведения невозможно без ее мотивировки характерами.

Так можно отметить образ и характер Дымова. Им мотивируется важный челове-

* Буало пишет: *«Невероятное растрогать неспособно. Пусть правда выглядит всегда правдоподобно».*

ческий и социальный конфликт «лишнего человека», бунтаря без идеи, как можно сказать. Это типаж всегдашней русской жизни, но особенно отдельных периодов истории страны; 80-е годы относятся к таким периодам. И, наконец, почему мы выделили именно *эти* два условия композиции? Ответом могут служить слова Гегеля: «...Поскольку произведение искусства представляет все формы **реального** явления, то единство, чтобы не нарушать живой отблеск действительного, само должно быть только **внутренней** нитью, связывающей все части с видимой непреднамеренностью в органическую целостность» (выд. Гегелем).

На фоне реальных, жизненных обстоятельств композиционная нить (внутренняя нить!) не грубо, дидактически должна выпирать, довлеть и учить, а именно «между строк», лишь своей организацией связывать все части произведения, все изгибы сюжета. А это предполагает и обратную связь: *композиция перерастает в характер, а характер в композицию*. Отсюда, нерасторжимый элемент есть мотивировка характерами. Из анализа «Степи» это выясняется как достоверное.

♦ *Композиционный принцип Чехова в «Степи»*. Под этим подразумеваем *авторский* способ построения композиции. А это, в свою очередь, применяемый автором способ, типизированный практической литературой, плюс его индивидуальные особенности в области композиции.

В «Степи» основное композиционное содержание есть художественное выражение взглядов и писателя-гражданина, и художника, тонко чувствующего натуру человека. Современная критика однозначно определяет центр «тяжести», основание композиции произведения: «*В центре творческого внимания Чехова находились иные явления действительности, иные жизненные проблемы... Писатель высмеивает косность, застой, невежество в тех разнообразных формах, в которых они существовали на рубеже двух веков. Косности и невежеству Чехов противопоставляет развитие культуры, знаний, прогресс человеческого общества. С этим тесно связана его поэтизация труда; в нем писатель видел не только средство преодоления застоя, но и живой источник возникновения новых человеческих ценностей*» (М. Б. Храпченко).

Художественное воплощение подобных воззрений Чехова на современную ему природу и состояние человеческой души и есть основной композиционный принцип Чехова. А индивидуальная особенность суть мягкие, иронические, «человеческие», говорим мы, интонации, сцены обнажения человеческой души в обыденных поступках. И отмечено, что этот человеческий принцип композиции зачастую дает контрастное — по отношению к самому содержанию рассказа, повествования — общее впечатление скрытого оптимизма.

«...Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни...» — отмечает Горький. Конкретно в «Степи» с основным композиционным принципом мы связываем и прием, использованный в повести, а также в ряде «детских» рассказов А. П. Чехова («Детвора», «Событие», «Дома», «Кухарка женится» и др.): показ социального и духовного среза жизни глазами ребенка, через фильтр детского восприятия. Известный литературовед Г. А. Бердников пишет: «...Все то мелкое, ненужное, оскорбительное для человека, к чему притерпелись взрослые люди, в чем они видят привычную и неизбежную форму жизни и отношений между людьми, становятся странным и ненатуральным для маленького человека». Как можно легко сообразить, вспоминая хотя бы собственное детство, этот фильтр детского воззрения на мир обладает способностью пропускать и откладывать на память, мышление, мысль только основные, четкие моменты жизни, но не пропускает затеняющие их и вторичные шумы: именно те, что взрослому человеку часто мешают видеть мир и его движение в главных моментах жизни.

Вот восприятие Егорушки: расставание со своим городом, где он, может быть, родился, вырос, расставание с остающейся одной матерью, и, как усиленный момент, его мысленное прощание с городским кладбищем, где лежат его бабушка, его отец...

А что ждет Егорушку впереди? Нечто неизвестное, тоскливое, неродное, пугающее. «А за кладбищем дымились кирпичные заводы. Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх. Небо над заводами и кладбищем было смугло, и большие тени от клубов дыма ползли по полю и через дорогу. В дыму около крыши двигались люди и лошади, покрытые красной пылью... За заводами кончался город и начиналось поле. Егорушка в последний раз оглянулся на город, припал лицом к локтю Дениски и горько заплакал...». Сама природа, степь воспринимается Егорушкой в едином, сиюминутном состоянии: она имеет свои оттенки, совпадающие с настроением мальчика, утром и вечером, в полдневный сухой зной и в полночь, в сухоту и в степную грозу. Попутчики Егорушки тоже в его глазах получают целостные характеристики: Иван Иванович — скуп, сердит, жестокосердечен, малоразговорчив; отец Христофор Сирийский — благодушествующий, поучающий, в натуре добрый человек. И подводчиков, и графиню, и Варламова, и «счастливого» Константина мальчик воспринимает под детски, по первому впечатлению, самому верному и общему.

Композиционный принцип очень близок к композиционному приему. Чехов сам определил композиционный прием в «Степи» (см. цит. из письма к Григоровичу). Егорушка связывает все повествование, делая произведение целостным. Без образа мальчика повесть во многом имела бы характер *контаминации*, соединения в одном произведении двух или более сюжетов.

Здесь четко расставил по местам Г. А. Бердников: «...Образ Егорушки в повести имеет прежде всего важное композиционное значение — он цементирует, объединяет воедино, казалось бы, весьма разрозненные сцены путевых впечатлений и наблюдений. Причем объединение это осуществляется единством взгляда на явления действительности и, в связи с этим, единством поэтического тона повествования. В основе этого взгляда лежит, как и в детских рассказах, непосредственное, наивное, но по-своему глубокое восприятие мира. И именно потому, что в этой наивности таится глубина непосредственного человеческого чувства, детское восприятие легко и просто выливается в авторское. Так прокладывается путь от наивных картин детского образного видения мира к высокой патетике или философской погруженности авторских лирических отступлений». Подтверждение сказанного выше о композиционных принципе и приемах.

О принципах и приемах композиции еще будет сказано дальше, но уже в тесной связи с характерами, их взаимоотношениями.

Когда-то и где-то было прекрасно сказано, что
«повесть есть эпизод из беспредельной поэмы
судеб человеческих».

(В. Г. Белинский)

Пусть гармоничное, изящное творенье
Богатством образов дарует наслажденье.

(Буало)

♦ *Характеры и конфликты* — вот «материальная» основа композиции. Характеры и композиция взаимосвязаны: характер переходит в композицию, а последняя в характер, как уже говорилось выше. Конфликт есть структурная основа произведения, динамический фон для вырисовывания характеров. Все остальные терминологические, «околокомпозиционные» понятия вторичны от триединой группы, поэтому их анализ ведется совокупно, в дополняющей и неразрывной соединенности. Ибо одиночный анализ их дает *rien de rien* (абсолютно ничего), как говорят французы. Характеры в повести; обычный анализ: характер раскрывается показом его взаимоотношений с другими характерами; явления и острые моменты жизни раскрываются

именно во взаимоотношениях характеров. А композиция есть художественное средство создания характеров и их взаимоотношений, то есть доказан логический инвариант характера и композиции. Егорушка — мы уже говорили — его образ, имеет большое композиционное назначение. Однако это не конструкция, схема. Как характер, он также играет свою и немалую роль. Здесь, если говорить о взаимопроникновениях характера и композиции, то скорее композиция порождает характер, чем наоборот. «Композиционный» Егорушка здесь первичен по сравнению с Егорушкой «характерным». Это произошло потому, что уже в авторском замысле мальчику отводилась роль композиционного связующего звена в повести. А характер его создавался как дополнение к его композиционному статусу. Но есть ли места в повести, в течении сюжета, где Егорушка, как характер, играет самостоятельную, неслужебную в композиции роль? Они есть. И это моменты, рисующие читателю образ мальчика восьми-девяти лет из бедной дворянской чиновничьей семьи. Эта характеристика дается в повествовании от лица мальчика (прощание с городом *N*, переживания после ссоры с Дымовым, болезнь, путевые впечатления), в его портрете. «...*В бричке находился еще один пассажир — мальчик лет девяти, с темным от загара и мокрым от слез лицом...*». То есть все же, читая повесть, мы воспринимаем Егорушку и как характер, со всеми присущими атрибутами создания его в художественном произведении, а не только как композиционное звено согласования картин и сцен.

Похожая мысль высказана и у Г. Бердникова: «...*Но авторский голос сливается здесь, как мы видим, не только с голосом Егорушки, но и с читательским восприятием. Мысли и чувства, с которыми мы знакомимся, могут быть присущи не только мальчику Егорушке и автору, но и всякому сохранившему человечность человеку*». Тем самым читатель уже обобщает, типизирует характер. Еще одно подтверждение самостоятельности его от композиции. Иначе и не могло быть, ибо тогда, чтобы полностью сделать образ мальчика «служебным» для композиционной связности повести, ему пришлось бы выдерживать этот персонаж в сугубо «скелетном», формальном присутствии. Но такой прием искусственен, малохудожественен, ибо при этом не соблюдается то, что называется *мерой*. Это важное, особенно для воспринимающего произведение читателя, понятие. Ибо, как говорил, несколько по другому поводу, но в том же смысле, Джордж Сантаяна: «*Мера — условие совершенства, ибо совершенство требует всепроникающего порядка: не только этого должно представлять перед нами в определенной форме, но и каждая часть этого целого в свою очередь должна иметь собственную форму; части же должны соответствовать друг другу подобно тому, как целое соответствует другим частям в рамках более общей структуры*».

Рассмотрим, наконец, третью грань отношения «характер-композиция»; а именно то, что по законам композиции любой характер раскрывается путем его показа во взаимоотношениях с прочими характерами, создаваемыми в произведении автором. Вот диалоги мальчика с дядей его, Ив. Ивановичем:

— *Хочешь вернуться?*— *спросил Кузьмичев.*

— *Хо... Хочу...*— *ответил Егорушка, всхлиывая.*

— *И вернулся бы. Все равно попусту едешь, за семь верст кисель хлебать...*

Из отношения дяди к своему племяннику, выраженному в разговорах с ним, а также в отзывах о мальчике в глаза и за глаза, в его поведении, в сценах, прямо относящихся к судьбе племянника («— *Хлопоты!* — *бормотал дядя.*— *Привязался ты ко мне, как репейник, и ну тебя совсем к богу! Вам ученье да благородство, а мне одна мука с вами...*»), вырисовываются черты образа: Егорушка — мальчик-полусирота теперь, где-то живет его вдовья чиновница-мать, существование ее и Егорушки во многом зависит от благодеяний скупого и черствого дяди и так далее. Из поучений о Христофора, правда, мало что можно узнать, ибо он говорлив и говорлив об общем. В его рассуждения о пользе образования мальчик может вставить лишь одно-два сло-

ва. Вот случайные, встреченные на пути люди: Мойсей Мойсеич и жена его с постоянного двора, Настасья Петровна, к которой определили Егорушку; из их речей еще более отчетливо вырисовывается тягостная сторона положения мальчика вдали от дома, среди чужих... С возчиками раскрываются уже другие черты мальчика, хотя и прежние тоже отмечаются. Особенно характеризуют его ссоры и стычки с Дымовым: здесь детская восприимчивость, обидчивость, непосредственность, нетерпимость к грубости, злобе, коварству: «...Он (Дымов — А. Я.) крепко держал Егорушку за ногу и уж поднял другую руку, чтобы схватить его за шею, но Егорушка с отвращением и со страхом, точно брезгуя и боясь, что силач его утопит, двинулся от него и проговорил:

— Дурак! Я тебе в морду дам!

Чувствуя, что этого недостаточно для выражения ненависти, он подумал и прибавил:

— Мерзавец! Сукин сын!».

Сравните: «Характеристики не есть лишь «подробное описание лица»; лицо характеризуется всегда **в определенном отношении**, т.е. подводится этим под известный **род, категорию лиц** и рассматривается с точки зрения ее требований, т.е. ее существенных признаков, которые предполагаются прочно установленными и известными» — А. Шалыгин. Дополнительный курс теории словесности, СПб, 1914.— Выд. А. Шалыгиным.

Еще один, уточняющий момент: характер создается во взаимоотношениях с другими характерами. А каков их «набор»? Очевидно, здесь автор исходит и из тонкостей отношения: композиция через характеры. Вопрос этот не схоластичен и не так прост. Как правило же, «сверхзадача» здесь состоит в том, чтобы «система образов в реалистическом произведении всегда представляла собой попытку воспроизвести отношения в семье, обществе, народе» (С. М. Петров).

В «Степи» такая попытка, и удачная, делается во «вспроизведении отношений» нескольких социальных групп: городское торговое мещанство (Ив. Иванович, трактирщик Мойсей Мойсеич), духовенство — о. Христофор, крупный промышленный торговый слой — Варламов, Драницкая с управляющим и пр. Но наиболее полно представлен пролетариат степи: возчики обоза. Их отношения характерно воссоздаются в диалогах, поступках, прямой речи, отношении к Егорушке, Константину, Варламову. Другие персонажи повести; их композиционное значение. Они разнолики и непохожи друг на друга и многих расхожих литературных прототипов.

♦ Уже говорилось выше, что персонажи «Степи» представлены группами. Группа первая и основная: возчики обоза. Это люди — неудачники в жизни, кто оказался в самом темном ее углу, исправляя тяжелую работу, то ли в результате несчастья (певчий Емельян), то ли «душевной тоски» — Дымов, беспристрастный Пантелей, больной от работы на спичечной фабрике Вася. Выписаны они сурово, реалистично, без идеализации «вольной в степи» жизни, полусвободного промысла, семейной несвязанности и пр. Судьба их трагична, жизнь печальна и тяжела; они тянут свою лямку, а живут только воспоминаниями о былом, счастливом начале своей жизни или святочно-разбойничьими рассказами Пантелея, или доброй завистью к людям вроде «счастливого Константина». Нечего и говорить, что возчики не просто дети несчастья от рождения. Каждый из них наделен сильными, «недюжинными» качествами, при ином повороте их жизни сослужившими бы им добрую службу: Емельян был хорошим певцом, Дымов — красив, могуч, он человек сильной воли, бунтарь; особое, острое видение мира у Васи, может, имевшего в зародыше художественный талант; многое повидал в жизни и Пантелей.

Группа вторая: Егорушка, его дядя, о. Христофор и Дениска.

Третья группа: таинственный Варламов, что «кружит» по степи, графиня Драницкая. Случайны в повести детали их характеристик, случайны их встречи с Его-

рушкой. Это тот таинственный для мальчика мир, и пока ему рано глубже и подробнее всматриваться в него. Это полубоги мира, а Егорушка еще слишком мал и неразумен, чтобы правильно, хотя бы в общих чертах, понять суть их жизни. Таково авторское развитие этой композиционной темы. И, наконец, еще группа — еврейская семья содержателей постоянного двора, точнее, два характера, написанных антитезно: Мойсей Мойсеич и Соломон. Первый — типичный мелкий торговец из евреев, услужливый и подобострастный, разумеется безо всякого собственного «я» (на людях, конечно), без малейших понятий о гордости, национальном достоинстве и пр. Словом, это типаж, обычный и для своего времени, и для литературы того времени. То, что Чехов не случайно ввел его в повесть, мы узнаем из его письма к Григоровичу (цит. выше*), где он пишет, что изображает в повести *«равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов...»*.

Его антипод — брат его Соломон, персонаж очень новый для русской литературы прошлого века. Сложно отыскать хотя бы отдаленного его аналога. Соломон — резко протестующая натура, точнее, нетерпимо протестующая против современного ему бытия людей, их интересов, дел, чувств. Он глубоко презирает мнимые фетиши, ценности людского мира. Брат его рассказывает заезжим: *«...Ночью он не спит и все думает, думает, думает, а о чем он думает, бог его знает. Подойдешь к нему ночью, а он сердится и смеется. Он и меня не любит... И ничего он не хочет! Папаша, когда помирал, оставил ему и мне по шести тысяч рублей. Я купил себе постоянный двор, женился и таперичка деточек имею, а он спалил свои деньги в печке...»*. В то же время Соломон есть личность комическая, жалкая, ибо его протест слишком абсолютен, а потому где-то переходит в волюнтаристский нигилизм, что оборачивается против него же самого отчуждением. Впрочем, если этот персонаж нетипичен для среды российских евреев конца XIX века, то, усредняя национальные признаки, можно сказать, что на Руси всегда таких людей хватало. Может и в Соломоне произошла «переоценка ценностей», приведшая к исчезновению тысячелетиями воспитываемой в еврейской среде бережливости, скрытности мыслей и суждений, практической хитрости и пр., именно под воздействием русского духа отрицания, скепсиса и презрения к накоплению, что мы ощущаем хотя бы в среде тех же степных возчиков? Может, это композиционный прием?!

Как и в композиционном построении, архитектонике повести, представляющей собою дробление на отдельные сцены с полусамостоятельными сюжетами, так и в композиционном соотношении характеров эти самые характеры представлены погруппно, как для поддержки линии сюжетного движения, так и для усиления типизации, также для усиления композиционного закона «взаимозакрытия характеров». Причем все характеры «Степи», даже, наконец, и Соломон, типичные: хотя в повесть можно было более полно ввести того же Варламова, Драницкую; тем не менее Чехов ограничил число персонажей, ибо *«отбор лежит в основе искусства, но отбор типического, представительного»*, как сказал Генри Джеймс.

♦ Наконец, введем третью составную часть композиционного единства: конфликт. Мы о нем уже говорили выше, утверждая, что конфликт есть структурная основа произведения, естественно, в определенном художественном выражении конфликта. Вопрос о степени и градации конфликтов, ведь мельчайшее движение сюжета насыщено «мини-конфликтами», но чаще всего эти конфликты суть вариационные, стохастические колебания человеческих отношений. Белинский в «Разделении поэзии на роды и виды» писал, что *«ежедневная жизнь хотя и имеет своим последним основанием вечные субстанциальные силы, но в своем проявлении случайна и подавлена внешностями, лишенными всякой значимости»*. При анализе композиции

* В книге Г. Бердникова «А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания», М.— Л., ГИХЛ, 1961, эта же цитата приведена с пропуском слова «жидов».

следует принимать во внимание не массу этих случайно-закономерных конфликтов, но конфликты, задуманные автором как композиционно-сюжетная основа произведения.

Обобщающий конфликт в «Степи» — «драма народной жизни» — Белинский. И больше тут добавить что-либо трудно. Общий конфликт распадается в параллелях на детскую, но от того не менее грустную и жестокую, драму Егорушки, отзвук — трагические судьбы возчиков, душевная черствость Ив. Ивановича, бездумность отца Христофора Сирийского, судьба Варламова: и хозяина, и раба своей деловой жизни. Большие задатки, грядущий простор — и все это гибнет, расплывается, исчезает на бескрайней степи. Гибнут попусту, без выхода, без пользы силы, души, надежды, творческая зоркость. Опять вспомним ту чеховскую импрессионистскую манеру письма: мы замечаем эту рассредоточенность, распараллеливание (символ импресии) общего на частности, вырождение и показ общего конфликта на драмах людей, природы, каждого деревца и ребенка. Здесь импрессионизм Чехова уже полностью выступает как индивидуальный прием композиции. Но все в рамках характерного произведения критического реализма, где композиция определена следующим образом: *«Выбор темы и сюжета определяется прежде всего идейным замыслом писателя, его отношением к действительности, к проблемам жизни, пониманием вопросов и задач его развития. Поэтому и выбор композиции связан с идейным замыслом произведения. Но так же как в разработке характера и в изображении судьбы человека писатель-реалист руководствуется объективным движением жизни, так и в изображении самого этого движения он связан его закономерностями. Что такое композиция по отношению к сюжету? Это разворачивание сюжета во времени и пространстве. В движении сюжета... отражается развитие самой жизни»* — дает такое определение С. М. Петров.

Мы выделили этот вопрос о тональности и параллели в природе в композиции «Степи» потому, что природа, как и образ Егорушки, есть связующее в композиционном отношении звено. А в чисто художественно-описательном едва ли не главное. Идея художественной доминанты природы заложена Чеховым в самом названии повести. На фоне меняющихся состояний природы, степи происходят события сюжета, раскрываются характеры, наблюдает жизнь степи и людей в ней мальчик Егорушка. Утренняя природа степи: *«Между тем перед глазами ехавших расстилась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали: едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...»*. Но вот унылая полдневная картина: *«Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава повисла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...»*.

После полудня Егорушка видит все то же: равнину и холмы, холмы и опять лиловую даль. Но вот солнце уже одолевает дневной свой переход: *«...Солнце стало спускаться к западу, степь, холмы не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго...»*. И далее описание вечернего оживления жизни в степи: знаменитое описание в конце второй главы борьбы стихий природы и степи.

Но вот когда стихия побеждает скуку и размеренность июльской степи: *«Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес... Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем; тотчас же опять загредел гром; едва он*

умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали...». Степной грозой и кончается описание степи во всех ее состояниях. Грозе композиционно (конфликту в природе) соответствует болезнь Егорушки, кульминация его невеселой в общем-то поездки.

♦ Итак, природа степи и люди в ней. Композиционная параллель степи и людей выполняется на протяжении всей повести. И как в сюжетном плане у людей разыгрывается жизненная народная драма, так и судьба степи — трагическая судьба, она борется со стихиями: солнцем, ветром, засухой. И как в человеческом плане борьба окончена поражением, так и степь побеждена. Вот идея, суть композиционного приема отождествления степи и людей. Как у людей продолжится скучная и нелепая обыденность (возчикам до смерти ходить за обозом, Варламову «кружиться», Егорушке жить тяжело у чужих людей), так и в природе все будет изо дня в день повторяться. Исследователи творчества Чехова, тот же цитированный выше неоднократно Г. Бердников, именно в этом противопоставлении ищут естественно-социальный контекст: как степь не может жить вне законов довлеющих природы, так и люди подчиняются законам своего «общественного договора», выражаясь в терминологии Руссо. Опять мы приходим к сущности идейно-композиционного замысла «Степи».

И еще один момент: *«Величие природы или нации выглядело бы чудовищно, если бы ему не соответствовали величие и мудрость духа граждан»*, — писал Уолт Уитмен, а его соотечественник Хеплин Гарленд высказывал схожую мысль: *«...Быть верным своей стране, тем местам и людям, которых мы любим, любим просто, по-человечески, не стараясь ни опускаться, ни поднимать себя до них... Местный колорит в искусстве, очевидно, является источником жизненной силы литературы»*. В «Степи» потенциальному величию Руси соответствует бескрайняя, хотя и с подавленным природою «бунтом» степь, великая, в пол-Европы. «Местный колорит» и любовь к людям, как они есть, — лейтмотив повести Чехова. Ассоциативный показ человека и природы рождает в «Степи» особую тональность, гармонию событийных и стилевых моментов. А эта гармония немаловажна, ибо *«гармония стиля и содержания — необходимое условие художественности. Как лицо есть зеркало души, так точно стиль, архитектура художественного произведения является зеркалом его содержания»* — В. Переверзев «Творчество Достоевского», М. — Л., 1928.

Сам стиль глубоко индивидуален у Чехова в «Степи», и эта индивидуальность в повести сильно выпукла: немалая заслуга в этом принадлежит умелой композиции в части использования явлений и показа природы для усиления эмоциональной обрисовки характеров. При этом стиль Чехова, тот, что замечен ярко в «Степи», — продукт, разумеется и во-первых, его индивидуального таланта, но тут же четко сказывается традиция великой русской литературы XIX века. М. Б. Храпченко отмечает особо, что стиль Чехова впитал в себя тургеневские традиции плюс неослабленное временем, не заостренное, а живое поэтическое мироощущение Пушкина. Тональность продуктивно связана в повести со стилевыми особенностями письма Чехова. Тот же Храпченко, говоря о тональности «Степи», отмечает: *«Основной тон не только не исключает, а предполагает существование в литературном произведении различных тональностей, которые передают богатство эмоциональных ракурсов в освещении как разных, так и одних и тех же явлений, сторон объекта творчества. Талантливое художественное произведение, отражающее большие жизненные проблемы, раскрывающее глубокие идеи и образы, отличается обычно сложной интонационной дифференциацией, в которой вместе с тем нередко осязательны определенные звенья»*. В «Степи» общая тональность «степь — люди — драма» гармонически составляется из тональностей дифференцированных сцен и персонажных взаимоотношений повести.

При работе над композиционным анализом «Степи» мы помнили, что эта по-

весть — раннее произведение Чехова: яркий язык лирической прозы, косвенная постановка социальных вопросов (это в бурные 80-е годы!), — все напоминает об этом. Но обычно узнаешь о том, что это произведение создано в начальный, в конце его, правда, период творчества Чехова — из послесловия. Ибо композиционная разработанность и сложность самой сюжетно-композиционной организации, гармония стиля и содержания отнюдь не указывает на то, что «Степь» есть пробное, в «среднем» жанре, произведение писателя. И главное, полное отсутствие идеализации и грубой схемы. А от этого бича даже значительный талант излечивается долго. Вспоминается ярко гротескный образ графомана Александра Рыскова из арцыбашевской «У последней черты» с его знаменитой школьной тетрадкой с заголовком: «Любовь. Рассказ Александра Рыскова» — с его суперидеализацией, хотя, впрочем, и имеющей свои объяснения. С другой стороны, Чехов вложил в «Степь», как любой почти писатель в свое дебютное произведение, много вдохновения, сил и творческого материала. В композиции (опять же — дебютное произведение!) это отразилось некоторым несоблюдением нормы: неэкономическим расходом композиционных приемов — результат молодости, таланта и подстегивающего вдохновения.

В целом, композиция «Степи» глубоко индивидуальна, ясна, хотя и подана в сложной связи литературных приемов, потому она и входит во все литературоведческие хрестоматии:

*В любой поэме есть особые черты,
Печать лишь ей одной присущей красоты...*
(Буало)

При анализе композиции «Степи» мы избегали терминологии соответствующих разделов психологии бессознательного. Очевидно, это не помешало, в то же время не создавая эффекта навязчивого упоминания терминов, выразить требуемую мысль, что композиция художественного произведения во многом (во многом определяющим) есть результат наложения на активную доминанту творческого процесса фиксированных установок — следов в подсознании предшествовавшего художественного опыта писателя. Тот же момент, что для анализа было взято раннее произведение Чехова, позволяет четко констатировать, что здесь фиксированные установки еще не «перебиваются» художественной инерцией.

♦ Наблюдательный читатель (эх, где они и существуют ли сейчас вообще в природе!*) отметил, что уже во второй «Колонке» (первая в № 4, 2019 «ПЗ») мы касаемся композиционных особенностей А. П. Чехова. И если в первой из них речь шла о повести «Три года», как характерном образце сведения первоначально задуманного романа к менее крупному жанру (сам Чехов при первой публикации в «Русской мысли», 1895 поставил подзаголовок «рассказ»...), то в отношении «Степи» литературоведы никогда, пока существует таковая профессия, не придут к единому мнению: удалась/не удалась ли Чехову «Степь» с отнесением по жанру повести? И вовсе обобщающий вопрос: дарован ли был Антону Павловичу дар крупножанрового писателя? ...Впрочем, с такими категорически поставленными вопросами в итоге можно прийти и до капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

...Вспоминаются и годы учебы в Литературном институте, в особенности неформальные «семинары» в нашем великолепном общежитии с видом из окон на Останкинскую телебашню. Наскучившись злословить по адресу удачливых в части публикаций и лауреатств писателей, а особенно молодой еще поросли «поэтов-трибунов»,

* За всех не поручусь, но одного точно могу назвать: наш постоянный автор (и читатель!) Александр Шерсттюк из подмосковного Зеленограда...

переходили к русской классике. И с пугающей обреченностью, ближе к полуночному, отбойному на сон грядущий часу, уныло глядя на пустое доньшко последней за вечер бутылки ординарного портвешка (нынешние тысячерублевые порошковые «вина» с наугад наклеенными «иностранными» ярлыками — «губернская мадера» из той же классики — в подметки ему не годятся...), кто-то резонерски озвучит: «...А все-таки «Степь» Чехову не удалась!»

Удалась, не удалась — свое мнение мы выше сказали с достаточной обоснованностью. Опять же на наш взгляд. Причем акцент был поставлен именно на *художественном опыте*, как предтече и движителе композиционного мастерства. А сверхзадача, как принято говорить в литературо- и театроведении, публикации настоящей «Колонки» суть участие нашего журнала во всероссийском литературном процессе в той его ипостаси, что в прежние времена именовали *литературной учебой*. Литинститут же в лучшие годы и журнал с таким названием издавал. Увы, те самые лучшие времена канули в речку Лету. А ведь писателю следует учиться мастерству всю свою творческую жизнь. Опять же на памяти сравнение. Если в конце восьмидесятых годов, когда вступал в Союз писателей СССР, в Тульской писательской организации (в других по стране — то же самое) если не каждый второй, но уж точно каждый третий имел за плечами Литинститут или Высшие литературные курсы при оном, то за последние (постсоветские) тридцать лет не единого такового вновь не обрелось! Грустно, девушки, грустно...

Вот и мы, впрочем, безо всякой надежды на успех восприятия кем-либо (кроме, конечно, А. А. Шерстюка, но тот и сам литературно грамотный), все пытаемся подвинуть наших добрых авторов к известному ленинскому лозунгу о пользе учения. Композиция же, мастерство оперирования ее писаными и интуитивно воспринимаемыми законами и правилами — есть даже больше чем половина, скорее две трети (плюс творческое мышление образами), успеха создаваемого произведения. Ибо она, продуманная композиция, есть не *lex arbitraria* (произвольно установленный закон, лат.), но творческий симбиоз личностного художественного опыта и веками, даже двумя-тремя тысячелетиями эпохи цивилизации и культуры, выработанной когнитивности творческого же мышления. Даже в произведениях писателей, тяготеющих к художественному методу *потока сознания*, казалось бы, самых яростных отрицателей законов и правил композиции, самого понятия таковой, при внимательном прочтении — анализе мы найдем, как в «Поисках утраченного времени» Марселя Пруста и в «Улиссе» Джойса, *высшее воплощение* композиционной организации, а именно: отображение в творческом мышлении всей человеческой жизни — от субъективного опыта к художественному осмыслению и перенесению своего *Я* на объективацию мира реального.

...Учитесь, граждане литераторы, и будет вам счастье творческого познания этого, хотя бы, не лучшего из миров.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Вячеслав Алтунин
(г. Тула)

ТОСКА
глава из романа «Уход»

Окончил Казанский государственный университет. Печатался в газете «За коммунизм», публиковался во всероссийском ордена Г. Р. Державина литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», литературном альманахе тульских писателей «Иван-Озеро». Лауреат Тургеневской премии Союза писателей России, дипломант конкурса «Потенциал России» (ЦФО). Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

«Я ухожу к неведомым селеньям»...
Данте Алигьери

«Чего мне ждать? Тоска! Тоска!»
«Евгений Онегин»

Это собрание...

О-о-о! Это собрание! Ужас, ужас... Тихий ужас! Чехов прав: «Так жить нельзя. Надо застрелиться!» Пушкин, «Скупой рыцарь»: «Проклятое житье!» Блок: «Живи еще хоть четверть века,— все будет так. Исхода нет»...

Ужель и вправду исхода нет, и он обречен сгнить духовно и физически в этих буднях?

Петр Филиппович Кутьин, 63-летний писатель, пришел в крайне растрепанных чувствах с писательского собрания в свою малометражную квартиру на седьмом этаже панельной девятиэтажки в одном из спальных районов областного города и, как был, в куртке и ботинках завалился на диван да и замер, тупо и тоскливо уставившись в потолок, оклеенный пожелтевшими от времени и кое-где уже отвалившимися обоями.

— Сил моих больше нет! — злобно прошептал он, швырнул кожаную кепку в угол и закрыл глаза, словно пытаясь забыться сном. Но какой уж тут сон?! После каждого такого собрания он отходил дня три, не меньше, а нынешнее достало его почему-то больше всех других.

Собрание регионального отделения Союза писателей России, столь расстроившее моего героя, закончилось часа полтора назад. И расстраиваться-то, собственно говоря, было ну совсем не из-за чего. Что там было-то? Да ничего особенного. Все как всегда. Но именно эта обычность, рутинность без всякого просвета и напрягла душу, и стала каплей, переполнившей чашу его терпения.

В выступлении председателя отделения Сергея Ивановича Кукушкина, худощавого, узкоплечего, невысокого человечка с большим острым, напоминающим птичий клюв, носом и бесцветными глубоко посаженными глазками, не было ни одной хорошей новости. Сплошь негатив. Финансы поют романсы. Нынешнее помещение, красивый старинный особняк в центре города придется освободить и переезжать невесть куда, чуть ли не на окраину. Единственный журнал писательской организации влечит жалкое существование и вот-вот закроется. Об издании книг не может быть и речи опять-таки по недостатку финансирования. Деньги, деньги, деньги! Всюду деньги, черт бы их побрал! Вот он и побрал. А кто же? Без него не обошлось, уж это точно!

В перерыве много говорили о последовавшей недавно смерти писателя Игоря Арясьева. Его нашли мертвым в небольшом деревянном старом доме на одной из окраинных улиц областного центра. Игорь Васильевич лежал на кровати, грязной и растерзанной, сбитой. На его теле уже ясно показались следы тления. Видимо, смерть произошла несколько дней назад. В крови было обнаружено большое количество алкоголя. В медицинском заключении написали: «Внезапная остановка сердца. Алкоголизм».

Говорили о тяжелом психическом заболевании писателя, когда-то очень известного не только в области, но и на всю страну — СССР. Страна исчезла, и он исчез. В старой, порванной картонной коробке были обнаружены его рукописи и заметки, сделанные таким неряшливым, неразборчивым почерком и находившиеся в таком беспорядке, что никто не стал разбирать их, а передали коробку Кутьину, который был наиболее близок к Арясьеву, одно время дружил с ним. Кутьин тоже сразу эти материалы разбирать не стал, а поставил коробку до времени под свой письменный стол.

Много позже, разбирая переданные предсмертные записи Арясьева, Кутьин прочтет это и многое другое и поймет, хотя и не сразу, причину его ухода. Слом, трагический слом наступил в его душе, как и в душах многих творческих людей, после гибели той страны, в которой он жил, сформировался как личность, которую любил и воспевал в своих романах и повестях. Не стало страны, кончилась она, как в свое время Российская империя, за неделю, и жизнь кончилась. Не о чем стало писать, некого славить. Гнать чернуху и порнуху? Писать детективы и эротику? Ну уж нет! Как-то незадолго до смерти Игорь сказал: «Я, конечно, проститутка, но не до такой же степени!»

Писательский труд в одночасье обесценился, слово утратило (так казалось многим писателям) свой смысл и значение. А встроиться в новую реальность многие, в том числе и Игорь, не смогли да и не захотели. По России прокатилась волна самоубийств, и люди творческие сводили счеты с жизнью чаще других, потому что были наименее защищенными и наименее приспособленными к превратностям нового бытия. Чужой, враждебной стала жизнь, и лучше всего состояние писателей, художников, музыкантов выражали слова поэта Батюшкова: «Стихи закончились, и я не знаю, что мне делать далее в этой жизни». Батюшков в итоге сошел с ума.

А в наше время творческие люди сводили счеты с жизнью. Самоубийства Юлии Друниной, Ники Турбиной, духовное самосожжение Высоцкого, Рождественского, великого композитора Георгия Свиридова и многих других... Хотелось бы написать: всколыхнули всю страну. Но нет, не всколыхнули, прошли почти незамеченными. Люди гнались за деньгами, думали о том, как выжить в новой реальности, и им было

не до музыки, полотен и стихов. Это равнодушие, «окамененное нечувствие», как прекрасно определяет такое состояние душ Церковь, убивало сильнее пуль, петли или яда.

Арясьев выбрал самый долгий и мучительный способ самоубийства — алкоголизм. В последнее время пил он не просто много, а очень много, как говорили, ему не хватало на день трех бутылок водки. Но на выпивку нужны деньги. Денег не было. И он распродал все: мебель, столовый сервиз, серебряные ложки, ножи и вилки, продал старое, уникальное пианино, причем за бесценок. Продал почти все, оставив стол, два старых стула, платяной шкаф и продавленный, рваный диван, на котором спал и на котором умер.

Такой же «запойный характер» носила и его творческая работа. Когда на него «находило», он запирался ото всех и писал, писал, писал. До изнеможения, днем и ночью, забывая о еде и сне. Он питался в эти дни только черным хлебом да крепчайшим чаем. А когда муза отпускала его, выходил на свет Божий небритый, похудевший, с блестящими диковатыми глазами. «Кажись, получилось что-то», — говорил он коллегам-писателям. Но получалось не «что-то», а нечто весьма интересное и талантливое. Игорь не был поэтом, он писал прозу, но какую! Лучшие ее образцы не уступали высокой поэзии.

«Вечер умирал... Плавно, отрешенно, как сомнамбула, шла по пустынному полю огромная рыжая луна осени»...

«Ранным утром, выйдя в сад, я услышал шорох тумана»...

«Весь день на стылом ветру звенели, динькали льдинки на ветках»...

Его взлет, пришедшийся на 70-е годы прошлого века, был ярким и стремительным. Тогда еще не закончилось в нашей литературе время чудес, еще можно было уснуть никому не известным, а проснуться знаменитым на весь Союз. Так и случилось с 25-летним журналистом областной газеты Игорем Арясьевым, опубликовавшим в журнале «Юность» свою повесть «Каменотес» — волнующее повествование о том, как сельский кузнец своими силами, без всякой помощи, поставил памятник своим односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это было в духе тогдашнего времени с его патриотическим пафосом, доходившим иногда до высокой патетики, а иногда — до демагогического пустозвонства. Вот такие были две крайности, два полюса. У Игоря получилось первое, то есть патриотизм и патетика, получилось ярко и талантливо. И понравилось, и пошло. О «Каменотесе» хорошо отозвались Солоухин, Астафьев и Полевой. На Арясьева стали все чаще указывать как на одного из талантливейших молодых писателей, рожденных советской эпохой. По его повести был снят фильм, ее инсценировали три московских театра. Словом, это была настоящая слава.

Арясьева наперебой приглашали на разного рода творческие семинары, встречи, коих в ту пору проводилось великое множество. У него часто брали интервью газетчики и тележурналисты, и он, ощущая себя хоть и молодым, но все же уже почти классиком, поучал, изрекал истины, морализировал.

Он быстро ухватил то, что называется духом времени, сразу и хорошо понял, чего от него хотят, и давал именно то самое, в образной огранке. В свое время так же служил власти Алексей Толстой, да и не он один. Арясьев, конечно, был далеко не Толстой, но принцип служения был тот же: ухватить, уяснить, что нужно, и это самое, как на блюдечке с голубой каемочкой выложить в своих «алмазных строках». Нужны производственные романы? Пожалуйста! И он писал о металлургах, оружейниках, химиках. Село? С нашим удовольствием! Вот роман о председателе — новаторе, борющемся за новые севообороты и современную технику. БАМ? Натев вам! Он едет на БАМ и пишет повесть «Зеленое море тайги» о строителях магистра-

ли. Там есть все, что положено: конфликты, стройка, любовь. И все в том духе и в той идеологической направленности, как положено: и руководящая роль партии, и комсомольский задор и почин. Патриотика, преемственность поколений? А вот вам роман «Сыновья» о трех поколениях рабочей семьи. И так далее, и тому подобное. Уже утратил он то, что было у него в «Каменотесе», повести действительно талантливой и яркой, живое, образное, за душу берущее начало, а стал ловким, умелым конъюнктурщиком, который может написать что угодно и о чем угодно, лишь бы это издавалось и продавалось! Он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, ему в высоких литературных кругах уже прозрачно намекали на Государственную. Нужен был роман о целинниках. Он оформил командировку на целину, в Казахстан, поехал, собрал большой материал. Но что-то у него с этим романом пошло не так. Ну не получался он и все! Не складывался. А потом умер Брежнев, и тема целины стала как бы уже и не такой нужной, не такой актуальной. А там и вовсе развалился Союз, настала другая жизнь, в которой в гробу все видали и целину, и космос, и Малую Землю, и все, чем гордились в советское время.

Этого он уже не выдержал. Тело, и мозг и душа, стали давать все более явственные сбои. Накопилась усталость, то болезненное напряжение, которое приводит к быстрой растрате физических и творческих сил. Навалилась глубокая депрессия. Раньше (уж Кутьин-то это хорошо знал!) Арясьев почти не пил, а так, пригубливал и ставил. А теперь он стал все чаще и все в больших дозах употреблять крепкий алкоголь: сначала коньяк и виски, а потом, когда денег на дорогие напитки не стало, — водку и дешевый портвейн. В последнее время Петр иногда встречал его на улицах, на остановках. От прежнего элегантного, уверенного в себе, вальяжного Игоря Арясьева ничего не осталось. То была бледная тень его. Когда-то полноватый, он теперь иссох и превратился едва ли не в мумию. Карие глаза, еще не так давно глубокие и выразительные, ввалились и потухли. Света не стало в них. Вместо элегантности в одежде появилась неряшливость. Он зимой и летом ходил в старой, затертой куртке, стоптанных ботинках и какой-то неопределенного цвета и фасона шапочке. Ни с кем не общался, жил один, шатался по закусочным и пивнушкам, приставал к компаниям выпивох, выпрашивая пива и немного водки. Его не гнали, угощали, его уже знали в этих заведениях и даже называли «писателем». Он был вроде дурачка, блаженного. «А писатель не заходил?» — «Не-а». — «Ну зайдет! Вот клоун-то!» — А он и действительно превратился в своего рода клоуна, потешал публику разными рассказами, анекдотами, а то и стихами. Хохотали над ним до упаду. И просили-приказывали: «А ну, писатель, сказани еще чего-нибудь!» — «Горло бы промочить надо!» — прозрачно намекал Игорь. «Да нет проблем! Налейте ему. Пей, писатель! Уж больно потешно ты врешь!»

Писал ли он что-нибудь? В последнее время точно — нет. Где ж писать в постоянном алкогольном угаре? Говорят, талант, мол, не пропьешь. Вранье! Именно талант и пропивается в первую очередь. Мозг атрофируется, душа скукоживается и становится почти бесчувственной ко всему, кроме алкоголя, а потом и его уже не чувствует, и требуются все возрастающие дозы, чтобы хоть как-то расшевелить ее. Но и они вскоре перестают работать, и тогда наступает смерть, сперва духовная, затем и физическая. Тот, кого в последнее время в редких встречах видел Кутьин, уже не был его другом, писателем Игорем Арясьевым, еще недавно известным на всю страну, лауреатом премии Ленинского комсомола и одним из наиболее вероятных кандидатов на Государственную премию. Это был ходячий мертвец с потухшими глазами, иссохшим и увядшим телом и тяжелым шумным дыханием. Во время одной из встреч он уговорил-таки Петра зайти с ним в закусочную. «Угости друга-то на-

последок», — горько улыбнувшись, попросил он. И это «напоследок», упоминание о дружбе, когда-то действительно бывшей между ними, и весь его жалкий, опущенный вид горько и щемяще отозвались в душе Кутына, и ему стало до слез жалко Игоря. Захотелось обнять его, сказать ему какие-то теплые, хорошие слова.

— Игорь, Игорь, — произнес Кутын тихо, — что с тобой случилось? Как это все могло произойти?

— А! — махнул рукой Арясьев. — Что теперь говорить? Кончено, брат! Помнишь, как у Пушкина-то? «Пришла худая череда. Зашибло!»... Ах, как точно! Ну, пойдем, что ли?

— Ладно. Пойдем.

— Вот и хорошо! Вот славно! — оживился и повеселел вдруг Арясьев. — Ты, Петь, ты всегда мне был настоящим другом. Потому что... Потому что ты можешь понять... Понять потребность творческого человека!

Он умолк, видимо, поняв, что зарাপортовался и потерял нить своей путаной мысли. Зашли в закусочную, довольно чистую, приличную. Петр заказал графин водки и закуску: два мясных салата, два бокала томатного соку. Он видел, как у Арясьева, от многодневного запоя, дрожали руки и нижняя челюсть.

— Ну, давай, — сказал Игорь, — за упокой души русского писателя Игоря Арясьева. — И криво ухмыльнулся.

— Прекрати! — прервал его Кутын, которому от этих слов стало не по себе. — Прекрати! Ну и юмор у тебя! Раньше ты шутил гораздо тоньше и остроумней.

— Так то раньше, — вздохнул Арясьев. — То раньше. Раньше все было. А теперь. Та жизнь рухнула, и во мне что-то сломалось. Сломалось. И не склеишь. Помнишь, что Батюшков сказал в минуту просветления? Он уже сумасшедший был... «Я, — говорит, — похож на человека, который нес на голове сосуд, чем-то наполненный. Сосуд упал и разбился. Поди теперь узнай, что в нем было: драгоценное вино или простая вода?» — Вот так и я.

Это была последняя разумная мысль, которую услышал на этой земле Кутын из уст своего друга, теперь уже бывшего. Далее Арясьев быстро захмелел, как и все алкоголики, стал хвастать, размахивать руками, говорить громко, даже неприлично громко, требовать еще водки. Кутын сказал, что пить с ним больше не будет.

— Брезгуешь, — скривился Игорь. — Правильно делаешь. Я кто теперь? Бомж! Клоун! Ладно, черт с тобой. По былой дружбе прошу: дай тысячу!

Кутын понимал, что если он даст, то Арясьев тут же эти и пропьет, но отказать почему-то не смог и дал. Дал и стал прощаться.

— Ну, пока, Игорек, до свиданья. Мне еще по делам...

— Прощай, — слабо махнул Арясьев.

Кутын отошел и оглянулся. Одинокая, жалкая, склоненная над стаканом с водкой фигура Арясьева навсегда врезалась в его память и поранила душу до крови, до слез.

Он шел по улице. Был ненастный, ветреный день. И слезы, самопроизвольно, помимо его воли текущие по лицу, мешались с каплями дождя. «Господи, Господи! — думал Кутын. — И с таким умом и талантом, с таким тонким чувством слова и природы так упасть, разбиться и смешаться с грязью! Превратиться в совершенное ничтожество. Почему? Как? Видимо, потому, что Бог не сковывает человека, оставляя ему свободу воли, свободу выбора: жить или умереть, взлететь или пасть. А если человек, как вот тот же Арясьев, не знает Бога и никогда не знал? («Какой там Бог? — как-то сказал Игорь еще в расцвете своей славы и творческих сил. — Какой Бог? Наши космонавты его не видели!») Он ошибался. Все видели наши космонавты: и Бога, и Ангелов, и демонов. Только предпочитали в силу известных причин помалкивать об этом, кое-что (далеко не все) стало известно лишь совсем недавно.

Так вот: если человек не знает Бога, он становится слугой сатаны, попадает под власть бесов. Многие, даже великие, погибли так, начиная с Гоголя и Льва Толстого до Есенина, Маяковского, Рубцова и Высоцкого. Иным удалось выбраться уже у смертной черты, а другие так и ушли в область ада.

Больше они с Арясьевым не увиделись. И вот теперь — известие о его смерти. Оно не слишком поразило ни Кутьина, ни кого-либо из писателей. Смерть была ожидаемой. И на миг все словно заглянуло в черную бездну. И в ужасе отпрянуло. И еще сильнее и глубже занялись текущими, обыденными делами, чтобы заглушить это тяжелое воспоминание.

Арясьева почтили вставанием и минутой молчания, как это водится, а дальше все пошло по наезженной колее, словно ничего и не произошло особенного. Кутьин хотел выступить, сказать живое, пронизанное болью слово, но, поглядев в эти холодные, усталые глаза своих коллег-писателей, понял: некому тут говорить, не к кому обращаться. Сиди и молчи.

Потом как всегда скандально выступил извечный возмутитель спокойствия высокий, худой, остроглазый и остроносый поэт Семен Камышин, уличавший руководство отделения в присвоении бюджетных денег и отсутствии конкретной заботы о членах Союза. С ним схлестнулся лысый и низенький прозаик Владимир Николаевич Сметанин, назвавший Камышина «ядовитым пустозвоном», на что Семен крикнул: «А ты, Володь, бездарность!» Сметанин кинулся было драться. Их едва растащили. Потом уже один и писателей не без остроумия сострил: «Шумел Камышин, мы все гнулись, а ночка темная была!»

Затем возник очень интересный, волнующий многих вопрос: а куда это деваются бюджетные деньги, выделяемые региональному писательскому отделению на издательскую деятельность? 600 тысяч в год хоть и невеликая сумма, но все же, все же... Выяснилось, что тайна сия велика есть и едва ли не подобна загадке НЛО или египетских пирамид. Однако ж эту тайну поручено было разгадать ревизионной комиссии и доложить о результатах на следующем собрании.

Потом приняли в члены Союза некоего Мансура Ибрагимбекова, предпринимателя. Литературного таланта у него не было, зато было много амбиций и много денег, а деньги по нынешнему времени решающий аргумент, они все двери открывают. Недаром и на областном собрании Мансура приняли, и Москва его утвердила. Он издал за своей подписью три книги в твердых глянцевых обложках и на прекрасной бумаге, которые за него написал талантливый журналист и горький пьяница Сергей Беловзоров. Многие читали и дивились: какой у этого Мансура стиль, какая образность! Вот, оказывается, и среди предпринимателей одаренные люди есть! И все знали подоплеку «таланта», но закрывали на это глаза. Раз уж Дюма пользовался услугами «литературных рабов», так нашему-то Мансуру и сам Бог велел!

Александр Сегень
(г. Москва)

ГОСПОДА И ТОВАРИЩИ

Роман в двенадцати днях

Главы из романа

Русский писатель и кинодраматург. Окончил Литературный институт (семинар А. Рекемчука), выпускник Высших офицерских курсов «Выстрел». Печататься начал с 1986 года — журнал «Юность», рассказ «Деревяшка». Автор романов и повестей на современные темы. Не раз обращался к написанию романов, действие которых разворачивается в разные исторические эпохи. Для серии «Жизнь замечательных людей» написал книги «Московский Златоуст» о святителе Филарете (Дроздове), митрополите Московском и Коломенском, и «Алексий II» о Патриархе Московском и всея Руси. Произведения автора переведены на многие языки мира. Доцент Литературного института, в котором преподает с 1998 года. Автор сценария фильма на основе собственного романа «Поп», по которому режиссер Владимир Хотиненко снял одноименный художественный фильм. Написаны сценарии ко многим фильмам. Сыграл эпизодические роли в фильмах Хотиненко «Поп» и «Достоевский». Председатель экспертной комиссии и член палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. 24 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК РАДОСТЬ МОЯ

— Веселья! Па-а-ад... бавь! — крикнул поручик Ровный, и серый отряд сонных юнкеров вздрогнул, словно проснувшись, стук шагов по мостовой ожил. Запевала Печкин громко зазвенел в осеннем промозглом воздухе:

*Браво идут юнкера александровцы,
Серебром погоны на солнце горят.*

И молодые глотки лихо подхватили, разнося песню по всей Знаменке, во все переулки:

*Грянем «ура!», лихие юнкера!
За матушку Россию, двуглавого орла!*

Юнкер Гагарин не преминул при этом глянуть на шагающего рядом юнкера Щеглина: мол, получи же!

Дело в том, что Гагарин продолжал настойчиво петь в припеве прежний вид, а именно: «За матушку Россию, за русского царя!» И не далее как вчера они со Щеглиным поцапались.

— Гага,— сказал Щеглин,— ты когда соизволишь петь как все? Девятый месяц в России никакого царя.

— А для меня есть,— упрямо насутился Гагарин.

— Гражданин Романов?

— Государь император Николай Александрович. Для меня он был и остается нашим отцом. Шефом нашего училища.

— Но ведь это глупо, Гага. История движется вперед неумолимо. Россия республика. Полагаю, что навеки.

— Посмотрим.

— К тому же, и рифма смешная. Ты уж тогда пой не «юнкера», а как извозчики говорят: «юнкаря». Это с царем в рифму будет. «Грянем «ура!», лихие юнкаря»...

— Можно подумать, что рифма «юнкера» и «орла» точнее.

Едва не кончилось дракой. Вовремя подвернулся Печкин, которого Гагарин с летних лагерей считал своим закадычным другом и выручалой. Тогда он спас его от старца, сейчас — от бессмысленной потасовки с циничным Щеглиным.

Печкин считался поэтом их второй, звериной, роты. Был он музыкант и превосходный шахматист, но славился именно как поэт. Сначала над ним издевались: «Что это за поэт Печкин?» Но он отбивался, говоря: «И Пушкин кому-то покажется смешным, а уж особенно Грибоедов...»

Стихи его постепенно вошли в жизнь, их переписывали, а поскольку инициалы у Александра Степановича Печкина были как у Пушкина, то за ним укрепилась кличка «А. С. Печкин».

— В прежнем варианте,— рассудил он,— рифмовались не четвертая с третьей, а вторая с четвертой. «Горят» — «царя». А сейчас, с изменением государственного строя в России, все рифмы полетели в тартарары.

И теперь Гагарин мог поглядывать на Щеглина несколько торжествующе: можешь, дурак, и впредь жить без царя в голове!

Быстро оставив за спиной фасад родного училища, юнкерское отделение из двадцати человек пропустило летящий трамвай и вышло в чуждый и враждебный мир утренней Москвы. Чугунный Гоголь, отвернувшись от суетливой Арбатской площади, проводил юнкеров своим длинным подслеповатым взором, вздохнул: «Це не доброе дило мы зробылы...», и снова задремал.

А юнкера бодро свернули в Пречистенский, и теперь их звонкая песня летела не на запад, а на юг:

*Слева и справа идут гимназисточки,
Как же нам, братцы, равнение держать?
Грянем «ура!», лихие юнкера...*

Увы, ни слева, ни справа на сей раз не видать было гимназисточек, которые бы весело помахали им ручкой, припрыгивая. Вместо них по бульвару шли какие-то угрюмые личности, видать, изрядно постаравшиеся для сегодняшнего похмелья, как в таких случаях говаривал юнкерский любимец-наставник — поручик Снегирев.

Одно из этих существ, отхаркнувшись, грязно выругалось вслед молодцам и добавило:

— Скоро мы этих юнькирьчат...

Но мало кто это услышал, и песня продолжала печатать шаг по длинному бульвару, шелестящему лысеющими деревьями:

*Съемки примерные,
Съемки глазомерные,
Вы научили нас девушек любить!
Грянем «ура!», лихие юнкера...*

Положа руку на сердце, это была песня чужая, по закону принадлежавшая Николаевскому кавалерийскому училищу. Но уж больно хороша, и нравилась поголовно всем юнкерам на всем пространстве матушки России, потому и в каждом военном училище, будь то Москва или Киев, Одесса или Тифлис, Иркутск или Петроград, ее дружно пели, переиначивая и подлаживая под себя. Эскадронного заменяли ротным, где-то пели гимназисточек, а где-то институточек, где-то съемки научили девушек любить, а где-то женщин, но суть песни оставалась одна — удаль и бесшабашность.

И чем больше они приближались к концу песни, к бутылочке, тем веселее им становилось на душе. И ведь недаром же их сняли с занятий сразу после осмотра, молитвы и чая. Идут куда-то по важному поручению, предводительствуемые самим поручиком Ровным, начальником военно-политического отдела штаба округа.

*Бравый наш ротный скомандовал: «Смирно!»
Руку свою приложил к козырьку.
Грянем «Ура!», лихие юнкера,
За матушку Россию, двуглавого орла!*

А Гагарин гнул свое: «за русского царя!»

Но настало время бутылочки, которую ротный обязан был запретить, а юнкера обязаны были его не послушать, потому что времена нынче вольные такие, что даже в военных училищах себе кое-что позволяют.

— От-ставить бутылочку! — с усмешкой крикнул поручик Ровный, но юнкера — нет, окончили песню, как полагается:

*Радость моя
Любимая —
Буль-буль-буль бутылочка зеленого вина!*

* * *

Алексей Алексеевич наслаждался домашним уютом; тем, что, вот, погода надвигается самая слякотная и промозглая, а он посиживает в своем кабинете, и не надо ему ни в штабы, ни на передовые, никудашеньки. Позавтракав, можно сидеть у окна в кресле и, не спеша, листать свежие газеты, поругивая газетчиков, будто все, что происходит в стране — только их лохматых рук дело.

«Тревожные дни...» «Начало восстания...» «Большинство войск на стороне большевиков...» «Железные дороги в руках солдат...» «В Смольном создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских...»

— Э, ты ж!.. Эти мне рабочие и солдатские!..

Далее «Раннее утро» сообщало о кощунстве в Успенском соборе Кремля, где пьяные солдаты пятьдесят шестого резервного полка сорвали покровы с мощей святителя Ермогена.

— Вот они вам, полюбуйтесь!..

В Москву приехал писатель Чириков. Горький уже тут несколько дней. Его сын служит в пятьдесят шестом запасном пехотном полку, который теперь стоит в Кремле. И полк-то — краснопузенький!..

А сколько афиш разных кривляк-юмористов! Россия летит в тартарары, а публика собирается полными залами и ржет до опупения. Театр легкой комедии... Фарс «Блудлив, как кот»... Пьеса «Кривое зеркало»... Каждый вечер представление «Смехляндия», в котором два остряка, переодетые старушками, потешают до беспамьяства. А в театре сатиры нескончаемыми аншлагами ежедневно спектакль с весьма красноречивым заглавием — «Ко всем чертям!» Зрители ухохатываются...

— А этих-то, этих сколько! — проворчал Алексей Алексеевич, дойдя до последней страницы газеты, где, словно красная сыпь, сплошь объявления о сифилисе да о триппере, да о половой слабости. И еще о «половом бессилии при полном половом истощении». Все вылечим! — Это ж надо! Человек уже довел себя до полного полового истощения, а ему: «Ничего-с, пилюльки... И пожалте, еще сколько угодно кувыркайтесь!» А доктора-то, доктора... Все сплошь эти...— И Алексей Алексеевич не поленился вслух прочесть все фамилии докторов, предлагающих услуги в лечении срамных болезней и срамного бессилия: — Левин, Шапиро, Шмулевич, Розенталь, Леви, Шниткинд, Коган, Кац, Вельзевуттер... А впрочем, грешно судить, ибо и при фронтовых госпиталях мне нередко встречались и Лифшицы, и Рошали, и Аронсоны...

Он перешел к «Биржевым ведомостям»: «На грани...» «Россия на краю пропасти...» «Заявление генерала Алексеева о том, что власть должна проявить твердость...»

— Да уж, твердость... У Керенского!.. Да с Алексеевым.

«Вчера в двенадцать часов дня к Зимнему дворцу подошел женский добровольческий батальон».

— Гуси, гуси, га-га-га! Те Рим спасли, а Керенского бабы спасать приперлись...

«Закрытие большевистских газет...» «Грозный час для Италии...» Это с европейского фронта, где итальянцы получили по зубам от немца и австрияка.

— Ну-ну... Глядите, и у вас появятся сеньоры большевицци!..

Война для него закончилась. Хватит, навоевался! Он провел самую блистательную военную операцию за всю эту мировую бойню, и вот, смещен с поста главнокомандующего! Обида в Алексее Алексеевиче до сих пор горела незаживающей раной. Пусть теперь другие покомандуют, а мы посмотрим, как вы обойдетесь без Брусилова!

Алексей Алексеевич понимал, что это скверно, но внутри себя все равно тешил себя мыслями о том, как все рухнет, и никто не сможет справиться с германцем, потому что лучшего полководца отправили отдыхать. С горечью вспомнилось, как однажды услышал о себе: «Он возомнил, что у нас уже не Россия, а Брусилия!»

Одна статья сообщала о предстоящем сокращении света, то есть ограничении часов подачи электроэнергии, но звучало зловеще, и Алексей Алексеевич не удержался, чтобы не фыркнуть:

— Конец света наступит постепенным сокращением!

«Московский листок» подробно рассказывал о событиях в Калуге, где творилась настоящая пугачевщина. Озверелая вольница громила и грабила магазины, зажиточных обывателей, всех подряд. Убивала, жгла, насилвала. Войска применили силу...

И тут же рядом опять: в Сатире «Ко всем чертям», в театре «ЗОН» «Король веселится», а при гонорее нет лучшего средства, чем капсулы «Кубеноль», реклама которых на полгазеты, заслоняя все происходящее, все страшное, творящееся в родной стране.

— Алексей Алексеевич, к вам гости,— сообщил шурин, вежливо постучав в дверь к отставному генералу.

Старший брат жены генерал-майор Яхонтов некоторое время служил адъютантом Верховного главнокомандующего Брусилова, пока Алексея Алексеевича не отправили в отставку, а месяц назад и сам по болезни был отправлен в отставку и теперь обитал у Брусиловых в Мансуровском переулке.

— Спасибо, Ростислав Владимирович, просите.

* * *

Сердце Гагарина билось все сильнее и тревожнее. Поначалу он ни о чем таком и не думал. Скорее всего, Ровный вел их на Пречистенку, к штабу Московского военного округа. И действительно, мелькнул и остался за спиной слева в серой осенней

полумгле бело-золотой Христос Спаситель, юнкера свернули направо и, уже без песни, зашагали к зданию штаба.

Но нет, поручик вел их еще дальше, мимо известной усадьбы богача и музыканта Всеволожского, перестроенной купцом Степановым под псевдоклассику. Они шли уже без песен, и чем дальше, тем сильнее билось сердце. Там, впереди, был переулок, слишком хорошо знакомый юнкеру Гагарину. Туда он имел обыкновение приходить, стоял там под окнами, уходил из переулочка то счастливый, то с мыслью: «Застрелиться!» И теперь он, кажется, догадывался, куда их ведут. В том же заветном доме, к которому он хаживал, жил Кутузов нынешней войны, в пух и прах разгромивший Австрию в Голиции, и если бы не помощь Германии, мы уже сейчас стояли бы в Вене. Благодаря этому маленькому сухонькому генералу от кавалерии с бравыми седыми усами, торчащими в разные стороны. Теперь он был не у дел, как некогда бывал отставлен и сам Суворов. Но придет время, его вновь призовут к победам!..

И впрямь, они миновали Дурнов и Лопухин переулочки, справа осталось за спиной пожарное депо, слева Полуэктовский...

Какой-то торгаш-асмодей при виде юнкеров крикнул:

— Эй, корпусятники! Купите коробочки! Полнографические!

И стал показывать свой поганый товарец, но никто в его сторону и бровью не повел.

Вот он, многоколонный Александро-Мариинский женский институт, в котором училась она... А вот прошли мимо Морозовской галереи и свернули в Мансуровский переулок, в котором она жила... В том же доме, где отставной герой генерал.

Она. Людмила. Роковая женщина в жизни юнкера Петра Гагарина. При ней он, высокий здоровяк, один из самых крепких парней во второй роте второго курса, становился робким и мяклым, словно моченое антоновское яблоко, некогда каменное. С этим он ничего не мог поделать. Злился на себя, но все равно, из рук валялись предметы, падала на блюдце чашка с чаем, хрупкий фарфор разбивался, чай ошпаривал колени, а отец Людмилы профессор Голубев, член Московской думы, а сейчас, вдобавок, и участник Собора Русской Православной Церкви, умирал со смеху:

— Таковые богатыри, должно быть, только из братин пьют. Из этих, как их там... Из ендов. Из двуручных кубков. Что им наши чашечки!

У Виктора Николаевича Голубева было две дочери, Людмила и Ангелина. В сентябре он затеял в своей огромной квартире небольшой бал и через знакомство с начальником Александровского училища выпросил четверых юнкеров, таких, чтобы не хлюпки, но образованные, чтобы знали толк в музыке и в поэзии, но при этом вид имели крепких молодых мужчин. С того дня все и началось.

Когда Гагарин увидел Людмилу — будто в грудь его толкнуло, как при отдаче в момент выстрела из ружья. И Петр Иванович потерял голову. Дважды он еще был у Голубевых в гостях и несколько раз встречался с Людмилой тайно, они бродили по осенним бульварам, шуршали листвой, а когда темнело, и никого не было поблизости, долго и мучительно целовались.

А потом произошла катастрофа.

— Милый мой мальчик... Я скверная, гадкая... Я сама не могла представить, что смогу одновременно любить двоих. Ты должен застрелить меня! Это какое-то наваждение. Мое сердце принадлежит тебе, но когда я вижу его, то во мне все переворачивается, и я ничего не могу с собой поделать!

Соперником оказался поручик Дорогин, состоявший в пятьдесят шестом резервном полку, который нес охрану Кремля. Полк этот имел весьма дурную репутацию. Распропагандированный большевиками, он готов был защищать их, если они решатся взять всю власть в России в свои руки. Сергей Владиславович Дорогин сам при-

надлежал к большевизии. Красивый, с дерзким взглядом мужчины, привыкшего покорять женские сердца. У Гагарина перед ним было лишь одно преимущество — благороднейшее происхождение, но что оно теперь значило! Во всем остальном Дорогин превосходил юнкера. Взрослый человек, под тридцать. А Гагарин вдобавок еще и моложе Людмилы, хоть и всего на год. Что бы ему влюбиться в младшую, в Ангелину, которой на два года меньше, чем сестре! Но ведь сердцу не прикажешь...

Бедный Гагарин! Как только появился этот Дорогин, жизнь превратилась в сущий ад. Он с ужасом боялся даже прикоснуться мыслью к тому, как далеко зашло у Людмилы с опытным и смелым Дорогиным. Неделю назад состоялся разрыв. Гагарин смог позвонить из училища по телефону, договорился с Людмилой о короткой встрече, которая вся состояла из того, что девушка передала ему письмецо: «Прости меня, Петенька! Я не достойна тебя! Ты больше не должен меня видеть. Я виновата, что дала тебе надежды, а теперь их забираю. Бог меня, должно быть, накажет за это. А ты — чистый и светлый мальчик, у тебя впереди славное и высокое будущее. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай! Л. Г.»

Это случилось в прошлую среду днем. По средам у юнкеров вторая половина дня была свободна, и что ему было делать с этой бесконечной страшной половиной, он не знал. То, что он застрелится, можно не сомневаться, но именно ли в тот же день? И Петр Иванович размыслил так: застрелиться сразу по получению отставки от любимой женщины — скажут, порыв, минутная слабость. Нет, он должен как в рассказе Куприна. Осознанно подготовиться, написать подробное письмо о своих поруганных чувствах, обставить уход красиво.

Куприным, как писателем, выпущенным в свое время из стен их училища, александровцы увлекались поголовно. Гагарин перечитал все, что вышло из-под его пера. Особенно после того, как во время второй встречи в доме в Мансуровском переулке, сидя за чаем у Голубевых, Петруша испытал жгучий стыд за свою неотесанность. Мать Людмилы, Ирина Дмитриевна, заговорила о литературе, стала спрашивать:

— Ну-с, товарищи юнкера, кого вы читали запоем в последнее время?

Она была из прогрессивных и, видать, после февраля с восторгом восприняла отмену обращения «господа» и замену его на «товарищи».

«Товарищи юнкера» — а на чаепитие были приглашены на сей раз только двое, Гагарин и Печкин — оказались ни в зуб ногой. Печкин хотя бы в поэзии кое-как разбирался, знал наизусть Пушкина, Лермонтова, Гумилева, но и то сказать, свои стихи он помнил лучше. А вот Гагарин совсем опростоволосился, когда его спросили, что последнее он прочитал у Куприна.

— Стыдно, товарищ юнкер! Особенно стыдно потому, что Александр Иванович Куприн — выпускник Александровского училища, в котором вы имеете честь проходить становление. Чем же вы занимаетесь в свободное время? В безик режетесь, как бывший государь император? Страшилки друг другу рассказываете?

И к следующему визиту в Мансуровский Петр Иванович расстарался. Он готов был рассказать содержание всего прочитанного. Даже истрепанный и измученный сборник «Земля» с полузапрещенной «Ямой» он сумел-таки раздобыть на одну ночь и одолел, испытав настоящий шок от распахнувшихся откровений писателя.

Увы, сколько он ни старался повернуть разговор в нужном направлении, о литературе и о Куприне на сей раз ни у кого не было желания говорить. Говорили и спорили о живописи, о каких-то мирискусниках и экспрессионистах. Стреляли, шипели, лопались, трещали и плавилась незнакомые ему имена — Бенуа, Добужинский, Бакст, Лансере, Сомов, Барлах, Пехштейн, Нольде, Шмидт-Ротлуф, Дикс — а он сидел и моргал от обиды, что и теперь не может свободно и легко участвовать в разговоре. Что такое сионизм, он знал, а экспрессионизм — стремительный сионизм, что ли?.. Так и хотелось задать этот дерзкий вопрос.

В тот вечер его утешила Людмила. Когда они ненадолго остались вдвоем, она сказала об Ирине Дмитриевне:

— Терпеть не могу, как она начинает обо всем подряд сыпать, заваливать собеседника своей эрудицией. Это, в конце концов, бывает весьма неучтиво! Соседство Морозовской галереи дурно на нее влияет.

В тот вечер состоялся их первый мимолетный поцелуй...

Боже, как все мимолетно! И вот он уже отверженный, предпочтенный другому мужчине, перестрадавший. И, что удивительно, он так и не собрался с духом написать подробное письмо родителям и грядущим поколениям юнкеров о причинах своего самоубийства, ничего так и не подготовил, не обставил красиво, и никакого самоубийства так и не совершил!

Сейчас, когда их отряд выстроился в Мансуровском прямо напротив заветного дома, Гагарина жег стыд за то, что он до сих пор жив, и явился сюда. А что, если она выглянет в окно и увидит его? Выхватить в ту минуту из кобуры револьвер и пустить себе пулю в висок. У нее на глазах. Среди бела дня. В присутствии товарищей по училищу. При начальнике военно-политического отдела. Быть может, на глазах самого генерала Брусилова, если и он выглянет из окна. Это было бы весьма эффектно!

Ах, да, ведь сегодня вторник. Людмила в институте. Скорее всего на литургии в институтской церкви. Ведь сегодня праздник, Всех Скорбящих Радость.

— Господа юнкера, смирно! — скомандовал Ровный. В отличие от Людмилиной мамыши, он не употреблял обращения «товарищ», которое за лето и осень почти полностью стало принадлежностью красных. — Мы находимся пред домом, в котором проживает прославленный русский генерал Брусилов. Летом сего года он являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами России. В таковой же должности он может оказаться и в ближайшее время. В данный момент я отправляюсь к нему на аудиенцию, а вас прошу сохранять стойку «смирно», а как только мы с генералом появимся в окне, немедля отдать честь и здравицу. Командовать назначаю...

Все напряглись.

— Юнкер Гагарин.

— Слушаюсь!

Вопрос о пуле в лоб отпал. Застрелиться, командуя отрядом, стыдно.

Ровный отправился на аудиенцию. Юнкера застыли в ожидании. Трехэтажный дом, построенный в стиле модерн, с любопытством взирал на них своими крупными окнами. Квартиры в нем располагались соответственно на трех этажах. Нижний занимала семья какого-то промышленника. Средний этаж — семейство Голубевых и квартира самого хозяина дома. Брусилов жил на третьем этаже, украшенном просторным балконным гульбищем и двумя башнями, круглой и треугольной. В этот балкон и в эти башни жадно нацелились глаза юнкеров.

Вдруг Гагарин почувствовал уже знакомый удар в сердце, как отдачу при выстреле из ружья. В широком окне на втором этаже отодвинулась штора и показалась она. Людмила. Почему не в институте? Больна?.. Или... да нет, невероятно... не могла же она его ждать!..

Она смотрела и улыбалась ему. В сей миг Гагарину было хоть в пропасть шагнуть. Мысль совершить страшный, дерзкий поступок мигом вспыхнула в его несчастной голове.

— Господа юнкера! — скомандовал он. — Отдать честь!

И спасением стало лишь то, что именно в сей дерзкий миг распахнулась дверь балкона и на третьем этаже появилась маленькая сухонькая фигурка генерала, а следом за ней фигура поручика Ровного. Юнкера отдали честь.

— Здорово, ребята! — сказал с балкона генерал.

Юнкера мощно вдохнули и рывкнули на весь переулок, да так, что прокатилось и по Остоженке, и по Пречистенке:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Людмила засмеялась в своем окне и весело замахала рукой, вся вытягиваясь вверх, показывая, как она стройна, какая у нее тонкая талия и развитая грудь. И юнкера невольно засмеялись в ответ, а Гагарин сорвал с головы фуражку и поднял ее за козырек на вытянутой руке.

* * *

— О, зверей привел? — спросил Брусилов, любуясь крупными могучими юнкерами второй роты Александровского училища. В эту роту испокон веку брали богатырей, которых за мощь и крепость издавна повелось звать зверями. Для аудиенции к генералу-герою были отобраны самые могучие. На одного Витю Немаленького посмотреть — оторопь берет. Фамилия его на самом деле была Крылов, а Немаленьким его прозвали на втором курсе училища. В кадетах Витя был как раз самым маленьким и прозвище имел «Витя Маленький». В училище его взяли в четвертую роту, но после летних лагерей он так вымахал, что его перевели в звериную, а прозвище поменяли в соответствии с новой действительностью.

— А этот-то чего фуражку вытянул? — спросил Брусилов про Гагарина.

— От восторга голову потерял, должно быть, — поморщился Ровный. — Вот я ему задам, сукину сыну!

— И поделом. Вернемся в комнаты, у меня горло простужено.

В кабинете прислуга уже накрыла чай, к которому были поданы калачи, сыр, масло и мясной паштет. Ровный не спешил притрагиваться к угощению. А вот четыре борзые собаки с беспокойством принохивались и возмущенно ходили в отдалении вокруг кабинета, недоумевая, почему люди не кинутся и не проглотят разом все это пахучее великолепие. Что за нерасторопные создания, эти одетые двуногие! Из уголков собачьих ртов потянулись сосульки слюней.

— Алексей Алексеевич, положение, как вы сами знаете, критическое. В ближайшие дни большевики осуществят нависшее — попытаются захватить власть в Петрограде и Москве. Причем, путем вооруженного восстания. Они сильны, как никогда. Если летом мы могли говорить, что можно обойтись без военного диктатора, то сейчас необходимость в таковом назрела. Вы — главный герой Второй Отечественной войны. Знаю, как вы ненавидите высокопарные сравнения, но иного Пожарского у нас сейчас нет. Это вы. В штабе мне поручено спросить вас прямо, готовы ли вы стать военным диктатором в случае, если большевики решатся на государственный переворот.

— Большевики... — тихо отозвался Брусилов. — Пейте чай, поручик, закусывайте. Чаек, а ргорос*, жемчужного сорта. М-да, большевики... Представьте себе большую, крепкую семью. Отец и мать воспитывают детей в строгости, готовят их к будущей суровой жизни. А рядом сосед. Хитрый, пронырливый. Но детей у него нет, и он начинает переманивать к себе этих. Говорит им: «Я не буду заставлять вас готовить уроки, зубрить иностранные языки, напрягать мозги над алгеброй и геометрией. Вы будете только гулять, развлекаться, шалить. За шалости, кстати, тоже не буду наказывать». И переманивает. Только не сообщает им, что в будущем они не поступят в университеты и в хорошие училища, а станут батраками у чужого дяди. Точно так же большевики. В это лето, когда я стал главнокомандующим, наша армия была сильна, как никогда. У нас исчезла нехватка в боеприпасах, полки были укомплектованы, мы во всем достигли перевеса над врагом. Произошла революция, очистившая военное

* Между прочим (*франц.*).

руководство от огромной массы лишних людей из числа придворной швали. После победоносного шестнадцатого нас ждал еще более победоносный семнадцатый.

— Да, я помню, как вы твердо заявили, что война в сущности уже выиграна нами, что семнадцатый будет годом великой победы. Читал в газетах,— сказал Ровный.

— Да, заявлял,— вздохнул Брусилов.— И не отрекаюсь. Победа была у нас в кармане. Причем, в нагрудном. Если бы не большевики. «Пока вы тут воюете понапрасну, ваши братья делят доставшуюся им землю и помещичье барахло. Не будьте дураками, штык в землю и по домам!» Нас победило не германское оружие, а большевистские говорилки, против которых наши офицеры воевать оказались необучены. Я ненавижу большевиков всей душой. Они отняли у нас победу. Мою победу!

Он гневно простонал, и Ровный приободрился:

— Стало быть, вы готовы ответить положительно?

Лицо Брусилова сморщилось, будто у него внезапно заболел живот.

— Нет,— ответил он тихо.

— Но почему? Алексей Алексеевич!

— Это не мое открытие, но генералы для войны против внешнего врага совершенные олухи при войне с врагом внутренним.

— А Суворов против Пугачева?

— А что Суворов? К Пугачеву он пришел к шапочному разбору. Только и дел, что вез его в клетке. Да и была ли та клетка?..

— Поляков громил.

— Какие же поляки внутренние! Помилуйте!

— Славяне же...

— И не славяне они вовсе. У них даже спасибо из немецкого взято. «Дзенькуе» это ведь то же, что «данке». Только и в немцы их никто не возьмет... Ладно, Бог с ними! Вы совсем не едите ничего. Паштет свежайший. А военным диктатором мне не быть. Не смогу. К тому же, если я не симпатизирую большевикам, то Керенскому еще больше не радуюсь. Одни гады пожирают других. Сейчас людям, которые в будущем будут нужны России, лучше спрятаться под землю и затаиться до времени. Выждать, пока революция пережрет своих детей.

— Вот так стратегия!

— Увы. Поймите, голубчик, в братской войне героев не бывает. Невского, Донского, Пожарского мы помним. А скажите, кто сейчас помнит героев, отличившихся в княжеских междоусобицах?

— Стало быть, штабу ваш ответ — нет?

— Именно.

— В таком случае, мне поручено все равно выразить вам глубочайшее уважение и оставить у вас юнкерский пикет.

— Из этих милых зверушек?

— В ближайшие дни в Москве будет жарко. Велика вероятность, что головорезы из большевистской банды захотят крови лучшего русского генерала.

— Не исключено. У моей жены с юности была хорошая подруга еврейка. Удивительная труженица, умная, хорошая женщина. Вдобавок, искренняя русская патриотка. Недавно она скончалась от неизлечимой болезни. Жена была при ней до последнего часа, и, умирая, эта Айзикович по большому секрету сообщила Надежде Владимировне, что в среде ее соплеменников выделились негодяи — националисты, которые хотят власти и затевают полное уничтожение верхушки русского народа. «Бегите за границу и как можно быстрее!» — заклинала она.— «Вас убьют первыми!»

— Так может быть...

— Никаких. Драпать не намерен. Лечь, так в родную. А насчет юнкеров — согласен. Оставьте сколько не жалко. Квартира у меня вон какая. Хоть все отделение

могу приютить. И целее будут, чем на улицах. Четверых можете оставить? Я с ними и занятия могу провести какие там по программе. Плохо ли? Того, который фуражку тянул.

— Кстати, однофамилец вашего адъютанта.

— Родственник?

— Спросите у него.

* * *

В Людмиле явно произошла перемена. Она долго стояла у окна, с улыбкой разглядывая юнкеров, махала ручкой, говорила что-то Гагарину, широко артикулируя, и он догадался: «При-ха-ди-те!» Потом она скрылась, вновь появилась в окне и помахала ему листком бумаги. Затем опять исчезла, теперь уже надолго.

— Пишет, — сказал Печкин.

— Счастливчик этот Гагарин! — восхитился юнкер Бахтияров. — Хороша девка!

— Кокетлива, — возразил Щеглин.

— Разговоры! — осек Гагарин.

Вскоре Людмила вновь появилась в окне, помахала Гагарину сложенным листком. Рядом с ней возникла Ирина Дмитриевна и отогнала дочь от окна, явно выговаривая ей, что ее поведение не скромно. Через некоторое время появился слуга Голубевых, Юлий Прокофьевич, принес письмо в заклеенном конверте. Гагарин строго поблагодарил его и сунул письмо в карман шинели, хотя рука горела распечатать.

— Гага, прочти! — загоготали юнкера.

— Молчать! — рявкнул Гагарин.

— Хоть погреемся от чужого счастья! — воскликнул Печкин.

— Сегодня Всем Скорбящим Радость, — произнес юнкер Сизов, изо всех них чуть ли не единственный богомолец.

— «Сегодня вечером увижусь я с тобою», — процитировал Щеглин.

— «Сегодня вечером решится жребий мой», — продолжил денис-давыдовскую цитату юнкер Ламанский.

— «Сегодня получу желаемое мною», — продолжил Петров-третий.

— «Иль абшид на покой», — закончил Щеглин.

В дверях появился поручик Ровный.

— Смирно! — скомандовал Гагарин.

— Вольно! — бросил Ровный. — Господа юнкера, четверым из вас будет поручено охранять дом, в котором проживает герой войны генерал Брусилов. Задание ответственное. Временно эти четверо освобождаются от занятий в училище, но генерал обещал позаниматься. Постовое дежурство вести посменно, по двое.

И письмо, и это!.. Не может быть столько везенья! Столько радости всем скорбящим. Хотя, собственно, почему он решил, что именно его оставят?.. Гагарин напрягся в ожидании.

— Почетную обязанность нести охрану генерала Брусилова поручается юнкерам Ламанскому, Бахтиярову, Сизову и...

«Неужели не мне?!»

— ...Гагарину. Эх, и попадет же за фуражку! Генерал весьма сердится. Означенным четверым отправляться в дом. Остальные нале-во! Шагом марш!

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.*

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори». Наш постоянный автор.

Рогов испытывал непреодолимую гадливость от малейшего соприкосновения с подростками и потому свел общение с ними к минимуму. Он входил в класс, проверял явку, с брезгливым выражением лица выговаривая фамилии, внесенные в журнал группы, затем открывал свою тетрадку или даже учебник и бубнил что-то до звонка. При этом мастер не интересовался тем, что все это время делали его ученики; они же, улегшись грудью на столы, крутя патлатыми головами, развлекали себя, как умели. Одни потихоньку переговаривались, другие перебрасывались записочками, третьи, похоже, играли в карты... Они старались слишком не шуметь: их тоже все устраивало... Если бы кто-то подошел к двери учебной аудитории, когда там проходил урок Рогова, то услышал бы нечто странное: равномерный фоновый гул, похожий на гул пчелиного роя, покрывался монотонным сольным гудением. Словно ленивый пономарь нехотя читает давно надоевшие Четвы Миней среди растревоженных ульев.

Иногда молодым шалопаем наскучивало пребывать в своем наполненном подростковыми комплексами мирке, и они очередной гнусной выходкой обращали на себя внимание мастера. Рогову же противно было даже ругать их; он при малейшей возможности с мстительной радостью выводил в журнале «двойки» обнаглевшим юнцам да одну за другой строчил докладные записки начальству, что окончательно отдалило его от обучающихся.

Надежды на воспитание юной смены рухнули. «Поздно, поздно! — говорил себе Рогов. — В ПТУ уже поздно. Уже короста контрреволюции покрыла души нашей молодежи! Но когда же это начнется? С самого что ли детства?!» И неприятная, жуткая мысль закрадывалась в голову: неужели бытие по самой природе своей контрреволюционно? Неужели революция не имеет продолжения, а обречена оставаться единичным фактом истории? Неужели учение Ленина нельзя приспособить к современности? Неужели это учение не есть наивысшая ступень человеческой мысли? Ленинизм не вечен?! Он устаревает?..

Упрямец Рогов не привык отступать; он намеревался все выяснить досконально, докопаться до корней. Возможно, и впрямь первопричина разложения советского общества лежит в плохой работе пионерской организации? Рогов пошел в подшефную школу, хотел пообщаться с детьми, чтобы выявить уровень их политграмоты. Но

* Главы из повести.

старшая вожатая с каким-то испуганным лицом категорически отказала в такой неформальной встрече, уверяя, что сейчас не время, сейчас идет месячник военно-патриотической работы, а вот в апреле, когда будет месячник профориентации, тогда товарищ со стройки и сможет выступить.

— Да я не по профориентации. Я по вопросам марксизма-ленинизма хочу поговорить!

— Но вы же из строительной организации! — удивилась вожатая.

— Но я же коммунист! — ответил Рогов.

— А коммунистическое воспитание у нас ежедневно проходит, — чутко вскинулась вожатая.

— Ну и как? Много коммунистов воспитали? — с издевкой спросил Рогов.

— У нас дети все знают! — вожатая не замечала Роговского сарказма. — Символы, атрибуты, законы пионеров Советского Союза.

— Деточка моя! — с горечью многоопытного человека воскликнул Рогов. — Можно все знать, а коммунистом не быть!

— Я не понимаю... Советская система образования лучшая в мире! — на всякий случай отрапортовала вожатая. — У вас вообще направление есть какое-нибудь? Вы имеете право с детьми работать? У вас какое образование?

Рогов махнул рукой и вышел: «Окопались. Везде окопались. Обычный гражданин Страны Советов не может встретиться с подрастающим поколением, выяснить, кого растят ему на смену — обязательно какое-то разрешение нужно. А вот так, по отечески, без формализма? Это же лучше всего... «Какое у вас образование?» Как будто от наличия диплома зависит сознательность и готовность бороться до конца... Начетчики! Выхолащивают живое ленинское учение. С пионерского возраста готовят приспособленцев и чинуш».

Рогову казалось, что знамя ленинизма вот-вот выпадет из его усталых рук, и требовалось полностью мобилизовать волю, чтобы убедить себя не сдаваться. К тому же привычные идеологические инъекции действовали с каждым разом все слабее и слабее. Ни радиоспектакли, ни фильмы революционной тематики, ни стихи советских поэтов, ни песни на их стихи, ни даже пластинки с голосом Ильича уже не вызывали прежних приливов сил и оптимизма. Жизнь проходила без подвига, без красноречивых рейдов по тылам неприятеля, но в неизбывной тоске по ним.

Дальнейшее существование Рогова в течение нескольких лет было исполнено глубокого драматизма. Один за другим умирали Генеральные секретари ЦК КПСС, и Рогов с воодушевлением встречал каждое новое назначение на высший пост в стране. Каждый раз верилось, что вот этот-то человек и продолжит революцию, начнет обновление, призовет «сотню юных бойцов», отправит на разведку в поля... Нет. Все надежды раз за разом обращались в пепел несбыточности. По-прежнему всюду царили примазавшиеся к партии и безразличные к делу рабочего класса бюрократы.

И только с началом «перестройки» полное и близкое теперь уже обновление предстало почти осязаемой реальностью. Словно бальзам на душу лились произносимые с высоких трибун слова о возвращении к истинному ленинизму. Как музыка звучал ставший необыкновенно популярным девиз: «Иного не дано!» Эхом боевого клича красных конников времен гражданской войны, эхом легендарного «Даешь!» отзывалось нынешнее «Иного не дано!» И не хотелось разбираться, кому и почему не дано, отчего это все «иное» с ходу отменяется... Ясно было одно: достали, сил больше нет, пора все менять! Рогов сделался горячим сторонником Горбачева, готовился горы свернуть под руководством велеречивого генсека.

Но со временем Рогов все чаще стал задавать себе вопрос: а не творится ли под прикрытием фраз о развитии революционного потенциала масс черное дело отката от

завоеваний Октября? Непредвзятый взгляд на социальные и экономические реалии мог вызвать у верного ленинца лишь недоумение: в стране победившего социализма множился класс частных собственников, мелких хозяйчиков, наживавшихся за счет трудящихся; появился даже коммунист-миллионер, а партия, осуществлявшая некогда политику военного коммунизма, получала от него в качестве членских взносов какие-то совершенно неприличные суммы... Рогов никак не мог взять в толк: «И это у нас? В государстве рабочих и крестьян? Бред какой! Ведь следующий шаг — эксплуатация человека человеком! Это же посягательство на основы! Что они там, наверху, не понимают?!» И осекся партиец-энтузиаст, пораженный догадкой, что все они там, наверху, понимают... Сознательно подрывают устои.

Интуитивное предположение о засилье в партаппарате многочисленных диверсантов и саботажников подтверждалось все множившимися фактами. Вот, например, в газетах, в журналах среди верных, идеологически выдержанных материалов замелькали оппортунистические статейки. «Зачем же это печатают?! Не понимают, что ли?» — возмущался Рогов. И вновь отвечал себе: не могут не понимать. И вновь убеждался: сознательно вредят.

Наконец, разнузданная пропаганда чуждой идеологии дала всходы в толще народной массы. Однажды во время ноябрьской манифестации Рогов с ужасом увидел над толпой кроме красных флагов полотнища других цветов, а на длинном древке вместо портрета вождя крест с изображенным на нем раскинувшим руки человеком. Рогова просто передернуло: «Все! Дошли до точки. Поповская проповедь у нас теперь на демонстрациях осуществляется!» Бессильная злоба буграми перекатывалась по скулам.

Для Рогова празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и Дня международной солидарности трудящихся всегда оставалось делом святым. По-настоящему святым, как святы были языческие радения для первобытных племен. Торжественно-нездешними казались сами названия праздников. Рогов любил тихонько вслух произносить их, четко артикулируя: «годовщина Великой Октябрьской социалистической революции»; «День международной солидарности трудящихся». По сравнению с этими словами, звучавшими гулко и мерно, как бубен шамана, по сравнению с безмерностью стоящих за словами понятий отдельная человеческая личность представлялась ничтожной. Но и нужна была эта маленькая личность, ибо из капель состоит революционная Ниагара, а человеческие ручейки сливаются в реки демонстраций.

В какой-то книге Рогов прочел интересную метафору: 1 Мая — это рабочая Пасха. Да и для Седьмого ноября подошла бы такая аналогия. Нельзя сказать, чтобы Рогов разбирался в толкованиях религиозных обрядов или праздников, однако классовое чутье подсказывало, что суть христианства правильная, революционная, а посему идеология Каприйской школы не показалась бы ему абсолютно неприемлемой. Практику богостроительства, конечно, следовало осудить как ошибку, интенции же рабочего движения и клерикализма, безусловно, сходны. И вот если церковники ежегодно имитируют Воскрешение Христа, то коммунисты дважды в год оживляют свою святую ночь — ночь с 24 на 25 октября 1917 года, когда умер старый мир, а взамен ему возник мир обновленный, от начала веков чаемый, тайно существовавший, как бы дремавший в сердцах всех прогрессивных людей, но дотоле не являвшийся человечеству во всем своем трагическом великолепии.

Тогда, непроглядной осенней ночью семнадцатого года, мятежная народная стихия, организованная и возглавленная Лениным, направила неукротимую силу свою против всего, что тормозило прогресс, душило свободу и попирало принципы гуманизма. Из отдаленных концов темного Петрограда, словно вышедшая из берегов ре-

ка, стеклись к центру толпы одетых в солдатские шинели рабочих и крестьян, революционных матросов, красногвардейцев и захватили Зимний дворец. А ныне при ярком свете дня во всех городах великого Советского Союза под теми же знаменами собираются внуки и правнуки бравших Зимний, разыгрывается вновь и вновь та же историческая мистерия, символически повторяются те же эпохальные события, удостоверяя неугасимую память о славном прошлом. Когда мы маршируем стройными рядами, кажется, что предки наши обрели бессмертие. Они идут рядом с нами в праздничных колоннах, безмолвно подтверждая: все было именно так! Вот так же собирались они в условленных местах, вот так же реяли над ними красные стяги и революционные лозунги, вот так же неостановимо двигались они навстречу светлому будущему, приветствуя своих вождей.

Но помимо инсценировки главного события в истории человечества, помимо подтверждения верности традициям, регулярные советские демонстрации получали и другое значение. Людские массы, изливавшиеся мимо праздничных трибун, с заранее оговоренной регулярностью ритуально выражали покорность власти. В другие дни можно было расстегнуть верхнюю пуговку идеологического мундира, покурить и расслабиться, но 1 Мая и 7 Ноября, во время генерального смотра, народ, словно старый солдат перед командиром, привычно становился навытяжку перед правительством. Струясь ликующей водицей у подножия трибун, стелясь пестрой травкой перед лицами руководителей, народ выказывал им безусловную поддержку, подтверждал их право действовать от имени всей страны. Люди, бодро шествовавшие в колоннах демонстрантов, удостоверяли бессрочный велемощный мандат своих вождей; и никто не собирался требовать никакого отчета, так как все были убеждены: жизнь во-круг хороша, а станет еще лучше. При условии сохранения властью за собой обязанности по поддержанию материального существования народа, неоспоримое право принимать глобальные решения и предпринимать исключительно важные шаги оставалось за ней.

Рогову иногда представлялось, что демонстрация — это коррида. Темная, необузданная, как громадина-бык, толпа двигалась мимо трибун, а с трибун вонзались в толпу шпаги и бандерильи начальственных взглядов. И толпа подчиняется этим невидимым, но ощущаемо колючим сверкающим клинкам, сомнамбулически следует за взмахами красного флага, делает то, чего добивается от нее пикадор.

Но и это было не все. Обрядовым выражением преданности властям предрежающим смысл советских манифестаций тоже не исчерпывался. Помимо прочего, они помогали массе ощутить свою непобедимую силу. Задолго до начала демонстрации приходили на пункты сбора сонные, расслабленные мужчины и женщины, занимали определенные заранее места, переминались в ожидании назначенного часа. Но когда не совсем еще стройные ряды начинали набирать ход, происходило преображение этих людей. Личность в парадной колонне уже не существовала сама по себе, она превращалась в фотон единого потока энергии. В результате спорадических соприкосновений, в результате хаотического трения друг о друга человеческие элементарные частицы обретали небывалую мощь и направленность движения, под сильным давлением из разгонных трубок города-ускорителя — проспектов и улиц — вливались в резервуары площадей и бешеной энергией затопляли страну. Наэлектризованные толпы освещали шестую часть планеты разливами коллективной радости, от которой каждая индивидуализированная корпускула праздничного протуберанца ощущала себя счастливой и потому еще активнее генерировала всеобщий душевный подъем. Так осуществлялась цепная реакция совместного ликования.

От поступи облученных восторгом демонстрантов сотрясалась земля, покачивались здания. Вливаясь в эту светлую стихию, Рогов всегда ощущал, как изменяются

его физические параметры: как увеличивается плотность, как растет масса. Под его башмаками проминался асфальт, съезжался Земной шар, а от этого ближе, роднее становились и идущие рядом, и шагающие в колоннах по всему Советскому Союзу, и даже шествующие в шеренгах на других континентах. Хотелось верить, что и на далеких планетах играют сейчас праздничные оркестры, а где-нибудь на Марсе колыхаются транспаранты и флаги в щупальцах марширующих зелененьких раскоряк...

И еще, и еще, и еще... Сколько же смыслов крылось за всем привычными, а кое-кому даже надоевшими советскими демонстрациями! Излучение галактической энергии тоже не закрывало список возможных расширенных толкований этого действия. Ведь и древнегреческие дионисии, и триумфы римских легионов, и крестные ходы, и бразильские карнавалы, и шествия луддитов, и парады санкюлотов,— все это только предвестия современных манифестаций, постепенное приближение к ним. А такое проявление поступательности исторического прогресса (пусть и на примере не самом значительном) наглядно доказывает, что социализм является высшей стадией развития цивилизации (и значит, Маркс был прав, и значит, коммунизм неизбежен).

Итак, шагая вместе со всеми в украшенной воздушными шарами, флажками и огромными матерчатыми гвоздиками колонне, Рогов ощущал, что находится в гармонии со всем, что ни есть на свете, со всем, что когда-либо существовало или только еще станет сущим.

И лишь некоторые досадные мелочи неприятно диссонировали с праздничным настроением и отчасти омрачали радость причастности к общему движению. Во-первых, явка на мероприятие всегда была проблемой: и в строительном-монтажном управлении, где Рогов прежде трудился, и в коллективе ПТУ, членом которого он стал теперь, многие старались увильнуть от участия в демонстрации, отпроситься под каким-нибудь предлогом, а то и без всякой причины не придти в назначенное место. Во-вторых, большинство мужиков (да и кое-кто из женщин), несмотря на угрозы, прямые запреты и грозные предостережения, в обязательном порядке употребляли спиртное, ссылаясь на необходимость согреться в прохладный утренний час. В-третьих, после прохождения мимо трибуны с руководителями, когда спадало напряжение единодушия, когда из толпы словно вынимали державший ее стержень и она рассыпалась вновь на отдельные человеческие атомы, то здесь, то там по пути следования расходящихся демонстрантов можно было видеть как бы случайно оставленные в спешке портреты на длинных древках, свернутые транспаранты и даже знамена. Люди легкомысленно бросали этот выданный им во временное пользование реквизит, чтобы не нести его обратно к специально выделенному грузовику, который затем свозил всю атрибутику на склад предприятия до следующего раза, а направиться сразу домой в чайнии праздничной трапезы и обильных возлияний.

А вот Рогов всегда подбирал брошенные революционные хоругви, чувствуя себя при этом древнерусским князем, после страшной сечи обходящим поле битвы и безмолвно беседующим с павшими. С трепетом собирал он реликвии славной, но тяжелой победы, будто бы изроненные остывающими руками ратников, и бережно относил все свои находки дежурившему возле служебной машины завхозу, падкому на чужое добро. Завхоз, воплощение всех пороков своей касты, касты известных скопидомов, каждый раз бурно славословил добытчика-Рогова, а тот удалялся грустный, поникший. Он отказывался понять недисциплинированных манифестантов, не принимал поведения соотечественников, способных ради минутного плотского удовольствия опозлить то великое чувство, которое праздничные торжества рождали в пламенном большевистском сердце. Рогова и угнетали, и бесили проявления человеческих слабостей, опять испортившие ему красный день календаря...

Но потом настали времена еще хуже. Однажды, уже в эпоху «гласности», Рогов

стал свидетелем какой-то фантомной, выморочной демонстрации, которую и представить-то себе было невозможно, но которая имела место в реальности. Дело было летом. Не Первого мая, не Седьмого ноября. Праздника не было, а демонстрация была. Сперва Рогов даже посчитал, что заблудился во времени. Он направлялся куда-то по своим делам, в очередной раз обдумывая всю сложность политического момента, неторопливо брел, чуть потупив отягощенную думами голову, по извилистым переулкам старой части города. И на дальнем конце одного из них Рогов боковым зрением уловил (скорее почувствовал, чем увидел) движение некоей темной массы. Вздрыгнув от нехорошего предчувствия, он разглядел в перспективе переулка взмахи флагов и транспарантов, мельтешение силуэтов людей, выходявших колонной на главную площадь. Несколько мгновений Рогов стоял, не двигаясь с места, словно боксер на ринге, оказавшийся в состоянии грогги.

«А почему мне не сказали? Почему я не участвую?» — потерянно думал Рогов, невольно ускоряя шаги в направлении площади. Неприятно холодело и сосало под ложечкой: как же так? он шел по частным, мелочным делишкам, а в это же самое время был приведен в действие государственный механизм выброса революционной энергии? Внеочередной заряд коллективизма уже забит в ствол улицы, уже взведены курки, уже готова выстрелить в космос картечь энтузиазма, чтобы силой отдачи разогнать нашу остывающую планету, подхлестнуть ее медлительный лет к светлому будущему. И все это без него? Забыли! Бросили! Рогов почти уже бежал по узкому переулку, образованному невысокими обветшалыми домами.

«Что-то пошло не так!» — эта мысль учащенным пульсом билась в висок. А почему не видно воздушных шариков над колонной? Почему не разносится из репродукторов праздничная музыка? Что-то пошло не так! Все разъяснилось, лишь когда дома расступились и картина происходящего стала видна полностью. Рогов замер на месте. Не тысячи бодрых трудящихся вступали на площадь — несколько сотен волосато-бородатых испитых интеллигентов. Не красные флаги реяли над демонстрантами — какие-то сине-розовые вымпелы. Не аккуратно набитые трафаретным способом белой краской по кумачу транспаранты несли они, а лозунги, наспех, небрежно намалеванные черным на простынных полотнищах. Рогов невольно попятился назад в переулок: на его глазах, на глазах множества горожан проходила демонстрация диссидентов.

Диссидент... Само слово было неприятное, а уж понятие за ним крылось и вовсе страшное. Диссидент — тот, кто заносчиво противопоставляет себя коллективу, тот, кто считает себя умнее других, да не только каждого по отдельности, но и всех вместе, объединенных в непогрешимую партию. Диссидент — тот, кто не принимает не только нашу идеологию, но и нашу мораль, ведет себя распущено и безнравственно. Диссидент — тот, кто слушает ночами вражеские радиоголоса, радуясь неудачам своей Родины, готовясь при первой возможности вонзить нож в спину родной стране... Рогов, как и большинство советских граждан, знал, конечно, что существует у нас это постыдное явление, как существуют где-то наркоманы, валютчики, гомосексуалисты, проститутки, но вблизи такого позора никогда не видел.

А тут неожиданно много оказалось этих самых инакомыслящих, готовых выставить свою инакость напоказ, идущих на виду у всех нагло и, кажется, нарочно не в ногу! Потрепанные лица людей, исстрадавшихся от бесплодности нескончаемых разговоров о собственной значимости для истории, горели сейчас горячечной отвагой и сознанием непреложности своей правоты. Длинноногие демонстранты в джинсах двигались быстро, почти бежали, видимо, до конца не веря в то, что их дерзкие мечтания, как табачный дым клубившиеся на тесных кухоньках во время диссидентских сходок, стали реальностью, что под теми безобразными лозунгами, которые они не-

сли, им все-таки удастся беспрепятственно пересечь намоленную правоверными шествиями площадь и безнаказанно разойтись. А возмутительнее всего было то, что, чуть отстав от толпы отщепенцев, их жиденькую колонну, словно почетный эскорт, сопровождала патрульная милицейская машина, так и не въехавшая на площадь, но простоявшая до конца митинга. И милиционеры, наши советские милиционеры, не только не задерживали крамольников, напротив, создавали им все условия для беспрепятственного проведения бесстыдной акции.

«Все. Доигрались в демократию! — размышлял Рогов.— Враги социализма, не таясь, идут по нашей советской земле. Почему разрешили? Как допустили?! Всюду предательство! КГБ бездействует. Партийные идеологи безмолвствуют. Вот тебе: «Иного не дано». Конец революции!»

По городу тем летом поползли вовсе невероятные слухи о строительно-монтажном управлении, где когда-то трудился Рогов. Мол, там-то и засели главные СМУтьяны, решили сами выбирать себе начальников. Рогов навел справки и убедился: стройка, действительно, бурлила. Да! выбирать будем бригадиров, прорабов,— всех снизу доверху... Кого захотим, того и поставим! Мы и только мы хозяева своей страны и, значит, своей стройплощадки! Мы и только мы знаем, как надо работать и как руководить работой! Рогов пожалел было о том, что трудоустроился на новом месте, хотел даже вернуться обратно, ведь сейчас его лучшие качества оченьгодились бы товарищам. Но когда узнал, что Колобанова чуть не выбрали какой-то там шишкой...

К тому же игры с выборами на производстве скоро прекратились. Да и вообще время игр проходило. В головах номенклатурных деятелей, временно растерявшихся от пестроты перестроечных явлений, что-то провернулось: «Кого выбирать? Нас? На альтернативной основе? Начальство себе выбирать вздумали? Вы довыбираетесь, лодыри и тупари! Вы такого наворотите!.. Ну вас к хренам с вашей революционной ситуацией, когда низы, якобы, не хотят жить по-старому, а верхи не могут руководить! Мы — можем! Мы прищучим эти вшивые низы карточной системой, мы дефицит доведем до размеров всеохватности, мы ограбим вас денежной реформой, и тогда забудете про демократические игрища, а будете думать лишь о том, чтобы набить себе брюхо, чтобы хоть крошку малую закинуть в клюв орущих ваших птенцов».

И, конечно, революционная романтика на таком фоне сразу потускнела, порыв к «ленинским нормам» иссяк, мечты о «правовом государстве» и «социальной справедливости» развеялись. Призрак социализма с человеческим лицом замедлил свою поступь при виде другого призрака — призрака нищеты и голода. Затем социалистический фантом стал нерешительно топтаться на месте, а вскоре совсем растаял, как и положено любому привидению. Придавленные к земле ежедневной борьбой за существование люди понуро опустили крылья, а чуть погода за ненадобностью безвозвратно отбросили их, как отбрасывает природа гомо сапиенс любой обременительный рудимент... Или, может быть, в глубине человеческого духа все же обретается постоянное желание возвысить жизнь над существованием, подобно тому, как в глубине организма до сих пор сидят непонятно для чего копчик и аппендикс?..

Да-да... Возвысить жизнь над существованием... Однажды (было это, кажется, в марте) Рогов, бесцельно разглядывая из своего окна, выходящего на задворки, сырую сумеречную улицу, заметил у мусорных баков оборванного какого-то старика. Сначала невозможно было разобрать: чего он там копается? А потом дошло: дед выбирает из помойки что-нибудь годное для поддержания жизнедеятельности. Рогов впервые видел такое, и потому долго не верил своим глазам. Над страной по-прежнему развеялся алый стяг с серпом и молотом, а бездомный нищий уже рылся в чужих отходах. Рогова чуть не стошнило, когда он прочувствовал всю отвратительную несуразность этой непоправимой драмы.

Тоска, тоска и тоска! Мартовская грязно-слякотная тоска колыхалась в душе, грозила излиться наружу: «Твою мать... Вот же он, оскал капитализма... Первое, что к нам попало с Запада — не сверкающие всеми огнями витрины, которыми так соблазняют рыночники, а копающийся в мусорке старик. То, что так осуждали, глядя на размещенные в газетах фотографии зарубежных корреспондентов, то, чему так дружно ужасались, уверенные, что вот уж этого-то у нас не будет никогда, вот оно — под твоим окном. Полюбуйся на достижения советского строя!»

А процесс-то уже пошел, как сказал бы архитектор перестройки, пошел неостановимо, показывая свою оборотную сторону: поперли как из-под земли кооперативы, частные лавочки, сомнительные фирмы... Рогов просто поражался: «Откуда? Как и почему до сих пор живет в людях тяга к личному имуществу? Семьдесят лет вытравили частнособственнические инстинкты, а они по-прежнему не искоренены! Семьдесят лет не давали даже ростку приобретательства пробиться сквозь асфальт передовой идеологии, а вот все-таки лезет оно на белый свет! Слово спора сибирской язвы, навечно заразила людей жадность и, как ни борись с ней, начинает размножаться при первой же возможности. Стремительно плодятся смертоносные бактерии и отравляют человека, инфицируют общество! Да как же с этим справиться? Да возможно ли это победить?!»

Рогов с настойчивостью обманутого кредитора вновь и вновь шел к памятнику Ленину. Рогов с пылкостью дервиша приходил сюда за разрешением все новых и новых сомнений. Рогов с робостью нерадивого ученика приближался к пьедесталу. Рогов с надеждой усомнившегося апостола заглядывал в лицо каменноглыбному гиганту. Но гигант уже не метал, как прежде, молнии, он отводил глаза.

«Ты только не сдавайся,— твердил себе воин-одиночка.— Нельзя сдаваться, даже если все оказались предателями, даже если каменный Ленин устал; ты не уставай, ты будь надежнее камня и стали, ты оставайся несгибаемым». Но силы невосстановимо убывали, но улетучивались с каждым днем корчагинские задор и упорство, но слишком многочисленны оказались темные волны вражеских атак. Сохранялась еще надежда — на органы госбезопасности, на орден меченосцев революции, на рыцарей с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем, которые должны же очнуться и восстановить в стране железный порядок. Однако органы демонстративно бездействовали; следовательно, там тоже измена...

Рогов решил переходить на нелегальное положение. Он уже представлял себе, как будет по ночам расклеивать листовки и как однажды попадет в лапы к контрреволюционерам, которые примутся пытать его, выжгут на теле пятиконечную звезду, но Рогов, конечно, на допросах не произнесет ни слова и не назовет ни одного имени. Плевать, что нечего сказать и некого выдать! Он будет молчать из принципа.

День ото дня Рогов все более замыкался в себе. И без того редкие контакты с людьми почти прекратились: наверняка вокруг полно тайных агентов деструктивных сил, а Рогову никак нельзя выдать себя. Во что бы то ни стало он обязан сохранить и передать будущим неведомым пока соратникам горящую в его душе единственную на всю страну, на всю планету лампаду с огнем революции, так трагически одиноко трепещущим в сгущающейся тьме.

И что интересно: как только Рогов осознал всю значимость выпавшей на его долю грандиозной миссии, ему начали деятельно помогать некие высшие силы. Удивительным образом Рогов, словно по открытой книге, читал самые тайные замыслы врагов. Вот они решили прибрать к рукам прессу, и газеты одна за другой с бездумной легкостью переходили на сторону мракобесов. Вот начали действовать на производстве и в сельском хозяйстве заранее внедренные, но до времени законспирированные саботажники. В результате их диверсий начался товарный, а затем и сырье-

вой голод; вскоре стало явственно угадываться приближение голода в самом прямом, самом убийственном смысле этого слова. Рогов с вдохновением визионера прозревал дальнейшее развитие событий: контрреволюционеры спровоцируют недовольство народа, поднимут армию и установят военную диктатуру, арестуют партийно-государственную головку, после чего начнутся облавы на рядовых коммунистов.

И вот тогда, захватив всю полноту государственной власти, подчинив себе пропагандистскую машину, развязав террор против партии, супостаты каленым железом выжгут из памяти народной светлый образ Ленина, великие идеи коммунизма. Рогов даст им время успокоиться, удостовериться в окончательной победе, а потом начнет действовать. Противостоять всепоглощающей, всерастлевающей контрреволюции можно лишь длительной и кропотливой нелегальной работой. План затяжной подпольной борьбы созрел у Рогова как-то одновременно, но в мельчайших деталях.

Уже существовала принципиальная договоренность о переезде в один из отдаленных райцентров области, где требовался мастер производственного обучения в лесотехнический техникум и куда Рогов прибудет под видом простого учителя. Оттуда, из-под сени бесконечных русских лесов, начнется красное сопротивление и, возможно, партизанская война. Там, в тиши дубрав, в одинокой избушке лесника, будет создан законспирированный штаб революции. Рогов распропагандирует местных жителей, привлечет их к борьбе. Возникнет разветвленная сеть тайных боевых организаций, способных в нужный момент вновь направить ход истории в предначертанную классиками марксизма-ленинизма колею.

Однако это произойдет еще не скоро, а пока он сосредоточится на воспитательной работе. Рогов не повторит прежних ошибок: студенты и школьники оказались неспособны к восприятию революционной теории, поэтому он начнет с детского сада, с яслей! Ошибка советской системы образования заключалась в том, что малыши-дошкольники считались как бы идеологическими допризывниками, по малолетству освобожденными от серьезной и целенаправленной коммунистической закалки. Поэтому и приходили они к октябрюскому возрасту с сознанием, уже деформированным царившими в обществе нигилизмом и обывательщиной. Да и октябрат почти не подвергали никакой идеологической обработке, так... на уровне атрибутики, поверхностно. Неправильно это! Если бы сызмальства ребенок впитывал высокие истины, то, став взрослым, без всякого принуждения и даже контроля жил бы в соответствии с заповедями кодекса строителя коммунизма, более того, начал бы воспроизводить впитанное в детстве в поколениях своих детей.

Вот по какому пути следовало двигаться! А выходить на него нужно немедленно, пока еще живы в памяти молодых поколений наглядные примеры беззаветного служения благородным идеалам и самоотверженного труда во имя приближения светлого будущего всего человечества. Конечно, для принятия срочных мер общественного спасения потребовались бы дети, совсем маленькие дети (хотя бы один для начала!), которых Рогов воспитает убежденными коммунистами, которым передаст факел борьбы. Только детей у Рогова не было, и завести их в ближайшее время не представлялось возможным... Вот ведь досада: все досконально продумано, а из-за какой-то ерунды нельзя осуществить такой логичный, такой стройный замысел!

Выход неожиданно подсказала уборщица из того ПТУ, где покуда продолжал служить Рогов. «Покуда» — потому что из училища он в любом случае собирался уходить, даже если бы не нашлось место в лесотехникуме. Бывший строитель впервые ступил под своды храма производственного обучения с заведомым пиететом к преподавателям, с пиететом, равновеликим его априорной любви к детям. Но слишком скоро издерганное болью сердце коммуниста оказалось уязвлено в очередной раз: он убедился, что в педагогической среде тоже свил свое змеиное гнездо оппортунизм.

Женщины, большинство из которых оказались незамужними, интересовались исключительно вопросами взаимоотношения полов, и ничто другое в многообразном, радужном мире их не занимало. Они изводили нового члена коллектива своими неотступными взглядами: кто призывными (впрочем, без намека на страстность), кто томными (впрочем, скорее, скучающими), кто наглыми (впрочем, скорее, злыми), кто притворно скромными. Рогову иногда даже снилось, как все эти бабы скопом наваливаются на него, напирают увядающими бюстами, настойчиво подталкивая в сторону городского загса. Причем, похоже, не имело значения, кто из них будет зарегистрирован в качестве жены, но пока всем хороводом не загонят «неокольцованного» мужика в стойло законного брака, покоя ему не видать... А немногочисленные мужчины из числа преподавателей ПТУ были, напротив, необщительны, замкнуты, могли разговориться лишь после рюмочки во время совместных застолий по праздникам. Да и тогда все разговоры сводились к тому, кто и что сумел «достать» для дома, для дачи, для автомобиля...

Люди, которым доверена ключевая общественная функция — формирование сознания будущих представителей рабочего класса — запутались в сетях обывательских предрассудков и не только ни в коей мере не соответствуют своему благородному предназначению, но и органически не способны подняться на должную идейную высоту.

Коллеги вновь оказались идеологическими противниками! Рогов же своим мелочным крючкотворством и перманентным занудством снискал у сослуживцев звание склочника, постепенно сделался изгоем, как и упомянутая выше уборщица, страдавшая, по столь же безапелляционному, сколь безосновательному суждению окружающих, тихим помешательством.

Как часто кажущееся необычным поведение заставляет нас презрительно и поспешно сказать о ком-то: «Ненормальный!» Как мало у нас желающих объективно и всесторонне разобраться в том, что легче всего объявить «странностями»! Ну да, была у немолодой уже женщины привычка все время бурчать себе что-то под нос. А вдруг беседа, которую она постоянно вела сама с собой, настолько увлекательна, что ее жаль прерывать и на минуту? А вдруг уровень этого внутреннего диалога соответствует масштабу споров философов Академии? Во всяком случае, Рогов, несколько раз слышавший сделанные «техникой» замечания по разным поводам, поражен был тому, насколько ее комментарии были точны и настолько исчерпывающе характеризовали участников событий.

Рогов раз от раза все внимательнее прислушивался к бормотанию уборщицы, цинично игнорируемому всеми остальными. А в тот памятный день он уловил в потоке речи полумойки созвучные своим мыслям слова. Гремя ведром и шаркая тряпкой по коридору, старуха негромко бубнила: «Дети растут, ничего не знают... Лезут на свет из транды, никому не нужны...» Случайно проходивший мимо Рогов вздрогнул и остановился. Какая-то неясная догадка мелькнула в голове. Он счел необходимым подробнее расспросить о ненужных детях, и уборщица охотно передала ему рассказ своей знакомой, вахтерши в каком-то общежитии: вот-де, одна дуреха деревенская приехала в город на заработки, да тут и понесла. Теперя скоро родит, а куда его? Не котенок, в речке не утопишь. Отца не сыщешь. Вот бы кто замуж взял, пока брюхатая, так ребяенок и думал бы, дескать, — отец; слушался бы да почитал. А так — кто ж ее возьмет? Ни она никому не нужна, ни байстрюк, слышь, никому не нужен. А только так-то не должно быть в нашем-то государстве. Кто-нибудь, слышь, должен за это дело взяться.

«Да! — осенило Рогова. — Я возьмусь. Это выход. Это для всех выход». План спасения родины и революции был экстренно скорректирован. Переселение в отда-

ленную местность не отменялось, но поедет Рогов туда уже с женой, с этой несчастной на данный момент беременной гражданкой. Когда же она разрешится от бремени и на свет появится младенец, Рогов начнет свою работу по воспитанию ребенка в духе верности заветам Ильича. А дальше все пойдет как по маслу: юный помощник, подготовленный с самого детства к борьбе за правое дело и не боящийся трудностей, а также его мать активно включатся в процесс формирования новых поколений убежденных ленинцев, чей кадровый резерв постоянно будет пополняться за счет усыновления других сирот, которые, вырастая, занимая ключевые должности на производстве, в органах управления, в армии, поотрубают головы контрреволюционной гидре и выведут страну на марксистско-ленинский курс.

Дух захватывало от открывшихся перспектив! Рогов впервые за долгое время почувствовал прилив оптимизма. Неисправимый романтик, он загорелся мыслью немедленно приступить к реализации проекта, за секунду сложившегося в голове. Азарта добавляло то, что намеченная схема казалась вполне реалистичной, даже легко воплотимой: ненужных родственникам детей в стране найдется немало, их-то Рогов и возьмет под свою опеку. Как это сделать, пока неясно, но главное сейчас — заложить хотя бы первый камень в фундамент будущего подлинно справедливого общества. Главное — не упустить младенца, о котором ему только что стало известно.

Рогов разузнал у уборщицы, в каком общежитии работает ее подруга-вахтерша, как зовут простужку на сносях, и на следующий же день отправился в гости.

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

ОТПУСТИ ЕГО НА НЕБО, ДУША, ОТПУСТИ...*

Лямкин Вячеслав Михайлович, молодой прозаик, кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского, технический редактор журнала «Бийский Вестник».

3

Дверь открыла Рита. Держа в руках мобильник, слушала в наушниках музыку. Обняла бабушку:

— Бабуль, располагайся! — Рита взяла сумку и поставила на тумбочку в прихожей. — Есть чего вкусенького?

— Я там тебе конфеток собрала, яблочки.

— Чай поставить? Будешь?

— Попозже. Ты уже из школы?

— А? — Рита освободила одно ухо.

— Вы что уже отучились? — повторила Мария.

Рита отмахнулась:

— Нет, сегодня конференция, мы не учились! Сейчас девчонки придут. Уроки сделаем, потом на треньку поедем! Родители к семи вернутся. Давай тебе телек включу?

— Не надо, я просто посижу. Пообвыкнусь! Как там отец с мамой.

— У отца завал на работе. Проверка на проверку. У мамы отчеты. Короче, я сама по себе.

— Бедная моя девочка!

— Чего, бабуль, я бедная, наоборот — в кайф! А то сейчас немного освободятся, и начнется — учи то, учи это! А то ты их не знаешь! Все хотят, чтобы их дочь профессором стала. Репетитора наняли по английскому.

Немного поболтав с бабушкой, Рита ушла в комнату, заниматься своими делами.

Мария начала разбирать сумку.

У сына в квартире хорошо. Печку топить не надо. Рита сказала — евроремонт, а кажется — комната в музее.

Когда сын и сноха пришли с работы, сели ужинать.

Сноха Маринка приняла свекровь любезно, но без видимого энтузиазма.

— Мария Петровна, крепитесь! Не вы первая, не вы последняя!

— В доме воду слили? — спросил сын.

— Слила. Ведрами потихонечку вытаскала! — ответила Мария, разглядывая морщинки на лице сына.

* Главы из повести.

Заметила на висках седые волосы, в точности как у отца. Повзрослел Коля.

— Про памятник не узнавала?

— В КБО заходила. Стоят и по десять тысяч, и по двадцать. К весне закажем, ко дню рожденья. И земля успеет осесть.

— Можно здесь взять. В выходные съездим, дом проверю. Вещи теплые забрать, телевизор со стиралкой...

— Ты помнишь, папа просил на даче помочь забор ему поправить! — вставила Маринка. В голосе снохи прозвучала претензия.— Уже вторую неделю ждет...

Мария поспешила ее поддержать:

— Сынок, да мне не к спеху. Лучше съезди, помоги свату. У меня плащ теплый, на первое время хватит. Успеем еще!

Марии хотели постелить в комнате, где спали сын со снохой, но она запротивилась, изъявив желание лечь в зале на диване.

— Что я вас буду стеснять!

Мягкий уголок был немного жестковатым для ее костей, и она долго не могла к нему привыкнуть.

Взяла на себя готовку. К приходу домочадцев обед или ужин старалась подать горячим. Маринке не угодишь. Та еще фифа — то ей салат крупно порезан, то котлеты ей кажутся не прожаренными. И во всем так. К машинке стиральной лучше не подходить: автомат какой-то. Позже Маринка стала часто говорить:

— Мама, ничего не готовьте, не надо. Я приду с работы, заранее закажу пиццу, роллы и суши! Сразу с доставкой домой! Вам обязательно понравится!.. Ритка обожает.

Или еще хуже — придет с работы, принесет с собой шаверму какую-то. «Тьфу, гадость!» — отплеывалась Мария.

Мария первое время обижалась на сноху, а потом успокоилась. Пусть живут, как хотят.

Николай старался не спорить с женой. Маринка им правила, и он лишний раз молчал, зная строптивый характер супруги.

Да и Мария чувствовала, что оказалась обузой. Забот на работе сыну хватало, оттого и матери времени уделял мало. «Жизнь такая — не мы такие», — повторяла Мария. Все бегом, бегом в погоне за копеечкой. И оглянуться некогда. Боязно. Вдруг потеряешь возможность заработать. Все это она понимала. Да еще Маринка начала заводиться по пустякам. Начали ссориться с Николаем на ровном месте. Мария переживала. Попыталась поговорить с сыном.

— Пройдет, мам, не беспокойся!

«Мне бы крайней не остаться», — думала Мария, но к молодым не лезла — пусть сами разбираются.

Николай возвращался с работы поздно, принимал душ, ужинал и уходил в комнату. Разговоров с матерью избегал то ли от боязни заговорить об отце и разбередить ее душу, то ли действительно уставал и ложился спать.

Отвлекаясь, Мария часто примеривалась к внучке и сильнее убеждалась — не в их породу пошла, видно, Маринкина захлестнула. Ей интересно было следить за Ритой. Вспоминала себя в этом возрасте.

У Риты одна забота — от «Нокиа» взгляд не поднимает и только и слышно — «Эйвон» помаду да тени выпустил. У нее в Ритином возрасте другие были...

...После смерти отца сестрам досталось поровну: первокласснице Нине поручили приносить дров на три печи — на русскую, на голландку и на «контрамарку» — круглую печь, обтянутую железом, стоявшую посреди дальней комнаты; Рае досталась работа по кухне.

Ремзавод обязательства по отношению к сиротам исполнял вовремя. Когда завозили угля и дров, приходил работник и стаскивал их в углярку. Корм для коров и овец сваливали перед оградой. Но даже при помощи работы по хозяйству, возложенной на Марию, хватало изрядно. Из стайки назем вычистить, скотине на ночь сена задать, по ведру жома поднести. Иной раз бабка Потаниха жалела сиротку и отправляла своего сына Серьгу (ее погодку) помогать вывозить навоз. А потом она шла и помогала Серьге.

У Потаниных огород под уклон. Нагрузят полный капот от «зилка», приспособленный под возку помета, сверху бычьей шкуру постелют, и радости больше, чем на наземе под горку скатываться, не найти.

Однажды весной строгая баба Лена (она велела — нужно выполнить) уехала в Кучук к родственникам. Разыгралась метель, и она припозднилась. Тогда Марии пришлось первый раз доить корову. Рыжий телок с белой звездочкой на лбу с тупыми рожками жалобно и надрывно мычал в загоне. Мария взяла литровую эмалированную кружку и подступилась к непослушной Зорьке...

Учились понемногу хозяйничать. Баба Лена по выходным затевала стряпню. Налепит булочек, а когда теста немного оставалось, вдруг взмахивала руками:

— Меня ж Потаниха звала, давление ей смерить нужно. Я мигом. Если задержусь, достряпайте. Яичком смажьте и в печку. Да смотрите в оба! А то пригорит. Переворачивайте противень.

Уже тогда интуитивно в маленькой девочке зарождалась та родительская любовь, недополученная ей, заставлявшая ее крепко обнимать младшенькую Нину и петь колыбельные, учить сестру выговаривать букву «р». Произносить не «улиса» и «курица», а нормально — «улица» и «курица». И радоваться, и смеяться вместе, когда Нина, завидев друга отца Сергача, кричала ему:

— Дядя Се-р-р-р-ежа, тр-р-р-рактор-р-р!

И эта «р» раскатисто летела по улице, звонким детским голоском шлепала по ушам и получалась настолько длинная, насколько широко растягивалась улыбка на лицах присутствующих.

На собрание к Рае и Нине ходила тоже Мария. Напускала строгий вид, хмуря брови, внимательно слушала наставления и замечания и по дороге от школы до дома старалась их не забыть и передать слово в слово бабе Лене...

— ...Бабуль, нам тут древо семьи задали сделать! — Рита, жуя жвачку, дула на недавно покрашенные ногти.— Не сможешь?..

— Чего еще выдумали?..

— Ну, надо рассказать о предках! Вкратце. Год рождения, чем занимался. Ну, ты поняла!

— Кто вас мучает?..

— Училка по обществознанию. Вторая с начала учебы пришла!

— Чего они у вас, как штаны на глисте?

— В смысле?

— Говорю, почему не задерживаются?..

Внучка пожала плечами:

— А я почему знаю! Говорят, денег мало платят... Первая, Лариса Анатольевна, в торговый центр трусами устроилась торговать, а говорила, уезжает в другой город.

— Ладно, с кого начнем?

— Про дедов я немного знаю. Давай с прадедов!

Мария вдруг улыбнулась.

— Ты чего, баб? — спросила Рита.

— Вспомнила, когда отец твой родился, Наталье пять лет исполнилось. Она с дядей Васей приехала на сенокос за отцом и пока бежала к нему, кричала: «Папка, братишка-Гришка родился!»

— Братишка-Гришка, забавно! — улыбнулась Рита. — Отцу бы пошло!

— Ты записывать будешь или запомнишь? — продолжила Мария.

— По отцовской линии прабабушка Анастасия Тимофеевна и прадед Иван Яковлевич... Они с Рогозихи. Баба Тася поваром работала, дед Ваня мастером леса. После войны дед Ваня окончил Бийский лесхозтехникум. По распределению за Обь в поселок Партизанский направлен на работу. У деда твоего три брата. Сергей — старший, он в Рогозихе родился, Александр, Василий и Михаил — уже за Обью. Баба Тася однажды призналась — Мишу тяжело рожала. Говорила: «Неправильно пошел». Дед Ваня посадил ее на лодку, и они поплыли к повитухе в ближайшую деревню. Надорвалась она тогда, но, слава Богу, родила. А когда обратно плыли, каялась, хотела грех на душу взять — утопить сына в реке. Думала, не нужен четвертый мальчишка, девочку ждали. Но дед Иван Яковлевич не дал. Прикрикнул на нее, напугалась Анастасия Тимофеевна шибко, а потом разумом дошла, чего сотворить хотела. Иван Яковлевич чувствовал, доброе сердце в маленьком комочке, да и нагляделся он за войну этих смертей — долго во снах убитые снились. А случись грех — и кто знает, и вы бы не родились.

— А Партизанский далеко?

— От Боровиково на пароме через реку. На берегу Инюшки несколько кордонов лесничих стояло. Миша рассказывал, без света жили, по нужде в траву, говорит, присядешь — обязательно ужонка спугнешь, а Иван Яковлевич однажды рано утром на работу встал, а на печи гадюка греется. Хорошо ребяташки еще спали. Он их по одному с печи снял, в комнату перенес на руках...

— Бабуль! Бабуль! Ты Расскажи, с дедом долго дружили? — Рита записала несколько предложений в тетрадь.

— Да какой там дружили! Я Натальей забеременела, а его в армию взяли. Перед родами вызвали. Ивану Яковлевичу, как фронтовику, в военкомате на уступку пошли. Летом свадьбу сыграли. А через месяц Васька заблажил, мол, Валька беременна. Анастасия Тимофеевна Ваську пуще всех любила, со сберкнижки деньги сняла, и им свадьбу сыграли, дом по Красному Алтаю купили. Людей не обманешь, посмеивались: «Васькина женушка уж двадцать лет «носит», родить до сих пор не может!» Позже они девочку с приюта взяли — черноволосую, кудрявую, похожую на Ваську, но уж чересчур смуглую, точно не в поповскую породу. Александр тогда на отца обиделся, свадьбу сыграл — с родителей ни копейки не попросил. Я помню ту зиму, одну картошку да капусту квашеную ели.

— Свадьбу сыграли, а дальше? — Рита натолкнула ее на забытую мысль.

В голосе Марии, увлеченной рассказом, слышались грустные нотки.

— После свадьбы у свекра осталась жить. Михаил в армии. Наталью в сентябре родила. В новой семье большой любви не чувствовала. Не раз просилась к бабе Лене обратно. Но баба не жалела, назад отправляла:

— Живи у свекра! Будь на виду! А то начнут говорить...

Дом у Поповых холодный оказался. Вместо фундамента — завалинка из опилок. Печка одна русская без водяного отопления. За печкой в маленькой комнате спали Иван Яковлевич с Анастасией Тимофеевной — в ней теплынь. В зале Сергей с Лю-

бой и годовалым Женей разместились, а я в дальней комнате, с Натальей. В валенках по дому ходили, обогреватели не спасали. Забот хватало: меня оставляли с детьми, а еще мужики на обед придут — накормить надо, убраться, пеленки постирать. Раз, когда все разошлись, дочку унесла за печку, погреться, повошкаться распеленованной. В тот момент вернулся Иван Яковлевич, — документы дома оставил. Увидел Наталью в их комнате — ничего не сказал. А вечером заявил Анастасии Тимофеевне, что спать они будут отныне в дальней комнате. А меня с дочкой переселили в маленькую. Ох, и противилась же тогда свекровь...

Рита слушает внимательно.

— Запоминай, внученька! По отцовской линии закаленные судьбы — до сих пор от них жар идет, кажется, только из кузнецкой печи достали. Дотронешься — обожжешься. А они за землю родную боролись — ухо приложишь — до сих пор стонет.

— Деда Ваня мне прадед. А прапрадед кто?

— Поповы — пришлые казаки с Урала. Яков — деда Вани отец, четырежды Георгиевский кавалер, бежал от большевиков на Алтай. Но и здесь его нашли, и в тридцатых годах, отобрав заслуженные регалии, пашку именную, отправили в ссылку в Приморье на угольные шахты. Осталась Лукерья — жена его с пятью малыми детьми. Говорят, Яков писал жене из ссылки. В письме звал ее ехать на поселение, но Лукерья — женщина малограмотная, но по-женски рассудительная, пожалела малых дитятков и осталась на прежнем месте, наверное, боялась неприятностей, да за детей переживала. Да и против дороги высказался свекор, дед Акат, оставшийся жить со снохой и внуками и отговоривший Лукерью уезжать.

— Ну, а потом? Яков вернулся?!

— Сгинул в чужой земле. Из Рогозинских мужиков кто-то возвратился, рассказал... Дед Ваня старший из детей. Вся помощь матери во многом легла на его плечи. Позже случилась война. Ранение, контузия, долгий период в госпиталях, но домой вернулся.

— А про баб Тасиной линии?

— Только про деда Тимоху знаю. Анастасии Тимофеевны отец. Про него в газете районной писали. Их семерых зажиточных кулаков из села репрессировали. В лагеря под Магадан отправили. Он рассказывал: дочка начальника лагеря на него глаз положила и определила работником на кухню. Он картофельные очистки воровал и ел. Если бы не она, говорит, помер бы. В пятьдесят третьем после смерти Сталина вернулся.

А в девяносто первом, при Ельцине, приказ пришел — амнистия. А бабка Се-рафима с пятью ребятишками осталась, когда его репрессировали. Тяжело же одной, с мужичком сошлась — дочку от него родила. А когда дед Тимоха вернулся — ему под шестьдесят стукнуло — еще двоих родили: дядь Толю и тетю Олю. Мы часто к нему ездили. Выйдет с костылем, на лавочку присядет, перед смертью не узнавал уже многих.

— А по твоей, бабуль, линии, кто у нас?

— Ну, про прадеда Петра ты знаешь, трактором придавило... Мать его старенькая, Домна, коротала деньки на соседской улице. Я бегала к ней с горки отогреться. Она угощала меня горячим чаем с конфетами и, с трудом передвигавшаяся по избе, рассказывала про свою нелегкую долю и уговаривала остаться. Я оставалась — конфет-то еще целый кулек. А раз прибежала, а она конфет не успела купить — и не стала у нее ночевать. Она сильно обиделась.

У Домны сыновья как на подбор — красавцы: фотки у меня лежат. Старший смуглый, в фуражке с красной звездой, в кожаной тужурке. Домна говорила, комиссаром служил. Второй — летчик, третий — танкист. Отец наш самый младший. Дом-

не на трех сыновей в один день похоронки пришли. Ноги сразу отказались ее слушаться. Зубы выпали. Зато волос черный, ни один не поседел!

После войны мужики, отправляясь на работу, уносили ее за деревню, закапывали в горячих песках, она отогревалась, а вечером откапывали обратно. И ей помогло. Поднялась на ноги. А потом ее из Родино в Павловск перевезли... До сих пор стоит в памяти — с «жуковой» косой, плохо ходившая, с грустью в глазах. Видно, смилостились над ней небеса — раньше прибралась, за год до гибели сына...

К Рите пришли подружки. Они закрылись в комнате, громко разговаривали и смеялись. Мария же прилегла на свой диванчик и окунулась в прошлое, воскресив в памяти светлые луга, дни страды, когда тело ломило от усталости, а душа летела...

...Перед ней возник высокий сочный костер, жмующийся к мелким озеркам на левой стороне Касмалы. В затянутых тиной и ряской болотинах, окруженных раскидистым ветляком, плещется то ли рыба, то ли выдра, сразу и не разберешь. Она вздрагивала, резко оборачивалась на звонкий всплеск воды и созерцала расходящиеся в разные стороны круги. Зато в реке точно рыба: чебак сверкнул чешуей, щука, подобно субмарине, бороздящей прибрежные воды, оставила на поверхности свойственные ей рассекающие следы, разогнав водомерок. Рядом в густой сочной траве мелькнуло черное пятно — тут же кровь прилила к голове, и подумалось: «Гадюка!» Их на сенокосе видимо-невидимо. Одна так и красуется — висит без башки, перерубленная острой литовкой, на кустах калины, напоминая: сапоги резиновые обула? Но, заметив желтое пятнышко у ползущего гада, смело выдохнула — ужонок прорывается к воде. Чуть горьковатый аромат пижмы и тысячелистника висит в воздухе, словно застывшая туманная дымка, опустившаяся ночью на сенокосные поля и исчезающая на глазах.

Свекра Ивана Яковлевича усаживают в резиновую лодку и вместе с едой, котелками, литовками и всяким другим скарбом сыновья (все четверо) переплавляют отца на ту сторону Веселенького. Приходит черед женщин. Они визжат, смеются, брызгают водой. Мужчины, раздевшись, втягивая животы от прохладной водицы, преодолевают препятствие вброд.

Белый, в черную крапину, конь, отмахиваясь хвостом от надоедливого овода, бьет копытом о землю, мотает головой вверх-вниз, недовольно фыркает, обнажая ряд крепких желтых зубов, ждет своей очереди. В воду идет неохотно, упирается, но, подстегиваемый Михаилом, сдается. От крупа коня тьма гнуса поднимается вверх, продолжает следовать за ним, снова атакуя его на другом берегу.

Копны подвозят к стогу. Женщины скирдуют. Валю и Любу снимают, остается Мария — у нее лучше других получается вершить стога. Главное — не забыть подсолить середку, верхушку, а то начнет сыроватое сено преть, и весь труд насмарку. Еще придавить бастрыками, связав их веревкой, а то ветер иной раз напроказничает.

К обеду один стог сметан. Иван Яковлевич завет обедать. В котелке дымится каша. Марии нравилась именно пшенная каша на молоке с картошкой и сливочным маслом, приготовленная свекром на костре.

Пот льется градом. Косынка прилипает ко лбу. Тело, наколотое сухим сеном, зудит, и невольно хочется окунуться в теплую Касмалу, смыть усталость. Но купания будут позже, а сейчас свекор торопит...

Норовя пропороть прожорливое брюхо острыми рифами сосен, над рекой нависла сизая туча, чуть светлей приобской ежевики, похожая на зубастую акулу.

Иван Яковлевич и рад бы взяться за вилы, но в Великую Отечественную войну контужен, отчего наступила частичная глухота. Получил ранение в грудь осколком, вылетевшим через спину и оставившим дырку глубиной и шириной в два пальца.

После рука правая еле поднималась, и не работали два пальца — указательный и большой.

— С правой стороны закругли, торчит! — командует Иван Яковлевич. — Серега, соль неси! Давай быстрее, сейчас ливанет! Бастрык крепи!

Из зубастой пасти раздаются рокошующие раскаты грома. Туча- хищник натывается на риф — сосну, и ливень идет сплошной стеной.

— Мишка, иди, снимай ее!

За шумом дождя голос свекра еле слышен. Кофта и трико вмиг промокли до нитки, и Мария скатывается вниз и попадает в крепкие объятия мужа...

4

По утрам, проводив сына и сноху на работу, а Ритку в школу, Мария выходила на улицу погулять. Завела общение с дворничихой, жившей в их подъезде, только этажом ниже. Раз излила ей душу, и вроде бы немного успокоилась, но искреннего человеческого сострадания от собеседницы не почувствовала.

— Ты веришь, Надь, ему в последнее время ничего не хотелось! Верно подмечали, непутевый он мне достался. Но добрый. И справедливый. Не наживной, правда. Из вещей ценных оставил рубанок да бензопилу. Можно подумать, знал, в другой мир ничего не взять. Железки берег, говорил, может в хозяйстве пригодятся, а вещи всякие мог потерять или подарить. Окна заказала пластиковые — взъерепенился! Говорит, деревянные еще лет пять продюжат. Через них считал, дышать легче. А кухонный гарнитур ему понравился. Без спора взяли.

Дворничиха Надька, в меру пьющая бабенка, чуть помладше Петровны, с вечно покрашенными алой помадой губами, орудуя метлой, хмыкнула:

— Какой-то он у тебя инфантильный. Ни че не надо. Пил, поди?

— Да-к, попивал. Не без греха. Мужик на селе постоянно пил, кто с устатку, кто от безделья, кто для праздника на душе.

— А твой?

— Да мой Миша больше с устатку, ну и для праздника тоже случалось. В основном, с братьями умаются на сенокосе, а потом нагрузи да скидай. К работе они с детства приучены. Постоянно скотину держали. У него здоровья мало стало, оттого живность и свели. А дома все руками его сделано!

— Мирно жили? — спросила Надька.

— Всякое бывало! В любом состоянии, но домой приходил ночевать. В два — в три ночи слышу, лошадь заржала, значит, Миша мой дома. То пса выпущу, он мне его найдет. Раз вилкой его колола, до того он мне печенку проел, возьми да ткни его. В сердцах, конечно. Потом жалела, прощенья просила.

— Бил, поди? — допытывалась Надька. — Я третьего, руку только поднял на меня, сразу выпроводила!

— Третьего? — удивилась Мария.

— Да, представь! Мы с ним два года хорошо жили, а потом началось! Первый-то, Серега, от меня ушел. Зараза, до сих пор его не забываю.

— А мы с Мишей до сорока лет чуть-чуть не дотянули. А бить — не бил. Поедет травку подкосить лошади на вечер, таволги мне полевой нарвет. Знаешь, и не розы, а приятно!

Надька в ответ то ли разозлилась, то ли позавидовала — с первого раза и не разобрать:

— С одним и сорок лет проживешь, хорошего не увидишь, а с кем-то и два года полных впечатлений. Мужики разные! А ты, Машенька, мой тебе совет — найди

мужичка, не забывай о себе. Ты посмотри, мы с тобой еще ягодки! Нам еще жить да жить!

После беседы горький осадок остался на душе у Марии. Вроде и выговорилась, успокоилась ненадолго, а вся та тоска, копившаяся в душе, задавила с новой силой.

Мария окунулась в размышления после разговора с дворничихой. Глядя в окно за Надькиными небрежными движениями, сказала тихо, боясь, вдруг та услышит:

— Уж Мишу я не предам!

Разворошила в памяти, когда один-единственный раз Михаил не пришел домой ночевать. В любом состоянии объявлялся — в час, в два ночи появится или лошадь привезет, а той ночью никто не постучал в ворота.

Сомнения закрались у Марии, когда муж не встретил ее с работы. Пришла домой — двери настежь (в конце зимы дело было), лошади в стойке не видать. Протопив печь, уставшая, заглянула к соседям, обежала поселок — не видели. По вещам на вешалке определила в чем уехал. Нарядился в новое — тулуп, шапка из чернобурки, валенки на подошве, купленные специально на выход.

Чуткий сон у Марии. При каждом шорохе чудилось вдалеке «Эх, дороги!». Тогда, накинув поверх ночнушки фуфайку и наспех надев на босу ногу обувь, выходила за ворота, долго всматривалась в темноту, выискивая знакомый силуэт, и, не дождавись, уходила в дом. Разные мысли одолевали ее: представляла мужа в объятиях чужой женщины, боялась, вдруг замерзнет или пырнут ножом в драке.

Утром раздался звонок. Долго не брала трубку. Но решилась — звонила из соседней деревни знакомая, сообщила, мол, видела во дворе у местных цыган их лошадь, предупредив сразу:

— Машка, если хочешь ее застать, приезжай скорей, а то вчера уже ходили по деревне продавали.

Собравшись, Мария пешком прошла до трассы добрых три километра и на попутке добралась до Жуковки. Плутала по улицам, пока ее не встретила Люба, звонившая утром и проводившая ее до места, рассказав по пути о бардаке, творившемся в доме у цыган, — каждый день то поножовщина, то даже до стрельбы иногда доходит.

Свернули в глухой проулок — длинный деревянный барак на две половины, по окна вросший в землю, отпугивал видом. Колорит добавляла нежилая вторая часть с разбитыми окнами, недавно горевшая. Лошадь, понутив голову, стояла покрытая изморозью в дальнем углу ограды. Мария толком не помнила, как оказались в продыmlенной маленькой комнатке, отыскивая среди десятка бормочущих в пьяном угаре мужиков своего ненаглядного, как выведя его на улицу и уложив в сани, благодарил сердобольную женщину.

Очнулась далеко за деревней, в полях. Сани кидало из стороны в сторону и, бросив взгляд на круп лошади, Мария поняла — отсутствует сбруя, которую Михаил ползими выделял заклепками. Вожжи волочились по снегу, но Манькой не приходилось управлять — чувствуя сторону дома, гнедая бойко бежала по знакомой дороге, завернув голову вправо.

Оглядываясь назад, на спящего в санях мужа, Мария не сразу уловила (осознала) в его облике изменения. Перед ней лежал вылитый цыган — в шляпе с широкими краями, в кожаной затертой куртке на молнии, а на ногах — стоптанные кирзовые сапоги.

Плакала от счастья — живой оказался. После накинулась на него в сердцах за ее переживания, за бессонную ночь, жалея новые вещи. Михаил бессвязно пытался оправдываться, мол, погорельцы, захотел помочь, тулупчиком мальчишку малехонького накрыл — спать ему теплей будет. А с тезкой цыганом, хозяином шалмана, побратски обменялись головными уборами, на память.

Несколько раз она сгоняла его с саней и отправляла обратно забрать вещи, но Михаил лишь виновато улыбался.

Приехав домой, гоняла мужа, заставляя управляться и топить баню. А потом оттаяла. Вечером мыла его, точно маленького ребенка, радуясь, что обошлось без неприятностей, зная — счастье и несчастье за ручку рядом ходят.

Так и жили: Михаил раздавал, а она его караулила; загуляет ли, дом открытым оставит, боялась — вынесут последние вещи. При жизни ворчала на него, а сейчас, будь Михаил жив, обняла бы и рассказала ему многое:

«Мишенька, плохо, пусто и одиноко стало в доме. Бросила наш уголок. За сорок лет привыкла — встречаешь меня из центра. Храню в памяти: возьмем бутылочку, отолью от нее половинку, остальное спрячу в сенцах. Боялась, вдруг сильно захмелеешь. А ты ее находил и «приговаривал». Ходил по двору да посмеивался надо мной. Газету покупаю редко, уж извини, зрение никчемным стало. Из гостей уже не спешу, некому оставлять двери настежь».

Аркадий Мар
(г. Нью-Йорк, США)

ВАЛЬС ДЛЯ НАТАШКИ
повесть в новеллах

Писатель и журналист, автор 14 книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН-клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебряная Литера». Лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина.

ВЫСТАВКА ПОРОДИСТЫХ СОБАК

На двери третьего подъезда, где выбито стекло, висел большой лист бумаги:

«Объявление.

23 мая, в воскресенье, в нашем парке состоится выставка породистых собак. Победителям будут вручены ценные призы, грамоты и дипломы. Начало в десять часов утра.

Добро пожаловать на нашу выставку!»

— Да,— задумчиво произнесла Наташка.— Вот бы нам участвовать в этой выставке.

— Но у нас нет породистой собаки,— вздохнул Альберт.

— У нас вообще нет никакой собаки,— заметил Вадик.

— А давайте придумаем, где ее достать,— сказала Наташка.— Только думать нужно быстрее. Сегодня суббота, до выставки один день остался.

— Что если купить? — предложил Альберт.

— У меня в копилке должно быть уже целых рублей шесть накопилось,— сообщила Наташка.

— И у меня пять,— добавил Альберт.

— Сначала нужно узнать, сколько стоит породистая собака,— сказал Вадик.— Пойдемте к Кудрявцевым. У них страшно породистый бульдог есть...

Вадик нажал кнопку звонка и в квартире залаяла собака.

— Каким басом лает,— уважительно произнесла Наташка.— Наверное, порода по лаю и определяется.

— Назад, Рекс, назад! — послышался мужской голос. Дверь открылась, и показался лысый мужчина в полосатой пижаме.

— Извините, пожалуйста,— сказал Альберт.— Мы хотели узнать у вас одну вещь.

— Какую?

— Это породистая собака?

— Еще бы, Рекс призер трех выставок, медалист. А масть какая — во всем городе такой нет! Рекс, к ноге, сидеть!

Рекс подошел, презрительно посмотрел на ребят, открыл огромную, похожую на ведро пасть, зевнул и, плюхнувшись на подстилку, закрыл глаза.

— Да, — сказал Вадик восхищенно, — он, наверное, на любой выставке первое место займет.

— Вы Рекса не продадите? — спросила Наташка. — Не волнуйтесь, у нас деньги есть.

Лысый мужчина подумал, помолчал, почесал затылок и наконец ответил:

— Пожалуй, можно. А то на работе командировками совсем замучили, с собакой гулять некому... За четыреста рублей продам.

— А за меньше нельзя? — поинтересовался Альберт. — У нас только одиннадцать.

— Одиннадцать — как раз на покупку курицы хватит... Рекс, домой!

Рекс открыл сначала один глаз, потом другой, лениво встал, потянулся, вошел в квартиру и дверь закрылась.

— Что же делать? — грустно спросил Альберт.

— Придумал! — воскликнул Вадик. — Попросим просто одолжить Рекса на один день!

И они позвонили снова.

— Вы еще здесь? — удивился мужчина в пижаме.

— Завтра в парке выставка собак, — сказала Наташка. — Одолжите Рекса на один день. Только на один!

— Еще чего придумали! Так и доверю вам собаку. Рекс, голос!

Из-за двери выглянул Рекс, грозно округлил глаза и громко пролаял: «Гав! Гав!»

И дверь опять закрылась.

— Теперь уже ничего не придумаешь, — грустно сказала Наташка...

На скамейке, возле песочницы, сидела соседка Марья Степановна и читала журнал «Здоровье».

— Вы что такие грустные? — поинтересовалась она.

— Да вот, хотели участвовать в выставке, — за всех ответила Наташка. — Только собаку достать не можем.

— Не люблю собак, — сказала Марья Степановна. — От их лая только голова болит. Вот кошки — другое дело!

— А породистые кошки бывают? — спросил Альберт.

— А то как же! Недавно в газете прочитала. В Америке одну кошку за десять тысяч долларов продали!

— Ну, — удивилась Наташка. — За так много! А Рекс всего четыреста рублей стоит!

— Марья Степановна, дорогая, вы в кошках хорошо разбираетесь? — с надеждой спросил Вадик.

— Конечно. Я тебе, милый, про любого кота такое могу рассказать, ни один профессор не знает.

— Наташка, подойди на минутку? — тихо позвал Вадик, и они отошли в сторону. — Слушай, — зашептал он, — принеси кошку. Ну ту, которую мы у живодера Капитонова отобрали. Может она породистой окажется?

И Наташка со всех ног побежала в свой подъезд...

Она открыла дверь, заглянула под диван, на кухню, увидела кошку, сидящую на холодильнике, прижала ее к груди и заспешила назад.

— Марья Степановна, посмотрите,— попросила Наташка.

— Какая пушистая. Ну-ка дай! Она взяла кошку на руки, погладила, повернула к себе и стала почесывать за ушами. Кошка закрыла глаза и довольно замурлыкала.

— Очень хорошая кошка,— одобрила Марья Степановна.— И родословная у нее, наверное, неплохая.

— А что такое родословная? — поинтересовался Вадик.

— Как тебе объяснить? ... А-а, придумала! Как зовут твоего отца?

— Володя.

— Маму?

— Марина.

— Дедушку?

— Дедушка Иван.

— А бабушку?

— Баба Ньюра.

— Вот ты и рассказал свою родословную.

— А зачем родословная кошкам?

— Так и узнают по родословной, породистая она или нет. Понятно? Ну я пойду, мне еще в магазин успеть нужно.

Она встала со скамейки, кошка недовольно заворчала, приоткрыла желто-зеленый глаз, и спрыгнула на землю...

— Ура! — закричал Вадик.— Теперь мы тоже в выставке можем участвовать. У нас породистая кошка есть!

— Но сначала нужно узнать, как зовут кошкиных родителей,— напомнил Альберт.

Наташка подняла кошку на руки и попросила:

— Кошечка, милая, как звали твою маму и папу?

Но кошка молчала.

— Так она тебе и скажет,— засмеялся Вадик.— Самим нужно придумать самую лучшую родословную, чтобы первое место занять. Сейчас принесу учебник истории, по нему сестра в институте занимается. Из него и возьмем...

— Пиши,— сказал Вадик, вернувшись, и протянул Альберту большой лист бумаги и красный фломастер.— Только красиво пиши!

Он открыл учебник, полистал страницы.

— Вот! «Король Артур и рыцари круглого стола». Пиши: отец — Король Артур и рыцари круглого стола!

— Как красиво,— задумчиво произнесла Наташка.— Король Артур и рыцари круглого стола.

— А мать как назовем? — напомнил Альберт.

Вадик полистал учебник еще.

— Здесь только про мужчин да про мужчин,— сказал он.

— Я знаю! — заявила Наташка.— Вчера кинопанораму смотрела... Давайте назовем Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен.

— А что,— согласился Альберт.— Отец — Король Артур и рыцари круглого стола, мать Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Очень даже хорошая родословная получается.

— Так, пошли дальше,— сказал Вадик.— Теперь дед нужен. Вот послушайте:

«Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью».

— Какое красивое имя, отчество и фамилия,— обрадовалась Наташка.— Я таких никогда не встречала.

— Ну я пишу,— сказал Альберт.— Дедушка — «Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью». Теперь только одно имя осталось. Можно я его придумаю?

— Конечно,— разрешил Вадик.

— Пиковая дама!

— А кто это такая?

— Опера, ее сам Чайковский сочинил.

— А-а,— протянул Вадик.— Если сам Чайковский — тогда можно. Читай сначала, как получилось?

Альберт набрал побольше воздуха и с выражением прочел:

— Отец — Король Артур и рыцари круглого стола. Мать — Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Дедушка — Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью. Бабушка — Опера самого Чайковского Пиковая дама.

— Здорово! — восторженно произнесла Наташка.— Да с такой родословной мы обязательно займем первое место!

— Самое главное забыли,— напомнил Вадик.— Кошке тоже нужно имя придумать! Назовем ее... Харлей-Давидсон — самый лучший мотоцикл в мире. Когда вырасту, у меня такой же будет!

— А меня на нем покатаешь? — попросила Наташка.

— Конечно, все тебе страшно завидовать будут!

...Следующим утром Наташка еще лежала в постели, когда со двора раздался голос Альберта.

Наташка быстро оделась, на ходу, путаясь в шнурках, сунула ноги в кеды, схватила кошку и бросилась к двери.

— Ты что так долго спишь? — сказал Альберт.— Я даже устал тебя кричать. И Вадика еще нет.

— Давай сами за ним зайдем.

Двери им открыла мама Вадика.

— Вадик простудился,— сообщила она.

— Мама, кто это пришел? — спросил Вадик из соседней комнаты.

— Это мы,— ответила Наташка.

Вадик, тепло одетый и с перевязанным горлом, показался в дверном проеме.

— Мамочка, можно я с ними пойду? — попросил он.— Я честно-честно с завтрашнего дня болеть буду

— Ну нет,— строго сказала Вадикина мама.— Сегодня посидишь дома, а завтра будешь совсем здоров. Придется твоим друзьям обойтись без тебя.

— Не волнуйся,— сказал Альберт.— Болей спокойно. Мы потом к тебе зайдем и все расскажем.

— Какая кошка красивая,— сказал Вадик.— Пушистая-пушистая.

— Я ее вчера вечером в польском шампуне искупала,— объяснила Наташка.— А она мне все руки расцарапала. Не знаю, почему кошки так купаться не любят?

— А как вы ее на выставку понесете? — спросил Вадик.

— В руках, конечно,— ответил Альберт.

— А вдруг она убежит по дороге! Нужно ее в сумке нести.

И Вадик принес спортивную сумку.

— И вот еще лента, у сестры взял. Завяжи, Наташка, ей бант. Только красиво.

Наташка взяла широкую желтую шифоновую ленту, и на шею у кошки появился пышный бант.

Они осторожно опустили кошку в сумку и застегнули молнию.

— Бегите быстрее, — сказал Вадик. — Уже целых десять часов...

В парке играла музыка и было очень много людей. Альберт и Наташка прошли по аллее и увидели большую заасфальтированную площадку, полную собак и их хозяев.

— Смотри, вон выставка! — сказал Альберт и они подошли поближе.

— Тоже участвуете? — спросил их усатый мужчина с большим черным догом на поводке. — Какая у вас собака, болонка?

— Нет, — гордо ответила Наташка. — У нас с самой лучшей родословной!

— Идите зарегистрируйтесь, — посоветовал хозяин дога. — Это там, где жюри сидит.

И они пошли мимо сидящих и лежащих собак. Все собаки почему-то вытягивали морды к Наташкиной сумке, начинали громко лаять и рваться с поводков.

— Дяденька, — спросила Наташка у седого мужчины в очках, стоявшего у столика с табличкой «Регистрация участников». — Это вы регистрируете?

Он повернулся к ним, внимательно посмотрел и поинтересовался:

— А что, вы тоже участники?

— Конечно, — произнес Альберт. — У нас все по правилам. И родословная есть, — и он протянул родословную.

Седой мужчина взял родословную развернул и вдруг рассмеялся.

— Где же он, ваш Харлей-Давидсон? — спросил он. — Можно на него посмотреть?

Наташка поставила сумку на землю, потянула замок, — из сумки высунулась кошкина голова, потом пышный желтый бант, кошка испуганно оглянулась, увидела собак, выпрыгнула из сумки и отчаянно помчалась со всех лап.

— Стой! — закричала Наташка. — Стой!

Но кошка была уже далеко, потом перемахнула через забор и исчезла совсем.

Из Наташкиных глаз ручьем потекли слезы.

— Ну что ты, — сказал седой мужчина. — Ты же уже большая. Не нужно плакать.

— Мы так готовились, так готовились, — сквозь слезы говорила Наташка. — Тоже хотели участвовать. Только собаки у нас нет.

— Как ваши фамилии?

— Ее — Чеснокова Наташка, а моя — Юлдашев Альберт.

— А я директор выставки Сергей Иванович. Приглашаю вас ее посмотреть. А за кошку не бойтесь. Она, наверное, прямо домой побежала. Садитесь за мой столик, я сейчас приду...

— Открываем нашу выставку! — громко объявило радио. — Сначала состоится парад участников.

В параде участвовали самые разные собаки: большие и маленькие, очень большие и совсем крошечные, черные и белые, коричневые и ослепительно рыжие. Они гордо шли рядом со своими хозяевами, высоко подняв головы и презрительно смотрели на других собак...

Выставка продолжалась, наверное, целых два часа. Наконец все собрались в центре площадки.

— А сейчас,— объявило радио,— называем победителей! Первый приз получает сенбернар по кличке Лорд.

Радио заиграло туш и Сергей Иванович надел красивую медаль на шею собаки, а затем пожал руку ее владельцу и вручил красивый диплом.

— Какая большая собака,— уважительно сказала Наташка.— Вот бы ее зимой в санки запрячь!

— Сразу половину двора увезет,— согласился Альберт.

А по радио вызывали все новых и новых победителей...

И ВДРУГ!!!

— Приглашаются самые юные участники нашей выставки: Чеснокова Наташа и Юлдашев Альберт!

— Это же нас,— почему-то шепотом произнес Альберт,— нас вызывают!

— За активное участие в выставке Альберт и Наташа награждаются почетным дипломом.

Сергей Иванович торжественно вручил им дипломы и сказал:

— Еще для вас есть маленький сюрприз,— и... протянул рыжего лохматого щенка.— Это породистый щенок, терьер.

Вот только имени у него еще нет. Ухаживайте за ним хорошо. И приходите за консультацией...

Они шли домой через весь парк и гордо смотрели по сторонам. Еще бы, ведь теперь у них тоже была собака. Страшно породистая собака - терьер! Альберт шел впереди, размахивая дипломами, и все время оглядывался на Наташку. Она прижимала щенка к лицу, зарывалась носом в его рыжую мохнатую шерсть. Щенок щурил блестящие карие глаза и иногда малиновым шершавым язычком начинал облизывать Наташкин нос.

— А как мы его назовем? — спросил Альберт.

— Конечно, Харлей-Давидсон,— ответила Наташка.

ПОДАРОК

— Послушай, Альберт,— сказала Наташка.— Я с тобой хочу посоветоваться.

Они сидели на скамейке возле песочницы, где по вечерам собираются пенсионеры, и Альберт, наклонившись, задумчиво что-то чертил по песку.

— Понимаешь, у папы завтра День рождения, а я никак не придумаю, что ему подарить.

— Подарить можно что хочешь,— отозвался Альберт.— Я, например, маме подарил духи.

— Скажешь тоже! Духи только женщинам дарят.

— Почему? Моему отцу на работе преподнесли французский одеколон. Зеленая такая бутылочка. А пахучий! Я чуть-чуть на себя вылил — так запах две недели держался!

— Не-е,— отказалась Наташка.— Мне нужно что-нибудь необычное, а ты с одеколоном пристаешь. Сам подумай! Одеколон этот скоро кончится — вот подарка уже и нет.

— Тогда не знаю... А что твой отец любит?

— Любит?.. Газету «Советский спорт», конфеты, лежать на диване. Не любит мыть посуду. Обожает свою работу — даже домой часто расчеты приносит. Потом цветы, меня, конечно, ходить в гости — но почему-то редко получается... Что еще?.. А, вот! Читать про путешествия в дальние страны, смотреть футбол и хоккей по те-

левизору, собирать мои рисунки — целая папка уже набралась. Подожди, сейчас еще вспомню... И когда-нибудь увидеть море!

Наташка перевела дух и остановилась.

— Да, — вздохнул Альберт. — Тут в два счета запутаться можно, что подарить.

— Вообще-то сначала я хотела нарисовать море, — неуверенно произнесла Наташка.

— Ну и нарисуй. Это же просто! Закрашиваешь бумагу в синий цвет, потом изображаешь кораблик с трубой. А из трубы дым. Вот и все море.

— Да нет! Так — я запросто могу. Хоть тысячу-миллион морей. Мне другое нужно.... Как тебе объяснить? Ну, чтобы оно было как настоящее. Понял?

— Так, Наташка, рисовать трудно. Придется очень стараться.

— Пусть! Это же подарок... Вот ты в прошлом году в правдашнем море купался и рисуешь хорошо. Поможешь?

— Ладно, — согласился Альберт и они пошли к Наташке домой...

— Нам с тобой только три часа осталось, — предупредила Наташка. — Ровно в шесть папа с субботника придет. У них на работе месячник озеленения объявили.

— Запросто успеем, — успокоил Альберт. — Показывай, что у тебя есть...

Наташка открыла средний ящик серванта, достала краски, фломастеры, бумагу.

Они разложили все это на столе и принялись за работу.

Наташка нанесла на чистый лист волнистую голубую линию, отодвинулась, прищурила левый глаз и спросила:

— Похоже на волны?

— Вообще-то не очень, — сказал Альберт. — Когда дует сильный ветер, море темнеет.

Он взял другой лист бумаги и начал рисовать сам.

— Мне не нравится! — заявила Наташка. — Почему-то у тебя все черным цветом закрасилось.

— Я же изображаю море в самую сильную бурю! Да еще ночью. А ночью всегда темно.

— А луна?

— Луна? Луну облака закрыли.

— Знаешь что. Давай лучше рисовать море днем. И в хорошую погоду.

Альберт посмотрел на свой рисунок и сказал:

— Неохота снова начинать.

— Ну как знаешь.

Наташка придвинула к себе голубую краску, обмакнула в нее кисточку и... море начало получаться спокойным. В нем отражались облака и солнце. А вдали, похожий на чайку, плыл парусный корабль.

— Здорово! — похвалил Альберт. — И цвет точь-в-точь поймала. Голубой — даже смотреть больно... Только знаешь, кажется, рисунок очень уж маленьким получился... Послушай! Что если нарисовать прямо на стене? Недавно я был в гостях, так там все двери разрисованы. Представляешь — простая дверь в другую комнату, а на ней, над крышами, печными трубами и какой-то башней, летит Карлсон. По-моему, на стене рисовать гораздо лучше... А твой отец не будет ругаться?

— Не-е, что ты! Он хороший и все-все понимает. Потом, *это же подарок!* А кто за подарки ругается! Давай быстрее стену выбирать!

Альберт внимательно осмотрел комнату и даже зачем-то взглянул на потолок.

— Кажется, эта сгодится, — наконец произнес он. — Помнишь, ты говорила, твой отец любит лежать на диване. Вот он и будет лежать и смотреть на наше море. А оно

знаешь как для здоровья полезно. Об этом все медицинские журналы в каждом номере пишут... А рисовать на твоих стенах одно удовольствие — такие светлые обои наклеены...

Сначала они расстелили на полу газеты, придвинули стол к стене и Альберт залез на него.

— Давай разделимся,— предложил он.— Я буду работать над небом, солнцем и облаками, а ты, Наташка, берись за воду — она у тебя лучше получается.

— Ладно,— согласилась Наташка.— Только чур, очень стараться...

Наконец они закончили.

— Уф! — выдохнула Наташка и потянулась.— Устала же я.

— Я тоже,— честно признался Альберт.— Знаешь, давай отойдем, посмотрим, как получилось.

Они собрали газеты, поставили стол на место, отошли и сели на диван.

Картина получилась большой!

Море начиналось от пола — чудесное море, полное ярко-синей воды и блестящее, как зеркало. Разбрасывая брызги, по его поверхности носились дельфины, а вдали, похожий на чайку, плыл старинный корабль. На его узком корпусе горела гордая надпись «Фрегат».

Небо тоже было красивым!

Оно, казалось, возникало из самой воды, отделенное от нее тоненькой бледной полоской,— прекрасное голубое небо, уходящее к потолку. По его глубоким просторам парили стаи мохнатых медленных облаков, и ярко-оранжевое солнце разбрасывало во все стороны жаркие длинные лучи.

— Посмотри,— вдруг сказала Наташка.— Комната стала другой. Какой-то светлой.

— И еще будто раздвинулась и стала больше,— добавил Альберт..

— Вот папа удивится,— произнесла Наташка.— А сколько сейчас времени? Ух ты, половина седьмого! Он же сейчас придет...

Я открыл дверь и вошел в прихожую.

— Вы что такие чумазые? — удивился я, увидев Наташку и Альберта, с ног до головы обляпанных краской.

— Мы тебе подарок готовили,— объяснила дочь.

— Какой подарок?— насторожился я.

— А ты закрой глаза и пошли в комнату. Только, чур, не подглядывать!

Наташка взяла меня за руку и повела за собой.

Все,— разрешила она.— Теперь можешь смотреть!

И я открыл глаза...

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЖУРАВЛИКОВ

— Ну что ж,— сказал отец Вадика.— Если хотите, расскажу о своих поездках.

— Конечно, хотим,— быстро ответила Наташка за себя и Альберта.

— Расскажи сначала про Японию,— попросил Вадик.— Это такая интересная страна!

— Ну хорошо. Про Японию, так про Японию. Только подождите минутку, трубку набью.

Он открыл коробку с табаком и аккуратно, маленькими щепотками стал насыпать табак в трубку.

— Какая у вас трубка интересная,— сказал Альберт.— А зачем на ней чертик вырезан?

— Чертик для красоты. А вот дерево, из которого изготовлена трубка, действительно необычное. Это сандаловое дерево. Оно обладает очень тонким ароматом.

— А-а, знаю,— обрадовалась Наташка.— Из этого дерева делают духи и одеколоны!

— Насчет духов и одеколонов не знаю,— улыбнулся отец Вадика,— но точно знаю, что из него изготавливают столы и стулья.

— Здорово,— сказал Альберт.— Стоит в комнате мебель и пахнет духами.

— Это еще не самое интересное, что есть в Японии,— вступил в разговор Вадик.— Папа, расскажи про кошек.

— Кошки там действительно необычные — бесхвостые, с голубыми глазами, очень любят купаться и прекрасно плавают... Но что мы все о кошках да о кошках. Я расскажу про город Хиросиму! В этом городе произошла самая страшная трагедия на земле, от взрыва атомной бомбы погибло двести тысяч человек... И сейчас, много лет спустя, та бомба приносит много горя. Дети и внуки людей, переживших ядерный взрыв, заболевают страшной болезнью — лейкемией. Лучшие врачи стараются победить болезнь, но, к сожалению, не всегда это удается, и тогда со всех концов Японии люди шлют маленьких бумажных журавликов. Японцы верят: если журавликов будет ровно десять тысяч, болезнь отступит. Такая вот сила якобы заключена в простых журавликах из бумаги...

— Когда вырасту,— вдруг произнесла Наташка,— то обязательно запрещу все-все пули, бомбы и снаряды.

— Тогда вырастай поскорее,— сказал отец Вадика...

— Папа, можно я пойду их провожу,— попросил Вадик.

— Только недолго. Тебе еще две задачи решить нужно...

— До завтра,— сказал Альберт.— Смотрите, не забудьте, что у меня завтра день рождения!

— Ладно-ладно,— отозвалась Наташка.— Мы про твой день рождения уже целую неделю знаем.

И они разошлись по домам...

— Что-то ты сегодня подозрительно чистая,— удивился я, когда мы возвращались из детского сада.

— Вечно ты все забываешь,— ответила дочь.— Сегодня у Альберта день рождения,— она на секунду задумалась и вдруг сказала,— пойдём тоже со мной?

— Как-то неудобно. Там, наверное, одни дети собираются.

— Ну и что? Зачем тебе одному дома сидеть? А так с родителями Альберта познакомишься!

— Хорошо,— согласился я.— Уговорила...

Я выбрал самый красивый галстук, повязал перед зеркалом модным узлом, провёл щеткой по волосам и повернулся к Наташке.

— Ой, папа! — сказала она.— Какой ты сегодня красивый. Будь всегда таким!

— Постараюсь... Да, чуть не забыл. Нужно же подарить что-нибудь. Альберт сказки любит?

— Конечно,— ответила дочка.— Даже очень.

— Тогда мы ему подарим отличные сказки.

Я снял с книжной полки толстую серую книгу. На переплете золотыми буквами было выведено: «П. Бажов. Малахитовая шкатулка»...

Во дворе, возле песочницы, нам повстречался Вадик.

— Это я уговорила папу с нами пойти,— похвасталась Наташка.

Мы поднялись по лестнице и позвонили имениннику.

— Что-то долго никто не открывает,— удивился Вадик.— Давайте еще раз на звонок нажмем.

Мы позвонили еще и еще.

Вдруг приоткрылась соседняя дверь и соседка сказала:

— Зря звоните, там нет никого. Часа два назад мальчика «Скорая помощь» увезла.

— Как увезла? — в один голос спросили мы.

— Вот так. Аппендицит у него. Доктор сказал — операцию делать нужно. А ведь сколько раз Альберту говорила: не бегай, не бегай, и вот, добегался.

— Поехали в больницу,— сказала Наташка.— Только узнаем, как он себя чувствует. Ну, пожалуйста!

— Хорошо,— согласился я. Потом повернулся к Вадиду,— а твои родители волноваться не будут?

— Нет, что вы. Я им потом все объясню...

Мы остановили такси.

— Нам в больницу,— сообщила Наташка водителю.— Там Альберту операцию делают. У него аппендицит.

— Аппендицит — это не страшно,— сказал таксист.— Через неделю твоего Альберта уже домой выпишут.

Мы подъехали к больнице и я попросил таксиста:

— Подождите нас, пожалуйста, мы только узнаем, как здоровье мальчика...

Через стеклянную дверь мы прошли в большой, ослепительно белый коридор. Там пахло лекарствами и куда-то спешили люди в белых халатах.

— Извините, где здесь можно узнать о здоровье мальчика? — спросил я в регистратуре.

— У него аппендицит,— добавил Вадик.

— Мальчика сегодня привезли?

— Да,— ответили мы все вместе.— Его имя и фамилия Альберт Юлдашев.

— Его уже прооперировали. Врач сказал очень запущенный случай.

— А как он себя чувствует?

— Пока состояние тяжелое. Вы родственники?

— Нет, друзья,— ответила Наташка.

Мы вышли из больницы и опять сели в такси.

— Ну и как здоровье вашего Альберта? — поинтересовался водитель.

— Врач сказал: «Состояние тяжелое. Очень запущенный случай»,— ответил Вадик.

— Да, не повезло вашему другу. Наверное, надолго в больницу попал.

— А от аппендицита умереть можно? — вдруг спросила Наташка.

— Еще как,— ответил таксист.— Вот недавно был случай...

— Остановите машину,— попросил я.— Дальше мы пешком пойдем...

Уже стемнело, когда мы возвратились домой.

— До завтра,— грустно попрощался с нами Вадик.

Но Наташка о чем-то задумалась и забыла сказать Вадиду: «До свидания»...

— Папа,— утром попросила меня дочь.— Позвони в больницу.

Я набрал номер. Трубку долго не поднимали, но вот далекий голос произнес:

— Вторая хирургия, слушаю.

Я спросил о здоровье Альберта.

— Пока без изменений,— ответили мне.

— Нужно что-то делать,— грустно сказала Наташка.

— Но что?

Я попробовал успокоить дочь.

— Наташка,— сказал я бодрым голосом.— Врачи у нас опытные и лекарства лучшие в мире. Уверен, завтра Альберту станет гораздо лучше!

— Папа,— вдруг спросила моя дочь.— Ты умеешь делать бумажных журавликов?

— Что? — переспросил я.— Каких журавликов?

— Маленьких журавликов из бумаги.

— Нет, маленьких журавликов из бумаги я делать не умею. А зачем они нужны?

— Если мы сделаем ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!

— Что за фантазии? Вечно ты придумываешь разные глупости.

— Никакие не глупости,— обиделась дочь.— Я совершенно точно знаю: если будет ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!

— Но почему именно десять тысяч?

— Так надо. В Японии этим способом лечат страшную болезнь лейкемию. А аппендицит недавно вылечится.

— Но мы с тобой понятия не имеем, как делаются эти журавлики.

— Давай попробуем.

Мы убрали все со стола и вытащили имеющуюся в доме бумагу. Первый журавлик у нас явно не получился. Второй тоже. Третий почему-то был похож на женскую шляпу с лентами.

Но постепенно мы научились делать журавлей!

Они вылетали из под наших пальцев все красивее и красивее, важно рассаживались на серванте, диване, стульях,— на столе места больше не было,— самые разные журавли,— из газет, тетрадей в линейку и клеточку, салфеток, а также из неизвестно как попавшей в дом обложки журнала мод...

— Давай отдохнем,— попросил я.— Мы уже часа три работаем.

Наташка рукавом утерла потный лоб и сказала:

— Ой, как много получилось! Сосчитай, а то собьюсь.

И я начал считать журавлей.

— Шестьдесят девять,— сказал я.— Кажется, десять тысяч мы и за год не сделаем.

В нашу дверь позвонили и дочь пошла в прихожую.

— Это Вадик,— сообщила она оттуда.— Сейчас он нам тоже помогать будет.

— А сколько еще нужно до десяти тысяч? — поинтересовался Вадик.

— Девять тысяч девятьсот тридцать один,— ответил я.

— Папа говорит, столько мы и за год не сделаем,— вздохнула Наташка.

— Я знаю, что нужно делать! — сказал Вадик.— Нужно звонить в каждую квартиру и просить, чтобы нам помогли. Сегодня воскресенье, на работу же никто не идет.

— Правильно,— поддержала его Наташка.— Какой ты, Вадик, умный. Я бы никогда-никогда сама не додумалась.

— Тогда и я с вами пойду.

— Отлично, папа,— обрадовалась Наташка.— Вместе мы еще быстрее все квартиры обойдем...

И мы стали звонить в каждую квартиру.

— Извините, пожалуйста,— говорили мы,— мы к вам по не совсем обычному

делу. Наш друг, мальчик Альберт, тяжело болен, и чтобы он выздоровел, необходимо сделать десять тысяч бумажных журавликов. Не могли бы вы нам помочь?

Сначала нас не очень хорошо понимали, но мы объясняли еще и еще, и постепенно люди начинали улыбаться.

— Конечно, мы поможем. С удовольствием, поможем. Только научите нас делать этих журавликов.

Мы учили. А потом шли дальше и дальше....

Наступил вечер. Усталые, мы сидели за столом и из последней бумаги вырезали журавлей.

И тут раздался громкий звонок. Наташка побежала открывать и вдруг закричала:

— Ой, идите все сюда!

— Мы с Вадиком бросились к двери и увидели множество людей. Люди стояли у нас в прихожей, перед настежь открытой дверью, на лестнице, даже в подъезде. Все они держали бумажных журавлей. Держали в сумках, авоськах, просто в руках.

Журавли были самые разные: очень большие и совсем крошечные, самых разных цветов и размеров. Журавлики, похожие на журавлей, и совершенно не похожие. Но самое главное, их было много. Очень-очень много. Наверное, целых десять тысяч!

Люди входили к нам в квартиру, выпускали журавлей на свободу. Журавлики тесно — крыло к крылу рассаживались на подоконнике, книжных полках, телевизоре, просто на полу, на кухне, в ванной.

— Спасибо,— говорили мы всем — мужчинам и женщинам, детям и совсем пожилым уже людям. — Спасибо! Большое спасибо!

А они улыбались и спрашивали:

— Может, еще что-то нужно сделать для Альберта?..

Утром я вновь набрал номер больницы.

— Как здоровье Юлдашева Альберта,— спросил я.

— Гораздо лучше. Худшее уже позади,— ответили мне.

— Ура! — закричали мы с дочерью.— Худшее уже позади!!!

— Нужно об этом всем-всем сообщить,— предложила Наташка.

И мы стали звонить в каждую квартиру.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

**ОКИ-ДОКИ:
МУРМАНСК — СЕВЕРОМОРСК — АМДЕРМА ***

Наш почтотный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

4

На рассвете меня опять разбудил телефонный звонок импортного производства, дающий надежду на что-то хорошее. Однако и в этот раз на противоположном конце провода топтался неугомонный Ливик Генделист, прошедший остаток ночи, как выяснилось, не в баре Интерклуба моряков заграничавания у кружки пива и красных, как первомайские транспаранты, раков, а за познавательной книжкой.

— Оки-доки! — доложил он. — Полное распознавание слова «Амдерма» у нас состоялось. Пострадавших нет.

— Древнее слово?

— Древнее, древнее. Почитай, со времен динозавров.

— Динозавры вымерли, Ливик.

— А слово осталось.

— Ну, расшифровывай.

— Чего расшифровывать? — понес на скоростях Ливик. — Я тебе цитатку выложу, как из учебника. «До наших дней, — говорится в книжке, — дошло предание о происхождении названия поселка Амдерма. Однажды охотник-ненец, плывший на лодке по Карскому морю, увидел на побережье многочисленную залежку ластроногих. И, пораженный, воскликнул «Амдерма!». В переводе это — «лежбище моржей». Потом первопроходец — ненец привел сюда своих родичей. Они поставили на берегу чумы, образовали стойбище. С той незапамятной поры это местечко так и называется — «Амдерма».

— Ливик! А на каком языке воскликнул ненец? Не сказано?

— На древнем, должно быть.

— Каком — древнем?

— Матерном, полагаю.

— Не городи чепухи!

— Почему — «чепухи»? Слушай сюда! Продаю информ-бля-шку на первую полосу. В последний раз, когда я был в Интерклубе, там выступал Ролан Быков.

— Вчера там выступали заезжие лабухи, Ливик! Забыл?

— Не лови на слове. У меня присловье такое, для девочек, чтобы вешать лапшу на уши.

* Главы из повести.

- Мне не вешай.
- Тогда гони уши к пониманию, слушай сюда.
- Слушаю.
- Знаешь, что рассказывал Ролан Быков? А рассказывал он вот что... Ладно, моему изложению на вольную тему ты не доверяешь. Оки-доки! Секундочку терпения: раз-цвай-драй! Открываю журналистский блокнотик, и... Теперь слушай. Запись — как с магнитофона «Яуза». Читаю вслух: «чтобы правдиво сыграть роль скомороха у Тарковского в том самом «Рублеве», что на наши экраны не вышел, Ролан Быков по благу пролез в Спецхран, где хранились оригинальные тексты этих шутников-затейников пятнадцатого запойного века. И что? Последние волосы потерял от удивления! Древние тексты наших предков-юмористов представляли собой сплошной русский мат». Конец записи — в вольном моем изложении. Годится на первую полосу?
- Ливик, я интервью с Роланом Быковым напечатал еще три недели назад.
- С матом?
- Без мата.
- Оки-доки! С тобой все понятно. В современную газету с древним языком — ни-ни! Выпрут. Но под ледяным солнцем чем еще греться ненцу? Какой к нему там древний язык может пожаловать, кроме русского мата?
- Ливик! У нас только один древний язык остался, да и тот под запретом. Не соображаешь?
- Динозавры вымерли, а язык остался. Опять за свое. Так, что ли?
- Кстати, Ливик. А динозавры тут при чем?
- Динозавры там, под землей, в вечной мерзлоте. Они всегда «при чем», если покопаться в прошлом.
- Об этом тоже есть в книжке?
- В книжке больше о мамонтах,— пояснил Ливик.
- А о ненцах нет ли чего путного? Откуда они явились, от кого произошли?
- Все мы произошли от Адама и Евы. Что тут неясного?
- И динозавры?
- Динозавры вымерли...
- А евреи остались,— машинально выдохнул я.
- Вот и поезжай к вымершим. Вдруг живого динозавра откопаешь среди вечной мерзлоты.
- Мне эти «живые» уже два года не выправляют визу в загранку. Это мне — морскому журналисту! А я ведь тоже не прочь сходить в Канны — на фестиваль. Заглянуть на виллу Бельведер в Грассе, где Бунин написал «Жизнь Арсеньева», за что и получил Нобелевскую премию в тридцать третьем году. Или отчего не махнуть в соседнюю Ниццу — посмотреть знаменитые витражи Марка Шагала? А оттуда — небольшая ходка вдоль моря, километров на сто с лишком — и, пожалуйста, Монако, Монте-Карло, казино, и загребай шальные деньги в рулетку.
- А к северному сиянию — слабо? К белым медведям, в Арктику, можно сходить и без визы.
- Но не к африканским бабуинам...
- По бабам и в Африку нельзя. Се-ла-ви! Такая она, житуха!
- Полное пузо, но рваное ухо,— срифмовал я.

5

По прибытию в Заполярье, у входа в аэровокзал, на гулливеровом по размеру щите, выставленном для повышения самообразования туристов и аборигенов, мы прочитали—запомнили: «Мурманск — крупнейший в мире город, расположенный за Север-

ным полярным кругом, в зоне распространения многолетней мерзлоты. Город покоится на скалистом восточном побережье Кольского залива Баренцева моря, в 50 км от выхода в открытое море, в 1967 км к северу от Москвы и в 1448 км от Ленинграда».

На улице ни день, ни ночь, но именно та предвечерняя пора — очей очарованье, когда в портовом ресторане — стекляшке призывными маяками зажигаются огни.

— Вздрогнем? — Ливик Генделист щелкнул себя по кадыку.

Я пожал плечами:

— Если Родина прикажет, пацаны ответят — «есть!».

Но излишнюю инициативу за полярным кругом поостерегся проявлять. Для этой цели предназначались спутники.

За компанию с нами «тушка» закинула в моржовый край первого помощника капитана Якова Харламова, стармеха танкера «Юрмала», на морском сленге — «деда» Семена Огневецкого, старпома — «чифа» Алексея Рогычаева, который сразу после прибытия удалился по каким-то своим неотложным делам. В Мурманске нам предстояло встретиться с капитаном судна Владимиром Гальфериным. А где встретиться — не уточнялось. И без того координаты были ясны. Порт. Административное здание морского пароходства. Второй этаж, а там — заведение известного типа, где питательные мясные калории неразлучны с предательскими-алкогольными.

Здесь и состоялась наша встреча.

Войдя в ресторанный зал, я чуть ли не обомлел. Полярная ночь! Сплошняком — черные форменки моряков торгового флота, а промеж них ни одного привлекательного цветового пятна, платяца что ли. Лицом к входной двери, у окна, потолок подпирает юбилейный вождь — картина из учебников для начальной школы — Ленин на броневике. В черном зале и Ленин, разумеется, тоже в черном. Стоит он в черном пальто, развивающемся под штормовым ветром, на крыше черного броневика. Левая рука цепко зажимает черную кепку. Правая тычет пальцем в небо, указывает впечатлительным клиентам направление. Внизу печатными буквами выведено: «Правильным путем идете, товарищи!».

Что ж, Мурманск — не Рио де Жанейро. Да и не Рига — маленький Париж янтарного края. Такого избыточного изобилия черного цвета у нас даже в Интерклубе не встретишь. Кругом — пестрота от инвалютных нарядов девушек с факультета иностранных языков. А тут черные мундиры, черные тужурки, черные галстуки. Орнамент — черные усики или черные шкиперские бороды. В ярком свете люстры — черный дым свирепых кубинских сигарет «Портагос», либо трубок кустарного производства от ленинградского мастера Петрова, благоухающих амстердамской «Амфорой». Смесь запахов, кулинарных и табачных, достойная плодового пера Хемингуэя. И все это великолепие пропитано притягательными водочными парами. Так что эффект полный: еще не подойдя к стойке, испытываешь неистребимое желание напиться.

Впрочем, стойки и не было в наличии. Была эстрада на четыре стула и пюпитра. Но без оркестра. Были официантки. Две голенастые подавальщицы, в белых фартучках на черных, в обтяжку, платьях и кружевных накрахмаленных коронах на завитых головках.

Были столики. Десятка два-три. Все заняты, кроме первого. Первый стоял напротив входной двери, под портретом Ильича, указывающим нам верный путь. По негласным правилам, как мне думается, за этим столиком набираться до кондиции возбранялось. Поэтому сознательные люди и сторонились его, оставляя свободным для малопьющих. В Мурманске малопьющих не было. Это и вызвало к нам повышенный интерес.

Сначала, как положено, со стороны официантки Машеньки, в черном платье в обтяжку и белом фартучке.

— Что будем пить? Что будем есть?

Она очень удивилась, когда, заказав обед, мы снарядили под него всего один графинчик коньяка, грамм по сто на трезвого человека. Под кофе, так сказать, для мажору.

Потом интерес к нам переключался к двум длинноногим девушкам, явившимся неведомо откуда, возможно, из кухни — и сразу попросившимся под наше крылышко, будто мы из подвида тех залетных птиц, что носят золотые яйца. Яйца же у нас были обычные, и не для заклада в ломбард. Плеснув в их рюмки, я даже начал было читать одной из девушек стихи собственного приготовления: «А я тебя еще не встретил, не знаю, что тому виной, порывистая, словно ветер, еще не узнавшая мной...».

Ливик Генделист тоже попытался намекнуть, что именно эту девушку он не встретил. Но особенно не выставлялся. Ситуация у него, в отличие от меня, была сложная: не повыпендриваешься, будучи рядовым коком, в окружении капитана, первого помощника и стармеха. А комсоставу, при подчиненном коке и неподчиненном «третьем глазе — журналисте», тоже не до заигрываний с прекрасными незнакомками. Так что девушки могли бы для своих прогулок подалее выбрать закоулок, здесь — «непрохонже».

Потом интерес к нам принял совсем неожиданную форму. И выразил его матерый мореход преклонных арктических лет. Местный, массивный, как шкаф, капитан. И столь же малоподвижный. Направляясь в туалет по малой нужде своего просоленного в штормах организма, он, качнувшись, остановился у нашего столика. Развернулся всем корпусом и, указав пальцем на капитана Гальферина, недоуменно провозгласил: «Еврей — моряк!» Подумал секунду, обкатывая во рту вкусовое слово. И снова, с тем же недоумением: «Еврей — моряк!».

И — тишина! Тишина, таящая взрывоопасную искру отчуждения в участвовавших табачных выхлопах под потолком. «Еврей — моряк!» Подумаешь! Ну и что в том такого? Чем тебе не по нутру, что еврей? Отчего тебя воротит? Видеть в нем равного себе — вот что тебе не по душе. Оттого и остановился. Оттого и пальцем показал, недоумевающая. Как это так? Еврей, и не завмаг, не продавец газированной воды. Моряк! А какой из еврея моряк, когда он еврей?

Во мне мгновенно сработала боксерская реакция. И я, резко встав во весь свой невеликий рост, четко выложил:

— Заткнись, антисемитская морда!

И — еще более глубокая тишина. Теперь уже полнейшая тишина и за нашим столиком.

Что такое капитан на судне? Это фельдмаршал, это министр, это непререкаемый хозяин твоей жизни.

Матерый мореход преклонных арктических лет стал жадно хватать воздух, будто сердце его зашкаливало. В глазах высветилось непонимание, переходящее в помрачение рассудка: «Как это так? Ему? Ему — капитану! Ему — морскому волку! И кто? «Салага» двадцати с лишним лет?» Вот это — «кто?» — и перебороло его открытое желание разорвать меня на части, уступило место — страху. «Кто?» — читалось в его глазах, когда он медленно поворачивался и, тяжело неся себя, двинулся в туалет по малой — теперь и большой — нужде своего просоленного в штормах организма.

Девушки, напросившиеся к нам в компанию, как-то незаметно слиняли. Недочитанные стихи, типа — «Еще не узнавшая, где ты? Как долго мне осталось ждать?» — выветрились из головы.

Мы выпили по коньяку и закусили спрессованным в пахучую табачную лепешку воздухом.

Напряжение в ресторанном зале росло. Представьте себе, вы в питейном заведении, и нигде вокруг не слышно ни заздравных тостов, ни бульканья разливных пив-

ных бутылок, ни постукивания вилки, гоняющейся по дну тарелки за маринованным грибочком. И тут к нам подошел рослый, под два метра, моряк с лычками старпома. И обратился напрямую ко мне, как бы не замечая моих спутников:

— Почему ты оскорбил моего капитана?

Я опять встал в полный рост, отнюдь не впечатляющий: метр, шестьдесят три см. Доставал всего лишь до плеча своего противника. И машинально, уподобляясь одесским предкам, ответил через стол вопросом на вопрос:

— А почему он оскорбил моего капитана?

Капитан Гальферин поднял на меня глаза. И дал мне прочитать в них нечто такое, что мог понять именно я, и никто другой. Я и понял. Но сказать, что понял, был не вправе никому, и в первую очередь старпому с «вражеского» судна. А он, видя мою непримиримость и не постигая умом, что за «высшая воля» диктует мне столь наглое поведение, предложил выяснить отношения наедине — за его столиком.

Провожаемый, как в покойницкую, я не подавал виду, что вмазался в пренеприятную историю. Чем она способна закончиться при пьяных разборках? Это одному черту известно. Но при любом раскладе, со смертельным исходом, либо с элементарным мордобитием, на повестку дня выставлено: быть или не быть. Моя козырная карта — еврейская честь, его — виза моряка заграничавания.

Мы угнездились за столиком.

— Степан Антонович, — представился мурманский моряк.

— Ефим Аронович, — ответил я.

— Я здесь — по делу. В море, без малого, двадцать лет хожу.

— Мили на километры мерим?

— Что?

Насмешка «западника» смутила арктического волка.

— Чиф! — повысив голос, старпом назвал свою должность на морской манер.

— Специальный корреспондент газеты «Водный транспорт», журналов «Морской флот» и «Вымпел».

В последнюю секунду меня осенило — на чем играть. Моя козырная карта для партнера по игре в «быть или не быть», разумеется, не в том, что я еврей, и не в том, что я из «Латвийского моряка». Убийственно для него могут прозвучать только центральные московские издания «Водный транспорт», «Морской флот», «Вымпел», где я и впрямь довольно часто печатался.

По беспокойству, промелькнувшему в расширенных от гнева зрачках Степана Антоновича, я увидел: попал в точку. Больше всего «загранщики» остерегаются встреч в поддатом состоянии с вьедливыми журналистами: слово за слово, и мордой сунешься по пьянке в фельетон, выпадешь в бичи, как в осадок, а то и визы лишишься.

— Машенька! — позвал Степан Антонович пробегающую мимо официантку. — Коньяка!

С некоторым изумлением Машенька посмотрела на него, человека, по всем алкогольным статьям, скорее водочного направления в искусстве веселия на Руси, но, припомнив, что и мы не портвейн заказывали, кивнула:

— Несу! — и поспешила в буфет.

За нашим столом тягостно затягивалась минута молчания.

На исходе минуты появилась Машенька. С бутылкой.

— Вот, Степан Антонович... Что заказывали...

Старпом разлил по граненым стаканам: себе и мне.

— Будем! — сказал.

— Будем! — ответил я.

В жизни я еще никогда не выпивал разом полный стакан коньяка. Мог опростоволоситься. Не допить. Поперхнуться. Слезы от избытка горячительных градусов

пролить. Но честь еврейская была дороже. Выпил. Посмотрел на старпома. Он посмотрел на меня. Потом на Машеньку, которая, будто в ожидании второго отделения концерта, не отходила от нас.

— Машенька,— сказал старпом.— Повторить!

— Несу!

Еще одна минута тягостного молчания медленно разменивалась на секунды за нашим столиком. И вдруг я осознал: эта тишина, как заразная болезнь, передалась всем зрителям ресторанный представления. Причем, с той же непостижимой силой, как прежде, когда было произнесено: «Еврей — моряк!».

Автор этого высказывания, кстати, так и не возвращался. За него «горбатился на швартовке» Степан Антонович.

— По второй! — сказал он, и опять разлил поллитровку. Опять на два стакана, вровень, до краев.— Будем!

— Будем! — ответил я, чувствуя всей душой, что мой питьевой подвиг никто не оценит, и более того, впоследствии «никто не узнает, где могила моя» — ведь предстояло подняться на танкер «Юрмала» не у причала, по переходному мостику, а в открытом море, по свисающему за борт шторм-трапу.

Выпив второй стакан, я услышал:

— Ты свой парень!

Я был еще трезвый. Я еще трезво ответил:

— Я свой! — и повернулся к официантке: — Машенька!

Машенька тут же откликнулась:

— Несу!

Третью бутылку по стаканам разливал я. И ни капли не пролил.

— Будем?

— Будем! — ответил Степан Антонович.— А о чем ты будешь писать в свою газету? Про нашу встречу будешь?

— Про нашу встречу не буду.

— Правильно, Ефим Аронович! Что тут писать: выпили — поговорили. А о чем будешь? Про моего капитана будешь?

— Не буду про твоего капитана!

— Правильно, Ефим Аронович! Что тут писать: выпил — поговорил, заснул небось в сортире. А о чем будешь?

— Про своего капитана писать буду.

— Правильно, Ефим Аронович, пиши про своего капитана. А чем он знаменит?

— Напишу — узнаешь.

— Правильно, Ефим Аронович! Нам не к спеху. Пусть только не обижаются на «еврей-моряк».

— А он и не еврей! Еврей — наш «дед» Семен Огневецкий.

— Что?

Тайна капитана Гальферина заключалась в том, что, располагая специфической еврейской внешностью, он был русским. И не только по паспорту, но и по воспитанию. (Это я знал от его друга детства Изя Манова, с кем прежде работал на заводе №85 ГВФ.) Но еврейская внешность досталась капитану Гальферину не случайно. Наследственно перешла к Владимиру Александровичу внешность еврейская.

Его родителей расстреляли в Бабьем Яру. 29 сентября 1941 года.

Он же в тот день родился заново.

Из очереди евреев, идущих по киевским улицам к смерти, его вытолкнул Изя Манов.

Добрые люди подхватили беглеца, спрятали, уберегли от доносчиков. А потом и усыновили. И он вырос в русской семье, приняв национальность спасителей. Да и как

могло быть иначе в оккупированном Киеве? Скажи кому ненароком, что спрячешь еврейского ребенка, и сам окажешься в могильной яме. Вот и не сказали, вот и вырастили, отдали в мореходку и вывели в люди. И совсем не для того, чтобы какой-то другой русский человек, демонстративно указывая на него пальцем, говорил во всеуслышанье: «Еврей — моряк!»

Не для того...

6

На причале, у выхода из ресторана-стекляшки, я оказался в довольно подпитом состоянии, и поначалу даже не заметил, что остался один. Где мои спутники? — задумался я. И вспомнил: когда в гардеробе облачался в утепленное пальто моего брата Бори и брал на плечо походную сумку с вещами, капитан Гальферин сказал... Что? Нечто вроде:

— Мы должны оформить портовую декларацию, судовые документы. Скоро вернемся.

Как долго двигалось это «скоро» трудно было понять. И не с чем было соизмерить.

Ни день, ни ночь. Электрический свет фонарей. Ритмичный плеск воды. Пологие волны медленно, словно при рапидной съемке, накатывались на каменную кладку. Захлестывали ее, ничем не огражденную от моря, и острыми язычками старательно тянулись к какому-то странному сооружению, фанерно-плакатного типа — о двух металлических ногах, с панорамой города по нижнему краю и белыми пятнами, изображающими северное сияние поверху. В центре, чуть ниже Ленинского профиля, скопированного с Юбилейной медали, либо с ее близняшки-монеты рублевого достоинства, шел крупногабаритный текст, своеобразная памятка для въедливых туристов.

«Пишем?» — мелькнуло в мозгу.

«Пишем! — откликнулось на хмельную нотку под Ливика Генделиста — На первую полосу!».

И я вытащил из кармана блокнотик и шариковую ручку.

Вот эта запись.

«Планы устройства портового города за полярным кругом появились в 70-х годах XIX века. Первые изыскатели пришли на Мурман для разведки новых мест в 1912 году. Известный географ Федор Литке, побывавший в Кольском заливе летом 1822 года, писал, что его берега в южной части покрыты «березовыми и еловыми рощами». Город возник во время Первой мировой войны. Черное и Балтийское моря были заблокированы неприятелем. Чтобы иметь возможность бесперебойно доставлять военные грузы от союзников по Антанте, Россия спешно строила железную дорогу от Петрозаводска на Мурман и одновременно порт на незамерзающем Кольском заливе.

Летом рабочие жили прямо под открытым небом, зимой, несмотря на заполярную стужу, в хлипких, насквозь продуваемых бараках. В пищу получали тухлую солонину и непропеченный хлеб из негодной муки. Страдали цингой. Скалистую землю долбили киркой и лопатой. «Мурманка», как называли Мурманскую железную дорогу, в буквальном смысле слова уложена на тела людей, погибших от непосильного труда, голода, холода и болезней.

Вот поэтому, когда здесь прозвучали ленинские слова — «мы не рабы!», весь народ в едином порыве избрал социалистический путь переустройства общества и пошел в революцию».

Пхай-пхай! С каллиграфией, наконец, справился. Буковки туда-сюда, будто под градусом, но смотрятся-читаются. Пальцы заоченели. В мозгах сумбур. Накатилось тягостное ощущение внезапного сиротства. Торчишь, как гвоздь, на берегу коварного

Кольского залива. Столкнуть тебя, как говорится, «за борт» — шлевое дело. В особенности для тех, кому море по колено. После принятия на грудь трех стаканов коньяка, море и мне глубоким показаться не должно. Но я и по пьяной лавочке помнил предостережения старых разбойников пера из нашей газеты: в арктической купели долго не продержишься — пять минут до разрыва сердца. Сердцу же моему не разрыва, а любви хотелось.

— А я тебя еще не встретил! — вырвалось недочитанное в ресторане стихотворение.

— Кого? — вдруг послышалось сзади, из фойе.

Я обернулся. За распахнутой стекляшкой-дверью клубилась беличья шубка. Над ней беличья шапка внушительных размеров.

— Вы ко мне? — спросил я.

Шубка ответила:

— За вами.

— Кто послал?

— Капитан Гальферин. Он вас на пирсе ищет — не доищется. За нами буксир пришел. А вы — в отлучке.

— Не в отлучке, — я машинально воспротивился явной несуразице. — Я за дверью.

— Не за той дверью, — пояснила мне девчужка. — Вы не в ту дверь тиснулись.

— Все двери одинаковы, — пожал я плечами. — А как вас зовут?

— Янат.

— Таня!

— Почему Таня?

— Справа налево будет — Таня.

— Вы читаете справа налево?

— Подражаю Леонардо да Винчи, с его «зеркальным» письмом. Но только, когда вижу красивых девушек.

— Тех, кого еще не встретили?

— Именно. В их присутствии у меня глаза справа налево скашиваются.

— И ходите, куда глаза глядят — налево?

— Сначала я девушкам акростихи пишу.

— А это что такое?

— Вот встречу и объясню.

— Тогда поторапливайтесь.

— А где свиданка?

— На борту танкера «Юрмала». Свидимся — не заблудимся. Акростих с вас! Я вестовая и дневальная по камбузу.

— В подручных, выходит, у Ливика Генделиста?

— Пойдем, пойдем... Там разберемся...

Буксир-тихоход, забитый пассажирами, как городской автобус в часы пик, развозил моряков по судам, стоящим на рейде. На нем мы и задымили в запредельную даль, призывно подмигивающую звездочками навигационных огней.

«В тумане скрылась милая Одесса», а если не по песне, то портовой Мурманск. На горизонте проглядывались обводы танкера «Юрмала». Он был из породы «двадцатитысячников» — двадцать тысяч тонн водоизмещением, таких как «Алуксне», «ИмантСудмалис», полученных Латвийским морским пароходством относительно недавно. Приветливым ориентиром светился фонарь на клотике. Желтыми глазницами выставлялись иллюминаторы. Мокрая веревочная лестница с деревянными плашками-перекладинами свисала за бортом, над которым приплясывал от озноба вахтенный в объемистом бушлате.

Мое внимание зациклилось на шторм-трапе. И мало-помалу озноб палубного матроса передался мне. «Интересно, какая тут глубина?» Впрочем, утопленнику без разницы: в Марианской впадине он захлебнулся, или в бассейне для оздоровительных процедур. «Свалишься в арктическую воду и каюк: пять минут до разрыва сердца», — опять вспомнились наставления излишне серьезных людей из нашей редакции. А как тут сердцу не разорваться, если и впрямь грозит ухнуть к рыбам на дно. Коварный сюрприз состоял в том, что буксир и не думал швартоваться к теплоходу. Он по-бычьи тыкал автомобильной крышкой, установленной на носу для смягчения удара, в покатый борт теплохода, затем по инерции отваливал на несколько метров назад, чтобы без промедления опять двинуться на приступ. И так с постоянством клинического идиота. Взад-вперед! Взад-вперед!

Как я усмотрел по действиям попутчиков, прыгать на шторм-трап нужно было со звериной ловкостью и непременно в промежуток между тычком и отходом нашего мелкого суденышка.

Показать страх мне, морскому журналисту, было неприлично. Но я понимал, что выпитый коньяк ведет во мне свою подпольную и, надо полагать, сволочную работу. Моя боксерская реакция — единственная спасительница в столь конфузный момент — способна подвести. Но что делать? Вместо меня никто не прыгнет. Ни капитан Гальферин, ни первый помощник Харламов, ни стармех Огневецкий, ни Ливик Генделист. Пока я «сообщал об этом на одного», они — первый, второй, третий — и принялись прыгать. Зрелище выразительное: реальность, а смотрится все, как на черно-белом экране в продуваемом сквозняком деревенском кинотеатре. Я бы добавил еще: в эпоху «Великого немого».

В серой полумгле вырастает металлический борт теплохода. Легкий тычок автомобильной крышки, пружинистый отход кормой, вода вскипает пузырьками пены на расстоянии метра между буксиром и танкером. Теперь не зевать. Прыжок. Зацеп. Вертикальное перемещение рук-ног. Довольное: «Оки-доки!» И голос вахтенного: «Следующий!»

Следующим был я. Во мне три стакана коньяка. На мне теплое, но широковатое, следует признаться, пальто брата Бори, на плече сумка с вещами. Я и прыгнул. В нужный момент. По велению боксерской реакции. Она же меня и подвела, подлая. Подвела в тот, совсем уже «не нужный момент», когда я находился в воздухе, между носом буксира и бортом «Юрмалы». Должно быть, я оттолкнулся от буксира излишне сильно, и в следующую секунду моя сумка, подчиняясь инерции, соскользнула с плеча. «Там фотоаппарат!» — ахнуло в мозгах. И я инстинктивно прихватил свой багаж правой рукой. Дальше? Дальше я, все еще находясь в воздухе, осознал, что пропал. Свободной у меня оставалась только левая клешня, и если я не ухвачусь за веревочную лестницу, то питательный корм рыбам обеспечен. И надо же, ухватился. Причем так намертво, что подтянул свое шестидесятикилограммовое тело на одной левой руке, чего в обычной жизни и представить себе не мог, почувствовал опору под ногами, укрепился на перекладине, перекинул лямку сумки через голову и тяжело вскарабкался на судно.

Долго ли находился я в полете между буксиром и танкером? Две-три секунды? Но то, что рассказано, помню до мелочей. Странно, но психологически объяснимо. И как памятно! Хоть и не птица, а видел будто бы все с птичьего полета. Стоит закрыть глаза, и сейчас все это представляется чередой черно-белых кадров — «лихой кинчик!».

Как могло вместиться в мою бедную головушку такое количество мыслей и переживаний за мельчайший отрезок времени? Не мне судить. Говорят, что в момент клинической смерти перед человеком таким же незатейливым образом проходит кинохроника всей его жизни. Моя кинохроника содержит всего несколько кадров — прыжок над морем, с буксира на борт «Юрмалы». И снималась без всякой клиниче-

ской смерти самой выверенной оптикой — глазом журналиста, который полагал себя в будущем и писателем.

7

Проснулся я в каюте с ощущением невыполненного долга. Какого?
Акростих! — осенило.

По выверенной привычке, очнувшись после сна, я не выскочил из постели, поэтому и восстановил тут же во всех мелочах вчерашний день и встречу с прекрасной незнакомкой Янат — Таней, которой пообещал стихи.

Пообещал — сделай! Сделаешь — вручишь. Вручишь... Впрочем, не стану строить планы на будущее. Мы и сегодня еще не разобрались в ситуации. Поначалу, конечно, следует осмотреться в каюте. Две койки, две тумбочки, один иллюминатор на противоположной стене. Сбоку от него фотка, на ней какой-то чеканный профиль. Ни дать, ни взять, Ливик Генделист: вытянутый нос, заостренный подбородок. Но странно, в шлеме со шпилем. Дикая дивности с этим Генделистом. Он и не он вовсе. Артист! Ну, конечно, играл, наверное, в каком-нибудь самодеятельном театре латышского богатыря Лачплечиса. Вот и отчеканили на память.

Память... Моя так устроена, что если что-то ее зацепит, то не успокоюсь, пока не вспомню. Фотография и зацепила. Ливик на ней, не Ливик, но, определенно, где-то я видел эту героическую мордоворенцию. Но где? Точно, в редакции! А еще точнее, в фотолаборатории, у Гунара Ливена. Демонстрируя фотку, он говорил: «Переснял в этнографическом музее. По просьбе одного моряка с «Юрмалы». Парень утверждал, что на чеканке не кто-нибудь, а прямой его предок Лив — Отважное Сердце. По прозвищу «Лев». По преданию, он правил прибрежными территориями Рижского залива в тринадцатом веке».

Правил ли могучий Лив — Отважное Сердце прибрежными территориями, либо всего лишь рыболовецкой артелью, не чуравшейся и пиратского промысла, это одному Богу известно. Но чего от латвийского помора не отнимешь, внешне он здорово смахивает на Ливика Генделиста, словно одна мама их родила. Правда, у моего приятеля Ливика, если порыться в его семейных тайнах, укрываемых от отдела кадров, мама — чистых еврейских кровей, а вот у его предка вряд ли. Хотя кто их знает, этих доисторических мам. Самая доисторическая — Ева. А ее, хотя она вообще по национальности никем не значилась, почему-то считают еврейкой. Но вернемся из райского сада на песчаные дюны янтарного края, к древнему воителю. От кого ему досталась такая кликуха «Лев»? Может быть, он получил ее не в честь царя зверей, чуждого флоре Рижского залива, а подлинно во славу собственного отважного сердца? Секретов не держим: «сердце» на иврите созвучно со словом «лев» на русском языке. Вот и гадай, кто дал герою давнего эпоса прозвище: латыш, русский, немец или еврей? По всему видать, без евреев здесь не обошлось. А как они добрались до Юрмалы в ту глухую пору, когда еще электричка из Риги на взморье не ходила, это не моего ума дело. И без того столько вокруг несуразностей, что диву даешься. Зачем мне лишняя путаница в голове? Лучше стишок для девушки сочиню, просто так, для освежения мозгов да взаимного удовольствия. Где мои рабочие инструменты? Вот мои рабочие инструменты! Блокнотик кладем на тумбочку, раскрываем на чистой странице и давай выстраивать именные буквы сверху вниз.

Я
Н
А
Т

Буквы выстроил, архитектор-затейник. Пора и вдохновением обрасти, рвануть

по строчкам, как по кочкам. Вдохновение — верное средство против похмелья. Проверено: мин нет! Итак? Пишем? Пишем!

Я... Я встретил вас и все былое...

Э, нет, так не годится.

Зайдем с другой буквы. Н... Никогда я не был на Босфоре...

Черт! Кто это втемяшил мне в башку, что вдохновение — верное средство против похмелья?

Я заглянул в тумбочку, стоящую у койки. Обнаружил на верхней полке бутылочку из-под йода, грамм на пятьдесят, ярлыком к ней была прицеплена бумажка с надписью: «Лекарственная настойка. Перед употреблением не взбалтывать. Градусов не прибавит». Отодрал резиновую пробочку, приняохался. Не йод, разумеется, оставил мне Ливик Генделист. А что? Это придержим в секрете, так как на судне после поднятия якоря — «сухой закон».

Якорь подняли — это чувствовалось по усиливающейся качке и рокоту двигателей.

Якорь подняли — отныне на борту пить нельзя.

Нельзя, так нельзя! Но, честно признаться, хочется. К тому же вдохновению «сухой закон» не писан. Никак не раскачается оно, поддатое со вчерашнего вечера вдохновение, пока температурку не поднимет до сорока. Глоток, второй. Температурка и подскочила. Итак? Пишем? Пишем!

Я...

Я в поздний час вас встретил на причале.

Н...

Ночь. Ресторан. Фонарь дымит свечой.

А...

Ассолью вас хотел назвать вначале,

Т...

Таинственную Гриновской мечтой.

Ну, и хотел. А что дальше? Где логическое завершение? Акростих есть, а стихотворения не видно.

Дальше? А что, если дальше дадим акростих на ее обратное имя? Будет, действительно, оригинально: Янат — Таня.

Т

А

Н

Я

Т... Теперь я знаю, вы звались Татьяной...

Нет! Попытка вторая.

Т...

Теперь мне ведомо, Янат вы и Татьяна.

А...

Астральной чайкою парите под луной.

Н...

Навечно ваш! В каких бы ни был странах,

Я...

Я с вами мысленно, вы мысленно со мной.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск Мурманской области)

ИРОНИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ СОЖАЛЕНИЯ:

Тетралогия Алексея Яшина

(Художественно-публицистическая повесть)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Я внимал бы ровному голосу, повествующему о вещах,
не имеющих отношения к ужину при свечах...*

Иосиф Бродский «Развивая Платона»

Трое безумцев у масляной лампы...

В. Иванов «Русь изначальная»

*Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может
быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас,
но только глазами того, кем я буду тогда.*

Джеймс Джойс «Улисс». Часть II. Эпизод 9

НЕКОТОРАЯ, ЯВНО НЕОБХОДИМАЯ К ОСНОВНОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ, ПРЕАМБУЛА

Ну-с, дамы и господа мои, сиречь почтеннейшая публика, если угодно, или же, для поборников сугубой терминологической точности и противников малейшего намека на куртуазность, просто читатели, начнем пожалуй, помолясь. А с чего начнем, собственно? Правильно: с выбора повествовательного стиля, манеры изложения, дабы, таковой неуклонно следуя, соблюсти стройность мысли и логику всего действия, «не меняя коней на переправе», не уклоняясь от избранной темы, не блуждая попусту в нагроможденных рассуждениях. Мне, откровенно говоря, в данном конкретном случае по сердцу было бы придать всему, что будет приведено ниже, явные свойства литературного классицизма. Но не в части, касающейся античных аналогий, а следуя принципу триединства: времени, места и неразрывности действия. Так оно вернее получится, ибо читателю полезнее следить не за динамикой мизансцен, хотя от сего процесса и не избавиться совсем, но за самими диалогами персонажей, в коих вся «изюминка» и сокрыта. Что? *Пиэсу* предлагаете состряпать? Ну-у, сие возможно и заманчиво было бы, однако... Однако не сейчас, ибо... Ибо никогда не пробовал аз грешный сил своих в драматургии, да и драматургии-то в моих записках никакой по сути и нет. Ну, да бог с ней. Давайте уже более предметно...

Скажите мне, читатели разлюбезные, о чем могут говорить-беседовать три закадычных друга, расположившиеся на кухне деревенского старинного дома, куда заглянули в общем-то ненадолго и по конкретному делу, но, застигнутые непогодой, а именно грозой нешуточной и ветерком почитай ураганным, вынужденные пережить стихию в сущей праздности. Вот только не нужно совсем пытаться аналогии строить, вспоминая пресловутую, препошлейшую *кинуху* от всем известного *квартила на одну букву* (гусары, ма-а-а-лчать!!!, поскольку на «И»), да-да, эту, повествующую нам-де о чем говорят друг с другом представители формально сильного пола. Я вас сразу должен уведомить, ибо возможно кто-то не в курсе дела, что никогда и ничего подобного диалогам в упомянутой *картине* настоящие, нормальные, мужчины не говорят. Никогда, повторяю, и ничего похожего.* Да и женщины, скорее всего тоже... Разве пристало перемывать в компании косточки своих любезных? По настоящему любимых... Да ни за что и никогда. И ни с кем. А вот диалоги персонажей (не героев же?) кинофильма — это речи неких обитателей отдельно взятого коммунального пространства. Не больше и не меньше. И пусть наши дорогие женщины на свой счет не сумлеваются. Они же настоящие женщины! И сразу вас упреждаю, что *мои действующие лица* (едва ли даже в потенции герои) беседуют об иных совершенно материях.

Отчего так? Да оттого, что автор, к вашим услугам! — в жизни побывал во многих мужеских компаниях и просто коллективах и нигде подобной галиматши, как у квартиречиков, не слышивал. Иной раз мужики насчет сплетен, и другой раз, покруче любых дам будут. И болтануть зазря не задержатся, и соврать-присочинить, но... Но старинный, накрепко и умело рубленый когда-то пятистенок, в котором персонажи мои находиться имеют, к легкомыслию вовсе не располагает, хотя и не навевает мрачных аллюзий и тревожных ощущений; ведь не шотландский замок каменный, неудобный и абсолютный неумолимый в своем безразличии ко всему на свете. Этот домина деревянный. А древо есть жизнь. А вот о «камне жизни» едва ли кто-то слышивал.

Итак, трое старых друзей коротают время в беседе, переживая непогодь, рухнувшую неожиданно-негаданно на окрестные горизонты. До города неблизко, да и дорожки того, считай фронтовые... О чем же говорят мужчины? Господи помилуй, да о чем же еще судачить, как не о русской литературе? Разве можно вообще чему-либо еще уделять внимание, кроме литературы вообще и нашей родной в частности. Что? История-география? Хорошо. Давайте присовокупим еще театр... ах, да, *пьеса* ведь тоже жанр литературный. Все. Круг очерчен. Теперь конкретика из-под пера пойдет.

Некоторое время назад один из наших собеседников, будучи недвусмысленно и вполне профессионально причастен к литературному труду, и сам прочел, и друзьям рекомендовал *тетралогия* одного уважаемого сочинителя. Четыре весьма достойных романа, что связаны местом действия, главными героями и охватывают обширный период жизни от наших дней и лет до полста в глубину. Читатели же наши, поколенно разновозрастные, тем не менее также в той или иной степени являлись *свидетелями эпохи*, и потому содержание тетралогии воспринимали очень живо, а порой даже болезненно и близко к сердцу. Возможно у кого-нибудь преамбула моя также интерес вызовет, а потому не стану более тянуть резину. Итак, старый, крепкий еще пятистенок на отшибе глухой, в лесу буреломном затерянной, деревни; на дворе жуткая непогодь, гроза и ураганный почти ветродуй, а в доме трое друзей, ведущих неторопливую беседу. Кажется и все...

* Особенно дико в расплодившихся «кинухах» такого рода, что именуются «говорящими головами», смотрится стол без бутылок и никакого курева! — Во исполнение очередной кампании борьбы против чего следует...— Прим. ред.

...Да ведь не все... Долженствует вас, о почтеннейшие читатели, упредить, что, невзирая на посконно-домотканную несхожесть с замками европейскими, дом этот свою чудинку все-таки имел. Какую, спросите? Пустяки, конечно, но... к примеру, причудится может, что старинный предмет какой вдруг интерьер украсит, или вообще убранство комнаты изменится вдруг, причем никакой тревоги у присутствующих не вызвав... Только удивление, и то потом, когда наваждение пройдет... Или помстится ни с того, ни сего, присутствующим, что время за окном иное, и год, и месяц, что они вроде как и не они натурально вовсе, и долженствует им вести себя ответственнее, ибо эпоха обязывает, а опасность недалече... А то и вовсе попросту пахнет на кухне пирогами: с пылу, с жару... Впрочем, может все и обойдется. И стоит себе домина, не чудит, не тревожит никого, космос свой нынешним людям не приоткрывая ни в малейшей степени. Словом, ничего страшного, а только мало ли что... Ладно, дамы и господа, бывшие граждане и товарищи. Милости прошу в избу, а то ведь недолго и простыть на грозе-урагане!

**ПЕСНЯ ОБ ИНЖЕНЕРНОЙ МОЛОДОСТИ,
ИЛИ ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО
(«ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ»*)**

— Итак,— черноволосый, жилистый, длинный, откинувшись на спинку кресла и вытянув весьма «продолжительные» ноги в тапках-шлепанцах, довольно агрессивно глянул на отсутствующих.— Итак, коллеги, давайте-ка, порядка для, оконтурим диапазон обсуждения и одновременно выясним что-нибудь насчет критериев. Системный подход, исповедуемый героями тетралогии, знаете ли, никому не вредил еще; опять-таки мы же с вами некоторым образом и методисты, хоть и стихийные, как было однажды сказано «диалектики-практики». Сам господь велел, значит, бежать обывательских судов-пересудов. Есть возражения?

Присутствующие, они же коллеги и собеседники, не возражали, абсолютно, впрочем, по-разному свое согласие обозначив. Один, примостившийся также в кресле напротив длинного, полный ему антипод, грузноватый, небольшого росточка, с быстро стреляющими по сторонам хитроватыми глазками, неопределенно, даже недоверчиво пожалуй, хмыкнул, одновременно кивнув, а третий, за столом обосновавшийся, лишь рукой махнул: мол, валяй, излагай, и потянулся к пузатому заварочному чайнику, водруженному на вполне приличный еще, хотя и слегка помятый местами, солидный возрастом, но от души начищенный медный самовар. Завладев нужным предметом, он стал неспешно разливать заварку по стоявшим на столе классическим граненым стаканам в мельхиоровых, что называются железнодорожными, подстаканниках. Был он самым молодым из троицы, и, очевидно, мера крепости чая для каждого из приятелей была ему хорошо знакома. Доливая стаканы доверху кипятком из самовара, он деловито пошмыгивал севрюжьем своим носом, морщился, чуть приворачивая краник, когда отдельные горячие капли от черезчур сильной струи брызгали ему на руку, и, закончив с процедурой, вновь принял позу примерного школьника, сложив руки на столе, точно за партой сидючи. Он и был, собственно, недавний школьник, а ныне студент-заочник, полгода как дембельнувшийся, уже отравивший модную сейчас густую, темную шевелюру почти до плеч и украсивший левое плечо

* Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

сложным орнаментом цветной татуировки, выглядывавшим из короткого рукава порядком застиранной, видимо очень любимой хозяином, темно-синей футболки.

— Договорились,— длинный заложил руки за голову и с хрустом потянулся.— А контуры, господа мои, выражаясь художественно, таковы, что с одной стороны, со времен Святополка Окаянного и его воспоследователей,— Изяслава Ярославича и сына его, тоже Святополка, счетом второго, русские «западники», ныне по совместительству и либералы записные, рекут примерно следующее и весьма уничижительное: мол, мы с вами и нам подобные, то есть патриоты, склонны считать, что-де, как это у братьев Вайнеров в «Евангелии от палача»: *«порох выдумали не китайцы, а русский мастеровой Василий Порохов, а компасом пользовались во времена князя Игоря, и паровоз у Ползунова и отца-сына Черепановых пополз и запыхтел раньше чем у Фултона**, а Маркони-гад спер радиоприемник у Попова... а электролампочками Париж освещался Яблочковым; лучшие же в мире яблочки вывел Мичурин, которого шпионы-вейсманисты убили, столкнув с выращенной им клюквы»... Ну и далее в том же духе: дескать, куда лезем со свиным рылом в ряд забугорный калашный?! На что в совсем еще недавнем прошлом отыскал прекрасный контраргумент незабвенный наш и многими качествами замечательный Юрий Визбор; да, тот самый, чьи строки в названии романа положены: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей!».

Иронично? Без сомнения, но... гордость определенная за иронией присутствует, что тоже бесспорно. А поборники америк-европ, либерасты толерастные, извините за выражение, не унимаются, вопят, дескать, что толку от ракет, когда народу жрать нечего; социалка, образование, медицина не финансируются, жилкомхоз на ладан дышит, пенсионеры... обманутые дольщики... (это они уже эпохи в запальчивости путают) сироты... инвалиды... Лучше бы вместо ракет, условно говоря, колбасы и прочих благ насущных на эту сумму! Но и у оппонентов резоны солидные, ибо коли живешь в империи, как бы она не аттестовалась и какую бы общественно-политическую формацию не утверждала, быть ей по статусу геополитическим игроком с соответствующей силовой атрибутикой, дабы побаивались и уважали, иначе растащат на куски, сырьевым придатком сделав, что и пытались воплотить в реальность в «лихие девяностые» недалекие и незадачливые младореформаторы, шестерки дельцов из-за океана, элементы компрадорского государства насаждая. И если не будет ракет, то и колбас всевозможных не будет, вообще никаких не останется, поэтому оружие оружием, геополитика геополитикой, а жратва жратвой, виноват, социалка социалкой. Но вот в нынешнюю эпоху глобализации, как утверждает автор тетралогии, все по другому, не так прямолинейно...

Коротышка вновь хмыкнул неопределенно и как-то едковато, не без яда саркастического улыбнулся.

— Эх вы, коллега, наворотили. Точно мы тут диспут устроить собираемся. А может быть не стоит столь глобально? Ну, написал сочинитель вполне приличную книжку, читать небезынтересно, ностальгии в меру, иронии хватает, в целом не пересолил. Но городить огород обобщений... да кто советскую жизнь не вспоминает вот так-то? И потом, что там в дебюте? Прямая аллюзия с чеховской палатой за номером шесть и отсылка к цитате самого человеческого человека, дескать «вся Россия — палата номер шесть»... Но ведь, если уж разбираться досконально, товарищ Ленин не просто согрешил противу правды, но откровенно слукавил в задоре полемическом; он же вообще состоялся-то во многом как полемист, в основном вот кроет почем зря Богданова в «Материализме и эмпириокритицизме», немца Дюринга, зараз Беркли-

* Автор, очевидно, в данном контексте имеет в виду английского создателя паровоза Джефферсона, ибо американец Фултон — «автор» первого в мире парохода «Клермонт» (1803) и подводной лодки «Наутилус». — Прим. ред.

Юма-Маха... то еще кого ни попадая, причем софистикой предводитель пролетарской диктатуры, о труде имевший несколько отдаленное представление, владел блестяще, виртуозно и убедительно выдавая достижимое за действительное. Это во-первых. А во-вторых... во-вторых, давайте сделаем Антону Павловичу некоторую скидку на излишнюю литературность упомянутого рассказа, несомненно талантливейшую художественность, использованную, так сказать, для большей наглядности, характерности, выпуклости образов и отчетливости, откровенности фабулы, но все-таки... Чехов научился прежде всего ненавидеть определенные стороны общественной жизни и человеческой сущности, и надо признать, ненависть его изыскана и вместе с тем ничем не прикрыта, своих современников он ни капли не щадит и в своей беспощадности гениален, но... Одной ненависти мало, она тоже взор застит и глаза замыливает. Любовь еще нужна, а на оную у Антона Павловича времени и не осталось, даже физически. Ведь как представить ныне творческую метаморфозу Чехова, например, на седьмом десятке лет жизни?! К величайшему прискорбию никак. А доктор Рагин, с Ионычем заодно, чего уж там, безусловно, показательные образы, однако же во все времена и во всех классах и прослойках существовавшие; и воспринимать сии рассказы в качестве предостережения должно, но не более того.

Поскольку Чехова интересовал прежде всего человек, как таковой, как монада, если угодно, не стоит его персонажам придавать излишнюю массовость. Деградация личности имеет место быть при любом строе, в любые времена. А тут целую философию выстраивают на базе некоего частного случая. Не единичного, согласен, но... частного. И потом, та же история повторяется с «Ионычем», а нужно только-то и молвить по его поводу: да, вот как может статься, берегитесь, братья и сестры, рутины провинциальной, зашоренности обыденной, бесцельного существования... Но ведь и рецепт некий нужен взамен, духовный рецепт. И его, этот самый рецепт, может дать только вера и ничего более. Точнее, она и есть сам рецепт. А беда Чехова в том, что он к богу не пришел, ну, не успел, искал, но не нашел, уповая на самого человека, точно как на существо в идеале утилитарное по своей сущности, самостоятельно способное решить любые вопросы рационально, ради «общественных пользы»; оттого, кстати, так с ним, с Антоном Павловичем, и носятся наши горе-интеллектуалы, что сами подобной хворью страдают. Это у них навроде лекарства, помогает оправдать любую либерастию, извините. Почему «горе»? Да потому, что интеллигенции, в свое время модно именовавшееся прослойкой, нынче попросту не существует. Ну, сложилась в позапрошлом столетии этакая *консорция* или даже *конвиксия* выходцев из разночинцев, но себя исчерпала и розно рассыпалась, не став ни субэтносом, ни чем иным. А само название трактовалось и эксплуатировалось впоследствии как угодно вольно. И вся эта шушера нынешних «западников», атеистов, либерастов всех мастей никакого отношения к прежней прослойке не имеет. Но хватких людишек с образованием (ныне липово-компьютерным) и подвешенным языком у нас есть в достатке, вот и *морозят* себе кто во что горазд неподобную чушь, проводя сомнительные аналогии. Зачем? Ради рейтингов и бабла, и ничего иного в подоплеке. Поэтому скучно становится, когда с первых строк романа натыкаешься на приевшиеся сравнения, тем более с явными симпатиями в сторону империи пятнадцати, а еще ранее шестнадцати, республик, не выдержавшей самого малого даже испытания временем. Да, Россия девяностых была на порядок хуже этого социалистического рая, но не зря же говорено кем-то умным «прежде чем станет лучше, будет хуже». И вся недолга. Я и сам девяностые вспоминаю без пиетета*...

Длинный-жилистый, в продолжении монолога выражавший свое к сказанному

* Автор повести в монологах и диспутах своих персонажей, обсуждающих тетралогию романов, проводит линию сравнения СССР — «лихие девяностые» России, в то время как из текста всех четырех книг явно следует именно сравнение с временами настоящими, а «девяностые» — это только «разминка»... — Прим. ред.

отношение либо полуухмылкой, либо кивками головы, не меняя позы, ответил несколько даже с ленцой:

— Практически во всем с вами согласен, дружище... Разве что... Вот когда уважаемый автор устами своего главного повествователя Николая Андреевича и его, так сказать, сподвижников соотносит время развала советской империи и ситуацию, что сему воспоследовало, и время развитого социализма, с явной к последнему симпатией, он ведь предметно сожалеет о конкретных вещах, а именно о военно-промышленном комплексе, о достижениях в этой сфере, о его значении в геополитике, как инструмента сдерживания наших нынешних «партнеров». И сетует недвусмысленно, дескать, зачем же было так бездарно все созданное и накатанное обрушивать, уничтожать, продавая на иголки те же боевые корабли, меняя, если угодно, танк на трактор? А подобное сравнение в любом случае не в пользу новых времен. Даже признавая, как сейчас принято говорить, неэффективность плановой экономики, якобы сырьевую зависимость бюджета союза советских, никакую конкурентноспособность большинства товаров красной империи... Ведь отлаженная, хоть и «порочная» система в любом случае выигрышна по сравнению с полной экономической анархией, бандитскими хозяйственными схемами, отсутствием внятной промышленной политики и так далее... Вот и вздыхает автор сокрушенно, вспоминая с теплотой «золотые» годы советской державы. Кстати, ваш покорный слуга тоже причастен был к советской «оборонке», поработал в этой системе хоть и недолго, но с интенсивностью завидной, и впечатления о том времени сохранил, и опыт определенный имеется. Тут сложно спорить в свете всего нами уже сказанного. И еще, ни одно государство, при любом внутреннем строе, не сможет существовать без позитивных результатов своей жизнедеятельности. Это аксиома, нельзя государству жить без успешных дел! Иначе крах. Почти моментальный, если, конечно, вся буча типа очередной *революции* не затевалась как попытка превращения огромной империи в сырьевой, компрадорский придаток западных «демократий». И люди талантливые и самоотверженные имеются, и в цели великие верят; как не верить; и взаправду, кто же против, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселей»? Да, не спорю, цена великих свершений тоже имеет значение, еще какое, ибо порой она бывала сверхжесткой по объективной необходимости! Только вот сейчас спокойно говорить обо всем этом оппоненты не умеют и не хотят. Одни орут о жертвах, вторые о выдающихся достижениях, не слушая друг друга. Установка у них, опять-таки, не до истины дойти, но свое доказать любой ценой. Истина? Она в спорах и не рождалась никогда и никоим образом. Шоу, одним словом! А теплое отношение автора к тому времени, определяет ко всему впридачу молодость, батенька, пришедшаяся на те времена его молодость! С годами она и должна казаться все более и более привлекательной*. И увлекательной. Пусть на самом деле и не была из ряда вон яркой и впечатляющей. Сказал же поэт-фронтовик Давид Самойлов о войне по прошествии двадцати лет:

*Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где крылатая свобода
Нам как смерть была близка...*

В данном случае и мы с вами, друзья мои, никуда не делись и ведем себя очень

* ...Опять же автор повести устами своих персонажей все сводит к «воспоминаниям молодости», к «большим деревьям» и «мокрой воде»... Но все это слишком просто: автор тетралогии в другой своей ипостаси ученый-эволюционист с широкой известностью, а в таком качестве для него было бы примитивным все сводить к «мокрой воде»...— Прим. ред.

похоже, что естественно. Раньше и конфеты были слаще, и вода чище... Психология, ничего не попишешь. Больничный же эпизод, я так полагаю, автору понадобился, возможно, для затравки. Он, скорее всего, не нам с вами, а вот нашему младому товарищу полезителен — информации для, мол, вот как оно было. Впрочем, как бы ни было, нынешние реалии, особенно «на местах», возможно недалеко ушли. А в столицах и подавно.

«Младой товарищ» при упоминании о себе вздрогнул; он явно слушал всю беседу вполуха, о чем-то своем «гоняя», но все-таки нашелся отделаться присказкой бравого солдата Швейка, ею определяя свой нейтралитет по части затронутых тем. Слегка порозовев и явно старясь поточнее воспроизвести гашековскую абракадабру, скороговоркой вытолкнул из себя:

*Как бы уж там не было,
Как-нибудь, да было.
Никогда так не было,
Чтоб никак не было...*

— Можно и так, — согласно качнул головой длинный. — Можно, конечно, ибо времена новые, а языки вечные. А «было» по-всякому, по-разному. Если обратиться к частностям, то очень даже легко зарыться в конкретике с башкой и ничего путного оттуда не выудить. Вот, например, вспомните эпизод в романе, как начальство ловило молодого спеца и всех, иже с ним подвизавшихся в кумпанство, на употреблении спирта в обеденный перерыв? Скажите, это правдоподобно? Не думая засомневаетесь. А я вам, други, без промедления отвечу, что да, очень даже. С этим спиртом, с «шилом» так называемым, или, как нарекли авиаторы, с «массандрой», столько историй происходило, что и не счесть. И парторги различных мастей своего не упускали, особенно ежели кроме подобных «операций» да всяческих агитационных затей делать ничего не умели да и не хотели. И парторг парторгу рознь бывал, и люди настоящие, стоящие среди них очень даже попадались, искренне верящие и даром свой хлеб не жевавшие. Однако... вот же присказка липучая, опять-таки из тех времен славных; весь позитив перечеркивался напрочь формализмом, приспособленчеством и карьеризмом большинства, таковую когорту составляющего. Правильно, залог существования любого строя, даже самого жуткого и бесчеловечного, или наоборот, развеселого: позитивные достижения в развитии промышленности и аграрного сектора, и науки, и культуры, иначе гибель неминуема, но... Вопрос, а каким образом все сие сотворено и какой ценой, тут едва ли не основным становится. Да какое «едва ли»! Основным и баста. Все по Достоевскому Федору Михайловичу. Не будем сейчас углубляться в данном направлении, лишь себе зарубочку на память сделаем. А сокрушается автор, чисто по-человечески разбираясь, правильно и понятно, ибо, в одночасье считай, внешний и внутренний враг разрушил общественно-экономическую формацию, извините за выражение, и, следовательно, все структуры ее накрылись медным тазом. И наибольшую боль вызвало именно крушение ВПК, поскольку комплекс этот и являл собой все передовое и положительное, что могло у нас тогда быть.

И вот красной нитью проходит сквозь все повествование, и не только через первый роман, но и в дальнейших также, «ума холодного размышления», если угодно, авторские, мол, неужто следовало так все под корень вырубать, точно виноградники в горбачевскую антиалкогольную кампанию? И уж, конечно, сравнения прежней оборонки, ее уровня и возможностей, с тем, что пришло ей на смену... ведь только сейчас несколько спохватились... С чем там вообще сравнивать? Только дурь поднялась еще в перестроечные времена с конверсией этой идиотской! Я повторю еще раз, уж больно показательно: смерть крейсерам, даешь швейные иголки и консервные

банки! Повывлезали ничтожества отовсюду с предложениями бредовыми танки пустить на трактора. Идиоты... Конечно, возмутительно и горько, и обидно. А кадры куда? На помойку? Оттого-то и понять автора не сложно. И солидарность с ним ощущаешь, и впрямь, нельзя же было восхищаться скороспелками, о коих пели нам ангажированные «смишники», вот, мол, лидеры нового времени, пионеры капитализма. Кэшбэком тебя по фейсу! Однако... и вновь однако. Ведь в прежнем виде преданное всеми, прежде всего верхушкой властной, государство существовать не могло, и ни одна его институция конечно же; и весь лепет и шамканье насчет того, какую страну мы потеряли,— в эпоху глобализма значения не имеет. Какую страну? Которая даже трех четвертей века не протянула? Это же в историческом масштабе мгновение! Какую страну? И не страну, кстати, вовсе. Странную конфедерацию с виду, где вся идеология была построена на лжи, на обмане, где партийная камарилья жрала-пила на наших костях и жилах?*

Правильно, воз и ныне там, сменили шило на мыло, что тогда бонзы партийные и хозяйственные, что сейчас олигархат и прочая. Правильно. Но сие отнюдь не означает, что о том прошлом нужно вздыхать! И никакую свою красную империю никто не сохранил бы, и пусть пример юго-восточного соседа свет не застит. Национальные элиты захотели набивать мощну, уже никого сверху не опасаясь, попробуй их останови! Шиш с маслом! Вот вам и ахи-охи.

Но все, фигурально выражаясь, пущенное под нож по воистину преступной инициативе младореформаторов, все, на что было угрохано столько сил, средств, жизней человеческих, и утраченное в одночасье, в угоду заокеанским врагам, вертевшими нашими вождями и вожденьями напрапалую, все это «планово» свершилось; и еще долго придется порушенное восстанавливать. Разрушение, как и предательство, занятие весьма увлекательное. А напоследок об этом хочу лишь обмолвиться, что все успехи во всех областях нашей жизни могли бы быть еще скорее достигнуты без какой бы то ни было смены строя, без утраты изначальной нашей, корневой *монархической государственности*: в Российской империи то есть; тогда не надо было бы заново промышленность и все остальное поднимать, перед этим дезавуировав целые условия и разрушив «до основания» все и вся, нырнув на время в лапотный век. Со-слагательное наклонение? Да извольте — и кто придумал ахиною, что история его не любит? Логика подсказывает обратное. А изобрели такой аргумент для оправдания всех былых ляпов, слишком дорого и кроваво стоивших нашим пращурам, в частности.

Да, друзья-читатели мои, я не всеведущ, помстилось мне сначала, что собеседники за самоваром винтажным разговоры умные ведут, ан нет, ничего и в помине не было. Глянул я пристальнее, а длинный-жилистый прав, торчит на столе чайник пластмассовый, только ткни в кнопку и, пожалуйста, через минутку-другую вот он кипиток. Гоняй чай, робята, а о самоваре забудьте, как и о том времени... самоварно-паровозном... И так-то вот всю жизнь — мститися нечто приятное, корневое, основательное, в традициях вековых, а на деле является по любому поводу всяческая китайская пластиковая чушь. И нынешнее время ничего не изменило. Для большинства из нас, за исключением... понятно кого.

— Кстати, об эпизоде с якобы распитием,— юркоглазый тостячок окунул губы в стакан с чаем, облизал их неспешно, еще прихлебнул с некоторым шкворчанием, и продолжил излагать.— Вот в романе контролеры-ревизоры обломались, что называется, и утерлись, а в корпоративном «бузине», в наше время, подобная дурь даже при нулевом результате могла закончиться для этой компашки весьма плачевно. Рассчитали бы с минимальным выходным пособием и все тут. Утрата доверия — уни-

* Дабы не затемнять восприятие читателей, вновь отметим: подобные высказывания персонажей повести есть не анализ (совершенно иной «по идеологии») тетралогии романов, но вложенное в уста этих персонажей мнение автора повести, на что он имеет полное право, ибо он — автор.— Прим. ред.

версальное основание для расставания. И ведь нигде не оспоришь, частная компания, владелец — единоличный вершитель судеб. Пусть не везде, не всегда и не столь жестко, но принципа основного сие не отменяет. И ведь между строк такой вывод читатель с опытом, мыслящий, легко углядит. А еще акцентик авторский, хоть и вуалируется, но отовсюду замечается, дескать, несмотря на всякую партийную лабуду, невзирая на общественные *палки в колеса*, люди дело делали, и делали весьма успешно. Мда, и никакая партия не смогла этому помешать. А колхозные вояжи тем паче. Это вообще для всех, живших в государстве развитого социализма, тема почти сакральная.

Молодой, некоторое время будто погрузившись в изучение индивидуальных особенностей выдавшей виды столешницы, может и письмамена известного рода там имелись, что весьма возможно, так вот молодой вдруг вскинул голову, тряхнул шевелюрой и молвил:

— Колхоз? Ну и что? Нас вот уже никуда не отправляли ни в школе, ни в хабзайке, ни на службе. Да и что там хорошего-то быть могло? Не-ет, соврал, на службе к комдиву на огород посылали в помощь его супруге, она солдатиков молоденьких привечать любила... А так? Дембелей, помнится, согнали вроде на аккорд картошку посадить генералу, а там не шесть дерьмовых соток, шалишь. Ну, они вроде бы и уложились в кратчайшие сроки, и отбыли восвояси, а потом генеральша встревожилась, что корнеплод любимый всходов не дает. Зато у забора вдруг ботва из земли поперла, дерево прямо-таки картофельное. Оказалось, что дембеля яму вырыли и всю рассаду там захоронили, а пустые гряды проборонили сверху, мол, порядок в танковых частях. Их никто и не заподозрил. Вот это, я понимаю, колхоз! Он пожал плечами, этак не без пренебрежения, ну явно не в теме малец; старшие его товарищи лишь снисходительно поморщились и взглядами сожалеющими обменялись.

— Чудило ты юное,— длинный вновь растянулся в кресле елико возможно.— Поездка на поля, она была для горожан сродни побегу на волю, в пампасы. От рутины, от контроля старших товарищей и начальства, вообще от официоза и его многочисленных хомутов, вожжей и прочей сбруи. И все бытовые якобы трудности были побоку. Хоть и на лоне природы нужно было ежедневно «урок сполнять», но сам ландшафт, просторы, вольный воздух облегчали дыхание и любые действия. Ощущение жизни менялось, очевидно в каждом просыпалось нечто глубинное, родовое, то, что связывало человека с окружающим диким миром в древности, в нынешних условиях антропогенного и техногенного ландшафтов дремлющее втуне...

— У тебя деды-прадеды откуда родом? — вклинился в разговор грузный.— Кем они были, чем занимались? Ага, крестьяне, землю пахали, хлеб растили. Так вот смею тебя уверить, мой младой товарищ, что в нас оживает на природе и при жительство деревенском, в лесу, на совхозном-колхозном поле в том числе — старинное, порядком избытое и забытое ощущение крестьянина, всегда понимавшего свою связь с родной землей, любившего эту землю не показной и крикливой любовью, но истинным, глубочайшим чувством, тяжело выношенным и выстраданным поколениями предков. Конечно, у нас все это почти ампутировано и убито, но мы — прямые потомки тех крестьян, что растались со своей землей во времена неизбежной индустриализации страны, да и мира в целом, а у нас еще частично были от нее отлучены в коллективизацию, тех, кто помнил еще и хранил в душе, пусть и бессознательно, образ малой родины, деревни, села, хутора, пашни. Генетическая память — штука упрямая, она веками формировалась, от нее не избавиться враз. Вот и мы, грешные, испытывая в колхозных эпопеях некий дурашливый, подспудно дремлющий до поры, восторг, отчета в его причинах себе не отдавали. И, кстати, подобные вояжи на природу несли еще и острые любовные впечатления, новые отношения, романы, так сказать. А это всегда волнительно, интересно и освежающе. А ты говоришь дембеля...

Молодой хмыкнул и вновь занялся чаепитием, маленькими глотками прихлебывая

уже наверное порядком остывший чай. По всему было видно, что аргументы старших его не вполне убедили. Он вообще привык доверять только личному опыту и собственным ощущениям, а вот так, с чьих-то слов, пусть и от друзей исходящее... Кто его знает?! Впрочем, красноречия старших его товарищей подобное выражение скепсиса отнюдь не ослабило. И длинный тут же продолжил свой аналитический экскурс.

— Если даже не вполне по содержанию романа, но где-то рядом, как явно подразумевавшееся автором, вольно или невольно, но наши города, особенно вновь возводимые, вместе с промышленными предприятиями построили и сделали практически конфетками именно крестьяне, утратившие привычный ландшафт. Земли в городе не стало, а привычка трудиться до седьмого, до десятого пота осталась. Крестьянам по наследству, с молоком матери, передавалось умение терпеть, работать и ждать. Возьми нашу «ремесленную слободу», ведь даже в глухие девяностые она не захирела, а центр до сей поры величают «малым Петербургом»*, а кто это все сотворил-обеспечил? Кто сделал так называемый моногородок, один из многих и многих в стране, «жемчужиной региона»? Они, «горожане кровей крестьянских», привычные к нелегкому труду, но не умеющие что-либо делать плохо, спуска рукава.

Вот оттого-то у нас, выезжавших на сельхозработы, и возникало это пьянящее ощущение воли, свободы, отрыва от серых городских будней. А на самом деле все это лишь трансформированная, завуаленная, но наша генетическая память о давно забытой малой родине, земле пращуров. Да, помнится, во время учебы в вузе, курсе на втором, когда гоняли нас морковку убирать поденно, без стационарного заселения в совхозе, в деканат посыпались вдруг разнообразные медсправки, что студент имярек освобождается от такого рода работ по причине... идиосинкразии на корнеплоды, искривления позвоночника, плоскостопия и прочей лабуды, скандал был на курсе и в деканате жуткий. Подключили комитет комсомола и даже партком, дабы вразумить мнимых «болящих»... А всего лишь через год, когда сельхозотряд, всегда формировавшийся на базе третьего курса, выезжал в тот же совхоз для работы и проживания там в течении месяца, желающих было хоть отбавляй. Правда и тут не без хитрости все происходило. Нас, самых здоровых на курсе парней, спортсменов, определили в грузчики и тарщики, все не в земле сырой ковыряться, а кто-то и вообще пролез на кухню с помощью все той же пресловутой справки о примате легкого труда. Но это было как-то весело и зависти, а тем паче злобы, у окружающих не вызывало. Вот и автор романа, в присущей ему ненавязчивой манере, не декларативно, но через действие говорит практически о том же, о чем и мы тут распинаемся. Вне городской черты, когда сами собой пали «оковы тяжкие» повседневности каменных джунглей, когда душа человеческая освобождалась от пут стреноживающих и всяческих шор, человек, хоть и не надолго, становился воистину самим собой. Оттого и возникают вдруг, неожиданно-негаданно, различные романтические отношения, и никакой аморалки в них нет. Здоровые инстинкты? Да, наверное, но разве это столь стыдно и неприемлемо? И потом инстинкты инстинктами, а душа и сердце все равно присутствуют. И, если резюмировать, то роман этот — здоровая, естественная, даже мудрая в чем-то ностальгия по времени, совпавшем с государственной мощью, особенно в определенном, но решающем направлении, но это направление и присутствовало в жизни героев повествования.

Для них то время навсегда осталось *временем, не поменявшим цвет*, и «красные цвета» тут совершенно не при чем. Просто линии персональных биографий очень гармонично сочетались с глобальной биографией громадной советской империи. Понятно, что все это длилось до поры до времени, что пришли в урочный час и разоча-

* Как следует из текста, действие повести «привязано» к северо-западной России, возможно и к окрестностям Северной столицы...— Прим. ред.

рование, и осознание глобальной катастрофы всего мироустройства... но все это произошло потом, позже. И еще есть в романе определенная надежда, не зря же в названии присутствует замечание, дескать, не просто книга, но *воспоминание о будущем*, надежда, что все лучшее из бывшего еще повторится, пусть на другом витке истории, но непременно придет время, когда мы вновь будем успешно и грамотно «делать ракеты». Зачем? А чтобы, никого извне не опасаясь, любить, творить и уверенно смотреть в будущее.

Молодой-длинноволосый, слушая тираду жилистого-высокорослого, явно воспламенившегося к ее завершению, спокойно покончил с чаем и принялся вновь наполнять опустевший стакан. Делал он это пижонски, глядя на собеседника, казалось, пустыми глазами, а чай наливая вслепую, на звук. И вдруг улыбнулся с ехидцей и немного язвительно, хотя и не совсем впопад, молвил:

— А между прочим, Антон Павлович, который, как ты утвердил, до бога не дошел, не успел, так вот Антон Павлович сказал, что человек должен быть или верующим, или ищущим веры. Иначе он пустой человек.

— И что? Где же противоречие? — юркоглазому явно надоело молчать и слушать, поэтому он решил ответить, хотя вопрос был вовсе не ему адресован.— Чехов сам веру искал и оттого высказался столь убежденно; он, несомненный исследователь и во многом знаток души человеческой, явно нуждался в вере, в поддержке господя, ибо иначе трудно вообще о душе рассуждать. Мигом угодишь в объятия к Фрейдю или Юнгу, или сразу к обоим. Просто Антону Павловичу времени было отпущено мало, он многого не успел. И вообще, такая глобальная тема лежит за рамками нашей беседы. Как-нибудь потом...

— Ну, а почему, собственно, потом? — длинный все-таки успел подать голос, пока товарищ осекся, дух переводя.— То есть, конечно, о Чехове подробно действительно в другой раз. Но... но вот что роднит, хоть и отдаленно, и вообще ассоциативно, интонацию автора и уважаемого классика, так это некое мужество сожаления что ли. Ведь есть о чем сожалеть автору. В проклятые «лихие девяностые» многое, да почти все, что было напряжением всех сил и ума достигнуто в Красной империи, в науке, в промышленности, особенно в «оборонке», практически все это было пущено «под нож», и оттого автор порою столь саркастичен по отношению к наступившей действительности, в которой нет места разумному рационализму, где категорический императив — личное обогащение любой ценой. Это же дешевка, развенчание всего человеческого... моральная деградация. Вот и Чехов, беспощадный к вымирающему дворянству, все-таки не без сожаления о нем судит. Но в том-то и состоит мужество, что не сбивается на поминальный, бесполезный вой, на пустые, фальшивые слезы... Хоть все и гораздо сложнее, это я лишь об одном направлении упомянул. Но в романе именно ирония и помогает автору выстоять, а ведь как ни глянь, трагедия получается. Просто ввиду аберрации близости многие этого пока толком не осознали. Ты себя вспомни... впрочем ты тогда, в девяностые, еще пацаненком был, не понимал ни бельмеса. И хорошо — твое счастье. А я себя вспоминаю, так ведь и думать обо всем этом некогда было. Пахали на монтаже до памороков, едва успевали реагировать на подкидываемые жизнью обстоятельства, одно абсурднее другого... Молодые, конечно, были, в девяносто пятом мне и Стасу по тридцатке стукнуло. Силенок хватало, энергии тоже, вот вертелись, не скучали, как говорится, было бы чем заняться. А думать-то, осмысливать все произошедшее и происходящее гораздо позже стали. Правда, Стас?

Грузный-юркоглазый утвердительно кивнул головой. Да, как-то не пришлось доселе обмолвиться, что звали его Станислав, длинного же именовали от рождения Глебом, а молодой и длиноволосый откликнулся на Всеволода, Севку значит. А коротали они время, пережидая непогоду, ливень и ураганный ветер, приехав на *уик-энд*, говоря дурашливым новоязом, в почти заброшенную и уж точно богом забытую

деревенку, где Глебу по наследству достался дом, еще прадедом возведенный. Прибыли они сюда в первую голову за тем, чтобы оценить во что выльется работа по замене нижнего венца старинного этого жилища — он уже порядком подгнил, и довольно мощное строение стало проседать. А вот выбираться назад в город, по грунтовке, в такой ливень, да еще с ветром, не очень-то хотелось. Поэтому, коротая время, Глеб и затеял этот, с позволения сказать, диспут, сам же несколько месяцев назад и «подогнал» одну за другой эти книжечки знакомого ему автора друзьям почитать. И что странно: и Стас, и Севка, не отличавшиеся особым к чтению пристрастием, очень скоро и дружно все романы прочувствовали и даже не заявляли, мол, мура и такое в жизни редко встречается, а напротив, дружно и очень внятно молчали, наглядно показывая, что книги прочтенные их явно зацепили за душу. Или, что очень даже возможно, озадачили.

Глеб поднялся с кресла, подошел к окошку, слегка отдернул занавеску и глянул на улицу. Судя по всему, изменений снаружи пока не предвиделось. Ветер неистовствовал, ветки прямо под окном посаженной ивы хлестали по стеклу, ливень нисколько не уставал орошать грешную землю, иссякать явно не собираясь. Значит, можно продолжить разговор, благо все в теме. И Глеб, проверив, достаточно ли в чайнике воды, сходил на кухню, откуда вскоре вернулся с банкой клубничного варенья, уже лишенной крышки, и тремя десертными ложками в руках. Водрузив все на стол, он вновь утвердил длинное свое тело в кресле.

Севка тем временем закурил, поискал взглядом пепельницу и, не найдя таковой, приспособил под нее блюдце со сколотым краем, непонятно зачем доселе стоявшее на столе. Стряхнув пепел, он извиняюще глянул на Глеба, а тот лишь кивнул одобрительно, дескать, так и надо было сделать. Стас же, оценив перспективы в части десерта, надул щеки и шумно выдохнул, после чего потянулся к ложке и погрузил ее в банку, предварительно придвинув кресло и себя в нем поближе к столу. Маневр был совершен настолько по-детски потешно, при помощи одних лишь ног, не без усилия, впрочем и той части тела, откуда ноги и произрастают, что Глеб и Сева невольно и почти синхронно заухмылялись.

— Ладно вам,— не принял их веселья Стас.— Ну, а с нашим Николаем Андреевичем дальше-то что? А равно и с Игорем Васильевичем и всеми прочими? Нет, понятно, далее следуют продолжения, но с какого перепуга автора на второй, а потом и на третий романешти сподвигло? «Об чем речь», как говорили где-то там когда-то там... Или вновь в беседах посетовать на несовершенство и вообще убожество нынешнего времени и в нем живущих особей по сравнению с тем и с теми, что из глубины двадцатого столетия?

СЛОВУ ПРЕДПОЧИТАЮЩИЕ ЧИСЛО... («ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ»*)

Глеб улыбнулся одними губами, направив свой явно отсутствующий взор прямой наводкой в противоположную стенку, оклеенную выцветшими от времени, некогда салатного цвета обоями с малопонятным, с претензией на среднеазиатский, орнаментом.

— Эй, на барже,— шутливо окликнул приятеля Стас,— вы в порядке, мой капитан? Вы здесь?

— Да здесь, здесь,— отозвался Глеб и повернулся в кресле вполоборота к слово-

* Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

охотливому собеседнику.— «Беседы», так будем именовать второй роман в нашем разговоре для краткости. Так вот, «Беседы» являют собой второе приближение авторского посыла, предназначенного читателю. Устами все того же Николая Андреяновича, его коллеги Игоря Васильевича, репликами прочих персонажей являются нам характерные примеры конкретных ситуаций и людей в них поставленных, с целью аргументации тех же утверждений, а именно, что отнюдь не все, с нами происходящее, суть однозначно прогресс, что постсоветский хаос принес нам, кроме непонятной, непонятой и вообще крайне сомнительной свободы, а еще и отступление с уже занятых и освоенных позиций, то есть явную деградацию как человеческих качеств, так и отношений между людьми, а значит и регрессивную составляющую сути общественных процессов и социальных явлений.

— Ну, безусловно,— встрепенулся, тряхнув шевелюрой, словно из воды вынырнув, Севка, довольно долго хранивший упорное молчание.— И предваряя свои «беседы» не очень-то радостными картинками родного города, Николай этот Андреянович с приятелем своим профессором мигмом перескакивают на «дела давно минувших дней» с явными интонациями: мол, вот, «были люди в наше время»... И простой сержант Прокофьев, молодой парень, хоть и хлебнувший военного лихолетья, имел возможность даже в условиях армейских послевоенных будней, в сахалинском захолустье, повысить свой образовательный уровень и как! Чтобы в итоге встать на одну доску с элитой ядерной физики страны и мира! Принципиальную схему водородной бомбы и термоядерного реактора предложил обычный воин-связист! И все сие тогда было вполне возможно. Хоть случай и уникальный, но... И тут же возникает, в воздухе повисает, незаданный вопрос: а сейчас что? Получается нынче таких сержантов нет? Не рождает земля русская своих «платонов и ньютонов»? То есть мы — очистки картофельные, никуда не годные, разве что на корм свиньям...

— Не так экстремально, мой молодой друг,— Глеб даже хохотнул от удовольствия, так ему пришлось по душе Севкина запальчивость и просквозившая в его монологе очень детская и явная обида.

— А что ему еще думать-то остается? Собственно, можно всю историю истолковать именно «по Севке».— Стас даже взъероился от солидарности и в кресле приподнялся; сидел теперь с прямой спиной, а не развалившись бесформенно.— Конечно, автор, справедливости ради, заметил, что самородка в итоге на первые роли не пустили, но вроде как ему этого и не особо требовалось; он, видите ли, кайф получал от самих занятий наукой. Естественно, что нынче таких блаженных едва ли отыщешь. И старина Лоренц, что из следующей беседы, нобелеат будущий, знаменитый ученый, создатель науки этологии, в советском плену ведь также на блаженного смахивал, только у него блажь была с немецкой прагматической жилкой, себе на уме. Скорпионов, для увеличения доли белков в рационе, кушал, приручал птичек, труд научный писал, врачевал и своего брата-пленного, и наших воинов, охранявших лагерь. «У Гааза нет отказа...»,— помните песенку о другом немаке не от мира сего. Ведь точно, «были люди» и так далее. А сейчас... рукой лишь махнуть остается. Но ведь подобные суждения топором рублены, неотесанны и грубы. Безусловно, люди описаны в первых двух главах незаурядные, достойные внимания и почитания. И Сева воспринимает сказанное, не распрощавшись с остаточным максимализмом, болезни роста, так сказать, не изживши полностью. Но все-таки вопрос в воздухе повисает, а?

— Так ведь все, поведенное собеседниками, нелинейно толковать следует. Не так, что вот тогда и вот сейчас, и однозначно, точнее однобоко, с плеча рубить. Эти примеры — просто иллюстрации для сравнения: насколько изменился наш мир и наша жизнь, ее стандарты, нормы, критерии, стереотипы. Насколько нынче сокрыта втуне, пребывая в латентном состоянии, бескорыстная составляющая человеческого существования, в пользу меркантильной. В наше время, что тут скрывать, от дела, в

том числе и доброго, глобально причем доброго, никто не погнушается, что называется, выгоду поймет. И получается по-житейски правильно, довольно сапожнику без сапог гулять. Но... вместе с тем, не столь уж очевидна сегодня благородная романтика времени и человека в нем находящегося. Все гораздо суше, прозаичнее; даже если шоу устроить, веселье в большей степени «руководящее», обязательное что ли, нежели спонтанно естественное. Вот о чем речь идет, на мой взгляд.— Глеб сделал паузу, оттолкнулся руками от подлокотников кресла и, поднявшись во весь свой немалый рост, стал прохаживаться по свободному пространству комнаты, чуть в стороне от стола.

— И опять, возвращаясь к развитому социализму, столь нам всем сомнительному как минимум. Дело в том, что невзирая на девиз, где недвусмысленно заявлялось, что весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем... А затем, как оказалось даже против воли руководящих интернационалистов, была воздвигнута новая держава со всеми ее атрибутами, только, воленс-ноленс, с использованием опыта, достижений и интеллектуального потенциала прежней. «Из золы не бывает горы»,— как у Василия Яна в книге «Огни на курганах» изрек вождь саков Будакен. Из воздуха, из пальца ничего не создашь. Основа нужна, фундамент. Вот как в технике, где всякое новшество идет от уже существующих образцов, которые нужно модернизировать, улучшать. Так и в Советском Союзе получилось,— взяты позитивные достижения и наработки Российской империи, начиная с военспецов в РККА и плана ГОЭЛРО и заканчивая многочисленными научными школами, созданными выдающимися нашими талантами еще во времена имперские, что были полностью или частично применены для строительства советской промышленности и науки. Об искусстве и говорить нечего. Все «оттуда»: и красные творцы, и не очень, и откровенно... ну, понятно кто. Кстати, Байкало-Амурская магистраль планировалась к прокладке в шестнадцатом году. А реализована была только в семидесятых.* И сегодня вновь на слуху. Вот и все. И вновь тут сожаление проскакивает о бездарности процесса перехода от эпохи СССР к постсоветской России с ее повальными разрушениями всего и вся, с обнищанием народа, с коллапсом экономики. Не по-хозяйски поступили «новые вожди», разрушители. Уже имея опыт предыдущего уничтожения и восстановления, могли бы и побеспокоиться о преемственности и конструктивной сохранности наработанного во всех сферах жизнедеятельности государства, общества, экономики... Ответ же автора — глобализация и поражение советской страны в борьбе с объединенным империализмом.

Стас аж ногами заелозил в ответ, да к тому же зарычал от удовольствия. Это смех у него такой получился.

— Глеб, какая сохранность?! Какая преемственность?! Да у всех в глазах баксы крутятся словно в счетчике, помнишь мультик диснеевский? Всем было и есть до остального фиолетово. Что у нас, что во вновь возникших суверенных и незалежных. Там национальные элиты жирный советский пирог делили, и у нас чем хуже? Народ... да они на нас положили с прибором, живите, как знаете, хоть подохните все тут, плевать...

— Зато в романе, смотрите, какие люди прописаны: они и своему таланту домощенному, в секреты государственные встраивающемуся, кислород не перекрывают. Пусть, дескать, парень старается, авось... а ведь в реалиях очень даже могло быть

* Здесь сдвиг мотива на цель: одно дело спроектировать, совсем другое — осуществить. Тот же ГОЭЛРО. Кстати говоря, БАМ активно строился еще в тридцатых годах, но с началом Великой Отечественной войны все плети рельс со шпалами на готовых участках БАМ'а были сняты и перевезены для прокладки рокадных железных дорог вдоль иранской границы и по левому берегу Волги — понятно для чего.— Прим. ред.

и так как в нынешних телесериалах: черный воронок, камера, следствие, и — в лучшем случае — курорт вроде Норильска либо Караганды, а то и вовсе стенка. Шлепнули бы — от греха подальше, а то куда он лезет, тля этакая...

— Подобный вариант не исключался, — моментально отреагировал Глеб на Севкину реплику. А тот, точно воодушевившись от неожиданной поддержки, взвился вновь.

— И с гитлеровцем пленным как возжакается- цацкается тот же лейтенант Степан? С недобитком нацистским, энэсдэапэшником*, а значит с идейным фашистом? О-очень лояльно! Сверхлояльно! И научный труд царапать позволяют, ученый же чувак! И солдат врачевать хворых, хотя бы и самогонки перепивших, это врагу-то, способному черте чего натворить! Ан нет. Русский человек он в драке лют, а к поверженному гневом отходчив, даже милосерд. Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с прямым авторским кивком в сторону людей того времени — они явно нравственно лучше нас нынешних. Хотя, попадись на пути будущего нобелевского лауреата особист более въедливый и чинодрал, раскрутил бы он «дело» о вредительстве, подготовке диверсии и потакании врагу. Что-нибудь в подобном роде. И полетели бы головушки во все стороны...

— Сева, автор просто приводит конкретные примеры, наглядно показывая, насколько жизнь может быть вариативной и непредсказуемой. Но в том-то и дело, что прототип у сержанта Игоря Прокофьева реальный, и все его достижения в науке неоспоримы: водородная бомба и «Токомак» в СССР были созданы, а Конрад Лоренц вообще в науке историческая личность. И то, что на их пути люди попались стоящие, не топчущие и не жрущие ради собственной корысти себе подобных, не ожесточенные войной и всеобщим горем, восстановившие свою страну в кратчайшие сроки (для создания нужны добрые чувства, а не злость и ненависть), тоже факт неоспоримый. Здесь историческая преемственность: эти прекрасные качества русскому человеку были присущи и во времена Империи Российской, и еще ранее, и после февральско-октябрьских переворотов, перетекших в ожесточение «той единственной Гражданской...». Следовательно, идеология идеологией, а человечность и гуманность инвариантны. Вот Николай Андреевич с Игорем Васильевичем и тянут нить бесед своих вполне логично, соотнося влияние времени на человека, а также мысли и деяния людей в разное время.

— Слушай, хозяин добрый, а отчего у тебя в пасторальном владении нет никакого скарба ушедших эпох? Ведь дом-то древний, а мы во! — кипяток в пластиковой штамповке варим, нет бы самоварчик какой-никакой, пузатый, медный... Мне все время, когда в эти хоромы былых времен приезжаю, он мстится на столе. Даже вот сегодня пока ехали, я все мечтал, как чай из «старого медного балагура» бум гонять, шишки там ольховые и все такое.

— Стас, дружище, да я сам не прочь бы, только вот этого самовара отродясь не помню. Бабушка вспоминала, мол, был такой, и керосиновая, кстати, лампа-семилинейка была, подвешивали ее вместо люстры под потолком..

— Вот я и говорю, — Стас, словно полностью его удовлетворил ответ Глеба по поводу раритетов былого быта, вернулся к прежней теме. — Товарищи эти, профессор с доцентом, на столь высокий уровень обсуждения забралась, так планку задрали... Как будто в те «старосоветские» времена мало было ничтожеств, подлецов, ничемных людишек... И ведь следующие беседы их о чем? Правильно, о «цыганских факкультетах» и «хиршемании», то есть о подмене действительно научной деятельности, а

* От кальки с немецкой аббревиатуры: NSDAP — National-sozialistische deutsche arbeiter Partei: Национал — социалистическая рабочая партия Германии, то есть правящая (гитлеровская) партия Третьего Рейха (1933—1945), эмблема которой, красное знамя с черной свастикой в белом круге посередине, являлась и государственным флагом. — Прим. ред.

равно и воспитания-обучения специалистов высокого уровня в различных отраслях науки и техники, о подмене всего перечисленного абсолютно ложными действиями, псевдокритериями их оценки, о создании видимости значительных свершений.

Когда все сие началось? Правильно, с «лихих девяностых» и в наше нынешнее время раскатилось. И ведь возражать им сложно. Смотрите сами, как новоявленные университеты, аки грибы после дождя расплодились, новые факультеты буквально придумывали на бегу, статус вузов стремясь сделать весомее практически любой ценой. И тот абсурд о менеджменте в фармакологии и медицинской технике с привлечением натуральных цыган из табора, хоть и порядком уже оседлого, с бароном, проведенным в доценты, с солистами хора, ставшими старшими преподами — это ведь «живописное» отображение реальности. Ибо «фольклор в фармакологическом менеджменте» звучит вполне солидно. Попробуй оспорь. Да и курс «рекламы в эпоху тоталитаризма», который любезно не отказался читать Игорь Васильевич... И правильно, зачем отказываться, деньги терять, которые на благое дело идут?! В эпоху абсурда нужно жить по ее правилам. Не ты, так другой подхватит упавшее знамя.

Вот и вся учеба, процесс, так сказать, подготовки кадров для нового сектора «экономики» и одновременно расширение сферы научной и учебно-педагогической деятельности. Дом умалишенных, «Кашенко», скажете? Не-е-ет, други, это наша обыденная жизненка. Впрочем, и в других сферах несуразниц полнехонько. А от индексов научной значимости по мистеру Хиршу и по сей день наши ученые не знают куда деваться. А ничего не попишешь, ведь в остальном мире бредятину эту приняли и запустили в обиход. Глобализм! А нам остается бежать вослед западным коллегам, дабы соответствовать мировым «стандартам» и не прослыть вновь деревенщиной отсталой. И ведь самое удручающее в том, что никак не оспорить «важность» подготовки специалистов менеджмента в области фармакологии; они нужны, коли есть отрасль такая, есть рынок, конкуренция и прочая. Ну, а индекс Хирша какой-то постмодерн в науке, когда качественные оценки попадают в прямую зависимость от количественных, от упоминаний, ссылок и цитирований твоих «трудов» в «трудах» коллег и оппонентов. Дурдом, возведенный в норму. Как у Довлатова,— «*абсурд становится реальностью*». И подобное далеко не предел. «Все впереди»,— как озаглавил свою известную в свое время книгу выдающийся наш писатель Василий Белов. Вот наглядная демонстрация процессов деградации интеллектуальной сферы деятельности человечества. Или, Глеб, я не прав?

— Прав ты, брат мой, в том, что верно описал сами процессы, но есть надежда, что оные не станут глобальными тенденциями, в чем автор «Бесед» резонно сомневается. Реальная потребность в образованных специалистах и действительно ученых, занимающихся актуальными темами, а не индексацией своих якобы успехов, перетянут любые ухищрения и псевдоусилия. Как и потребность в истинных профессионалах — от рабочих специальностей до фундаментально научных. Вот за какую реальность «тянут» наши собеседники. Они ведь не ретрограды какие-то и не идейные борцы за светлое прошлое, они — образованные мужики, знающие цену нормально устроенной жизни и реальным делам, и прекрасно различающие где злаки, а где плевелы. Оттого их и не сбить с панталыку внешними скороспелыми новациями. Они за правильную постановку дела, и в сожалении их о различных забугорных «новшествах», а равно и отечественных «ну и хау», немало мужества и стойкости. Вот что ценно.

Глеб умолк, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старинных ходиков, висевших на стене. То ли собеседники не нашли, что ему ответить, то ли попросту утомила их беседа и решили они взять тайм-аут, дабы собрать воедино мысли и ощущения. Стас налил себе чая, Севка потянулся до хруста в суставах, крякнул довольно и стал изучать свои ладони, словно желая обнаружить в них

нечто новое, Глеб же, в половину своего шага приблизившись вплотную к столу и вооружившись ложкой, с чувством продегустировал варенье в банке, зачерпнув из нее с горкой. И повторил с явным удовольствием, после чего также возжелал чаевничать. Молчание друзей могло свидетельствовать о достигнутом согласии или наоборот о появлении неких контрверз высказанным доводам, но... у каждого из них появилось ощущение, что думают сейчас все об одном и том же, только по-разному. Оно и понятно, Вон, Глеб и Стас, что называется, хлебнули лиха девяностых полной мерой, они знали обо всем не понаслышке и помнили ту пору весьма отчетливо даже по прошествии четверти века; означенная пора оставила свой рубец и на шкурах, и в головах. Когда тащишься по тропе и вдруг срываешься в бездну... В лучшем случае жрать нечего — жить незачем. Это если не заинтересовались тобой добры-молодцы-самаритяне, свято исповедующие заповедь « не хотите по-плохому — по-хорошему будет хуже». Недолго и обмишуриться со страху. Такое не забывается, даже если уверен, что исчез едкий и стыдный морок... В урочный час все вспомнится, неведомо каким манером, а все одно, не упредив, шарахнет память над твоим ухом из дивизионного миномета... Для Севки же смутные времена были отрочеством и юностью, он и относился к ним совершенно по-иному, гораздо проще и легче. Да и вообще, в силу относительной своей молодости, еще не вполне различал полутона и оттенки, предпочитая контрастность как признак полной ясности. Оттого наверное он еще вполне воспринимал песни Виктора Цоя.

И чего это нашим героям повествования упорно приходят на память «лихие девяностые», хотя в обсуждаемых книгах время «действия и сравнения» то, что сейчас за окошком? Значит, истоки сегодняшнего в тех «лихих»... Ничего без причины не бывает!

Стас ни с того ни с сего, впрочем, очевидно статичность положения заела, рывком вышвырнул грузноватую свою плоть прочь из кресла, и, явно дурачась, сделал несколько мелких прыжков *a la* зайка в направлении окошка. Опершись ладонями о подоконник и обозревая беспощадно увлажняемую разгулявшейся стихией пастораль, он, не оборачиваясь, коротко и неожиданно громко точно каркнул Глебу:

— Книга как? — и попытался забросить взгляд за плечо, примерно в сторону расположения адресата своей реплики.

— А *книгокак* это что за зверь? — раздался за спиной Стаса привычный в подобных случаях ответ — прямое следствие старинного «дарвалдая, сотворенного незабвенным князем Вяземским.

— Либо несознательный издатель попадаетея, либо вреднейший главред некоего литжурнала,— тут же с авторитетным видом отозвался Стас, прервав свои фенологические наблюдения и повернувшись к окошку спиной.— Знаешь, меня батя как-то прибауткой рассмешил, сейчас припомню, там что-то вроде: писатель денег попросил, лицо являло боль и муку, но гвоздь, скажем, редактор положил в его протянутую руку.

— Поиск средств на оплату корректуры и типографских услуг продолжается с завидной безуспешностью,— Глеб как-то даже вполне поощрительно улыбнулся дружескому ерничеству.— Собственно, абнакновенно усе. Помыкаюсь, но сию тему добыю в итоге. И кстати, наши герои Андреянычи-Васильевичи и данной теме один из своих «четвергов» посвятили. Помните, парни, как они пригласили с собой главного редактора журнала «Срединная Россия», этого, как его, Андрея Матвеевича, и тот за чарочкой в лицах расписал им собрание в редакции с участием читателей и писателей. О-очень показательная тусовка. И куча всякой всячины наружу поперла.

— Только я не врубился,— нежданно встрял в разговор явно утомленный долгим молчанием Севка.— В чем же конкретно это умозамещение состоит? Что, мои мозги от ваших теперь отличаются? Я что-то не заметил.

— Сева, остуди головушку. Речь идет о замене образа мысли от аналогового к

голой цифре. Но об этом, мой юный друг, чуть позже. Хотя... в упомянутой главе о слете в редакции фигурирует среди прочего отказ, в виду отсутствия тугриков, от привычной полиграфической формы журнала и переход на электронную с возможной печатью по требованию. И вот, читатель, ранее вынужденный затрачивать некоторые усилия на приобретение, на выписку, например, или поиск и покупку определенного номера вожаемой художественно-литературной периодики, ныне просто «кликает» мышкой и вуаля — журнал к его услугам. Изменится ли со временем образ мышления читателя по крайней мере в данном направлении? Несомненно и бесповоротно, хотя прогрессивная сущность электронной формы журнала здесь явно налицо. Куда как демократично, а главное — весьма доступно для молодых... если те сподобятся удостоить вниманием столь отстойный по их мнению сайт. А еще преимущество «электронки» в том, что именно она решает проблему тиражности, делая последний, по сути, неограниченным, не в пример полиграфической форме, далее нескольких сотен экземпляров, как правило, не взлетающей. Это в советские времена тиражи достигали немислимых сотен тысяч. Да и книги... Помнится, у отца вышла книжка детских стихов «Я на севере живу», так ее тираж был сто тысяч при цене четырнадцать копеек. И журналы не пылились в редакциях, сваленные кучей ненужного хлама, а распределялись по необъятным просторам одной шестой части земной суши. Сегодня аналог этому именно интернет. Печатная форма безнадежно проиграла электронной. Но далее...

— Стас, что это? Откуда? Оттуда? Понятно, партизан, в сенях заныкал бутылку своего разлюбезного рома. И конечно же бутылек «ноль-восемь», чтобы троем на посиделку хватило! Нет? Ах, цельный литр! Йо-хо-хо! А где попугай капитан Флинт? «Я потерял ногу в том же деле, где старый Пью потерял свои иллюминаторы». Ладно, без всяких там «сундуков мертвеца» обойдемся. Рюмки, знаешь, в стенном шкафчике. Сева, надо бы заварить чайку свежего. Однако же, други мои, стремящиеся к праздности во славу Вакха, воистину достойна уважения позиция главного редактора, наотрез отказавшегося от взимания платы с авторов за публикации их произведений на страницах журнала! Несмотря на самое, что ни на есть, уязвленное финансовое положение редакции. Вот уж воистину «мы все пройдем, но флот не опозорим, мы все пропьем, но флот не посрамим». И впору бы авторам встать парадной коробкой и под фанфары восхвалять славного за них радетеля... Только вот авторов нынче переизбыток. Отчего же, спросите? Да все от них, от графоманов. Несть им числа и нет на них никакой управы...

Бездарные писаки энергичны и сосредоточены на цели аки пчелы альбо муравьи, они упорны, а эта цель их — попасть на страницы чего-нибудь печатного; ей они служат честно и свято. Да погоди, Стасик, не гони осликов на водопой, успеется, у нас засуха нынче не в моде, вон как хлещет с небес и конца-края не видать. И вот тут у меня реминисценция интересная насчет того, что во времена развитого социализма, хочется там или не хочется кому-то, но Союз писателей был надежным защитным барьером от подобной шатии-братии. Я тут намерен с дяденькой одним схватился в подобном единоборстве. Он орал, мол, Пастернак Борис Леонидович вообще считал, что не должно быть никаких союзов, а раз так... Ну, что же, классик имел право на свою точку зрения. Но!.. И высказанный мною «тезис» неоспорим, поскольку так и было. Правда, вместе с воинствующими бездарями на этом барьере висли и подлинные таланты, не выполнявшие несложные «правила игры»... Но сегодня-то вообще на «графьев» управы не найти. Они населяют страницы бесчисленного количества «братских могил», сиречь многостраничных альманахов, издаваемых частным порядком от Калининграда до Владивостока и обратно, они выпускают книги за свои кровные, они лезут в те же «союзы»... Бр-р-р...

Глеб притормозил свою филиппику, чтобы перевести дыхание, и тут же был

премирован рюмкой *Капитана Моргана*. Налил Стас, ибо они с Севкой уже причастились под разглагольствования друга. А тот, опростав сходу рюмку, с размаху, со стуком, поставил ее на стол и поспешил продолжить.

— Да, наличие тысяч «обилеченных» писателей во времена советские тоже наводит на разные мысли. На сей счет есть поучительный анекдот, когда ответственный секретарь Тульского областной писательской организации на отчетно-перевыборном собрании приводит данные о численности: дескать, на учете в организации состоит сорок писателей, что в сорок раз больше чем в начале двадцатого века. Из зала кто-то, ничтоже сумняшеся, вопрошает — кто тогда был тем единственным писателем? Лев Толстой, конечно. Но вот свою оградительную, повторяюсь, функцию санитарного кордона на пути графоманов, писательский орден выполнял четко. И не зря упомянуто в той же беседе, что вступить в Союз писателей Красной империи было труднее, нежели стать доктором филологических наук, что практически соответствует истине. Кстати и автор столь горячо обсуждаемых нами книг членом Союза писателей стал в советские времена... Так что, подобно Фоме Аквинскому, он — «тройной доктор», ибо еще две степени имеет: по технике и по биологии.

— Это все красиво, занимательно,— Севка, запустив пятерню в шевелюру, сделал несколько причесывающих движений.— Но, брат мой старший и мудрый, что с самим умозамещением? Я ни бельмеса, по-прежнему, не секу и объяснений внятных от опытных товарищей не слышу.

— Слушай, молодой, хорош дурить,— принятый на грудь допинг явно прибавил Стасу энергии, то-то взвился толстячок. Взвиться-то взвился, но и вновь разнести по рюмкам крепчайший эликсир не позабыл.— Мало тебе «цыганского» факультета? Чем не умозамещение? Прежде, при всех парткомах-месткомках, марксизмах-ленинизмах, подобного цирка быть не могло. А потом пошло-поехало, теперь сплошь одни университеты и намешано в них столько... радиоколбасный вуз, словом, на каждом шагу. Для чего же сотворено? Для расширения спектра обучения? Ага! Щас! Бабло косят, о прочем не думают. Мало тебе? А индекс Хирша, как показатель значимости ученого имярека, сколько раз его коллеги помянули-процитировали, вместо конкретных научных результатов? А читательская аудитория, прежде грамотная и весьма требовательная к авторам, где она нынче? Нету! А что есть? Правильно, потребитель информации, желательно готовой, то есть приобретенной без каких бы то ни было мозговых затрат. Мало, еще сыпануть? Пожалуйста, с нашим удовольствием. Сам контингент литераторов не изменился что ли? Да и союзов, якобы писательских, нынче развелось, кроме двух основных, тьма тьмушая. С одной стороны да, барьеры сметены, желающим *welcome!* А на деле зачастую что? Ладно он там какой-никакой отставной прапорщик по геодезии, так ведь не в чине дело, а в подходе. Правильно пишет автор «Бесед», вложив реплики в уста действующих лиц, мол, вожделеют многие прежде всего наград и премий, пусть не глобальных, областных, а все-таки бонусы некие приносящих. Не Эрато, не Эвтерпе с Каллиопой служат многие, но мамоне, причем даже по мелочи, но ведь приятно, прах побери! Это ли не умозамещение? Вот тебе уже какую социогруппу очертили: от творческих до научных кадров да вкупе с аудиторией бывших читателей и студюзов...

Стас лихо выдохнул, чуть отвернув голову в сторону, и не менее ловко шарахнул рома, сразу потянувшись к стакану с крепким, приостывшим чаем. «Сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал»,— проворчал он под нос цитату любимого своего литературного персонажа, на коего в немалой степени внешне и походил. Точнее, так казалось ему самому. Друзья поддержали Стасов порыв, а чуть погодя, Севка, помотав волосатой своей башкой, закуривая, примиряющее продудел, дескать, *well*, убедил

ли, теперь понятно более или менее.

Очевидно желая дополнить тираду Стаса наглядным примером, Глеб ухватил чайник и демонстративно поднял его над столом.

— Вот смотри, Сев: разница между аналоговым и нынешним цифровым образом мышления, как между недавно помянутым самоваром и этой пластмасской. Оба устройства греют воду, причем эксплуатировать второе несоизмеримо быстрее и проще, нежели первое, а эффект в результате получается обратный, ибо «старый медный балагур» органичнее и, ежели угодно, душевнее. Стоит себе, медью древней кичится, можно сапогом его раскочегаривать, чем не сказка?! И кипяточек для заваривания чая с дымком из него брать приятнее. А этот, современный, правда старый уже, вон белые бока пятнами желтоватыми пошли, стареет пластик да еще термовоздействие сказывается, этот поэзии не содержит, он из серии «схватил-побежал». Ну, правильно, современный темп ежедневности и прочая лабуда. Только вот увлекаться этими самыми ритмами, а равно и веяниями, нужно поаккуратнее и с максимально возможным вниманием и анализом происходящего.

— Во, братан, правильно,— Стас, улучив мгновенье, вернулся в беседу.— А то получится в точности калька с очередной «беседы», как ее бишь — «Паранойя за клавиатурой», где чувак один, Денис Охлопкин по тексту если, ботан конечно, аспирант и прочая, примерный семьянин, на работе «полный компресс», но вот загвоздка — подсел парень на компьютерные игры. Да столь плотно, что сам не заметил как соскочил с катушек. Ему там один злобный покемон не давался. А тому покемону нужно было по условиям игры голову с плеч снести, чтобы выйти на следующий уровень и стать оруженосцем рыцаря Артура. Вот ведь пурга несусветная, а будущий кандидат наук повелся. И таки башку покемону срезал... Косой из сарая на батиной даче. Батя его после обеда покемарить прилег, ну и аккурат за покемона и сошел... бедолага. Выловили сыночка чуть позже, когда он с папаниной головушкой в руках по дачному поселку бегал и блял, что стал наконец-то оруженосцем. Нормально? Во — умозамещение! Куда уж круче.

— Слышь, парни, айда на веранду, вроде бы стихать стало на улице, и надымили тут: топор повесь, так не свалится,— Севке явно наскучило быть объектом внушения. Он встал, опять с хрустом и томным стоном потянулся, сколько, мол, скрюченным просидел, и двинулся на выход. Глеб со Стасом не возражали, очевидно тоже утомились пребыванием в четырех стенах, и потянулись следом. Веранду Глеб пристроил к избе недавно, маясь отсутствием физической нагрузки — не все же за столом корпеть, в компьютер уставившись. Писанина писаниной, а топориком тоже поиграть не грех, особенно если умеешь. Глеб научился кое-чему у деда, тот-то плотник был записной, из соседних районов приезжали к нему, просили пособить в строительстве, да и папаня был мастер не из последних. А заодно с верандой и крылечко новое пришлось ладить, прежнее совсем обветшало, то и дело грозило развалиться. На веранде было прохладно и сыро, в двух местах на полу поблескивали лужицы. Глеб поднял голову: так и есть, кровля протекает немного, надо будет подшаманить. Он толкнул дверь и шагнул на крыльцо.

Ливень иссяк и сменился моросью. Этим летом солнышка явно недоставало, зато воды с небес пролилось с лихвой, оттого и пошла буйно в рост всяческая зелень, годная наверное лишь на корм животине. Собственно, Глеб отнюдь не сокрушался на этот счет, все равно никаких грядок-посадок он не делал, наезжая в дедовский дом лишь когда город вконец опостылевал, и не было сил справляться с воинствующей урбанизацией. Да уж и нынче тут природа разошлась вовсю, вон как одуванчики по обочь крыльца раскинулись, прямо-таки колосятся. Да по периметру всего дома и далее до изгороди травушка-муравушка явно по косе скучает. Надо будет заняться,

уделить хозяйству внимание. А траву соседке отдать надо, пусть своих кроликов потчует. Или не кроликов? Кого она нынче пестует-разводит. Бог ее знает...

Стас толкнул его в спину, чуть отодвинул, выглянул на свет божий.

— Куда это ты уставился, дружище? Тут у тебя и глаз положить не на что, перспектива скрыта изгородью раkitника, кстати, давным-давно пора его проредить, а вблизи сплошной сорняк, в лучшем случае кормовой. Да ведь у тебя кормить-то некого.

Стас позвал Севку, курившего в глубине веранды.

— Эй, ты, гений эпохи вырождения. Вот тебе наглядная модель умозамещения, глянть, да подойди ты сюда, младень ленивый, вот, глянть, говорю, раньше здесь все грядки были, иная зелень там росла, укроп, лук, а там вон клубника, и горох сажали... А нынче нету ничего, только вон эти ядовито-желтые повсюду, ну и прочая сорная травка. Так и в мозгах, покуда они «возделаны» у тебя — одна песня. А стоит подзапустить малость, глядь, уже сорняк все завоевал — не выведешь. Понял, младень? Шиш ты понял наверное. Да тебе поди оно практически до лампочки. Тебя это умозамещение как раз и накрыло. Хоть ты и правильный чувак. Ваше поколение уже с траченными мозгами... Чем траченными? А все тем же, гаджеты-маджеты, думать не надо, надо знать, точнее угадать одну цифру из трех. И вообще, как мне один деятель заявил, из молодых да ранний, мол, главное — оказаться в нужное время в нужном месте и в нужной команде. Лови момент, короче говоря. Правда, наши собеседники в книжке-то утверждают, что у нас, у русских, даже в грядущем умозамещении пока что свой, особенный путь. Конечно, сопротивляться объективным общественным процессам можно, но в итоге проиграешь все одно. Уж не знаю, что нас спасает в итоге — то ли природная привычка существовать параллельно с объективной реальностью, в частности с властью той же, а может общая технологическая отсталость, даже не отсталость, а несогласованность освоения новаций вкупе с казнокрадством руководителей и мздоимством чиновным. Не знаю, посмотрим. Но то, что образ жизни, меняясь разительно, врежет нам по мозгам, сие аки божий день ясно. Бытие оно что? Правильно, Всеволод Батькович, определяет сознание. В народе, правда, хождение имела несколько иная интерпретация, мол, «битие определяет сознание». Как говорил один писатель у Стругацких: «Народ сер, но мудр». Глеб, о чем замечтался? Так и будешь торчать на крыльце? Подышали немного и хватит. В город ехать сейчас рискованно, неизвестно что там на лесной дорожке, раскисло все наверное, точно застрянем, ищи потом трактор в округе. Подождать надо. Пошли-ка в дом, обедать пора. А то от чая уже кишки скрутило...

Глеб же, оценивая Стасовы умозаключения, вдруг подумал, что образ с сорняками не вполне удачный. Тут корректнее было бы говорить о гидропонике. То есть все соотносится как традиционное земледелие и беспочвенное, когда питание растений происходит по шлангам-трубкам посредством водной среды. Кстати есть и хайпоника, где вообще воздух используется в качестве носителя питательных веществ. Этими способами можно вырастить лимон величиной с арбуз или сливу, напоминающую здоровенную тыкву. А ведь и верно, с виду то же самое, только больше, однако в данном случае, как говорится, размер имеет значение. И то же, да не совсем. Вот тебе и умозамещение на фоне глобализации. Глеб вздохнул, он не станет сейчас смущать друзей своими озарениями. Какая разница? Все аллегории условны. Пойти что ли и вправду щи разогреть да порубать как следует. Мозг не должен голодать ни в прямом, ни в переносном смысле, а то и впрямь заместится чем-нибудь нештатным.

«СТРАННАЯ СТРАННОСТЬ, ИЛИ КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА?»

(«ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ»*)

Дедовский дом, в остальном, кроме нижнего венца, крепкий еще пятистенник, располагался на отшибе от остальных деревенских построек, в полукилometре, а то и чуть более, практически на берегу речки, на самой излучине, так что виден был, с какой стороны не подходи-подплывай. Прадед так решил, и сколь его не уговаривали построиться поближе к «обществу», дескать, оно и в случае чего помогать сподручнее, случись, не дай бог, тот же пожар, упрямый мужчина только сопел в ответ, чуть подкидывая топор в ухватистой, умелой, здоровенной правой клешне, отрицательно мотая головой и приговаривая любимое свое «не бойсь». Со временем, уже при советской власти, между околицей деревни и домом отшельника была по прихоти районного начальства разбита роща, чтобы, значит, люди после трудов праведных гуляли и отдыхали под сенью лип, ясеней и кленов. Деревья прижились, пошли в рост, заматерели, уцелев, как ни странно, во время войны, и теперь на месте рощи шумит внушительный такой лесок, вполне себе ягодный и грибной. А к деревне, аккуратно сквозь него, ведет то ли широкая тропа, то ли узенькая, с автомобильную колею, дорожка, в дождливое время совершенно раскисающая, и одолевать оную приходится на второй или вообще на первой передаче.

Глеб-то как раз и считал самым ценным в этом доме его расположение. Вид с излучины потрясающий, противоположный берег низкий, понятно, пойменные луга, по весне их топит разлив речки, а дальше взлобок широкий и лес вековой, до коего еще не дотянулись загребущие лапы алчных самопильщиков, то и дело «пошаливающих» в глуши по старой памяти. Топкий берег помехой, а с другой стороны, со стороны леса то есть, вообще никаких дорог, шоссе в двух десятках километров пролегло, только пешком по тем лесам хаживать, да и то в буреломах умаешься. Глеб с парнями не раз в тех чащобах бывал, грибы там потрясающие, собирать их толком некому, знай себе прут на белый свет, достигая гигантских размеров, старея и трухлявея, сеют споры для новой поросли, ежели не достаются «тихим охотникам». А этим самым тихим охотникам откуда взяться? Горожане обленились вконец, есть и поближе грибные места и ягодные, а местные... Из города сюда лишь прожженные энтузиасты наврode Глеба добираются. А в деревне пара десятков домов осталось, да три семьи хозяйствуют, «фермерствуют» — на новом языке. А еще бабушка Ульяна живет, две козы у нее. Вот и все народонаселение.

Кастрюля с шами грелась на электроплитке; вот тоже чудеса, дом в сторонке, а электричество есть, как и в деревеньке. Линию электропередач, магистральную, совсем неподалеку проложили еще в конце пятидесятых, оттого и протянуть провода к домам оказалось для колхоза не накладно. А потом и дед добился, чтобы его жильё приблизили, так сказать, к цивилизации. Пошумели на правлении, не без этого, но в конце концов бросили нитку к дому; не оставлять же без света бригадира, передовика и орденноносца. Пока друзья охотно, с шутками-прибаутками, копошились, накрывая стол, тарелки там, хлеб, огурцы соленые еще имелись, к тому же сало, Глеб решил протопить печку-голландку, крепкую кстати, еще дедом сложенную, и вышел за дровами. Сарай-дровенник стоял на заднем дворе, стоял еще крепко, только вот крышу надо было перекрывать, да руки опять же не доходят. Глеб отворил дверь настезь, припер ее камушком, поблизости для этого и положенным, чтобы не закрылась, и вошел внутрь. В сарае было довольно светло; прорехи в заднем скате крыши, небольшого окошка в торцовой стене, свободной от поленницы, вполне достаточно для

* Алексей Яшин. Женщина в человеянике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

того, чтобы совершить нехитрые манипуляции с дровами.

Впрочем, если что, есть и переноска с лампочкой, вешай куда хочешь, шнур длинный, розетка у дверного косяка прикрыта квадратным лоскутом из старой автомобильной камеры, над розеткой прибитым. Влагозащита значит. Глеб с досадой вздохнул и покачал головой, ведь и стационарное освещение было налажено, да вот в позапрошлом году ураганчик легкий по окрестностям прогулялся, он и оборвал провод. Один из местных фермеров, по совместительству — по первой профессии, электромонтажник, все обрывки убрал, а вновь проводку тянуть у него тогда времени не было. Точнее, сказал Глебу, мол, будешь готов, маякни. Вот Глеб до сих пор и готовится. Все руки не доходят, тоже мне хозяин.

Дрова лежали так, чтобы дождь свозь дыры в крыше их не тронул, не подмочил. Глеб набрал охапку в обхват и выбрался наружу, ловко ногой откинув камень и затворив дверь, сыро хлопнувшую ему в спину. Да, сараюхой тоже надо заниматься... всем надо заниматься... жить, что ли сюда переехать? Так ведь Кира — она не поедет, и я запираю здесь молодую, городскую женщину не в праве, она вон какая! А какая, собственно, растакая? Да брось ты, понятно же, Кира современная, продвинутая, красивая и умная дама. И при деле при своем. Переводчик она высокого класса. Привозить ее сюда? И что ей тут? Коров доить? Стоп, а где те коровы? Интернетом в нашей глухомани, может и к лучшему, не пахнет, приехать просто отдохнуть разве что... Отдохнуть? Она где отдыхает? Вот то-то же!

На мокрых ступеньках крыльца Глеб поскользнулся и едва устоял, балансируя охапкой дров. Вот было бы дело растянуться с этими деревьями на грязной землице? Впрочем, мать-сыра-земля она не выдаст, контакт с ней наверное больше пользителен, ибо отрываться от родной почвы не след, усмехнувшись, подумал он. Свалив дрова на стальную лист, покрывавший пол у печи, и стал драть с поленьев бересту, затем принес с веранды маленький топорик, наколол лучины. И вновь, пока почти автоматически, с детства заученным порядком снаряжал топку, вернулся мыслями к Кире. Кира. Современная женщина, ничего не попишешь. При деле, деньги зарабатывает приличные, хата есть, тачка тоже, на ногах стоит крепко. Мать-одиночка? Да, мать-одиночка, но это для нее не повод плакать в чью бы то ни было жилетку. Она и матушка ее сильные дамы. Мама Кире, кстати, тоже еще та львица. Держится молодцом, следит за здоровьем и ничуть не бедствует. «Женщины в человекнике»? Пожалуй. Тыфу ты, дьявол, угораздило же автора так третий роман свой озаглавить. Зиновьев, конечно, молодец... тот, который Александр, мыслитель и «трижды диссидент».*

— Эй, деятель! — из кухни выглянул Стас. — Господин истопник, у нас усе на мази, ром степливается, щи стынют, сало — сам понимаешь. А ты тут над дровами чахнешь. Думу что ли какую думаешь? Давай за стол! Стас выжидающе завис в дверном проеме, уперев одну руку в косяк, а второй надавив на дверную ручку. Глеб молча кивнул и достал из кармана зажигалку. Пламя занялось быстро, все-таки дрова не успели отсыреть, дождь их не тронул. Посмотрев с полминуты на завившуюся в трубочки бересту и жадно пожираемую хищными оранжевыми, с легкой синевой языками пламени лучину, он закрыл печную дверцу, заложив в паз запирающую скобу, поднялся, отряхнул джинсы на коленях и отправился начисто мыть руки. Умывальников в доме было два, в кухне и на веранде. Глеб любил второй, объемный самодельный бак из нержавеющей стали. В нижнее днище бака был вварен кран, чтобы вода расходовалась до конца. Хороший бак, батя на заводе в свое время сделал, литров на двадцать, не меньше. Умывайся не хочу! Глеб вымыл руки с хозяйственным мылом,

* Первый раз в СССР: выслан за инакомыслие; второй — в Западной Европе, в Германии: замалчивали за яростную критику капитализма — империализма; третий — в нынешней России, читай его «Русскую трагедию». — Прим. ред.

сполоснул лицо, поморщился не вполне чистому полотенцу, но утерся все-таки, определил рушник в корзину для шмоток и тряпок, предназначенных в стирку, отправился на кухню.

Стас и Севка уже расположились за столом, в трех тарелках парило вполне еще горячее варево, в кухне пахло шами, щедро и очень по-домашнему — не разваренной капустой, а именно шами. Глеб умел их варить, бабка научила, спасибо ей, Акулине Макаровне, знатная была мастерица, в том числе и по кулинарии. Бутылка рома, точнее полбутылки, если судить по содержанию, на столе также присутствовала по соседству с миской, полной соленых, слегка помятых, огурцов и горькой нарезанного небольшими кусочками сала на разделочной доске. Так, хлеб в плетенке есть. Можно приступать, тем паче, что дежурная порция рома уже в рюмках.

Когда, уже отобедав и подкинув дров в печку, Глеб вернулся на кухню, Севка, сам того не осознав, вернул его к недавним размышлениям. Брякнул ни с того, ни с сего, мол, а что же Кира сюда вообще не ездит отдыхать?

— Была пару раз за те полтора года, что мы знакомы. А так...— Глеб пожал плечами.— Что ей здесь? За грибами-ягодами она ходить не станет, не приучена; рыбачить, ха-ха, тоже, ей тут скука смертная. Она же с матушкой то в Эмираты, то на Баги, то на вечно гнилой Запад... в городок Париж, например. Продвинутые современные дамы... «Женщины в человекнике».

— Термин сей,— Стас поежился,— уж больно конкретный и ассоциативно однозначный, аж дрожь пробирает, как представишь. Зиновьев в точку угодил с определением современного общества. Кстати, название какое-то на первый взгляд несуразное, а? Но вот начинаешь читать роман и понимаешь, что в целом можно и так его назвать. Это ведь такой роман неклассического вида, исследование, хоть и состоящее также из новелл, нанизанных на лейтмотив...

— Там, кстати, в начале самом классный экскурс в историю города, правда? — заметил Севка.— На первый взгляд вроде бы и ни к чему, ну, действительно, какое это имеет отношение к основной теме? А потом начинаешь пропирать: ведь это прерамбула такая неявная, дескать, мир безвозвратно изменился. Вмещающий ландшафт, если по Гумилеву. Вот и вводит автор действующих лиц в до неузнаваемости изменившийся ландшафт. Значит что? И человек также меняться будет, если не уже... И женщина... Вот о «Беседах» говорили, дескать, дамы умозамещению менее подвержены, особая логика мышления, эмоции и прочая. Так третья книжка получается и призвана этот вопрос раскрыть, какие они нынче женщины наши. Я читал-читал и понял, что всякие они, хоть в человекнике, хоть где.

— «Просто люди должны быть похожи на людей»,— задумчиво проронил Глеб и сразу оживился.— Помнишь, Сева, детский фильм был, хотя ты вряд ли его смотрел, «Король-олень», там Олег Ефремов волшебника играл и песню пел с этой строчкой. Вроде бы банальщина, да? Ан, нет, ибо не оспоришь тезис. Хоть так верти, хоть этак. А женщина должна оставаться женщиной. Не зря же главной героиней романа именно Елизавета Васильевна выбрана. Именно этот типаж и становится краеугольным, базовым. А все остальные, получается, некие флуктуации от нормы? То есть чувства и побудительные к действию причины, в основном, инвариантны и за тысячелетия не изменились. А вот технические, если угодно, средства воплощения их в жизнь, они да, развиваются и видоизменяются. Но по идее женщина, лишенная присущих от века женщине качеств, таковой и быть перестает. Равно как и мужик. Лиши котика его повадок и манер, его свойства падать всегда на четыре лапы, в частности, и что от котика останется? Так и с дамами может произойти...

— Ты скажешь тоже, дружище,— захихикал деланно Стас и в своем кресле чуть ли не разлегся, аж ногами засучил от удовольствия.— Подумаешь, цаца какая эта твоя Елизавета Васильевна. Горный родник ея души и вообще. Кстати, твою Кирку

напоминает... Что? Только вот давай без обид. Я ничего плохого не сказал, не скажу и не подумаю даже. Просто аллюзия. А насчет «женщина должна оставаться женщиной», так сие весьма условный тезис. Огласи его сейчас записным феминисткам, они тебя тут же с навозом смешают, если не кастрируют. А модус вивенди и модус операнди* современной дамы каковы вообще? Спектр, конечно, не узенький, но... но, согласишься, дружище, на первый план выходит прагматическая составляющая. Так? Но ведь так! Вот в романе та же Вера Тимофеевна есть явное противопоставление Елизавете твоей... Ну, не твоей, ладно, не цепляйся. И согласишься, симпатий эта самая Вера не вызывает никаких. Живет с мужем, коего не уважает, ни в грош не ставя и как мужчину, тоже мне Клаудиа Кардинале, похаживает на сторону, однажды заражая мужа понятно какой хворью, тут и комментарии излишни. Все ясно, крутит «служебный» романчик с руководителем своим ради меркантильной цели, сиречь увеличения оклада содержания и прочих бонусов, и очень-очень завидует другим дамам навроде Светланы Аркадьевны, действительно провинциальной львицы, эффективной, упакованной, меняющей своих мачо по собственному хотенью. Отличные картинки. Портреты современных женщин. Гойя отдыхает. Это же «Капричос» своего рода. Дожили...

— Кстати говоря, главная героиня не просто так и сны видит, тоже мне Вера Павловна наших дней, и записи ведет, причем записи тезисные, о том, что женщине свойственно и в ее сущности, и в поведенческих стереотипах. Чувствуется научный подход, следующим шагом явится систематизация всех этих записей по определенным признакам. Ученый, он во всем ученый — Севке явно надоело играть в молчанку, выслушивая тирады друзей.— Автор, кстати, тоже от науки, доктор** и все такое, ощущается сразу. Оттого и роман получился очень нестандартный, странноватый, проще говоря. А мне вот эти отвлечения на записи дневниковые откровенно скучно было читать. Человеки и бытие человежье слишком стохастичные явления. Как там у Стругацких, не помню о чем конкретно сказано: «Стохастичнее, чем игра в орлянку». Во-во, правильно. И систематизации, к ним применимые, всегда условны, хотя и верны до определенной степени. Душа? Душа ни в какие таблицы не втискивается. Вот и говорят — душевнобольной, а подразумевают-то шизофрению, что в переводе означает расщепленный разум. Разум! А не душа. А душа не с разумом напрямую связана, но с интуицией. Это к слову больше. А «женщина в человеинике», то есть в современном сообществе, поставлена в очень и очень жесткие условия. Хотя и прежде не в раю жила. Но тут автор достаточно безжалостно дает некоторые «картинки с выставки», читать приходится настороженно. Нас по-иному воспитывали, нежели этих персонажей...

В комнате сгущались сумерки. Это снаружи, в поднебесье, опять собирались чернильного оттенка тучи, явно сулящие новый ливень, если вообще не очередную грозу. Стас выпростался из тесноватого для него кресла, подошел к выключателю, прикрученному у самого дверного косяка, щелкнул клавишей. Под потолком вспыхнула пятью лампами, упрятанными в стеклянные с легкой синевой плафоны, напоминающие цветы-колокольчики, старинная, годов пятидесятых еще люстра. Глеб критически глянул на заслуженный светильник, люстра явно требовала по крайней мере протирки. Да, не хватает хозяйки, ох, не хватает, а самому никак не сподобиться, то одно, то другое... Однако в городской своей квартире он раз в три недели четко генеральные авралы проводит. По всем правилам. В самом деле, не приглашать же Киру в хлев! А тут... холостяцкая берлога. Никогда не считал себя неряхой, и вот по-

* *Modus vivendi* и *modus operandi* — образ жизни и образ действия (лат.) — Прим. ред.

** Можно и согласиться с таковым мнением; разные они, сочинители, по «профессии»: лорды, канцлеры, клинические сумасшедшие, камер-юнкеры, воры серебряных ложек... Особенно много чиновников и гусарствующих...— Прим. ред.

жалуйста. Надо будет пылесос привезти. Нет, лучше новый купить, оставить в квартире, а сюда старый доставить. Глеб вдруг ощутил, что совсем отвлекся и толком не разбирает о чем там опять вещает Севка. Он тряхнул головой и прислушался.

— Вот ты, Стасик, спросил, мол, а как это нас воспитывали? С ехидцей такой спросил, да не отпирайся, это ехидство у тебя в крови, и пусть. Мне оно не мешает. Но согласись, нас и вас, старшаков, так воспитывали, что девчонка, невеста, а тем паче жена друга, она тебе как сестра, и отношение к ней соответствующее. Защитить, если что, ты ее обязан, даже можешь ей компанию составить в случае необходимости, в кино там, в кабаке... Но глаз на нее положить, в кровать затащить ни боже мой, не моги и все тут. Как бы она тебе не приглянулась. Разве не так? А в романе что? Вспомни новеллу про эту Анну и *передержанную* страсть. Словно оправдание тут же аргументируется. Но сразу после свадьбы не устоять перед напором дружка собственного мужа и завалиться с ним в постель! Они что, животные какие-то? Или сей случай столь характерен и повсеместен? Я понимаю, в армейке там, полгода без увольнения. Ну, еще в местах не столь уж отдаленных. И то сказать, человек же в состоянии с самим собой справиться, на то он и мыслящее существо.

— Случай, конечно же, не повсеместен, мой молодой друг, но встречается. И наверное не так редко, как хотелось бы,— Стас, до этого так и стоявший у дверного проема, вернулся к столу, ухватил бутылку с ромом, наполнил свою рюмку и вопрошительно глянул на друзей, мол, а вам как, наливать что ли? Глеб и Севка по очереди согласно кивнули. Манипулируя бутылкой, Стас продолжил.— Люди по-разному воспитаны, по-разному умеют, точнее не умеют, сдерживать свои не очень прекрасные порывы. И потом, разные мнения есть на этот счет. Ты же не знаешь всех обстоятельств заключения этого, из упомянутой истории, брака. Может быть девушка вышла замуж в виду материальных выгод. И, кстати, как говорят циничные, умудренные вроде как жизненным опытом люди, браки по расчету самые прочные и долговечные. И вообще, всем известно, что любовь зла. А еще есть не менее философическая сентенция, дескать, стерпится-слюбится. Принимая во внимание все вышеизложенное, вполне допускаю возможность для молодой супруги гульнуть налево. Хоть мне, как мужику, это и не вполне приятно сознавать.

— Что ж, время, точнее особенности и гримасы современности, не могут не сказываться на поведенческих стереотипах, будь то женщина или мужчина, без разницы,— Глеб включил чайник, слегка опустив вниз плоский рычажок под его рукояткой. М-да, самовар смотрелся бы органичнее, ничего не попишешь. В кухне и так все раритетное: от ходиков до плиты, когда-то топившейся дровами. Электроматка о двух конфорках не считается. Ее Глеб не так давно привез из города. А вот самовар... был самовар да сплыл. Не просто ведь так он то и дело чудится. Словно стоит себе на столе и все тут. Непонятно только, куда он исчез во время одного довольно широкого застолья, когда здесь народу понаприезжало, мама не горюй! Отмечали солидную премию хозяина дома, да-да, его, Глеба премию... Шалман тут устроился, ни дать, ни взять. Дым коромыслом стоял до утра самого. А потом, когда все разъехались, хватился он самовара, а его-то и нет, точно и не было никогда. Вот и мерещится медный раритет теперь всем, кто здесь появляется, блазнит, с толку сбивает. Ладно. Проехали. Надо бы мысль продолжить.— Ведь не секрет, что женский пол нынче не столь уж прост и абсолютно не наивен. Напротив, деловит и весьма деятелен. Иных представителей мужеска пола обставляют в жизненных реалиях, и на раз обставляют, прекрасные дамы. Это бесспорно и примеров тому несть числа.

— Так это еще в девяностые произошло, когда дамы наши в челночную торговлю подались, пока мужички бухали и страдали, так сказать, душой и сердцем,— перебил друга Стас, весело присвистнув.

— Да, конечно, подожди, Стас,— Глеб смял пустую пачку из-под сигарет, от-

крыл дверцу потемневшего от времени, когда-то лакированного, изначально цвета кофе с молоком, настенного шкафа и достал новую порцию курева.

— Так же временем проверено, что имеющаяся в зашнурке «котлета» из купюр, иначе выражаясь, «пресс» денюжат, является для многих жен и подруг извиняющим очень многое в мужских поступках обстоятельством. Тоже не секрет, собственно. То есть, многие дамы занимают такую позицию, мол, мне не важно, что там благоверный делает и как средства «рубят», лишь бы добывал в приличном количестве, дабы мне было комфортно. Женщины ведь тоже, хоть и прекрасный пол, могут быть жесткими, жестокими даже и весьма приземленными. Как мне однажды на службе один слесарь жалился, хороший, кстати, слесарь, руки действительно золотые, так вот ему супружница лягнула, дескать, ты хоть иди воруй, мне все равно, лишь бы деньги домой приносил. Может в сердцах шваркнула, а может и нет, кто знает?!

— Во-во, так и было, — оживился вдруг Севка и повернулся к Стасу. — Ты свою-то первую вспомни, да, Янку, ты еще тогда гудел по-черному, а я только дембельнулся... Прихожу к тебе домой, ты в отрубе лежишь, а она довольная такая. Меня за стол усадила, дескать ей скучно, и стол накрыт... Я было начал по недомыслию ей выговаривать, какого лешего тебя так распустила, что пьянствуешь? А она с улыбочкой снисходительной мне в ответ: мол, да пусть хоть на голове ходит, главное — добытчик хороший, ни в чем отказа ей нет, любые прихоти исполняются. Да, выпивает, но побесится и успокоится. А, если потребуется, вызовем ему на дом анонимную наркологичку, пусть прокапают, как следует, бабосы имеются.

— М-да, было и такое, — без тени улыбки протянул Стас, — а вообще, в романе многовато этого самого «фрейдизма», ежели угодно. Конечно, тайные, подспудные, подсознательные желания, физиология, психология... Только ведь нормальный человек, если он человек, а не животное, управлять собой в состоянии и сам знает в чем себе стоит признаваться, а что без признания давить на корню и чему власти над собой не давать. А как иначе? Да и три типа современных женских характеров весьма условны. Флуктуаций-то может быть сколько угодно. И так называемая «счастливая дура» на поверку оказаться может просто женщиной, живущей в согласии с собой и с окружающим миром, просто счастливой и вовсе не дурой. А вот Светлана свет Анатольевна вполне способна сама себя и объегорить в результате своего бытия, с виду вполне роскошного. А что за душой-то в сущности? Понты сплошные? Ну да, в удовольствиях эта местная дива себе не отказывает, есть связи и в столицах, опять же вполне с головой дружит дама. Но все губит какой-то потребительский цинизм. А сие ведь очень скучно в сущности.

— Дружище, так ведь автору контраст нужен, он намеренно от многих мелочей абстрагируется, дабы вычленил главное, сущность самую что ни на есть. И то определенная мозаичность остается, посмотри сколько сопутствующих основным персонажей еще приходится описывать, хоть и штрихами-пунктирами? Правильно, не в вакууме живут главные действующие лица, а в многоквартирном доме, это как минимум. Но автор тут хитро поступает, вводя мимолетные образы, изначально весьма разнообразные по упомянутым модусам, а следовательно и по характерам, он ведь так поворачивает ситуации, что поступки их зачастую схожи, — Глеб наконец тоже решил не маячить более каланчой и плюхнулся в свое кресло. — И получается, что описанное разнообразие, воленс-ноленс, укладывается в обозначенные типажи женских характеров.

— Да? Возможно, возможно... — по лицу Стаса было понятно, что он не вполне согласен с рассуждениями товарища. — Просто, вот помнишь, как чувак там познакомился с дамой во время застолья у друзей, и она тут же с ним в кровать прыгнула. И любовь у них безумная получилась. А потом, уже домой возвращаясь, он на соседскую девчущку, хоть и совершеннолетнюю, но гораздо его моложе, польстился, и

хлестали они бормотуху из горла на верхотуре многоэтажки, у лифта, и опять-таки жутко друг дружку любили... Что-то это ни на один типаж не похоже, да и не станет нынче никакая практическая женщина так вот себя вести. Это лет сорок — пятьдесят назад еще возможно было бы, тогда мужики ценились выше. Память о годах послевоенных, времени жуткой нехватки мужчин, еще жива была, да и женский пол вел себя попроще, меньше им надобно было. Как в анекдоте: на трамвае прокатаешь, мороженное купишь, и она твоя... А нынче нет, дамочки хитренькие стали, чувства свои в узде держать умеют, ох, умеют! Это же как надо, пардон конечно, оголодать, чтобы сходу на мужика бросаться?! Уж и не знаю. Возможно, наверное, теоретически, но не характерно как-то.

— Ой, да мало ли что бывает! — отозвался Севка, вроде бы и не вслушивавшийся особенно в диалог друзей, а погруженный в изучение висевшего на стене календаря пятилетней давности с эффектной девушкой в купальнике на постере. — Вот вы Елизавету упорно тут перевозносите. А она ведь тоже с бравым кавторангом без церемоний в постели оказалась. И объяснение этому в целом правильное: «люди взрослые», чего уж там, не до манерностей, все и так понятно. И где ее мораль? Где нравственность, в коей нас пытаются убедить? Чем сия Лиза, далеко не бедная во многих аспектах, ежели не во всех, остальных превосходит? И потом, смотрите, ведь она сумела «остудить» свой же эротический, а отнюдь не любовный, пыл и мозгами пораскинуть на досуге, что кинуться вслед за командиром подлодки в заполярные широты — дурь и более ничего. По той простой причине, что не готова она к бытию офицерской жены в дальнем гарнизоне со всеми, как говорится, вытекающими. Понимает наша практически идеальная дама, что сбежит она оттуда через полгода максимум. Тоска сожрет ее с потрохами, да к тому же и дочка-подросток, вырастающая в девушку в замкнутом пространстве военного поселения, пусть даже именуемого ЗАТО*, это тоже сомнительная перспектива, ведь от смены названия сущность взаимоотношений в подобных поселениях не меняется. И не след Елизавете поэтому рушить устоявшийся свой уклад, пусть иногда скучноватый и даже, возможно, тоскливый, на невесту какой, непонятный, но уже внушающий опасения. Что это, как не та же самая меркантильность и расчет?! Получила от мужика что хотела и адые.

— Однако же не все настолько уж приземленно, *mon cher ami*, — отчего-то разве-селился Глеб, с явным удовольствием внимавший Севкиным умозаключениям. — Собственно говоря, она просто ощутила, что этот эмоциональный, ну, хорошо, пусть даже чувственный всплеск, отнюдь не любовь. Пусть даже по старине Фрейд с этой его терминологией-фразеологией неудобь произносимой, ну и что с того? Лиза не человек что ли? Да, со всеми слабостями женскими, но ведь и силенок у нашей героини вполне достаточно. И не помянуть шило на мыло, оценить произошедшее, вовремя, если угодно, «протрезветь» и придти в себя, тоже ведь не каждая способна. Значит наша Елизавета свет Васильевна не встретила пока свою истинную любовь. Бога не видит за уже пережитым. Ну и ладно. Значит все действительно впереди. А записки дневниковые пусть себе будут. Это обратная сторона душевных метаний. Не с кем же на сию тему ей откровенно, без ерничества и цинизма той же Светланы, поговорить. Такой вот у женщины микрокосм, ежели угодно. Но автор прав, когда рисует Елизавету именно такой, с метаниями душевными, с размышлениями более холодными, что ли, но сохранившей ту чистоту, ту внутреннюю нерастраченную нежность, ту честность, насколько она вообще возможна в нашей, да и в любой, бытовухе-повседневщине. И я уверен, что вы, парни, и вообще наверняка подавляющее большинство мужиков о подобных женских качествах как раз и мечтают. Сколь бы

* Аббревиатура от «Закрытое административное территориальное образование» — ныне официальное наименование поселений и городов, что раньше назывались «военными городками». — Прим. ред.

цинично они вслух не выражались о дамах и свойственных им качествам.

— Из всего изреченного вами, мой господин, следует,— подхватил Стас с нарочитой театральной выпендренностью и кривоватой ухмылочкой,— следует, что женщина и в современном, подверженном тотальной глобализации, мире должна оставаться и так остается, и впредь останется тем же прекрасным, нежным, обаятельным и загадочным созданием, что и прежде. По крайней мере для нас, для мужиков, ежели брать по истинному счету вне всякой потребкооперации. И вы, дорогой поборник этих прелестных женских качеств, считаете, что так оно и есть? И примером тому дражайшая Елизавета Васильевна. Только одна загвоздочка: она ведь получается некой идеализированной персоной на фоне остальных. Куда более реальных. Вон мамка «ейная» звезданула сковородкой папке, на сторону гулявшему, по башке и вернула его в лоно семьи. Чем не практическая сметка, хоть и от отчаяния проявленная. Или вас, дорогой эстет, от подобных вывертов коробит?

— Так ведь автор и не стремится представить главную героиню в образе «босоногой кармелитки» нашего времени. Она как раз нормальная женщина, пользуется вниманием у мужиков, вспомни чем книга заканчивается? Появляется очередной, весьма кстати, ежели на вскидку судить, достойный кандидат в... А вот в кавалеры, в партнеры или? Тут вопрос открытым и остается, чем и подчеркивается довольно-таки приличная сложность проблемы, именующейся «оставаться самим (самой в данном случае) собой».

Глеб взглянул вопросительно на собеседников, мол, согласны? Стас хмыкнул то ли да, то ли нет и плечами едва заметно пожал. А Севка? Тот кивнул утвердительно, он что-то утомился от всех этих теоретизирований. И как раз в этот момент с улицы донеслось некоторое тарыхтение. Вначале тихо, но с каждым мгновением становясь все отчетливее. Судя по всему, кто-то из деревни ехал сюда явно на тракторе, поименованном в честь союзного нашему государству, ибо там он на свет и появился. Друзья дружно встали и поспешили выйти на крыльцо, где обнаружилось, что недавняя угроза возобновления стихии так и осталась лишь угрозой, дежурная морось имела место, но ветер стих, а некоторое легкое движение воздуха именовать даже ветерком можно было лишь при желании.

Из кабины остановившегося метрах в двадцати от дома трактора «Беларусь» спрыгнул прямо в мокрую, по колено, траву коренастый, широкоплечий мужичок, даже издали напоминавший грибок-боровик, помахал рукой стоявшим на крыльце и не спеша двинулся к ним, свернув уже на лишнюю траву тропку. Голенища его кирзовых сапог, короткие, с ременными застежками по бокам, блестели от воды. Это был давний приятель Глеба, один из местных хозяйственников, в отличие от двух прочих, деревенский уроженец Саня Ефимов. Он, не в пример многим своим ровесникам-односельчанам, после срочной службы на Северном флоте в город не подался, вернулся домой, женился на соседской девушке, по которой сох с детства, и пошел работать в совхозе трактористом. А когда грянули новые времена, ничтоже сумняшеся, выкупил этот вот трактор и занялся вместе с женой своим хозяйством. Трудились они на земле как проклятые, порой совсем из сил выбивались, однако никогда Глеб не слышал от Сани что тот, бросит это гиблое дело и свалит из проклятого Митрохина. Ничего подобного. Наоборот, Саня как-то обмолвился, что коли он крестьянин, так здесь ему и место. И не сдался, а сейчас и делишки вроде совсем наладились, ишь гоголем идет, смотрит задорно.

— Господам городским литераторам и кому там еще наше с кисточкой,— Саня чуть приподнял кепочку за козырек и слегка поклонился.

— Привет хозяевам земли, привет трудовым латифундистам,— ответил за всех Стас и протянул поднявшемуся на две ступеньки крыльца Сане руку. Глеб и Севка, не сговариваясь, хмыкнули, покивали в ответ и тоже пожалы натруженную, мозоли-

стую, перевитую трудовыми венами Санину ладонь.

— Что, дружки, переживаете непогодь? — Саня достал кисет и стал ловко сооружать самокрутку. Он сам выращивал табак и употреблял только его, не признавая покупных табачных изделий. Лизнув краешек бумажки, он прищурился на Глеба:

— В город-то не спешишь? А то ведь могу на буксире до шоссе дотащить. Я, правда, только завтра в Коркино собирался, но могу в порядке шефской помощи поспособствовать.

— Саня, так это город обычно над деревней шефство брал, предприятия бригады на уборку всякой всячины присылали ...— Стас легонько похлопал гостя по крепкому плечу.

— А ты почитай, вспомни «Возвращение» у Эриха-Марии,— прикуривая от зажигалки «Ронсон», Глебова ему подарка на прошлогодний день рождения, ответил Саня с интонацией явного превосходства над собеседником,— это горожане в кризисные времена мешочничать на деревню отправлялись, а не наоборот. А ежели военный коммунизм вспомнить, так заодно не забудь, что впервые голодали в Питере в гражданскую, когда крестьян-мешочников запретили пускать в город под страхом расстрела. И к двадцать первому году население «города трех революций» уменьшилось ровно втрое по сравнению с эпохой «тюрьмы народов», то есть до семисот тысяч. Так что куда уж вы — шефы без нас, сермяжных-то?

— Ты отчаянно прав, кормилец,— Глеб знал Санину манеру изъясняться и способность, что называется, поговорить, усевшись на любимого конька. Саня, имевший за плечами сельское пэтэу и досаафовские курсы, тем не менее стихийно образовывался сам, читая, как однажды выразился ехидный Стас, непозволительно много для зажиточного сельского жителя. Глеб, кстати, немало способствовал увлечению старого товарища, то и дело подсовывая ему книги из своей, в основном оставшейся от отца, библиотеки. Наязжая в город, Саня обычно останавливался на квартире у Глеба, привозил прочитанное и забирал новую партию книг. Когда он успевал их читать при своей всегдашней загруженности по хозяйству, для Глеба оставалось загадкой.

— Я, кстати, чего заглянул-то к тебе,— Саня по привычке, приобретенной еще в детстве, ухватил себя за кончик короткого толстого носа большим и указательным пальцем левой руки и слегка покачал из стороны в сторону,— почитать с собой ничего не прихватил часом? А то я нынче до города не доберусь, делишки тут держат, а чтиво закончилось. Я тебе прежде взятое позже закину, если не уедешь. А то, смотри, могу и сейчас сгонять.

— Нового? — Глеб посмотрел в сторону своего авто.— Новое, друже, имеется. Только это, видишь ли, завершающая часть одной весьма занимательной тетралогии... Впрочем, такую книгу можно читать и без остальных. Отчего бы в обратном порядке это четырехкнижие не изучить?! Пошли, чаю глотнешь, у нас и ром к нему имеется. А потом я тебе и книжку выдам, она у меня в машине лежит.

Саня не возражал против чаепития, очевидно порядком соскучившись по мужской беседе, и пополнившаяся новым гостем компания вернулась обратно на кухню. Глеб манерно уступил Сане дорогу и дурашливо подражая недавним ужимкам фермера, тоже с легким поклоном, указал рукой: дескать, пожалуйста, сударь, а уж мы после вас. Саня усмехнулся, сбросил с круглой, ежиком остриженной головы кепку и шагнул в кухню. И встал вдруг, сделав несколько шагов, точно вкопанный, так что Севка, уткнувшись в стоявшего в дверном проеме Стаса, вообще остался вне кухонного пространства и заглядывал туда через плечо друга. Саня обвел взглядом кухню, и удивленно-озадаченно спросил:

— Слышь, друже, а вроде бы у тебя в прошлый раз самоварчик тут стоял. Древний такой, он же от прадеда остался вроде, помятый немного, но по всему видать фирмы старинной, я же его издавна помню. И календаря на стене нет. Помнишь, ви-

сел отрывной за шестьдесят первый вроде бы год... Недооторванный наполовину. Я еще хотел было листочек отчекрыжить, да ты тогда на меня даже наорал немного, чтобы не распускал клешни. Тоже куда-то делся. А?

— Не помню, не знаю. Ладно, проходи вот сюда, за стол садись,— сбивчиво и даже смущенно ответил Глеб и стал суетливо, без всякой цели, переставлять посуду, стоявшую на столе, пока все рассаживались по своим местам.

— На чердаке все наверное, надо бы проверить, инвентаризацию провести...— он ухватил бутылку с ромом и наполнил три рюмки, а потом и четвертую, которую принес все из того же из буфета.

— Так самоварище и я помню,— Стас поприветствовав всех поднятой рюмкой и одним махом ее опустошил.— Только он совсем недавно мне тут мерещился. Вроде стоит на столе, а моргни — и нет его. А календарика что-то не припомню. Вот фотки прадедовские на стенке висели, где дед твой, Глеб, еще пацаненком снят. У прабабки на коленях сидючи.

— Ладно-ладно, я и сам толком не вспомню куда и что подевалось. А может и не было ничего? Помстилось просто. Дом старинный, энергетика в нем издревле копилась. Мало ли что,— Глеб с полуулыбкой покрутил пальцем у виска и ткнул кнопку на чайнике, откликнувшемся тут же деловитым шипением: недавно совсем кипятили.

— Ага. Прямо как в шотландском замке,— гоготнул Севка, закуривая.— Ни дать, ни взять Кентрвилльское приведение в родовом шотландском поместье.

— Ну, в шотландском не в шотландском, а чем мы хуже? — отозвался Саня.— У нас тут, брат, тоже все непросто. Глухомань, конечно, а ведь прежде и речка судоходная была, и ярмарки устраивались, и вообще жизнь была куда как разнообразнее. В округе сколько деревень мертвых, не считал? А я вот скажу, что с десяток наберется. Это так, приблизительно. И везде люди жили, судьбы у всех разные. Энергетика да, ого-го-го. И ежели там домовая почудится или еще какая «недотыкомка серая», я насколько не удивлюсь. Кому суеверия, а кому фольклор. Да, Глеб, а что ты там о книжке толковал? Вернее, насколько я понял, об одной из четырех, о завершающей тетралогию?

— Сейчас,— Глеб встал и, опершись руками о столешницу, поглядел в окошко.— Вроде и вовсе утихомирилось ненастье. Схожу к авто и принесу книгу, чтобы был предмет для разговора. Чай пока разлейте, други.— И вышел из кухни.

СЛОВО, КАК ПАНАЦЕЯ ОТ ЦИФРЫ («ЖИТИЕ НАШЕ ОЦИФРОВАННОЕ»*)

— Видишь ли, Саня,— обратился Глеб к листавшему врученный ему томик гостю,— эту вещь можно читать как самостоятельную, не предваряя преамбулами, напротив, она и сама во многом может служить вступлением в тетралогия, ибо так или иначе тема ее проходит через все остальные повествования. Что же касается персонажей, а если угодно героев, то тут надо для начала просто знать, что живут на страницах всей тетралогии и, кстати говоря, за пределами оной, в иных произведениях автора, некто Николай Андреянович, ныне доцент, а прежде труженик оборонки, и его старинный приятель профессор Игорь Васильевич. Это мужчины уже с приличным жизненным опытом и академическими знаниями, скептически, но объективно настроенные к окружающей действительности, то есть не злобно, с приличной и

* Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— М.: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 329 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

вполне приемлемой и обоснованной иронией. Здоровое человеческое и вполне себе рациональное начало берет в них верх над всеми резонами современного бытия и его новых веяний, помогает сохранить себя в виде самодостаточных личностей, слабо подверженных влиянию модных тенденций, в частности, всемирной паутины, всеобщей компьютеризации и прочая.

— Причем их позиции ничуть не отдают ни косностью, ни рутинерством,— точно про себя, глядя куда-то в пустой кухонный угол, примечательный разве что отслоившимися слегка обоями с выцветшим орнаментом, проронил Стас,— мужчины сии лишь ратуют за сохранение в человеке творческого самостоятельного начала.

— Есть там и другие достойные персонажи, например, Андрей Матвеевич, профессиональный писатель, главный редактор литературного журнала, устами которого весьма увлекательно и красочно «глаголет истина» о нынешней жизни литературного мира, хоть и не столичного, но все-таки не вполне и провинциального, ибо все происходит в областном центре, всего в двух часах езды от первопрестольной расположенном,— Глеб перевел дыхание, вооружился сигаретой, но прикуривать медлил, рыская глазами по столу, очевидно в поисках своей рюмки.

Севка угадал желание старшего товарища, ту же выстроив «тару» рядком и взяв в руки бутылку рома. Он только вопросительно глянул на Саню, но тот помотал головой отрицательно и руками немного крутанул воображаемый руль.* Тогда виночерпий мигмом исполнил задуманное, а трезвеннику на тракторе налил чаю в чистую, старинную, настоящую фарфоровую с нарисованной внутри розой, чашку, извлеченную из буфета. Троица дружно отправила содержимое рюмок по назначению, а Глеб тут же продолжил свой монолог.

— Так вот, *mon cher* Саня, стараниями или, если угодно, усилиями двух наидостойнейших граждан, а именно Игоря Васильевича и Андрея Матвеевича, да плюс к ним одного головастого аспиранта по кафедре информатики, было выпущено в свет повествование об истории создания и весьма драматического порой существования областной организации писательского союза — от страны советов до наших дней. Но, следуя традициям иносказания, по понятным причинам от Эзопа до Михаила Евграфовича и далее неизменным, повествование это выполнено было в форме сказки по примеру только что упомянутого и весьма нами почитаемого дважды в миру вице-губернатора. Вот, друг мой хозяйственный, прочти сию повесть, четвертую книгу, собственно, открывающую и попробуй узнать, кто именно из литераторов сокрыт за сказочными лесными обитателями.— Глеб наконец-то закурил и вытянулся в кресле.

— А сделать такое, то есть сбросить с реальных поэтов-писателей личины звериные, можно с помощью нашего друга яндекса, сиречь интернета, вообще говоря, компьютера. А ведь всю эту виртуальную реальность наши «ирои», как говаривал Салтыков-Щедрин, довольно усердно кроют на все корки, чуть ли не анафеме предавая. А я вот быстро сумел разобраться «ху есть ху», особенно зацепившись за Лошака, который реально в год столетия основоположника и вождя свалил на брег Туманного Альбиона. Вот аз грешный и раскрутил весь клубок понемногу в обе стороны: и по хронологии, и супротив ея. Практически всех определил. Интересно и очень познавательно. Только вот без всемирной паутины, трижды проклятой, ничего бы у меня не вышло. Это факт.

— М-да. Диалектика. Единство и борьба противоположностей. Старина Георг Вильгельм Фридрих Гегель. И никакого тебе марксизма-ленинизма. Одна сплошная абсолютная идея — медленно, точно задумавшись, словно выдавливая из себя слова,

* С полным восторгом можно воскликнуть: это надо же за всего одну-две пятилетки так дисциплинировать народ (хваленым немцам на это понадобилась тысяча лет!), чтобы в деревенской глухомани тракторист отказывался принять «на грудь» стопку-другую?! — Прим. ред.

проговорил Саня.

— Бог с ними, с теориями и философиями,— Севка растопыренной пятерней забросил назад упавшие на лоб пряди густой своей шевелюры,— мне вот не вполне понятно, а пошто так шифровать-вуалировать в сказочный антураж обыкновенную историю обыкновенной губернской писательской организации? Есть, так сказать, боевой путь, что тут зазорного? Сами же орем на каждом углу, мол, не надо стесняться своей истории, не надо ничего переписывать, принимайте все как есть, точнее как было. Да и вообще там ведь ничего выдающегося, как мне кажется, в боевом-то пути и нет?

— Ну-у, Сева, орем-то не мы с тобой и другими «трудовыми массами», а господа журналисты по одному им ведомому заказу... Во-первых, отсутствие, как ты выразился, выдающегося, не исключает наличия жизненных и творческих коллизий. Потом, кто определил критерии — что выдающееся, что нет? Во-вторых...— Стас глянул на Севку снисходительно — Во-вторых, по прошедшим событиям, плюсуя к ним происходящие, можно в некоем, хоть и эскизном приближении дать прогноз на будущее, «мой дорогой лейтенант». Автору, Андрею Матвеевичу, самым естественным образом сия тематика близка, он в нее, если угодно, погружен и значит разбирается. Как же литератору не исследовать и не описывать историю литературного и окололитературного, сие тоже имеет значение, процессов? Форма сказки, по примеру классика, избрана, в тексте так и указано, оттого, что на момент издания этой «гиштории» еще здравствовать изволит немало тех, кто в повествовании присутствует. Плюс к тому, форма щедринской сказки дает небывалый простор всегдашней авторской иронии, а без нее куда? Правильно, никуда. Я бы даже назвал эту манеру изложения *ироническим оптимизмом сожаления*, что опять-таки «единство и борьба». Кстати, уважаемый латифундист, а ты самого Гегеля читал или с чьей-то подачи излагаешь?

— Начинать читать, запутался в терминологии,— буркнул отрывисто Саня.

— Я и Иммануила, «Критику...» его, начинал. И Кондильяка брал в библиотеке... ну, там, Фейербах, еще всякие, Огюст Конт, неоплатоники, младогегельянцы. Во, только названия школ и выучил. Трудно усваивать. Привычки нет. Не художественная же литература.

— Да не журись, сельское хозяйство,— хохотнул в ответ Стас,— ты думаешь я не такой же? Правильно, вникать в подобное привычка нужна. Ну, да я к слову больше... А вот...

Он видимо хотел еще о чем-то осведомиться у деревенского аборигена, но тут встрял в разговор покончивший с выкуренной до фильтра сигареты Глеб:

— Ты, Стасик, очень хорошую и емкую форму нашел — иронический оптимизм сожаления. Именно! И ведь такая манера, главным действующим лицам, то есть и автору, присущая, дает возможность сохранять надежду на лучшее. А значит и делом своим конкретным, пусть не слишком значительным, но для кого-то имеющим некий вес, этому самому «лучшему» способствовать. Конечно же, не все так гладко, аки желалось бы, но... глупо противиться объективной реальности; и сколь бы разлюбезный профессор Игорь Васильевич не старался бы в своем идейном «луддизме», сиречь машиноразрушении, сколь бы не хаял и не проклинал реальность виртуальную вкупе с глобализацией и всякой иной всячиной, процесс, как говорили три десятка лет назад, пошел. И он идет и будет идти. Сохранить себя и все, человеку присущее, в себе, не утратить ассоциативного мышления и привить его тем, кто будет после нас, вот задача! Даже сверхзадача, ибо архитрудно выполняема и распадается на отдельные пункты. Но на то мы и человеки, вооруженные интегральным исчислением. Делим сверхзадачу на отдельные, маломасштабные, а потом суммируем, сиречь берем интеграл по пространству нашей родимой земли. И опираться в своих стараниях-

радениях надо на слово. «В начале было слово. И слово было у Бога. И слово было Бог». Евангелие от Иоанна, а равно и от его «собратьев по перу» никто не отменял. Хватит с нас научного атеизма. Будем опираться на язык, слово, речь, — непременно сохраним человека и человечность. Не будем — превратимся в андроидов. Это, конечно, схема, формула, однако... Не забудем, что язык — проводник не только в будущее, но и в прошлое. А верность исторической канве — это не хухры-мухры, отцы мои.

Но вот канву сию не столь уж просто нащупать, слишком переломано все в ушедшем веке, переиначено, с ног на голову опрокинуто. Отсюда и «широта» интересов и взглядов наших профессоров-доцентов, я имею в виду книжных. Слишком уж залихватски порой они рассуждают о былом. То Троцкого цитируют, то государя-императора хаот.* А зря... Не берусь судить об образовании упомянутого ангела революции, но его откровения нам до лампочки. Единственно, что можно сказать по данному вопросу, так это процитировать Василия Аксенова, мол, чтобы бороться с врагом, надо его знать, а чтобы его знать, надо чтобы он был. А судить об имперских реалиях узкоколейно, если хотите, — «слабый царь с царицей-немкой на троне отстающей в развитии империи», так это вообще шельмование исторической правды... Это ведь зажавшиеся либералы и ополоумевшие генералы вкупе с крупнейшими буржуа сделали все, чтобы за менее чем год развалить империю и вручить власть вождю всех пролетариев и уже помянутому иудушке-интеллектуалу. Да, «зато мы делали ракеты» в итоге и «грозили надменному соседу», но... цена победы, други, тоже ведь должна приниматься во внимание. Дабы впредь столько крови не лить и собственный народ под нож не гнать чуть что. Мы же последствия этих экспериментов до сей поры ощущаем. А спастись от цифры нужно гуманитарным образом. Вопрос только, а как сие конкретно выглядеть должно?

— Так автор вот и опасается, что ни шиша не получится. Он ведь не зря назвал книженцию «Житие наше оцифрованное». — Севка устал бороться с непокорными своими власами и вытащил из заднего кармана джинсов с зиявшими на коленях и бедрах поперечными — по нынешней моде — разрезами широкую, сшитую кольцом, черно-белую резинку и ею, надев на голову, привел-таки прическу в стабильное состояние. — Правильно, без компа и сети нынче никто, считай, и шагу не ступит. И все мы, пользователи, уже в чьих-то базах осели, и знают нас там от шляпы до... скажем, носков. Ассоциативное мышление... Ха-ха, а к чему оно, ежели поисковик имеется? Правильно, ни к чему. Скажи монтажнику, мол, лебедка у нас пятитонка, а поднимать придется груз тонн в девятнадцать, так собирай нынче четырехветвевый полистпаст, а он в ответ планшетик или айфончик открыл в инете посмотреть: что такое этот страшный зверь означает, как выглядит, и как его «изделать»? У строителей то же самое. Seriously. Мне бригадир знакомый рассказывал.

— Слышал, господин «младогегельянец»? — обратился Стас к Сане, — а что ваша милость по сему поводу нам изречет глубокомысленного? А насчет младогегельянца не в обиду было сказано, я ведь тоже максимум названия школ и течений философских помню еще. Не более.

— А что вам, братцы, сказать? — Саня крепкой, порядком натруженной, переви-той рельефными венами рукой в задумчивости потер основательный свой подбородок. — Проблема утраты прежнего образа мысли, человеку присущей с незапамятных времен, и замены оно-го новым способом, как вы говорили, оцифрованным, есть ко-

* Да не хаот — опять же объективность. Ведь никуда из истории не денешь Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, «стольпинские галстуки», позор войны с Японией, войну за англо-французские интересы с «тевтонами», с которыми у России не имелось никаких контраверз... А малодушное отречение от престола? — Нет бы приказать личному конвою на месте расстрелять генералов Алексеева и Рузского да шлепнуть пару родственничков великих князей... — Прим. ред.

нечно. Как не быть?! Вон насколько все переменялось! Да последние лет тридцать возьмите! Небо и земля! С виду не всем заметно, а на деле... Я, Стас, на пальцах тебе. Вот в тракторишке моем трудовом-заслуженном есть такая деталь — шкив привода вентилятора, а на вал он крепится шпоночным соединением. Впрочем, она, штукови-на такая, в любом движке присутствует. Все элементарно. А у соседа, тоже сельского старателя, у него ЗИЛ'ок был, ну, «Бычок», так на этом ЗИЛ'ке как-то шкив такого же назначения с вала сорвало. Провернуло и привет. Он ко мне, помоги, мол, ну и стали мы в моем ЗИП'е копать, нашли запасной шкив для «Беларуськи», промерили оба, сравнили, а они с зиловским и по наружному диаметру, и по профилю ремня идентичны, как говорится. А вот по способу крепления на валу... извините, на автомобиле славного завода соединение шлицевое. И привет, пишите письма. Близок локоть, да не укусишь. Вроде и то же самое, да не то. Так и с нашим вопросом. Внешне мы, теперешние, вроде как и прежние, а внутри едва ли. Такие вот ассоциации.

— А то, что Николая Андреевичу, с молодых ногтей и батькиного благословения нумизмату, константиновский рублевик, хотя и китайский новодел, вождельный не одним поколением вдохновенных собирателей монет, предлагает по дешевке якобы алкаш, ищущий средств на опохмелку свою и брательника, это тоже характерно для «жития нашего оцифрованного»? — с неожиданными для него горячностью и сарказмом вдруг громко произнес Севка. И практически без паузы добавил утвердительно:

— Несем мы, господа хорошие, действительно банальщину какую-то. Временам свойственно меняться, а людям с вершины житейского опыта вздыхать, мол, вот в наше время было ого-го, а «таперича» не то, ох, совсем не то. Что нам, в самом деле ломом в системный блок тыкать, дабы не «оцифроваться» совсем?

— Милый ты мой,— Глеб даже не взглянул на вопрошавшего, он в простенок между двумя окнами глядел, аккуратно напротив того сидючи, точно увидел там нечто, его поразившее.— Что до банальностей, так ведь и сама жизнь банальна со всеми радостями и горестями. И «все когда-то уже происходило». Мы же здесь не отыскиваем уже давным-давно открытое, а беседуем о содержании конкретных книг, объединенных общей темой, вполне и даже очень актуальной для всех присутствующих. Нам не сенсации нужны и не озарения, а лишь спокойный анализ, то есть соотнесение содержания литературного произведения и реалий нынешних, каковые каждый видит и оценивает, но по-своему.

— Алкаш, тобой упомянутый, Андреевичу раритет нумизматический притаранивший и сплавивший по демпинговой цене, он, конечно, может в любых эпохах проявиться, тут не в алкаше дело. Помнишь у Блока про «жизнь без начала и конца»... про «нас всех подстерегает случай»? — подхватил тему Стас.— А у Ремарка в «Триумфальной арке» не забыл о «систематике случая», исповедываемой в качестве одной из жизненных форм доктором Равиком? Знакомые цитатки, младень? Ну, так и пользуйся ими, аки инструментами познания, пользуйся. Встреча алкаша и коллекционера — ярчайшая характеристика времени, ибо внятно демонстрирует именно то, что для достижения цели и обретения успеха важно, прежде всего, оказаться в нужное время и в нужном месте. Достаточно знать частную суть некоей задачи, ежели угодно. А все эти басни о профессионализме и тому подобной лабуде вторичны, хотя и не исключаются. Я так считаю. Вот тебе еще одна грань пресловутой «оцифровки». Это же прямая отсылка к тестовой сути всего происходящего. Неважно знать, важно угадать, что конечно и знаний не исключает, хотя бы у «оцифрованного» они скудоумно всего лишь оперативную память занимают. То есть они не всеобъемлющи. И значит...

— Слушайте, други,— Саня вновь скручивал самокрутку, удивительно сноровисто управляясь с табаком и бумагой, даром, что ручищи изяществом не отличаются.— Вы бы «фитильки прикрутили», а то мне кажется, что я уже треть книги, как

минимум, прочел. А если о реалиях толковать, так вот я недавно на почту заехал в райцентре, так там... Что ты, Глеб, зареготал-то? Что смешного. Я ведь еще ничего не сказал!*

— Книгу прочтешь, узнаешь, Саня. Не удивляйся и не обижайся.— Глеб встал и подошел к висевшей в простенке старой фотографии в деревянной, явно ручной работы, рамочке.— Саня, а ты часом не про это ли фото спрашивал? Так вот оно... Я, правда, не знаю откуда оно и каким макаром вдруг возникло? Вроде бы ведь пропало с концами?

— А чайку тебе не насыпать? — спросил в ответ Стас и поставил чашку под носик здоровенного, медного, чуть местами помятого самовара, не оставившего пластиковому чайнику, кстати очень вовремя исчезнувшему невесть куда, никаких шансов в плане конкуренции. И пока остальные ошарашено таращились на чудесным образом изменившийся интерьер старой кухни, Стас повернул краник, и в чашку брызнул крутой кипяток. И в бормотании брызчатом этом на несколько мгновений всего почудились вдруг сидящим до боли знакомые голоса. Жаль не вспомнилось чьи именно, слишком уж быстро наполнилась чашка...

НЕКОТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ, ЛОГИЧНОЕ УЖЕ В СИЛУ ПРИСУТСТВИЯ ПРЕАМБУЛЫ, НО, ВОЗМОЖНО, НЕ СТОЛЬ УЖ НЕОБХОДИМОЕ

Оставим в покое друзей-приятелей, пусть себе посидят еще сколько нужно, пусть «выпивают и закусывают квантум сатис», они — люди вполне себе состоявшиеся и самодостаточные, им сие не повредит, пусть порассуждают о тетралогии в целом, об отдельных книгах в частности, вспомнят конкретные эпизоды и действующих в них лиц, выскажут мнения, что-то и срезюмируют. Особенно отметят добротный литературный язык автора. Опять-таки и метаморфозы старого дома — они ведь не всякий раз случаются и не всякому индивидууму вообще доступны. Тем ценнее момент! А мы с вами обмолвимся еще кое о чем, отнюдь не имея целью идеализировать прошлое и демонизировать настоящее с будущим.

И если бы современная литература и впрямь не стала *салонным видом творчества*, далеким от широкого читательского круга, как совершенно справедливо утверждает автор тетралогии... Впрочем, даже в такой плачевной ситуации аз грешный настоятельно рекомендую к прочтению самому широкому кругу читателей эти четыре книги Алексея Яшина. Особенно обрадует меня, если на них обратит внимание «поколение младое, незнакомое», как обычно принято говаривать в случае упоминания тех, кто только приобщается к осознанному мышлению. Да, я всерьез считаю, что молодым людям будет не безынтересно узнать о времени не столь уж, по историческим меркам, далеком и, тем не менее, разительным образом отличающимся от реалий современности. Но реалии, при всей их наглядности, не всегда отражают глубинные особенности времени, а в глубине много такого, что можно посчитать инвариантным в любой период.

А что же главное в таких вот инвариантах? С легкой руки Бориса Гребенщикова можно резюмировать сие одной песенной строкой: «Но чтобы стоять, я должен держаться корней»... С этим и не поспоришь. И ведь Алексей Яшин на страницах тетралогии по сути о подобном модусе и ведет речь. И то верно, ни к чему было разрушать (еще вопрос: кто разрушал?) и заколачивать в небытие достигнутое во время оно,

* Засмеявшиеся персонажи повести при слове «почта» тотчас вспомнили новеллу «Ветер западный, оцифрованный» из обсуждаемой книги, в которой на примере службы почтовых услуг показана вся скоростная уродливость «оцифровывания»...— Прим. ред.

незачем было в тупом и холопском желании поклоняться западным якобы демократиям, на корню вырубать и херить то полезное и позитивное, что создавалось во времена «Союза нерушимого...». Вот только, если уж быть до конца справедливым, необходимо знать и помнить, что корни наши глубже, что они отнюдь не только в советском прошлом, что никакой советской сверхдержавы не состоялось бы без «умов и трудов» Российской империи, в силу своего величия оказавшей исподволь безусловное влияние на становление и развитие социально ориентированного государства. Впрочем, герои тетралогии об этом помнят хорошо...

Авторская логика, пожалуй, бесспорна прежде всего тем, что содержание всех четырех книг глубоко реалистично, и мы имеем дело с литературной интерпретацией конкретики, естественным образом вписанной в историю страны, претерпевшей (в очередной раз) на рубеже девяностых годов прошлого века столь значительные метаморфозы, что это не могло не сказаться на жизни каждого отдельного человека. И очень даже хорошо, просто-напросто отрадно, что автор «копает» настолько глубоко, насколько знает и помнит, не сочиняя ничего лишнего, но порой домысливая, поскольку без этого процесса в творчестве не обойтись никак. И всегдашняя авторская ирония — от предков-староверов и североморского воспитания, как говорит он сам — очень помогает читателю рассматривать содержание книг и мнения главных героев не как абсолют, а как мнение неглупых и весьма умудренных опытом людей, коим отнюдь не все равно, что там за окошком происходит и что с нами со всеми было и будет. А основание иронии вовсе не ерничество вкупе с нигилизмом, и цель ее не бездумных смех, переходящий в гомерический хохот. Помните, у Ремарка вывод на тему, мол, если смотреть на наш двадцатый век без смеха, можно сойти с ума, вот только смеяться долго тоже нельзя, можно застрелиться. Ирония — это, если угодно, тот янтарь, который помогает сберечь надежду на лучшее, а какая же, помилуйте, может быть жизнь без надежды?

Вот так, господа, они же товарищи, мои. Можно в чем-то не соглашаться с автором, тем более таким оригинальным, даже нужно. Коли есть охота и нужда, можно даже и поспорить... Но для этого необходимо, как минимум, прочесть тетралогию, вникнуть в рассуждения главных и не очень главных персонажей, осмыслить авторскую позицию и понять, что разобраться нужно прежде всего в себе, в своем отношении к истории своей страны, в понимании того, что разрушение старого очень негативно сказывается на созидании нового, а относительная стабильность в империи наступает лишь при условии единения общества и государства, народа и армии, и прочая, и прочая, означающее, что внутривидовую агрессию — все по тому же Конраду Лоренцу — необходимо каким-то образом «держать в узде». Так что читайте тетралогия Алексея Яшина, не пожалеете. Да и с другими книгами* уважаемого автора познакомиться стоит. Хотите убедиться? — Исполать вам, приступайте. С грустью говорю — «институт чтения» сейчас пустует: слово заменилось цифрой...

* Из трех десятков книг Алексея Яшина, изданных преимущественно в Москве, в издательстве «Московский Парнас», в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru, кроме указанной выше по тексту тетралогии, размещены следующие: «Будни главного редактора» (2012), «Катехизис идеалиста» (2010), «Прологомены к новому русскому критическому реализму» (2015), «Квадратная пустота» (2012), «Административный восторг, или картинка с выставки» (2014), «Видение на Патмосе» (2012), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011), «Любовь новоорского периода» (2009), «Историк и его история» (2004), «Дэкаф» (2013), «Тяжело дышит синий норд» (2003), «Страна холода: Детство в Гипербореях» (2009). Указаны в порядке размещения на сайте. — Прим. ред.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов
(г. Москва)

КОМАНДИРОВКА

Наш постоянный автор.

Рабочая неделя только началась. Мужчины лениво перемещаются по кабинету, кто-то включил чайник. Перед работой следует разогреться, перекурить. Обдумать дела насущные, словом, собраться с мыслями. А то они, мысли, как-то разбегаются после выходных. Понедельник и впрямь день тяжелый, но совсем не потому, что предстоит начало каких-нибудь грандиозных дел, или, скажем, шеф решит воплотить в жизнь одну из своих новых идей. Просто тяжело и все.

Офисные телефоны пока молчат, но, где-то ближе к двенадцати, начнется «горячий цех», и наш отдел превратится в потревоженный улей. Ничего не поделаешь, суровые будни управленческой деятельности.

А пока мы, не без легкого раздражения, разглядываем друг друга, нехотя переговариваемся ни о чем.

В отделе нас пятеро. Каждый ведет свое направление, и за девять лет совместной работы мы изучили друг друга даже больше, чем этого требуется для нормальных взаимоотношений. Мы настолько «срослись», что иногда я, например, наперед знаю, что скажет Диван (он же — Дмитрий Иванович Жихлев), и что ему на это ответит Капитан Врунгель (Василий Васильевич Бердяков). Знаю также, что сейчас Матроскин (Саня Стрюков) будет играть на компьютере в карты, внаглую, хотя существует неписанный закон отдела — все игры в личное время после работы. Он дождетя, пока Бодулай (заместитель начальника отдела — Бодунов Николай Ильич) сделает ему замечание, на что он скажет: «У меня творческий перерыв, но если Вы, Ильич, так настаиваете...»

Девять лет вместе просто так не проходят и накладывают свой отпечаток на характеры, повадки, стиль поведения, и даже на внешность сотрудников. За это время климат в коллективе претерпевает существенные изменения, которые можно условно разбить на четыре стадии. По началу он достаточно теплый: все проявляют безграничное уважение и заботу в отношении к товарищам, стремление оказать помощь, а иногда и прикрыть в трудный момент. Для этого периода характерны безобидные шутки, коллективный отдых в выходные, дружба семьями и даже совместные поездки на море.

Потом, как-то исподволь, незаметно, включаются посторонние факторы. Например, на полную катушку начинает свою работу система стимулирования и поощрения отличившихся, а также повышения по службе наиболее старательных работников. В коллективе начинается похолодание, а именно соперничество с элементами тихой ненависти, а также кучкованием мелкими группами в тихих углах и обсуждением насущно важных вопросов типа: «Почему его, а не меня?»

Дальше наступает ледниковый период. Тихая вражда постепенно перерастает в открытое противостояние. Начинаются скандалы, науськивание, конфиденциальные доклады шефу и подставы по мелким (опоздание на работу, критика руководства в курилке) и достаточно серьезным вопросам (подделка подписи шефа на просроченном документе, отчет, направленный в Главк, ни с кем не согласован и т.д.).

И, наконец, когда баталии по окончательному распределению мест и ролей утихают и все устают от ненужных побед, наступает четвертая стадия — прохладный октябрь. Вялое безразличие, увязанное с нескрываемым злорадством в случаях, когда кто-либо из товарищей терпит фиаско (не важно по какому поводу: задержан пьяным милицией и в адрес фирмы пришла телега; вдребезги разбил новую машину; получил строгое взыскание от Большого Босса и много еще по каким поводам). Одна из хороших примет этой стадии: создание очереди среди сотрудников для получения поощрений, подарков и повышений. (Повышения-поощрения, как правило, мелкие и ничего не значащие).

И если раньше (на первой стадии) рабочий день часто оканчивался небольшим застольем, или заходом по пути в кафе, с участием всех, то теперь (на четвертой стадии), все стараются разойтись по возможности незаметно, и желательно каждый — своей дорогой.

Я думаю, что, наверное, нельзя допускать, чтобы люди такое длительное время, образно говоря, варились в одной кастрюле. Куда смотрит руководство? Понятно куда... Руководству «глубоко фиолетово», как относятся сотрудники друг к другу в том или ином отделе. Руководство интересуется качеством и быстротой, с которой выполняются задачи, и оправдывает ли вообще свое существование тот или иной коллектив.

Сегодня все как обычно, и утро очередного понедельника даже радует своей повторяемостью. Что может быть лучше стабильности? Наш босс (начальник отдела и, одновременно, заместитель Большого Босса — генерального директора) в это время на совещании, как раз у Большого Босса, и в ожидании указаний на предстоящую неделю, которые поступят самое раннее к обеду, можно расслабиться, чем мы и занимаемся.

Я копаюсь в бумагах, то есть, раскладываю документы по папкам и ем яблоко. Мыслями я во вчерашнем дне, когда, пытаясь вкрутить лампочку в светильник на кухне, потерял равновесие и загремел со стремянки на кухонный стол, в результате чего половина кофейного сервиза превратилась в черепки, и жена сказала, что от меня в доме одни убытки.

Капитан Врунгель ест кекс, тщательно пережевывая и запивая кофе, Диван шарит в Интернете, наверное, в поисках дешевого садового инвентаря...

Звонит рабочий телефон на столе у Бодулая, но никто не подходит. Бодулай курит на лестнице, остальные отлично знают аксиому: «Возьмешь руками, пойдешь ногами». Но телефон все трезвонит, и первым не выдерживает самый молодой (и потому, самый глупый) Матроскин. Сотрудники, глядя, как он подходит к столу замначотдела и тянется к трубке, ехидно улыбаются.

— А чего вы? Может ему хотят сообщить, что квартиру заливают сверху! Или угнали машину. Алло, Стрюков у телефона!

Ленивое выражение лица становится сначала озабоченным, потом решительно-подобострастным: вас понял, сейчас передам, Станислав Иванович, да-да, Станислав Иванович, конечно, Станислав Иванович...

Все понятно, неожиданный звонок босса не предвещает ничего хорошего, особенно, когда его совсем не ждешь. В этот момент Бодулай вернулся с перекура:

— Черт-те что! — возмущается он, — Оказывается, вчера наши не выиграла, а проиграла...

— Шеф, вас вызывает Босс, и он очень недоволен, — весело докладывает ему Стрюков.

— А чего ты улыбаешься, Матроскин, — подает голос Диван, — Ильич, объяви ему выговор!

Бодунов поправляет галстук, берет рабочий блокнот, две ручки и со словами: «Запомните меня веселым», покидает кабинет.

Что-то быстро закончилось совещание у Большого, раз наш начальник вызвал зама, наверное, какой-то срочник. Может — очередная реорганизация и наш отдел сократят? А может, принято решение о разработке нового усовершенствования, и это ответственное задание поручат нашему отделу? В любом случае неожиданный вызов Бодулая означает внеплановую работу, а куда еще внеплановую, если плановой завалишь! Одних планов двадцать пять тысяч штук, а когда их выполнять... Все это мы обсуждаем, покуривая на лестнице, пока не появляется уборщица по имени Жанна, с ведром и шваброй («Ну-ка, живо, все отседова, брысь»).

— Итак, господа чиновники, — Бодулай раскрывает свой блокнот, — нас, а точнее вас, ждет пренеприятное известие, а именно, организуется срочная командировка в составе комиссии от управления, и от нашего отдела один представитель, йо-хо-хо!

— А почему это, «вас», а не «нас»? — подозрительно прищурившись, спрашивает Капитан Врунгель, — или вы уже полетели прямо на солнце и решили оторваться от коллектива, уважаемый замнач?

— А потому, дражайший Василь Василевич, что наш дорогой босс оставляет меня при себе в любом случае, что, собственно, автоматически исключает меня из претендентов на романтическое путешествие. Или вы хотите оспорить решение Станислав-Иваныча?

— А ну, не чипай батька! — вставляет свои пять копеек Диван, — нехай начальство охраняет. М-да...

— Значит, мужики, — продолжает Бодунов, — командировочка на две, а может, и на три недели, возможно с проверкой. Куда — это вопрос, пока не сказали. И состав, а самое главное, председатель комиссии еще не определены. Но сегодня к обеду надо подать нашего человека для подготовки проекта приказа. Вот, значит, Станислав Иваныч и предложил нам самим решить, кто поедет...

— Что-то на него не похоже, — задумчиво щелкая авторучкой, говорит Капитан Врунгель, — к чему бы это? Уж не связана ли командировка с какой-нибудь бякой? А, Бодулай? Давай, колись на коллективе, знаешь ведь что к чему! Чего это босс, вдруг, стал демократом?

— Вася, не делайте предположений, — с одесским выговором замечает Диван, — раз надо, значит-таки надо...

— Во-во! — соглашается Бодулай, — правильно, Дмитрий. Правильно понимаешь политику партии. Босс всегда прав, а потому давайте решать, кто возьмет на себя трудную, но очень почетную миссию представлять наш отдел в комиссии...

— Предлагаю жребий, потянем спички, — пищит из своего угла Матроскин, — это будет справедливо...

— Подожди, Стрюков, со спичками... Может кто-нибудь сам желает, а у кого-то, может, обстоятельства. Вот ты, например, не желаешь поработать на благо отдела, с выездом? — Бодулай смотрит на него в упор, и все присоединяются. Матроскин сначала ежится под колючими, исподлобья, взглядами сотрудников. Потом как-то неопределенно: «Дык я того, ничего, собственно, так вот...» Пауза. Вопрос завис, и слышно, как поскрипывает перо чернильной ручки Дивана, он раскрашивает профиль Станислава Ивановича, который набросал в рабочей тетради на прошлом совещании.

Вообще-то у нас штатный командировочный — Капитан Врунгель. Любит он это дело, новые знакомые, новые встречи, маленькие командировочные приключения, о которых можно потом рассказать товарищам. К тому же есть и прямая выгода: пока он там якобы «вкальвает на выезде», здесь его работу сделает кто-нибудь другой (часто этот другой — я), особенно, когда надо готовить срочный документ и сроки поджимают.

Но в последнее время он стал ездить по командировкам избирательно. Я бы сказал, уж очень избирательно. И даже выработал определенные критерии, по которым он поедет, либо попытается отвертеться от очередной командировки.

Во-первых — пункт назначения: Санкт-Петербург — да, Калининград — да, Сочи — да, Ростов-на-Дону — обязательно (там у него родственники). Тамбов — нет, Егорьевск — нет, Тула-Воскресенск-Йошкар-Ола — нет, нет и нет! Во-вторых — мера ответственности. Чем выше ответственность за результаты работы в командировке, тем меньше вероятности, что Капитан Врунгель там окажется. Он согласен, если надо будет по итогам поездки составить простой отчет, в крайнем случае, акт с подписями всех членов комиссии. Однако, если вдруг придется лично составлять подробный доклад с выводами и предложениями за своей подписью, то уж извините, дорогие товарищи, это без меня. В-третьих — очень тщательно изучаются разные житейско-сервисные условия: проживание, питание, оплата проезда, командировочные расходы, поезд-автобус-самолет. Если поезд, то с кем в купе... Кроме того, хорошо бы (и даже желательно), чтобы в составе рабочей группы были женщины (из других отделов, министерств, ведомств, неважно). И все в таком духе.

Вот поэтому Василий и прощупывает почву, задает всякие вопросы, потому что отлично понимает, что рано или поздно кто-нибудь из нас предложит ему съездить, как закаленному бойцу дальних странствий. А ехать незнамо куда и незнамо зачем — дудки, пусть, вон, Матроскин едет.

— Ну, так как? — Бодулай вытаскивает сигарету и нюхает ее, — я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Имеется в виду не только Стрюков, вопрос задан всем нам, и Бодулай хочет услышать конкретные предложения.

Первым голос подает Диван.

— Шеф, я бы поехал, — говорит он, и кажется, что говорит искренне, но это только кажется, потому что он уже придумал причину, по которой никак не может поехать, — ты же меня знаешь... Но, у меня на 12-е число запись на углубленное медицинское обследование — по большому кругу, от офтальмолога до уролога, всех надо пройти. Я три месяца ждал в очереди, и теперь что, из-за командировки пропустить? Никак нельзя. Если что, я и справку могу показать. Завтра.

Взор его чист и кроток, как у пастушка. Отмаз приличный, и то, что углубленное обследование можно пройти и после командировки (нужно только договориться с лечащим врачом) во внимание пока не принимается. Ждем, что скажет следующий. Следующий — Капитан Врунгель, он уже всем видом показывает, что сейчас будет говорить, в таком деле инициативу упускать нельзя, во всяком случае, нельзя быть последним.

— Мужики,— говорит он ровным голосом, монотонно, с металлическими нотками, он так обычно разговаривает с подчиненными организациями по телефону,— если по большому счету, то я уже устал от командировок. Вы же знаете, что только за этот год у меня больше семидесяти суток командировочных, никто в управлении больше меня не ездит. Так что я — пас. И потом, не забывайте, что с седьмого по четырнадцатое я участвую в конференции, с выступлением. Опять же, я туда не напрашивался. У меня тут делов — ВО!

Молодец, браво, Капитан Врунгель. Насчет того, что много командировок, это, конечно, правильно (надо еще только посмотреть, что это были за командировки, и куда), а вот насчет конференции — это отличный ход. Международная конференция (обмен мнениями и опытом по самому широкому кругу вопросов: организации совместной работы в различных областях производства и распределения, и прочая ерунда) проводится на подмосковной ведомственной базе отдыха. Расходы по размещению, питанию и обслуживанию участников берет на себя организационный комитет конференции. Участвуют ребята из ближнего и дальнего зарубежья, улучшенное питание, культурная программа и все такое прочее.

И то, что он туда не напрашивался — чистая правда, только вот, в телеграмме, которая пришла из Главка на управление, а потом и поступила в отдел, почему-то была прописана конкретно его, Врунгеля, фамилия и инициалы — Бердяков В.В., и еще, что он выступает на конференции с обзором (текст обзора прилагался).

— А что нам скажет товарищ Стрюков? — Бодулай, еще раз понюхав сигарету, аккуратно укладывает ее в пачку.

— А я ничего не скажу, кроме того, что у меня начинается сессия, с завтрашнего дня — четыре экзамена и шесть зачетов. Вы же сами, Николай Ильич, мне подписали заявление, с условием, что до обеда я на сессии, после обеда — работаю в отделе...

Матроскин у нас студент-заочник, будущий видный экономист, а ныне слушатель Новой Всеобщей Экономической Академии имени... имени кого-то там (частная лавочка по производству дипломированных специалистов-недоучек). Два года назад Матроскин, подготовив пачку рекомендаций за подписью уважаемых и известных людей, пролез туда без мыла. Мало того, он сумел провернуться так, что, как малоимущий, был зачислен на отделение бесплатного обучения. Теперь, кроме планового летнего отпуска, у него было два учебных, весной и осенью.

Правда, Бодулаю надоели бесконечные жалобы Дивана, который в отсутствие Матроскина был вынужден тянуть его участок работы, и в этот раз он поставил условие: либо Матроскин проходит свое обучение без отрыва от основной работы, либо пусть ищет себе другое место.

Однако, сессия есть сессия. Неявка на экзамен равносильна отчислению, никакие оправдательные аргументы не принимаются, так же как официальные письма, запросы и справки. Посему Матроскин, он же Александр Стрюков, автоматически исключается из возможных кандидатов на поездку в командировку.

Все посмотрели на меня. Бодулай снова вынул из пачки сигарету и стал ее усердно нюхать. Капитан Врунгель прикрыл ладонью глаза, чтобы спрятать издевательскую улыбочку. Диван сидит напротив меня и рисует очередной профиль в рабочей тетради, на этот раз кого-то с большими ушами. Разглядеть, как следует, я не успеваю, надо отвечать.

— У меня, братья мои,— начинаю я,— нет особых причин, чтобы не ехать в эту командировку. Просто мне, как и всем вам, не хочется ехать в эту командировку. Я, конечно, могу перечислить все срочные документы, которые мне необходимо было подготовить еще вчера. А так же рассказать о четырех запланированных встречах, которые откладывать было бы очень нежелательно, но, в принципе, возможно... Я

также не буду загружать вас парочкой серьезных задач, которые нарезал мне лично Станислав Иванович. Я думаю, что вы, Николай Ильич, должны, невзирая на доводы уважаемых коллег, взять и волевым решением назначить достойнейшего товарища для выполнения этого ответственного задания. Хау, я все сказал.

Раздался звонок, теперь уже на мобильном Бодулая. Скорее всего, звонит босс, узнать, что решила стая. Так и есть.

— Да, Станислав Иванович. Нет, Станислав Иванович... Конечно, Станислав Иванович! Проблем нет, Станислав Иванович... Что? Загранпаспорта? Не знаю пока... Сейчас уточню.— Бодулай прикрывает ладонью телефон и с широко раскрытыми глазами громким шепотом спрашивает: — У кого есть загранпаспорт, ну, быстрее!

Диван и Капитан Врунгель переглядываются, затем утвердительно кивают. Матроскин, как школьник-отличник, тянет руку. Загранпаспорта есть у всех, кроме меня. Мой — в стадии оформления.

— Станислав Иванович,— продолжает доклад Бодулай,— заграничные паспорта есть у Жихлева, Бердякова и Стрюкова. И у меня, конечно же, а что... Да-да, жду.

— Не понял,— говорит он, когда отключает телефон,— загранпаспорта зачем-то понадобились... Сказал, всем быть на месте, через пятнадцать минут перезвонит.

В отделе оживление, перемена в настроениях, в глазах и лицах товарищей. Все идут на перекур.

— Это как-то связано с командировкой,— говорит Капитан Врунгель,— это же очевидно. А иначе зачем уточнять, у кого есть паспорта?

— Да, ослу понятно, на самом деле,— соглашается Диван,— раз командировка срочная, значит, нет времени на оформление, потому и уточняют, чтобы не было проблем. Ильич, по-моему, ты что-то темнишь! Сказывай, куда командировка. Я, в принципе, могу и перенести обследование.

— Ишь, какой быстрый! — со злой ухмылкой перебивает его Капитан Врунгель,— отложить обследование! Нет уж, уважаемый, обследование так обследование. Ильич, не слушай его, ибо ехать, по всему, должен я. Во-первых, у меня опыта больше, я, как вы знаете, уж поездил по командировкам — будь здоров, и знаю, что к чему. Во-вторых, я могу выступить по любому вопросу, касаемо деятельности отдела, и самое главное, в целом знаю английский. Со словарем. И вообще, Ильич, тут и думать нечего! Кроме меня и послать-то некого: у Стрюкова сессия, да и молодой ишо, по границам ездить, Серебряков — без паспорта, и работы у него невпроворот, а Дивана — вместо меня на конференцию, это вполне совместимо с обследованием, и — хоп! Задача выполнена...

В принципе, на Капитана Врунгеля это похоже, он всегда предлагает начальству самые лучшие варианты решения проблемных вопросов. При этом, как правило, его личные интересы соблюдаются и удовлетворяются максимально возможным образом. Всегда.

— Я вот что подумал,— Бодулай морщит лоб и прикуривает следующую сигарету от предыдущей,— наверное, все же, в эту командировку придется ехать мне... Думаю, что цена вопроса слишком высока, чтобы посылать рядового сотрудника, даже такого опытного и делового специалиста, как ты, Василий Васильевич. Это с одной стороны. С другой (лицо Бодулая становится непроницаемым, глаза превращаются в узкие щелки), у тебя, Василий, не всегда и не все в порядке с, как это получше сказать... моральным, что-ли, обликом в командировках... Да-да, и не смотри на меня так. Не думай, что о том, о чем ты тут нам рассказываешь после возвращения из своих поездок, не знают наверху. А я тебя раньше неоднократно предупреждал, но ведь тебе море по колено: то на поезд опоздаешь, и потом на машине нагоняешь, то про-

падаешь на два-три дня, и тебя найти не могут, то с алкоголем перебор. Одна только жалоба из гостиницы «Спорт» чего стоит... И хватит на меня волком тут смотреть! Я тебе как старший товарищ говорю. Ладно, пошли, сейчас звонить будет.

Мы возвращаемся в кабинет, каждый усаживается за свое рабочее место, но никто, естественно, ничего не делает — рабочий день окончен. По крайней мере, до выяснения всех обстоятельств, связанных с командировкой.

— А что, Ильич,— подает голос Диван из-за монитора,— давай, если босс тебя все-таки не отпустит, то я готов. А обследование перенесем ради такого дела. Я еще за границей ни разу не был.

— Ты и в командировках за последние пять лет ни разу не был, и что с того! — язвительно замечает Врунгель,— сидишь, только по телефону работаешь, а как шесть часиков простучало, так ты первый за портфель и на хауз, мол, извините, друзья, у меня рабочий день закончен... И плевать тебе на то, что товарищи сидят... глаза портят, спины гнут!

— Тихо, тихо, Василий, ишь, разошелся! — Бодулай нахмурился.— Иди-ка лучше в буфет прогуляйся, купи-ка всем водички с пузырьками, что-то пить захотелось. Можешь пивка дернуть, а то у тебя вид после выходных не очень свежий.

— У нас сегодня дежурный — Стрюков,— отрезает Капитан Врунгель,— пусть он идет. А вид у меня очень даже подходящий, просто ночь не спал, думал, как бы лучше организовать работу в отделе.

— Вас послушать, Василий Васильевич, так я всегда — дежурный,— недовольно возражает Матроскин,— меня только никто не спросил. А может меня, как самого молодого, и, наверное, самого талантливого сотрудника, и следует послать в эту командировку?

На откровенную наглость Матроскина сначала никто не обращает внимания.

— А как же твоя сессия, зачеты-экзамены, как с этим быть? — спрашиваю я.

Наконец до всех дошло, о чем речь, но Стрюков игнорирует косые взгляды товарищей.

— Этот вопрос я решу, будьте спокойны, уважаемый Александр Евгеньевич.— Матроскин самодовольно развалился на стуле, закинул ногу на ногу, и добавил: — У меня все схвачено. Есть, в общем-то, варианты. Нет, это, конечно, только в том случае, если Николая Ильича не пустят за границу.

Он с явным удовольствием сказал слова «не пустят за границу», почти нараспев.

Диван презрительно смотрит на Матроскина, и сквозь зубы цедит: «пригрели змею...»

— А я давно знал, что Стрюков — проходимец! — картинно вскакивает со своего места Капитан Врунгель,— это ж надо, «все у него схвачено»! Ильич, накажи его, кайло ему в руки и — в забой! Пусть сессию сдает утром, а вечером, плавно переходящим в ночь, графики делает, архив приводит в порядок, хватит ему одной только перепиской заниматься...

В общем-то, это, конечно, игра, потому что все давно знают уловки и приемы, которые периодически использует Матроскин в своей практике для решения личных вопросов. Как правило, подкопаться невозможно, потому что у Матроскина всегда есть на все ответ и документальное подтверждение. Например, во время прошлой сессии он до зарезу понадобился боссу. Мы его не смогли найти ни дома, ни в Академии. Мобильный был вне доступа... Зато когда выяснилось, что Матроскин на неделю уезжал в Анапу, то он представил справку из Академии о том, что, как лучший слушатель, сдавший сессию на «отлично» (он также представил ксерокопии экзаменационных ведомостей по каждому предмету, и заверенную копию зачетной книжки), был поощрен льготной путевкой на море.

Поэтому Бодулай и пропустил все это мимо ушей. Сейчас у него много забот, я делаю такой вывод, глядя, как он морщит лоб, и с шумом выпускает воздух из легких. Потом, видимо, приняв какое-то решение, он встает, потягивается, прохаживается по кабинету, поигрывая связкой ключей, тихонько напевает: «Скажите, почему нас с вами разлучили...».

Снова трендит его мобильник, и все смотрят на Бодулая. Он прочистил горло и представился:

— Бодунов, слушаю вас. Нет, Ирунчик, не звонил пока, дел — невпроворот. И, наверное, командировка мне светит. Да, конечно нет! Пока не знаю, сейчас жду звонка от начальника. Да. Да. Да. Да выбрось ты их на мусорку, наконец! Все. Целую... да, перезвоню.

— Вот,— говорит он нам, когда заканчивает разговор с женой,— домой позвонить некогда, что за работа такая! И еще вы со своими выкрутасами... то еду, то не еду... Значит так. За меня остается Серебряков. Остальным подготовить личные планы и представить мне на утверждение к четырнадцати часам. Нечего балду бить, обследование, сессия, понимаешь, конференция. Приеду, спрошу с каждого, что сделано, со всей строгостью, по закону гор. Не дай Бог, кто-то мне не отчитается. А ты, Александр...

Он не успевает закончить свою мысль, звонит его рабочий телефон.

— Да, Станислав Иванович,— сразу говорит он в трубку, потом умолкает, затем как-то полудивленно оглядывает нас — каждого по очереди.

— Да, конечно, Станислав Иванович, как прикажете, Станислав Иванович. Стрюков? Да, на месте. А? Да, справится, конечно! Сейчас прислать? Есть, понял.

Матроскин, укладывая в папку рабочую тетрадь и кое-какие бумаги (для солидности), напряжен и едва сдерживает выражение глубокого удовлетворения на лице, всем понятно, что в командировку поедет он. Это понятно из разговора, так же как и то, что босс назначил его лично.

— Ничего не понимаю,— с каким-то странным выражением лица произносит Бодулай,— давай, Саша, двигай в кабинет к Станиславу Ивановичу на инструктаж, там тебе все скажут.

Матроскин смотрится в зеркало, причесывается, поправляет галстук. Достает из ящика стола импортную туалетную воду, слегка себя опрыскивает и убегает. Через минуту возвращается — забыл заграничный паспорт в сейфе, вдруг сразу понадобится. Помахав всем ручкой, он опять выпархивает из кабинета.

Бодулай, почесав затылок, громко объявляет очередной перекур. Я и Капитан Врунгель с готовностью встаем с рабочих мест, Диван продолжает что-то изучать на экране своего монитора.

— Дмитрий Иванович, душа моя,— говорит ему Бодулай почти ласково,— приглашаю Вас лично перекурить, сотоварищи... Должны уже привыкнуть к тому, что если начальник приглашает на перекур, то ему есть-таки что сказать ...

— Повезло Матроскину,— выпуская облако дыма, мечтательно произносит Капитан Врунгель,— как всегда, везет дуракам и пьяным...

— Матроскин не дурак, и уж тем более не пьяный... иначе босс не назначил бы его лично,— резюмирует Дмитрий Иванович,— так что ты хотел нам сказать, Ильич?

— Я хотел сказать, что зря он с собой заграничный паспорт взял,— Бодулай смотрит в пол,— ибо командировка наш дорогой товарищ Стрюков в солнечный город Тюмень, там можно обойтись и простым общегражданским паспортом!

Самое странное, что никто не смеется. Хотя улыбки, медленно растягивающиеся на наших лицах, сливаются в одну большую улыбку, которая грозит оглушительно

лопнуть и разлететься на мириады больших и маленьких смешинок. Но лица остаются непроницаемыми, и виртуальная улыбка скукоживается и обвисает, как воздушный шарик, из которого спустили воздух. Потом отсмеемся, сейчас нельзя, не тот кайф. Это надо обсудить за бутылочкой пива, смакуя каждую деталь и вспоминая мельчайшие подробности дела. А пока необходимо сохранить сдержанно-деловую серьезность и, возможно, посочувствовать товарищу, когда он вернется в кабинет.

Тишина. Бодулай наслаждается эффектом, который произвело его сообщение. И, не давая нам опомниться, он продолжает:

— Командировка не на три недели, а на три месяца. Задание — по профилю направления, которое ведет Матроскин. А точнее, он должен поработать на нашем новом предприятии с сотрудниками, провести курс обучения и наладить работу.

Первым реагирует Диван.

— А как же его сессия, экзамены, зачеты... и все такое...

— Проблемы негров шерифа не волнуют, — с явным удовольствием отмечает Капитан Врунгель. И добавляет. — У него же «все схвачено», он сам сказал. А что ему, напишет бумагу за подписью Самого, и сдаст свою сессию потом, в перерывах между боями. Слушай, Ильич, а при чем тут тогда заграничные паспорта?

— Не знаю, это, видимо, из другой оперы, и к нашему делу они отношения не имеют.

Все аккуратно тушат сигареты и деловито возвращаются на рабочие места. Все же рабочий день давно начался, и у каждого из нас очень много дел.

Ольга Малыгина
(г. Тула)

Окончила историко-филологический факультет Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого. Публиковалась в различных литературно-художественном альманахах. Лауреат литературных конкурсов. Награждена Почетной грамотой Министерства культуры РФ «За заслуги в культуре». Автор сборника стихов и рассказов «Помню все».

АЛКИНО ЧУДО

Посвящается моей маме

Небольшая деревянная иконка висит на восточной стене моей комнаты. На ней изображен пожилой человек: аккуратная борода, усы, на голове корона или богатая шапка, скорее, «митра». От взгляда его карих внимательных глаз трудно укрыться, кажется, что они везде следят за тобой. От них веет теплом, спокойствием и глубоким ощущением присутствия: «Я здесь! Я с тобой! Ничего не бойся!» — говорит этот взгляд.

Это маленькое изображение мудрости давно сопровождает меня по жизни. И каждый раз, проходя мимо него, я останавливаюсь и замираю на мгновение, вглядываясь в спокойное умиротворенное лицо. Вот и сейчас эти карие глаза спросили: «А ты помнишь?..»

Шел третий год Великой Отечественной войны. (Хотя тогда она так не называлась...)

Тысячи беженцев перемещались по территории нашей Родины на восток. Каждый из них тащил с собой самое ценное. Для человека самое дорогое — это дети. Детей, женщин, заводы и фабрики страна эвакуировала на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Совсем незнакомые люди делились с ними, кто чем мог, как говорили, «чем Бог послал». Помощь ближнему — неотъемлемая черта характера русского народа. Война сблизила людей разных национальностей и вероисповеданий...

В маленьком сибирском городке зима прочно укоренялась. Она по-хозяйски насыпала все пушистым снегом, сковала берега и речные отмели льдом, украсила деревья серебристым инеем, пугала жителей вьюгами, метелями и первыми морозцами. Но для детей зима — любимое время года, им не страшны никакие морозы...

Трель последнего звонка смешалась с криками выбегающих школьников. Школа быстро опустела.

Маленькая голубоглазая девчонка в лохматой шапке, стареньком пальто и потертых валенках вприпрыжку бежит к ледяной горке. Это был длинный склон к реке,

на котором детвора каталась всю зиму. Сегодня Алка, так ее звали, наконец-то, получила четверку. Теперь-то она вдоволь накатается на санках по свежему снегу. Еще издали она увидела Гришку и Сашку, которые, пытаясь, разворачивали большие сани. Мальчишки, не заметив Алку, стали усаживаться. Быстрым движением, отбросив на снег холщевую сумку, которая заменяла ей портфель, девчонка стала толкать их, вскочив на полозья, они с хохотом стремительно покатались вниз. Как здорово, ощущать скорость, когда ветер обжигает щеки и из глаз катятся слезы, а ты летишь, как ракета, и кажется, что сердце вот — вот выскочит наружу!

Так вместе ребята катались с горы, не обращая внимания на крепчающий мороз и пронизывающий ветер. Наступили сумерки, и они, усталые, но довольные, отправились домой.

Рано утром Вера, мама Алки, собиралась на работу. Как обычно, она начала будить дочку, но та никак не просыпалась, бормотала что-то в бреду. Было ясно, у нее высокая температура. Нужно вызывать фельдшера, поэтому Вера побежала в больницу, а когда вернулась, то увидела, что ноги у девочки распухли и были все красные, как огонь.

Молодая докторша, осмотрев больную, назначила лечение от простуды. Прошло несколько дней, но ни лекарства, ни компрессы, ничего не помогало. Алла угасала на глазах. Она не могла ходить, почти ничего не ела, плохо спала. Вера не знала, что делать, вся в слезах пошла к подруге Зине за советом. У нее была знакомая тетка, которая лечила народными средствами и молитвами. Зинаида рассказала, что тетя Паня живет при церкви, потеряв в Подмосковье всю семью: муж погиб на фронте, сын пропал без вести, дом сгорел. Она приехала сюда в санитарном поезде, ухаживает за ранеными в госпитале, который при церкви, живет в маленькой комнатке. Ее бабушка была известной целительницей, которая спасла многих больных.

Маленькая Паня с детства помогала ей собирать травы, варить отвары и запоминала молитвы, которые читала старушка. Вот теперь, когда у нее никого не осталось из родных и близких, она обрела смысл жизни, помогает больным и раненым людям. Подруги отравились в церковь, где можно было ее найти.

Вера давно не была в церкви, но с детства знала несколько молитв, и поэтому, войдя, начала креститься и просить Бога о спасении дочери. Вдруг сзади к ней подошла женщина, одетая очень скромно. Тяжелым взглядом она посмотрела на Веру и сказала:

— Я помогу вашей дочке, но ее надо окрестить, ведь она у вас не крещенная.

На следующий день, рано утром, Аллу повезли на санках в церковь. Девчонка, как тряпичная кукла, завернутая в одеяло, равнодушно покачивалась из стороны в сторону. Ей уже не верилось, что она снова будет ходить.

Алка не помнила, как шел обряд крещения, но когда баба Паня держала ее за руку, почувствовала тепло, исходящее от этого человека. Батюшка надел ей на шею маленький деревянный крестик на веревочке, три раза окропил святой водой и громко произнес:

— Крещается Раба Божья Галина.

Чуть позже девочка лежала в крохотной комнатке, где жила Степанида, так важно называли тетю Паню в церкви. Теперь осмотрела больную и сказала:

— Не надо ей ноги парить, у нее — рожа. Сейчас привяжем красную тряпку с мелом и будем молить о спасении Рабы Божьей Галины.

Вера опустила глаза и тихо произнесла:

— Спасибо вам, только у нас нет иконы, чтобы молиться.

Женщина улыбнулась:

— Что ж, теперь я крестная, подарю ей икону Святителя Николая, пусть он охраняет и покровительствует ей.

Степанида бережно взяла с полочки над кроватью маленькую иконку и протянула ее девочке, которая внимательно смотрела на светлый лик.

— А почему вы назвали меня Галиной, ведь я — Алка?

— Уж больно ты шустрая, будешь в крещении Галиной, ведь Галина — это означает тишина и кротость, которой тебе не хватает.

Через несколько дней девочка выздоровела, она верила, что помог ей добрый Николай Чудотворец и крестная Степанида.

Прошли годы. Когда Алла получала паспорт, то стала Галиной. До конца своих дней она помнила чудо с ее выздоровлением, поэтому всегда молилась Святому Николаю, а иконка, подаренная ей крестной матерью, теперь охраняет от болезней и бед ее детей и внуков.

АТЕИСТКА

Посвящается моей прабабушке

До шести лет я никогда не видела икон, да честно говоря, ничего не знала и о Боге. Жила с дедушкой и бабушкой и любила единственный христианский праздник — Пасху. Бабушка Вера всегда пекла куличи, а я крутилась рядом и помогала украшать их.

Но однажды к нам в гости приехала моя прабабушка — Анна Матвеевна, так важно называл ее дедушка. Она была небольшого роста, худощавая, но голову держала гордо, чувствовалось, что она любит командовать и руководить всеми. Прожила Матвеевна длинную и трудную жизнь: две страшные войны унесли трех сыновей, муж Григорий умер еще в молодости, и ей пришлось тянуть одиннадцать детей. Почти всю жизнь Матвеевна провела в Полтавской области у старшего сына Петра.

Я встретила прабабушку настороженно, хотя нравилось, что она разговаривала со мной как со взрослой. Потом я полюбила сидеть рядом с ней и слушать ее воспоминания о прожитых днях. Когда она рассказывала о прадедушке Григории, о своих детях, ее морщинистое лицо оживало, а глаза светились добрым светом. Прабабушка сразу же по приезду достала из старого потертого чемодана три иконки и сказала: «Живете без Бога, а так нельзя». Вечером дедушка повесил иконы в углу комнаты, но было видно, что ему это не нравится. Я внимательно смотрела на иконы, и мне казалось, что святые, изображенные на них, следят за мной строгим взглядом. Прабабушка начала молиться, читая «Отче наш» и другие молитвы из толстой потрепанной книги, которая называлась «Библия». Я сидела, не шелохнувшись, и тихий монотонный шепот, обращенный к Богу, успокаивал меня. Когда бабушка закончила, я попросила ее:

— Расскажи мне про эти иконы.

Она вздохнула:

— Эх! Ты, егоза, ведь вся в деда Федю — атеистка.

— А что такое атеистка? — спросила я.

— Это человек, не верующий в Бога, но ты хоть крещеная, а крест не носишь, молитв не знаешь, да и иконы первый раз видишь. Вот это — Иисус Христос, наш Бог, а это — Богородица — его мать, а рядом Святой Николай Угодник. Вот научу тебя молиться, чтобы Господь помогал тебе в жизни.

— Бабушка, как же Боженька поможет мне, когда он высоко на небе, а я на земле?

— Не веришь, а я расскажу тебе один случай из жизни, который был с моим сы-

ном Сашей,— начала рассказывать Матвеевна.— Когда ему было семнадцать лет, он работал на металлургическом заводе в городе. По вечерам учился на рабфаке, поддерживал большевиков и собирался вступить в партию коммунистов. Летом приехал ко мне в деревню подремонтировать крышу. А времена были не спокойные: в городе у власти — красные, а в деревнях появлялись анархисты. И надо же было этому случиться, что к вечеру приехали на бричках эти самые анархисты. Схватили председателя и еще нескольких человек, кто был у власти. Начали по домам ходить, забирать скот и продукты. Я уговаривала Сашку спрятаться на сеновале или в подвале, но он отказался. Молодой был, горячий, говорит: «Не позволю родной дом грабить». Сцепился в драке с одним из анархистов, но тому на помощь подскочили еще несколько человек. Сашку избили, связали руки, бросили в бричку. Я начала плакать, подбежала к бричке, обняла сына и надела ему на шею маленькую иконку Богородицы. Ведь кроме Бога не к кому мне было обратиться. Всю ночь я в слезах стояла на коленях перед образами и молила о спасении сына. На рассвете, как только запели петухи, я услышала тихий стук. Выглянула в окно и не поверила: на пороге в одном нижнем белье стоял мой Сашка. Он был бледный, как полотно, глаза печальные, за одну ночь он стал намного старше. Когда через час он пришел в себя, то рассказал мне, как убежал от анархистов.

На рассвете собрали всех наших, посадили в бричку и повезли в лес. Председатель, сидевший рядом с Сашкой, шепнул ему: « На поле рванем россыпью, авось, кто выживет». Парень побледнел, поняв, что их везут на расстрел, кому охота умирать в семнадцать лет. По краям брички сидели четыре вооруженных бандита, двое из них дремали, покачиваясь из стороны в сторону. Сашка решил, что надо рискнуть. Он почувствовал в груди что-то холодное и вспомнил о материнской иконке. В детстве он знал несколько молитв, но сейчас все вылетело из головы, поэтому он мысленно обратился к Богу и прошептал: «Боже, помоги мне! Спаси и сохрани раба Божьего Александра!» Начало светать, и бричка подъехала к полю, засеянному пшеницей, скоро должен быть крутой поворот. Председатель толкнул его в бок, и Саша понял, что надо прыгать. Дальше все произошло как во сне, он слышал крики, стрельбу, ржание лошадей, свист пуль. Но он катился вниз, в овраг, который находился у края поля, потом маленький пруд и огороды. Не веря, что еще живой. Немного отдышавшись, Сашка огородами пробрался к своей хате, где его встретила заплаканная мать,— закончила свой рассказ бабушка. Затем погладила меня по голове и сказала: — Ведь это Господь спас его.

— А что же потом было с Сашкой? — спросила я.

— Через день анархисты сбежали. Тех, кого расстреляли, похоронили. В живых осталось только двое — Сашка и председатель, который был ранен в плечо. Теперь сын мой Александр Григорьевич живет в Харькове, большой начальник, коммунист, но в душе верит в Бога.— Бабушка замолчала, и лишь слеза блестела на ее щеке.

На следующий день я выучила несколько небольших молитв. Наблюдая за мной, прабабушка очень радовалась, что я так быстро учусь.

Через несколько дней я читала отрывки из Библии.

В одно из воскресений дедушка услышал, как я читала молитву, кланялась и крестилась перед иконами.

— Что ты, старая, с ума сошла, научила ребенка молиться?! Девчонке идти в первый класс, а она вместо «Букваря» читает Библию. Я — коммунист, не позволю, чтобы в моем доме церковь устраивали,— закричал он.

Анна Матвеевна гордо подняла голову, и сказала:

— Хорошая у тебя, Федька, внучка, добрая, любознательная, хоть и егоза. А я

специально ее не учила, она сама к Богу потянулась. Не нравится тебе, что я приехала к вам, так уеду назад к Петру, он мне молиться не запрещает, да и умирать мне надо рядом с мужем, Григорием.

Весь вечер бабушка Вера плакала и уговаривала свою мать остаться. Но прабабушка Анна вздохнула и сказала: «Вот вырастила вас всех, а на старости лет не к кому притулиться. Я понимаю, у каждого своя семья. Поеду назад в домой, мне там лучше, все родное и близкое».

А потом мы провожали прабабушку Анну Матвеевну. Она аккуратно сложила в чемодан свои иконы, и в комнате стало совсем пусто. Затем позвала меня к себе и сказала: «Если будет в жизни тебе тяжело, всегда обращайся к Богу, молись, проси прощения и Господь услышит тебя!»

Этот ее наказ помогает мне в жизни, а молитвы, которые мы учили с прабабушкой Анной Матвеевной, я помню до сих пор.

Игорь Егоров
(г. Омск)

Родился в 1951 г. в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века». Член Союза российских писателей. Главный редактор альманаха «Тарские ворота» и журнала «Иртыш-Омь».

НЕСКУДЕЮЩАЯ СИЛА

Дедок с хитроватыми глазами, беспрестанно шмыгая, как ребенок, крупным мясистым носом, толкнул дверь. Женька посмотрел в проем и ему стало не по себе: вот так «общежитие»! Сырая барачная комната с рядами коек как в казарме! Стены потрескались и облупились до дранки, внизу: то ли дыры, то ли норы! Двое Саш за Женькой хмыкнули и совершенно привычно, со смешками, ввалились в комнату, отстранив дедка. Чрезмерная их простота и разудалость раздражали Женьку. Только что познакомившись, они уже называли Женьку «Женчиком», явно посмеиваясь над его интеллигентностью и сосредоточенностью.

— Женчик! Не теряйся, располагайся! — крикнул Саша помельче, подмигнув Женьке и кинув свой рюкзак на ближайшую к нему койку.

Женька огляделся. В дальнем углу, у окна, лежал какой-то парень прямо в кепке, сапогах и телогрейке и храпел с присвистом. Там же рядом, на столе, Женька увидел надкусанный соленый огурец, отломанный кусок хлеба и окурки в грязной плоской тарелке. Внизу около разбитой электроплитки валялась пустая бутылка из-под водки.

— Лежень, наелся до бесчуру, — швыркнул носом дед, — совсем обнаглели, ни стыда, ни совести. Ну ничего, скоро указ выпустят, всех вас за одно место-то тяпнут!

А по багровому носу старика было видно, что он и сам при случае не прочь «приложиться»...

— Тут вот чо, ребяташки... Строители из райцентра... Вон один из них! — показал дед сухонькой рукой на парнягу в кепке. — Ладноть, ребятки, пошли теперь со мной за матрасами! А сумки здесь оставляйте, никто не возьмет, все — свои...

— Так, а вы чо, только втроем? — спросил дедок, идя впереди ребят по коридору.

— Сейчас еще припрутся, — отозвался Саша-великан.

Женька выбрал койку у окна. Постелил постель и, сев на нее, тяжело вздохнул. За окошком мутила черноту земли чуть не поземка, погода портилась на глазах.

«Хорошо, что еще взял с собой теплое белье», — подумал он.

Сразу же с тоской вспомнил жену и дочку Танюшку, старенький письменный стол, приземистую настольную лампу, недочитанную с Танюшкой книжку про слона... Пока Женька предавался унынию и воспоминаниям, в комнату ввалились еще

несколько человек, приехавших на посевную. Саши уже закурили и обрадованно откупоривали принесенные кем-то бутылки. Компания сгрудилась у стола.

— Мы учим летать самолеты! — уже через несколько минут горланили Саши во все горло, хлопали крепкими кулаками себя по груди и называли себя «летчиками» — это они с Женькой были распределены на погрузку удобрений в самолет.

Женька достал из рюкзака сборник стихов Тютчева, но даже одного не смог прочитать до конца — обстановка бешено накалялась.

— Женчик, иди к нам! — позвал Саша помельче.

Женька отказался, мотнув головой.

— Только ты без булды, давай пей до конца, щас к девкам пойдем! — доносились до Женьки возгласы.

Ему вдруг, до перехвата в горле, сделалось противно. Женька надел телогрейку и вышел на улицу. Низовой, напирющий к земле ветер обдал дрожью все тело. Женька дошел до клуба и взглянул на афишу. Индийский двухсерийный фильм «По законам любви».

«Прямо как «по законам военного времени»! — усмехнулся Женька.

Он купил билет за смешную плату и сел в зале.

Показывали цветную наивную муру с бестолковыми надуманными ситуациями. Вокруг щелкали семечки и громко плевали на пол. Но впереди, кажется, смотрели фильм замороженно, с удовольствием.

Женька, не выдержав этой муки, вышел из клуба, не досмотрев и первой серии и, с трудом разбирая в темноте дорогу, поплелся назад, в барак.

Оба Саши упились в стельку и, распластавшись на койках, лежали без движения.

— Слышь, поэт! — встретили его какие-то новые, незнакомые ребята. — Почитай-ка нам стишки!

На койке лежал раскрытый сборник Тютчева. Женька, ничего не ответив, улегся на спину и уставился в потолок.

— Чегой-то поэт с нами совсем не разговаривает? — съехидничал плечистый парень с русой кудрявой бородкой и шепотными глазами. — Наверно, обиделся.

— Ну что, Женчик, стишки считаешь?! — засмеялся он, скинув футболку и выставив свое тугое тело напоказ.

Вдруг в коридоре взвизгнула дверь и кто-то, как мешок, хлопнулся на пол. А сухощавый угрюмый парень в спортивной шапочке уже рассказывал похабный анекдот и размахивал сигаретой в воздухе, изображая женщину, попавшую впросак.

Женька зажмурил глаза и отвернулся, но их все равно разъедало дымом, рядом курили всласть какую-то крепкую дрянь, булькая по стаканам водку и мусоля карты.

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром!» — со всего маху вдруг саданул картой раздевшийся бородач. — Щас мы тебе баньку сделаем, готовь-ка уши!

Женька поднялся и, откинув дверной крючок, вышел в жидкий сумрак коридора. Там в углу, скрючившись в три погибели, в легких джинсовых куртке и штанах, в потрепанных кроссовках, вжавшись головой в осыпавшуюся стенку, лежал пьяный человек, похожий на казаха. Ветер с истошным скрипом раскачивал наружную дверь и швырял в коридор жесткий, как песок, снег.

Женька вышел из барака, и всего его передернуло от ледяного мерзкого холода, до нужника он не пошел, а завернул за угол барака. В ветках деревьев свистал ветер, обрывок жести на крыше то громыхал, то визгливо скрежетал. И Женьке чуть не до слез стало жалко этого пьяного закоченевшего человека. Он открыл дверь и увидел, как бородач за шиворот заволок пьяного в комнату и, раскачав, брезгливо, со всего маху закинул его на голую панцирную сетку кровати, рядом с Женькиной.

— Околеет же казачонок, не хрен ему примерзать к полу! — будто выдохнул бородач, крепко завернув матюгом.

Казашонок встрепенулся, сильно ударившись о край койки рукой и подбородком, даже во рту у него, как будто, хрустнуло. Он, вскочив, уселся на кровати, поводя пологными непонимающими глазами.

— Чего?! Я!.. — кричал он бессвязно, размахивая руками.

— Ты, ты! Щас я тебе точняком врежу! — вышел из себя бородатый. — Ложись! Кончай рот пялить! Его еще притащили... Ладно, хва — вырубай, Шмоня, свет! — повелевающе кивнул он здоровенному туповатому парню с пухлыми губами, обросшему рыжеватой щетиной.

Свет был выключен, но раскаленный отсвет электрического «козла» освещал всю барачную комнату. Казашонок еще скрипел кроватью и что-то невидимое нелепо хватал руками в воздухе. Женька подsunул ему под голову свою телогрейку и отдал одно одеяло. Тут он увидел на полу смятую кроссовку казашонка и, подняв ее, натянул ему на ногу. Казашонок дернулся и заснул. В эту минуту Женька был невыносимо гадок себе: никогда бы он не взялся так вот запросто помочь кому бы то ни было в таком скотском положении, а бородач, этот циник и похабник...

Женька до рези, до боли в глазах, не отрываясь, смотрел на раскаленную спираль...

Он долго не мог заснуть и еще раз выходил, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вдруг ему почудилось, что тьма — это не просто тьма, а бездна, на краю которой не раз себя находил и раньше. Захлебываясь ветром, он шептал:

«И бездна нам обнажена

С своими страхами и мглами,

И нет преград меж ей и нами

— Вот отчего нам ночь страшна!»

Именно в такие минуты Женьке открывался глубинный смысл смерти, отдаляя его, Женьку, от него самого. И тогда он вдруг постигал, как прозрение, что он не просто Женька, которому пока еще мало в чем повезло, а Человек — совершенно особое существо, наделенное своей жизнью, гармонией, Вселенной, и дающее жизни бесконечной и свою жизнь!

И казашонок ведь тоже — Человек! А его только что, как буквально мешок с дерьмом, швырнули в угол на кровать...

Женька вернулся назад в барак и лег, лицом к казашонку. Тот, раскинув руки, тихо посапывал.

— Эй, поэт! Не проспи, вставай на работу! — потряс его за плечо бородач. Женька приоткрыл глаза, было уже светло. Он откинул одеяло и, вздрогнув, пожился от холода.

— Чего всю ночь бормотал, стихи что ли? — с усмешкой спросил бородач, нахлобучивая себе на голову шапку.

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Женька.

— Ладно, вставай, уже все ушли, буди казачонка! — и бородач сильно хлопнул дверью.

В бараке на самом деле никого уже не было, кроме Женьки и казашонка, которого разбудила хлопнувшая дверь.

— Вставай, уже все на работу ушли! — сказал Женька, взглянув на паренька. — Не замерз?

— Не-а, — мотнул головой тот.

— Как звать-то тебя? — спросил Женька из любопытства.

— Каирбек.

— Каирбек? — переспросил Женька, впервые услышав такое имя.

— Каирбек, — кивнул казашонок и, улыбнувшись, добавил, — по-русски Коля!

— Учишься или работаешь?

— Пастухом работаю,— беззаботно отозвался казашонок.
— А что же ты так плохо одет? Холодно ведь,— удивился Женька. Но тот ничего не ответил.
— На, возьми мой свитеришко! — сказал Женька, порывшись в рюкзаке.
— Не надо,— смутился Каирбек, отталкивая руку Женьки.
— Возьми, возьми, у меня еще есть!
— Я тебе потом принесу,— Каирбек уже торопливо натягивал свитер.
— Да ладно, давай умойся и пойдем.

Вскоре они вышли на улицу. После выпавшего снега было легко и просторно. В кустах, у обочины дороги, тараторили сороки, на солнце их хвосты казались совсем зелеными. Женька еще раз глубоко вдохнул утреннюю свежесть.

«Чему бы жизнь нас не учила.

Но сердце верит в чудеса:

Есть нескучающая сила

И есть нетленная краса...»

Вдруг прочитал он и задумался, взглянув на Каирбека. А тот, приостановившись и вздрагивая от холода, смотрел на дорогу в прогалинах оттаивающей земли, на дальнее поле, где на чистом утреннем снегу хорошо были видны первые грачи...

ЗИМНИЙ ТРИПТИХ

(Стихотворения в прозе)

Тишина

Тишина нависает над головой, как тяжелые от снега ветви сосен. Иногда только дятел нарушит ее, и она вздрагивает при каждом его раскатистом: «дуг-дуг».

В лесу торжественно: даже неказистые кусты в серебре инея издалека похожи на царские короны!

Слоистое солнце стынет в промежутке меж ветвей. Смотрю сквозь пар дыхания на иссиня-розовое обрамление бледнеющего светила, и воздух кажется вязким! Поднимаю голову. Хочется прислониться к морщинистой коре сосны, смотреть на высокие вершины и легко плыть вместе с ними по белесой морозной голубизне!..

Над оврагом

Даже зимой мох на стволах сосен остается зеленым. Может быть, он и вовсе не умирает? Иду вглубь леса. Лежащий снег кажется плотным, но как наступишь на него, тут же рассыпается! Взгляд постепенно привыкает к прозрачному светлому сумраку. Над самым краем оврага одна сосна обняла стволом другую — вспоминается «Поцелуй» Родена. Я останавливаюсь перед ними. Мне жалко, что я не художник...

Зимнее утро

Из пепельно-золотистого, будто тлеющего облака вырвалось янтарно-огненное зимнее солнце. Заискрилась хвоя сосен.

Утренний лес еще хранит молчание. Но клинопись сорочьих следов выказывает присутствие в нем беспокойной жизни. Кажется, вот-вот упругая ветка осыплет снег под толчком лап белобокой хохотуньи, откликнутся ее подружки и без умолку начнут хвастаться друг перед другом своими переливающимися на солнце шлейфами-хвостами!

Но лесу все-таки не до них: просторная тишина еще долго будет напоминать ему о первых утренних лучах...

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ВЫБОР

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Сашок Федин пил давно, часто и помногу. Начал еще с ПТУ (профессиональное техническое училище), куда он попал после восьмого класса ввиду слабой успеваемости в школе. Надоело тянуть ляжку, решил получить специальность слесаря и быстрее окунуться во взрослую жизнь. Пусть его одноклассники изучают науки и сидят у родителей на шее, а он будет зарабатывать деньги сам и не просить их у отца с матерью.

А что такое взрослая жизнь в представлении юношей? Конечно же, надо научиться курить. И многие в училище овладели этой пагубной привычкой. А второй этап — это выпивка, к которой так же постепенно пристрастились — сначала пиво, портвейн, а затем и водка. Сашок пил с сокурсниками, чтобы удачно сдать сессию, выпивал после окончания экзаменов, поднимал стакан за день рождения друзей, отмечал с товарищами красные даты календаря.

В 1990 году закончил учиться, получил профессию, но в это время развалили Советский Союз — пошли сокращения, предприятия закрывались. Федин со своей квалификацией не смог никуда устроиться. Пил от непонятности, происходящей в стране. Потом, все-таки, нашел работу. По традиции обмывал первый рабочий день, после угощал товарищей с первой зарплаты. Когда его через какое-то время уволили — пил с горя и от безысходности. Бывало выпивал со случайными собутыльниками.

Скатывался, как говорится, вниз по наклонной плоскости.

И все-таки Сашок не был алкоголиком. Он не трясся от того, что не заглотнул очередную порцию горячительного и мог спокойно не пить несколько дней, неделю, месяц. А один раз даже на спор продержался целый год. Но потом, правда, сорвался и ушел в запой на несколько дней.

Федин неоднократно менял место работы. В минуты просветления сдал на права, получил водительское удостоверение и долгое время работал водителем. Женился, обзавелся семьей. Двадцать лет пролетели, как один день. Но пить не бросил — пил по-черному, порой до потери памяти. Бывало, очухивался и не понимал, где находится, что с ним происходило вчера, в какой компании обитал. А если с разбитым лицом, то не помнил — подрался с кем-то в очередной раз или лицо само встретилось с асфальтом.

Свой 36-ой день рождения Сашок Федин отмечал у друга на даче, находившейся сразу за городом и до которой ходу было — минут тридцать, если не торопливо. Хотя при таком интенсивном строительстве домов, город стремительно разрастался и лет через пять, скорее всего, поглотит этот дачный кооператив, превратив его в часть своей территории.

Народу на даче собралось много — друзья, товарищи, друзья друзей, хорошие знакомые. Некоторых именинник не знал даже по имени, не говоря о том, что лица были незнакомые. Но дело не в этом. Праздновали шумно — два дня с небольшой передышкой ночью. Вино и водка лились рекой. Повеселились от души — играли в снежки, лепили снеговиков, благо день рождения у Федина приходился на конец января. А зима в этом году выдалась морозная и снежная — снега навалило столько, что тракторы не успевали расчищать основные дороги для транспорта.

После обеда второго дня гулянки Сашок засобирался домой, так как жене обещал к вечеру вернуться. Выпив с друзьями на дорожку и попрощавшись с теми, кто его еще мог воспринимать, виновник торжества нетвердою походкой отправился в путь.

Солнце не было видно — все небо затянули тучи. Небольшой ветерок, заигрывая с сыплющимися снежинками, кружил их в танце — начиналась метель.

Сильно болела голова, глаза слипались, хотелось спать, но нужно было идти. Мужчина окинул взглядом то, что раньше называлось дорогой, а в данный момент оказалось сплошь завалено снегом. Понял, что автобуса вряд ли дождется в ближайшее время, так как характерного шума техники, расчищающей завалы, он не услышал. Решил идти напрямик, через поле, чтобы ощутимо сократить свой путь. Поначалу двигался легко — лишь по щиколотку опускаясь в белый пух, но чем дальше углублялся в поле, тем все больше и больше проваливался и в итоге шел по колено в снегу. Пожалел, что пошел напрямую — сложно было передвигаться, но назад не повернул — лень, да и устал. «Зато урожай будет хороший», — глядя на эту белую гладь, подумал «большой специалист по сельскому хозяйству».

Так он и шел — с большой головой, полуприкрытыми глазами и утопая по колено в снегу.

Вскоре Сашок заметил железнодорожный переезд с закрытым шлагбаумом.

Поле закончилось. Он наткнулся на несколько молоденьких березок, росших на краю. Остановился отдышаться. До переезда оставалось метров сто. Сумерки сгустились — скоро совсем стемнеет. Слева послышался низкий, словно баритон запел какую-то народную песню, предупреждающий сигнал приближающегося поезда. Федин запрокинул голову назад и с трудом сквозь опущенные веки посмотрел в направлении, откуда исходил звук. Шел многовагонный товарный состав — именно шел, так как двигался чрезвычайно медленно, словно вышел на прогулку, и ему некуда было спешить.

«Ну, что ж, подожду, пока проедет», — упершись рукой в дерево, подумал путник. — «Отдохну немного».

После этого он присел на корточки, закрыл глаза. «Как же гроыхает поезд — голова раскалывается. Нет никаких сил — словно гвозди забивают в виски», — это последнее, о чем Сашок успел подумать. Потом заснул и повалился в сугроб.

«Хорошо лежать на песочке пляжа у моря, подставив свое тело лучам южного солнца. Теплый ветерок поглаживает тебя легким прикосновением и кажется прохладным лишь в момент выхода из воды, пока она полностью не стечет и окончательно не обсохнешь», — Федин жмурился от яркого света и улыбался.

Вдруг перед лицом мужчины появилась морда крокодила или какого-то чудовища. Пасть открылась, обнажая зубы и клыки, оттуда вывалился язык, и загорающий почувствовал на своей щеке что-то холодное и мокрое. Волосы на голове зашевелились у отдыхающего. «Сейчас меня сожрут!» — с ужасом подумал он, но не смог двинуться с места — все тело сковала паническая судорога.

— Ты чего разлегся? — спросила морда из кошмара. — Тебе плохо или окончательно сдурел?

Сашок хотел ответить, но дыхание в горле перехватило и он с трудом что-то промычал нечленораздельное.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

— Вставай, а то коньки отбросишь. Совсем замерзнешь,— продолжала уговаривать клыкастая пасть, и вдруг начала гавкать.

«Какие могут быть коньки на пляже»,— совсем запутался Федин.— «Бред какой-то! Кошмар! Надо бросать пить, а то точно свихнусь».

Его подняли и куда-то повели, после чего он отключился. Еще были всплески воспоминаний, что на пляже его кто-то растирает какими-то мазями, но, наверное, это ему все же приснилось.

Неожиданно Сашок очнулся. Голова разламывалась от боли. Каждое движение давалось с трудом. Было мутрно, во рту пересохло, хотелось пить. Как обычно, он не помнил, что с ним произошло и где он находится. Федин лежал на чем-то мягком, его окружал полумрак, только где-то сбоку виднелся отблеск тускло светившей лампы. Он закашлялся и пошевелился. Свету прибавилось.

— Ну, что, найденыш, очухался? — услышал он голос, и перед глазами возникло женское лицо.

— Тетка, где я? — просипел мужчина.

Женщина усмехнулась:

— Племянничек на мою голову.

Она размотала белый пуховый платок, обмотанный вокруг шеи, сняла фирменную шапку с кокардой и полушубок, после чего ответила:

— Ты на переезде, в сторожке, милоч.

— А что я здесь делаю?

— Ну, сейчас — отогреваешься, отсыпаешься, приходишь в себя, я надеюсь. А до этого тебя нашла на краю поля возле березок в сугробе, пьяного, замерзающего. Вернее даже не я, а Альма-матер тебя нашла.

— Чья мать?

— Да не мать, а Альма-матер, что значит институт, где обучаются умные, сообразительные люди. А у меня собака дюже умная, все понимает — Альмой зовут. Вот она тебя и нашла. Еще бы час — другой и окочурился бы ты окончательно. Я тебя до сторожки сопровождала. Это хорошо еще, что удалось тебя растормошить и поднять — хоть сам ноги передвигал, а то я тебя вряд ли бы дотащила. Так что Альме спасибо скажи.

Лежащий повернул голову набок и увидел умный, внимательный взгляд здесь

же сидящего животного. Это была крупная собака рыжей масти с черной спиной, как у овчарок, но таковой не являлась, так как уши ее не торчали, а оказались согнуты наполовину, а значит, в роду у нее попадались разные породы — возможно даже дворняги.

— Спасибо, Альма — спасительница.

Собака словно действительно все поняла — гавкнула в ответ.

— Тетка, что-то меня трясет. Мне бы сейчас водки глоток хлебнуть. Есть выпить?

— От чего же. Можно найти,— женщина посмотрела на бутылку, стоящую на столе.— Вот тебя растирала — осталось немного.

Она плеснула слегка в металлическую кружку и сыпанула туда же пару ложек соли, пачка которой находилась здесь же рядышком. Быстро размешала.

— На-ка, выпей.

Мужчина приподнялся с дивана, взял кружку и залпом опрокинул содержимое себе в рот. Сморщился, даже вернее — скривился, и его затрясло так, будто начало выворачивать наизнанку. Тут же стошнило в ведро, которое успела подставить дежурная.

— Тетка, что это? — схватившись одной рукой за голову, а другой за шею, прошептал Федин.

— Это твоя погибель, если не бросишь пить. На. Запей водичкой.

Сашок трясающейся рукой взял протянутый ему граненый стакан, выпил, лег и почти сразу отключился.

Проснулся он через два часа. Открыл глаза, сел на диване. Женщина сидела за маленьким столом под самой лампочкой и читала книгу, подняв ее поближе к глазам.

— Вас как зовут? — мужчина обратился к хозяйке домика.

— Да тетка и тетка,— усмехнулась дежурная и положила томик Чехова на стол.

— Вы извините — это я спьяну что-то болтал.

— Тамара Ивановна меня зовут.

— А меня — Сашок.

— Что ж так-то? Возраст, небось, под пятьдесят, а все — Сашок?

— Мне на днях тридцать шесть исполнилось. Вот и отмечали.

— Ох, ничего себе, тебя жизнь помотала. А я думала, мы ровесники. Может, еще водочки глоток?

— Нет-нет, спасибо. Если можно, лучше чаю.

— Ну, чаю, так чаю. Это и к лучшему.

Они сидели за столиком, пили чай с вишневым вареньем и рассказывали друг другу о своей жизни.

Тамара Ивановна окончила институт, получила высшее образование. Работала на заводе инженером. Вышла замуж, родила двоих детей. После декретных отпусков возвращалась на свое родное предприятие. Потом Союз стал разваливаться, муж потерял работу и не мог никуда устроиться — начал пить, сперва периодически, затем — постоянно. Перед ней был выбор: заняться так называемым челночным бизнесом и попробовать поправить свое материальное положение, если, конечно, получится, или остаться на прежнем месте. А куда в таком случае детей девать — на мужа надежда слабая. Пришлось остаться на заводе. Завод хоть и трещал по швам, но продолжал работать и зарплату люди получали. Дети подрастали. Муж находил работу и через некоторое время ее лишался. Потом зарплату начали задерживать, многие уволились в поисках лучшей жизни — уходили в частные фирмы. Тамара Ивановна вновь оказалась перед выбором — уходить к частнику, открывать собственное дело или остаться на предприятии с надеждой, что все еще обернется к лучшему. Но слу-

чилось худшее — завод прогорел, муж умер от пьянства. Она едва сводила концы с концами. Пробовала торговать селедкой на рынке, овощами. По специальности устроиться не было возможности. Да куда почти и не брали — требовались люди молодые, до 30 лет, а ей уже было за сорок.

— Вот последние пять лет я и тружусь смотрительницей на железнодорожном переезде. Зарплата хоть и небольшая, но платят стабильно, без задержек. И график удобный — сутки отработала — трое дома. Успеваю и отдохнуть, и подработать, и домашние дела сделать, и дети под присмотром. Одна дочка в институте учится, а вторая школу заканчивает.

Так что у людей всегда есть выбор, и у тебя, Сашок, тоже. Подумай об этом. Замерзнуть в сугробе или встать на ноги.

— Спасибо вам, что не дали замерзнуть. Пойду я. Жене обещал быть дома вечером.

— Ступай. Обещания надо выполнять.

Мужчина собрался, потрепал Альму по голове и ушел.

Через несколько дней Федин вновь появился на этом переезде. Он был абсолютно трезвым, принес торт, несколько пакетов с едой, один из которых оказался доверху наполненный костями и мясом — специально для собаки, и бутылку водки.

Тамара Ивановна строго посмотрела на бутылку, и Сашок поспешил объяснить:

— Эти угощения вам в благодарность за спасение, а водка, так, на всякий случай, если, вдруг, еще кто-нибудь будет замерзать. А пить я бросил. Раз и навсегда. Зарекаться не буду, но больше не тянет.

Вячеслав Тебенко
(г. Петрозаводск)

ПЕРВАЯ ЛИНИЯ
(отрывок из рассказа)

Родился в 1982 году, в селе Реболы Муезерского района Карельской АССР. Окончил Петрозаводский государственный университет, исторический факультет.

— Они опять прислали мне эти бутылки, пропади они пропадом! — капитан Ярвинен был вне себя от ярости.— Нумми, передайте им в штаб, что этих бутылок мало. У меня нет столько людей, чтобы бутылками останавливать танки! Если эти кретины не понимают, что такое танк, русский танк, то мы им с удовольствием покажем! Скажу больше, эти придурки могут залезть в окопы и попытаться зажечь танк, если, конечно, раньше их не сразят советские пули.

— Господин капитан, вы же знаете, что они делают все возможное.

— Они делают? Делаем здесь мы, Нумми! Мы делаем невозможное! У нас нет ни одного, ни одного, противотанкового ружья! Артиллерия отвечает на атаки русских реже, чем моя пехота.

— Вчера мы их здорово потрепали, этих русских.

— Нумми, не зли меня! Вчера, вчера! Мы недосчитались семи человек. Даже не знаю, где их тела, а русские потеряли всего один танк. Мне известно, что коктейль Молотова — хорошая штука. Но придет тот день, когда нас взбодрят авиацией, потом будут бить прямой наводкой, затем отутюжат танками. Тогда ты или кто там останетса в живых сможет последний раз швырнуть этот коктейль в советский танк и сдохнуть на позициях!

Ярвинен сделал себе кофе.

— Будешь? — бросил он Нумми.

— Да, пожалуй, можно.

Ярвинен налил подчиненному кофе. Нумми потянулся за кружкой.

— Постой, не переводи напиток,— капитан достал из внутреннего кармана полушубка плоскую флягу.— Водка и кофе. Хорошо хоть с этим пока проблем нет, это наши союзники.

Раздался оглушительный грохот. Нумми повалился на пол. Ярвинен почувствовал, как закружилась голова, схватился за спинку стула и посмотрел по сторонам. Комната была цела, однако Ярвинену казалось, что хороший боксер пробил ловкий хук. У Нумми из ушей текла кровь.

Капитан бросился к совсем еще юному солдату: «Набрали мальчишек».

— Вставай, очнись,— Ярвинен смочил водкой носовой платок и приложил к лицу парня.

Нумми открыл глаза.

— Мы живы? — едва прошептал он.

— Да, живы! И, к сожалению, ты не в раю, а там снаружи сейчас настоящий ад, лежи на полу, не вставай. Пойду и посмотрю, как там остальные.

Прозвучал еще один разрыв снаряда.

— Советская артиллерия — это молния.

— Почему?

— Никогда дважды не бьет в одно место. Скоро они опять пойдут в атаку.

Снаряды рвались вокруг ДОТа, однако уже попаданий не было. Финские солдаты укрылись в казематах.

— Мы, словно звери, прячемся в этих норах. Когда уже это прекратится!

Кто-то просто лежал на полу и смотрел в потолок. После того, как закончится обстрел, начнется затишье, а дальше самое страшное для тех, кто укрывался за стенами ДОТов, и тех, кто пойдет в наступление.

Канонада длилась минут пятнадцать. Потом артиллерия смолкла.

— Все, ребята, готовьтесь,— защелкали затворы винтовок и автоматов.

— Рахья, ваш «Бюфорс» еще на что-нибудь способен?

— Конечно, только снарядов маловато.

— Это нормально, главное, чтобы не разнесли амбразуру. Надеюсь, пулеметчики на флангах еще живы. Будьте готовы, скоро пойдут.

— Кто на линии?

— Те, кто не был в прошлый раз. Возражений нет?

Возражений не последовало, два десятка бойцов готовились выйти на мороз и встретить противника, как только он пойдет в атаку.

— Не жалейте «выпивки»! Русские это любят. Бутылок у нас хватает!

Нервное напряжение возрастало с каждой секундой. Как говорили те, кто выжил после боев, обычно страшно до того, как все начнется, и после того, когда закончится. В бою не столько поражает страх, сколько шок. Даже раненные порой не чувствуют боли. Однако атаки не было.

«Что они задумали?» — задавался вопросом Ярвинен, рассматривая в бинокль, как солдаты противника, не торопясь, выходят на позиции, но не идут в атаку, что обычно бывало после артподготовки.

— Чего ждем? Вроде пора? — спросил молоденький красноармеец, глядя на товарищей.

— Пора, так иди,— зло ответили вновь прибывшему лейтенанту.— Вчера командующий сам здесь был, теперь будем учиться идти за огненным валом, по старым методикам.

— Какие еще методики? Танки сейчас пойдут!

— Лейтенант Старовойтов,— рявкнул внезапно появившийся комбат,— не путайте людей, ждите команды.

Роты вышли на позиции. Раздался рев машин, восемь танков Т-26 должны были поддержать пехоту. Подползал еще один Т-26.

— Этот куда? Ему что — пушку обрезали, недоделанный какой-то? — раздался нервный смешок по рядам.

— Сам ты недоделанный! Это химический танк, с огнеметом.

Шутник уважительно замолчал.

— Будем чухонцев согревать! — выкрикнули из строя.

— Если сами раньше не согреемся,— прозвучало в ответ.

— Все как обычно, а мы переживали. Русские готовятся к атаке, бежать-то им никак. Снег нам в помощь. Гости уже идут,— зло сказал Ярвинен.

Красноармейцы медленно двинулись вперед. Финны выходили из ДОТов и занимали места в окопах.

— Ну же, парни, давай,— прошептал Тиммонен, глядя на едва плетущихся советских бойцов.— До чего неторопливые! Так мы вас уложим раньше времени.

Грохот разразил морозное небо. Тиммонена буквально снесло взрывом. Советские пушки и гаубицы вновь начали работать по позициям. Финны пытались распластаться по мерзлой земле на дне окопа. Артиллерия метала огонь, не жалея стали и пороха.

— Что это? — финны не сразу сообразили суть происходящего.

— Ничего нового — классика жанра. Немецкий прием: пехота следует за огненным валом, подходят как можно ближе, в идеале сто метров, а дальше — бросок. Сто метров — это не пятьсот и даже не триста. Надеюсь, снег нас еще выручит. Бежать они не смогут.

— У них сменили командование?

— Похоже на то. Ребята, эта атака будет другой,— закачал головой Ярвинен.— Так просто сегодня мы не отделаемся. Ласси, запрашивай поддержку артиллерии. Пусть бьют ближе к нашим позициям.

Финская оборона стала «огрызаться» редкими ружейными выстрелами и короткими очередями в тот момент, когда можно было видеть атакующих.

Советская пехота шла за танками, кто-то пытался прикрываться бронешитками, с флангов неуклюже двигались советские лыжники. Финская артиллерия иногда бросала огонь в советские цепи, но ее мощи было недостаточно.

Красноармеец позади атакующих взмахнул красными флажками и скрестил два раза руки над головой. Артиллерия с советской стороны прекратила огонь. Развернулся бой в непосредственной близости от финских позиций. С максимальной интенсивностью заработали пулеметы, автоматы, винтовки. Красная пехота не спешила к финнам, уступая это право стальным машинам.

T-26 лихо шел на финские укрепления, но шведский «Бофорс» остановил это движение. Танк встал на месте, видимо, попали в гусеницу. Машины позади остановились, словно выбирая цель, но цели не было. Первый танк оцетинился пулеметными очередями туда, где были малейшие признаки жизни. Последовал выстрел из орудия в блиндаж. «Бофорс» сделал пару выстрелов, пробив башню боевой машины.

Танки стали отчаянно вести пулеметный огонь.

Откинулась крышка люка, показался танкист. Едва он вылез, как тут же был сражен автоматной очередью. Второй танкист каким-то чудом вылетел из башни и буквально нырнул в снег.

— Вроде Мишаня живой! Ребята, не ждем пехоту, отбить его надо! — орал командир экипажа.

— Пушка моя, сейчас накрою!

Однако жизнь второго танкиста продлилась лишь на мгновение дольше. Сразу несколько финских солдат взяли его на прицел. Тщетно! Красноармейцы вели огонь прикрытия. Танки были грозой финнов и вызывали куда больше злобы и ненависти, чем простые советские пехотинцы. Танк справа развернул орудие и сделал несколько выстрелов в сторону «Бофорса». Пушка ответила, но снаряды вошли в снег. Танки продолжили движение, пехота следовала за ними.

— У нас там что? Уже живых нет? Где фланги? — ругался Ярвинен.

Финские окопы и ДЗОТы стали оживать, пулеметы старались отсечь пехоту от танков.

Красноармейцы вели огонь по укреплениям и блиндажам, но толку от такой стрельбы было немного. В сторону «Бофорса» пошли еще три танка.

Одна машина наскочила на каменный надолб и остановилась, затем попыталась его объехать, свернув влево. Звук разбивающегося стекла никто не слышал, но все увидели, как вместо танка появился огромный факел. Экипаж пытался покинуть го-

рящую машину, но было поздно. Как только открылся люк и едва показался первый танкист, еще одна бутылка достигла цели. И все же танкисты предпочитали спастись, нежели плавиться в груде железа. В людей, объятых адским пламенем, никто не стрелял. Два оставшихся танка вели огонь по ДОТу, где была пушка.

— Давай, давай, иначе они нас завалят огнем!

«Бофорс» открыл огонь по одному из танков, выстрелы прошли гусеницы, а потом и башню. Экипаж погиб вместе с танком.

— Смотри, еще один, скорее разворачивай!

— Что за танк? Не стреляет, у него только пулемет,— Карл удивленно наблюдал за танком с коротким стволом.

Машина резко изменила траекторию и двигалась под углом так, что выстрелить могла либо в стену ДОТа, либо наискосок параллельно амбразуре, но никак не прямой наводкой. Где-то за сорок метров танк остановился. Из короткого ствола вырвалось пламя, потом еще и еще.

— Огнемет!

Легкий химический танк ХТ-26 не стрелял обычными снарядами и не разрушал мощные укрепления. Он выжигал живую силу противника огнесмесью мазута и керосина. В несколько секунд на людей обрушивалось больше двухсот литров огня. Расчет «Бофорса» сгорел за считанные секунды. ХТ-26 выстрелил по окопам, однако пламя растопило снег, а не людей. Танк дернулся и поехал дальше к позициям.

«Хоть кто-нибудь!» — взмолился Ярвинен.

Танк угодил в яму. Это было небольшое отверстие в скальной породе, выдолбленное сильными руками финских рабочих или любезно «предоставленное» природой Финляндии как раз на этот случай. Советские пехотинцы и танки открыли огонь по направлению движения танка, чтобы избежать случайностей.

Мотор танка стал работать сильнее, потом взревел как раненый зверь, заскрежетали гусеницы, металл соревновался с камнем. Машина шла быстро и попала в эту ловушку, а выехать из нее уже не могла. Теперь нужно было отстреливаться. Слишком страшная участь ждала огнеметчиков, если они окажутся в плену. Оставались еще варианты: замерзнуть в стальной капсуле, отведать коктейль Молотова или быть застреленными.

Бой превратился в перестрелку. Финны не шли в контратаку, ведь это было бы самоубийством, учитывая, что перед ними танки, а красноармейцы уже исчерпали свой запал, тем более что впереди их ждал убийственный огонь из всех щелей финских укреплений.

Стороны ждали ночи или подкрепления. С наступлением темноты советская пехота стала отходить назад. Две машины развернулись и стали по обеим сторонам от попавшего в ловушку танка. Третий танк сманеврировал и задом почти вплотную подошел к ХТ-26.

Танки открыли буквально ураганный огонь в сторону финских позиций. Русские решили, что можно поторговаться с судьбой и выкупить своих товарищей. Под огнем прикрытия и опускавшейся темноты танк взяли на буксир и потащили к своим позициям. В темноте машина более уязвима, чем человек.

Тимо и Юрье очень хотели сжечь ненавистный огнеметный танк. Однако ближе был танк прикрытия. Когда машины уже начали обратный ход, один из танков вспыхнул мощным факелом. Коктейль Молотова — это всего лишь пол-литровая бутылка со смесью денатурата, керосина и дегтя, но при удачном попадании в воздухозаборник танка пламя затягивается внутрь, и двигатель быстро загорается. Однако у экипажа при определенной сноровке и ловкости есть шанс спастись.

Измученные боем люди по обе стороны огня ужасно хотели спать. Только спать! Завтрашний день обещал быть таким же.

Капитан Ярвинен не спал, у него было предчувствие, что финнам осталось недолго. Силы таяли с каждым днем, людей катастрофически не хватало, патроны и гранаты приходилось экономить. Если «Бофорс» и можно было отремонтировать, то лишь после того, как закончится война. Следующую танковую атаку придется отражать в ручном режиме. В два часа ночи Ярвинен, преодолев нервное напряжение, уснул: до семи утра можно еще спать и спать, целых пять часов. Целая вечность!

* * *

— Тихо! Давай сюда! — красноармеец устанавливал взрывчатку.

— Лепи уже быстрее горбатого к стенке.

— Уходить надо!

— Сейчас еще одну...

В ночной тишине послышался скрип, бойцы застыли.

— Mitä siellä on*?

— Jälleen nämä boobies**!

— Уходим! — прошипел один из бойцов.

— А взрывчатка? Тут не вся.

— Оставь! Еще успеем!

Бойцы стали выбираться по снегу. Вновь послышались финские голоса.

— Зажигай!

Чиркнула зажигалка. Огонек змейкой пополз по бикфордовому шнуру. Хотелось лететь, но по снегу можно было только идти. По следам красноармейцы вышли к лыжам, не глядя, воткнули ноги в крепления и мигом помчались к своим позициям. Раздался взрыв. Секунд через десять ночное небо осветили сигнальными ракетами. Послышались автоматные очереди.

— Слабовато! Взрывчатки больше давали. Чего это они так?

— В следующий раз пойдешь и поставишь! Не последний день воюем,— кто-то из красноармейцев возразил «специалисту».

— Артиллерия, огонь! — невозмутимо сказал один из командиров.

По финским позициям начали вести обстрел.

— Егоров, Шамсудиев! К танкистам!

По команде заработали пулеметы из танков.

В эти минуты обессиленные «маршем выживания» красноармейцы, обливаясь потом, неслись к спасительным окопам, чтобы не стать мишенью для финских стрелков.

— Быстрее, быстрее! Нас прикрывают!

— Бегут, бегут! Еще чуть-чуть!

— Давай, давай, ребята! — переживали бойцы за своих товарищей, которые бежали наперегонки со смертью.

Время как будто перестало существовать.

Все трое лежали на снегу, пытаясь отдышаться.

— В палатку их! Поднимаем!

— Не студишься, не студишься!

Троих смельчаков отвели в теплое место. Пол в палатке был устелен лапником.

— Пока не околели, наденьте сухое и выпейте чаю.

Только сейчас к бойцам стали возвращаться нормальные человеческие ощущения. Еще пять минут назад хотелось раздеться, выпить ведро холодной воды, упасть

* Что там? (фин.).

** Опять эти болваны! (фин.).

на землю и просто дышать... Настолько сильной оказалась физическая и психологическая нагрузка! На улице между тем было минус двадцать пять.

* * *

Финские солдаты столпились вокруг укрепления.

— Лори, Нико, вы живы? — взмолился Ласси.

— Да живы мы, живы!

— А Оскар?

— Живой ваш Оскар! Куда он денется! — выругались в ДЗОТе.

— Все нормально, живы они.

— Как нам их оттуда выгнать? Вход завалило.

Ярвинен обошел несколько раз вокруг ДЗОТа.

— Огня не зажигайте, иначе нас накроют.

Финны стали разбирать завал. Но ручной силы оказалось недостаточно, чтобы сдвинуть бетонную глыбу, из-за взрыва загородившую выход из ДЗОТа.

— Сидят как в пещере. Надо взорвать вход.

Ярвинен удивленно посмотрел на молодого фенриха.

— Реймо, ты с ума сошел или в тебя угодил русский снаряд?

— В чем дело, господин капитан? Другого выхода нет.

— Выход есть, — ответил мужчина и отправился в большой ДОТ.

Ярвинен вернулся, неся стальные тросы.

— Будем вытаскивать парней с того света на этот.

Вокруг самой большой глыбы обмотали тросы. С каждого конца трос держали по три солдата, готовых надирать собственные мышцы, чтобы вытащить своих братьев по оружию.

— Раз, два, три, давай! — командовал Ярвинен.

Но глыба едва приходила в движение. Слабых здесь не было, но и геркулесами этих людей не назовешь.

— Ласси, хватай лом и поддень ее, — командовал Ярвинен. — Торо, отдохни, — схватил он трос.

— Готовы? Раз, два, три! Жми! — Ярвинен увидел кровь на ладонях.

Глыба поддалась и упала на снег. Дальше расчистить вход было делом техники.

Ярвинен посмотрел по сторонам. Кто-то совершил очень большую ошибку, думая, что дневной атакой дело ограничится. Из-за этого чуть не поплатились жизнью трое солдат, оказалась полуразрушенной огневая точка.

— Исмо! Где этот идиот? Всыплю ему как следует, — у Ярвинена чесались руки.

— Исмо, где он прячется? Ведите сюда этого болвана!

Действительно, Исмо нигде не было. В суматохе ночной стрельбы о нем и не вспомнили.

— Исмо должен был быть в ДЗОТе. Или он был в охранении?

— Наверное, его взяли в плен: русские ушли вместе с Исмо.

Ласси стал обходить окоп, ходы и все «норы».

— Иис-мо-о, Иис-мо-о!

— Как он дал русским утащить себя?

— Эй, сюда, смотрите!

Невысокий финский солдат лежал лицом вниз. Ласси схватил его за воротник и развернул к себе. Исмо уже не дышал. Советские разведчики, видимо, действовали только природной силой мускулов, не применяя никаких средств, придуманных людьми для истребления друг друга. Солдаты стояли молча. На месте Исмо мог оказаться каждый. Мороз, бессонные ночи, изнурительные бои... Может быть, бедняга

просто вздремнул всего лишь на несколько минут, а уснул навсегда. Ярвинен вспомнил, что подобные ночные рейды проделывала и его группа, когда хватало сил и люди не были измотаны каждодневными штурмами.

— Похоже, русские решили показать когти,— тихо сказал один из офицеров.

— Будем их выдергивать, когти-то.

— Часовые, сменщики, все по своим местам! Суло, Лиянен, Беккер, идете со мной! Вопросы есть?

Три солдата последовали за капитаном — предстоял серьезный инструктаж.

* * *

К девяти утра танки и артиллерийский расчет были готовы. Однако для выполнения задания командир полка попросил лишь один. Орудие прицепили к танку и буксиром поволокли к финским позициям. Вторым рейсом танк должен был взять бронесани и отбуксировать снаряды. Бойцы-артиллеристы шли пешком, идти предстояло недалеко. Расчет прост: ДОТам и ДЗОТам противника досаждала советская артиллерия, однако разрушить укрепления не удавалось. Сначала были трудности с попаданием, а потом выяснилось, что даже редкие удачные выстрелы не страшны финскому бетону. Требовался большой калибр, но 203-миллиметровых орудий пока еще не было, не говоря уже о системе Бр-5 с mortarой калибром 280 миллиметров. Оставалась полковая артиллерия МЛ-20 калибра 152 миллиметра. Решили попробовать бить по укреплениям с открытых позиций и максимально близкого расстояния. Затея, разумеется, была отчаянная, однако предыдущие попытки уничтожить ненавистные ДОТы и ДЗОТы пока успеха не имели, а каждый штурм дорого обошелся советской пехоте и танкам.

Орудие расположили почти в километре от финских позиций. Артиллеристы отцепили пушку с буксира и начали устанавливать лафет. лейтенант Краснов торопил бойцов, хотелось как можно быстрее расстрелять весь боезапас и вернуться обратно на свои позиции. Конечно, стрелять нужно грамотно и четко, чтобы достичь результата, но собственная жизнь была дороже.

* * *

Беккер чувствовал тепло оленьей шкуры. Костюмчик, сделанный еще лет пять назад, когда Беккер охотился в провинции Северное Саво, сидел отлично. Иногда приходилось лежать несколько часов подряд в снегу, на морозе. Тогда ему и смастерили такой «кафтан», а уже поверх были надеты белые штаны, белая куртка, белая шапка-маска: видны только глаза из прорезей, за что Беккера прозвали «белым медведем». Оптикой он не пользовался, блеск линз прицела мог выдать его противнику.

Едва рассвело, как Беккер уже занял место в сугробе недалеко от русских позиций. На его счету уже были многие десятки жизней бойцов и командиров Красной Армии. Сейчас он не спешил увеличивать их число. Ярвинен поставил задачу контролировать русские позиции на тот случай, если опять начнутся «фокусы». Когда на переднем крае показалась пушка, Беккер, находясь в центре, знал, что делать. Бойцы устанавливали пушку в сторону финнов.

«Стрелять еще рано, они двигаются и частично защищены броней. Однако с минуты проморгаешь — и будет поздно»,— Беккер взял на прицел одного из бойцов и мысленно представил себе, кто будет вторым.

Два выстрела он успеет сделать. Возможно, потом враги упадут в снег, укроются за броней пушки или прижмутся к танку.

«Не первый раз», — подумал Беккер и плавно нажал на курок.

Вдалеке человек упал в снег, пуля попала ему в голову — охотник-любитель редко промахивался. Следующий выстрел был хуже: второго бойца лишь слегка зацепило. Русские упали в снег, но никто не думал бежать. Танк зарычал и развернулся, прикрывая насколько возможно артиллерийский расчет с фронта.

«Можно попытаться еще, но позже», — решил Беккер.

Бойцы суетились у орудия. Танк хотя бы мешал снайперам вести прицельный огонь. Прозвучало еще несколько выстрелов. Суло и Мяккинен, бывшие егеря, отличные охотники, волею судьбы ставшие снайперами, били с флангов. Число красноармейцев убавилось еще на двоих человек, однако артиллерийский расчет, состоящий уже из семи бойцов, мог открыть огонь.

Тактика стрелков была известной: иногда снайперы использовали «квадрат», то есть прятались в снегу с четырех сторон, тщательно маскировались и ожидали атаки. При этом иногда двое оказывались почти в тылу наступающих. Но после ночного рейда русских Ярвинен велел, чтобы снайперы не уходили далеко от своих позиций.

Танк теперь стоял справа от пушки, как бы защищая фланг. Снайперы уже меняли позиции. Прозвучал первый выстрел из орудия, затем второй, третий — артиллеристы спешили, пока сами не попали под огонь. Снаряды рвались на укреплениях. ДОТы и ДЗОТы после пристрелки могли стать отличной мишенью.

— Бетнобойными! Огонь! — кричал лейтенант Краснов.

Там, где была опорная пулеметная точка финнов, взлетали комья земли и снега. То, что вчера не смогло сделать русские разведчики, сегодня уверенно крушили артиллеристы сорокакилограммовыми снарядами.

«Танк у них — это плохо», — вздохнул Мяккинен и стал думать, где ему лучше занять позицию для стрельбы.

«Вот теперь я вас снова вижу», — Беккер быстро выбирал цель.

Винтовочных выстрелов никто сейчас не слышал. Расчет у пушки уменьшился еще на одного человека.

— Так они нас сейчас всех выбьют, товарищ лейтенант. Спрятаться бы надо.

— Потом нашим в атаку идти. Пехота пусть погибает, что ли?

— Никак нет, товарищ лейтенант, виноват. Бить надо гниду казематную.

— К земле жмитесь! Лежа будем заряжать, ДОТ этот снесем к едрене фене, — ругался Краснов.

Суло выстрелил в наводчика. Красноармеец упал лицом на прицел — стреляли метко. Танк повернул башню, из пулемета стали прошивать сугробы, надеясь так достать снайпера.

Краснов занял место наводчика. В сторону ДОТа, расположенного против пехоты и танков, полетели снаряды.

— Есть! Кажется, здорово им врезали!

— Давай, заряжай, бетонобойный!

Здоровенная гильза вылетела из пушки, зашипев в снегу. Клацнул затвор — еще попадание.

— Осколочным сейчас попробуем! Давай!

Но снаряда никто не подал. Еще один раненый боец сел у бронесаней. Танк отчаянно полосовал снежный покров длинными и короткими очередями.

— Всем укрыться, больше не успеем!

Краснов лежал в снегу вместе с уцелевшими артиллеристами. Теперь нужно было ждать либо темноты, либо танков, и как-то под прикрытием уйти с этого пятачка смерти. Хотелось напоследок выстрелить химическим снарядом, стать невидимыми для снайперов. Но бить можно было по фронту, а стрелки держали фланги, причем и

правый, и левый. Однако насчет левого Краснов ошибался. Танкисты не жалели патронов, отчаянно простреливая сугробы. Финский солдат судорожно глотал морозный воздух, быстро теряя силы на морозе...

Остаток дня Ярвинен проводил за водкой и кофе. Один из опорных ДЗОТов перестал существовать. Теперь в них можно было прятаться отдельным пехотинцам. Но сдерживать пулеметным огнем цепи пехоты, не боясь танков и артиллерии, уже было невозможно. Стреляли с близкого расстояния, снаряды попадали в цель. Центральному ДОТу тоже досталось. Раненых предполагалось под покровом темноты перевести в тыл. Их оказалось всего трое. Тем, кто находился в ДЗОТе, медицинская помощь была уже ни к чему.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО

Наш постоянный автор, лауреат литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и им. Л. Н. Толстого, член Союза писателей России.

День выдался пасмурным и ветреным. После мягкой пролетки отца Александра, на крестьянской подводе ехать было неудобно и жестко, несмотря на то, что Гордей телегу застелил соломой. «Чтобы барыням ехать было не дюже жестко, а уж мы-то люди привыкшие», — сказал он.

— А где же дядя Авдей? — поеживаясь на прохладном ветру, спросила Софья.

— Уехал в Ехрем спозаранку.

Телега тряслась и дребезжала, особенно по булыжной дороге, но когда съехали на дорогу проселочную, ехать стало мягче. Ехали недолго. Проехав поле, спустились в балку и уже на подъеме увидели лес, у которого и находилось имение Рязановых. Чем ближе подъезжали к бывшему имению, тем все больше и больше Екатерину Михайловну и Софью охватывали воспоминания, а в душу и сердце вкрадывались тревожные чувства.

Гордей подстегнул лошадь, и та пошла рысью по траве, буйно разросшейся на некогда шумной и бойкой дороге к имению. Проехав мимо заросшего ряской пруда, возле которого Софья впервые испытала радостные чувства от первого поцелуя, мимо начавшего уже заиливаться колодца, оказались на территории бывшей усадьбы.

— Ну, вот и приехали, барыня, — тихим голосом сказал Гордей, останавливая лошадь.

Екатерина Михайловна сидела какое-то время на телеге, глядя тяжелым взором на свои бывшие владения, затем не без помощи Софьи сошла на землю. Имение своей заброшенностью печалило взгляд Екатерины Михайловны. На месте жилого дома из-под густой травы еще кое-где виднелись остатки стен, от людской избы, в которой жили Фроловы, не осталось ничего, кроме дико разросшейся крапивы, где едва угадывался развалившийся фундамент. Чуть в стороне, ближе к лесу, сиротливо стоял не тронутый пожаром с обвалившимися кое-где стенами и крышей, так же заросший дикотравьем, скотный двор. Взяв, вмиг ссутулившуюся и еще больше осунувшуюся, мать под руку, Софья пошла вместе с нею к развалинам жилого дома. Долго стояли подле развалин. Словно приветствуя бывших хозяек, на ветру кивал им головой чертополох.

— Ну, здравствуй, наш милый дом! — тихим голосом произнесла Екатерина Михайловна.

Злости или обиды на людей, спаливших их дом, разгромивших усадьбу, сломавших жизни, в душе и на сердце уже не было — все ушло со временем, осталось лишь

сожаление об утраченном счастье. Глядя на развалины, обе плакали. Стоявшая чуть поодаль от них — чтобы не мешать хозяевам — Марфа Антоновна тоже плакала. Гордей сидел в телеге, тяжело опустив голову, лишь изредка переводя взгляд с плачущих женщин на развалины дома. Небо потемнело, усилившийся ветер гнул ветки акации, шумел в лесу листьями деревьев, оживились назойливые мухи. Они кусали лошадь, и та, очумевшая, отмахивалась от них хвостом, мотала головой, взбрыкивала ногами и пыталась утащить куда-то в сторону телегу, но Гордей то и дело натягивал вожжи и останавливал ее. Наконец он слез с телеги и подошел к Екатерине Михайловне.

— Пора в дорогу, барыня, а то, похоже, что дождь скоро начнется, кабы он нас в поле не застал. Кабы нам до Никольского успеть, а там, глядишь, и укроемся где,— сказал он.

— Да, да, Гордей Никифорович, едем,— ответила ему Екатерина Михайловна.— Дай, милый, нам еще немножко побыть здесь,— попросила она, после чего взглянула на Софью.— Вот, Сонечка, и побывали мы с тобою дома. Вот здесь я тебя и Володеньку в люльке качала,— указала она рукой в сторону разросшегося чертополоха.— А вон там была детская, в которой вы с Володенькой играли. Помнишь, Сонечка, как вы с Володенькой играли вон в той комнате, которую ваш отец выделил под детскую? Она с южной стороны и была самая светлая, потому что в нее всегда светило солнце. Это вы уже как постарше стали, так по разным комнатам разошлись. Эта светлая так и осталась твоею, а Володеньке досталась вон та,— Екатерина Михайловна указала на торчавшие из густой травы почерневшие и полусгнившие бревна чердачного перекрытия.— Помнишь, Сонечка, как он с германской войны пришел ночью грязный в чужой одежде и сказал, что нет больше ничего, ни царя, ни отечества, что все — рухнуло? Помнишь? А потом он ушел тайно ночью, на Дон ушел. А потом нас сожгли. Помнишь, Сонечка? А как же... как же он нас найдет теперь? Ведь мы же уехали отсюда... А Володенька-то... он как же? — Екатерина Михайловна взглянула на Софью тревожным взглядом. Та отметила про себя, что мать очень сильно осунулась и еще больше состарилась, за одно мгновение — состарилась. Как же она была против этой поездки на Птань, зачем только согласилась?!

Гордей и Марфа переглянулись, затем взглянули на Софью, та испуганно смотрела на мать.

— Пора, барыни, ехать, погода портится,— произнес Гордей.

— Мама, пошли нам пора ехать,— Софья взяла мать под руку и чуть ли не силой повела к повозке.

— Идемте. Пусть Серафим Аркадьевич с Володенькой нас тут дождутся,— тихо произнесла Екатерина Михайловна и, придерживаемая Софьей и Марфой Антоновной, пошла к повозке. Перед тем как сесть в нее, остановилась и обернулась.— Дайте взгляну, ведь в последний раз вижу,— сказала она с грустью в голосе. Постояла какое-то время, затем наложила на себя крестное знамение и низко поклонилась своему бывшему имению.— Поехали,— проговорила дрогнувшим голосом и с помощью Софьи влезла в телегу.

Всю дорогу до Никольского кладбища Софья наблюдала за матерью. Она была напугана ее состоянием. Екатерина Михайловна сидела молча, устремив взор в землю. Лишь однажды, когда вспыхнула молния и где-то совсем рядом громыхнуло, она подняла голову.

— Гроза,— сказала Екатерина Михайловна, неизвестно к кому обращаясь.

— Свят, свят, свят,— произнесла Марфа Антоновна и, взглянув в небо, перекрестилась.— Ежели гроза займется, то енто надолго,— проговорила она.

— Да, грозы у нас — долгие,— тихим голосом и не поднимая от земли взгляда, произнесла Екатерина Михайловна.

Тем временем со стороны Придонья возницу догоняли черные дождевые тучи, они были тяжелые и висели низко над землей, отчего сразу сделалось сумрачно, усиливающийся ветер со степи принес холодные преддождевые запахи, все говорило о том, что вскоре должен пойти сильный дождь.

На кладбище успели до дождя. С момента похорон Серафима Аркадьевича прошло уже около двух лет, и по обеим сторонам тропинки появилось немало новых свежих холмиков. Многие могилы были неухоженные, а иные и вовсе заросли травой. Могилу Серафима Аркадьевича искали долго. Гордей Никифорович шел первым, приминая сапогами траву. Следом за ним с трудом шла поддерживаемая Софьей Екатерина Михайловна, замыкала шествие Марфа Антоновна.

— Березка тама, у его могилы, должна быть,— проговорил Гордей, возвратившись от очередного могильного холмика.

— Так вон же они — березки. Ты уже сколь их обошел,— с укором произнесла Марфа.

— То не те березки,— ответил жене Гордей.— А ну-ка, можа, вон та,— устремил он взгляд в сторону одиноко стоявшей березы. Долго рассматривал ствол дерева, затем махнул рукой.— Вот она та самая березка, тута барин схоронен,— указал он рукой на заросший травой могильный холм после того, как все подошли к дереву.

— А ты не ошибся, Гордей Никифорович? — спросила у него Екатерина Михайловна.

— Никак нет, барыня. Вот глядите, видите, тута зарубка на дереве? — спросил он, указывая на едва заметную зарубку на стволе березы. За два года дерево выросло, но зарубка все же видна.— То я сделал топором, чтобы по зарубке могилку барина сыскать можно было бы.

Екатерина Михайловна долго рассматривала ствол дерева, а затем перевела взгляд на покосившийся могильный крест. Гордей перехватил взгляд барыни, быстро подбежал к кресту и начал поправлять его.

— Виноватый, барыня, не доглядел,— сказал он.

— Будет тебе, Гордей,— махнула рукой Екатерина Михайловна и опустилась перед заросшим травой бугорком на колени. Руками разгребла траву и начала водить ими по могильному холмику, словно глядя его.— Ну, здравствуй, Серафим. Не обижайся на меня, что долго не приходила к тебе, нынче нам не до того,— сказала она, и на ее глаза навернулись слезы. Софья стояла рядом, она тоже тихо плакала.

— Пушай барыни одни побудут, с барином пообчуются,— обращаясь к жене, тихо, почти шепотом, произнес Гордей, отводя ее в сторону.

В этот момент прямо над их головами вновь полыхнула молния, с треском разверзлись небеса, и хлынул проливной дождь. Он был такой силы, что одежды вмиг стали насквозь мокрыми, земля пропиталась водой до такой степени, что возле могилы Серафима Аркадьевича образовалась большая пузырящаяся лужа, в которой на коленях продолжала стоять Екатерина Михайловна. Полы ее шляпки под упругими струями дождя обмякли и опустились, вуаль прилипла к мокрому лицу. Софья, спрятавшись под кронами березы, прижалась к стволу дерева, одежда ее так же была мокрой. Гордей бросился к барыням, снял на ходу с себя промокший пиджак и накинул его на плечи старой барыни.

— Катерина Михална, вставайтя, ступайтя быстро под дерево, укройтеся тама,— заговорил он, пытаясь поднять барыню с земли, но та не подчинилась ему.

— Серафим, любимый, прости меня! Не сердись на меня, Серафим, я перед тобою ни в чем невиноватая! Я теперь живу далеко отсюда, а потому, Серафим, долго не могла прийти к тебе,— сквозь шум дождя услышал Гордей Никифорович причитания Екатерины Михайловны, ее лицо было мокрым от дождя и слез.

— Барыня, вставайтя, а то не ровен час и захворать недолго, вставайтя, Катерина Михална,— Гордей продолжал делать попытки поднять с колен Екатерину Михайловну, но один никак не мог сделать этого.— Марфа, помоги мне,— крикнул он жене. Вместе с Марфой Антоновной на помощь Гордею Никифоровичу бросилась и Софья. Все вместе они подняли Екатерину Михайловну с земли, подол ее платья был мокрым и, несмотря на то, что вокруг могилы Серафима Аркадьевича была разросшаяся густая трава, грязным. Екатерину Михайловну подвели под ветви березы, и все вместе прижались к стволу дерева, но это не спасало их от ливня.

Проливной дождь лил с четверть часа, затем стал постепенно ослабевать, небо просветлело, из-за туч выглянуло солнце, и дождь ушел в сторону Верхоупья, окрашив напоследок небосвод радужным разноцветьем. Промокшие до нитки Рязановы и Фроловы постояли еще небольшое время под кронами березки, затем перекрестились, поклонились могиле Серафима Аркадьевича и направились к подводе. Мокрая лошадь отфыркивалась и щипала омытую дождем траву.

— Дождь-то нынче быстро прошел, а я подумал, что теперча надолго затянет,— поешиваясь, произнес Гордей, усаживаясь в телегу. На могилку сына Фроловы в этот раз решили не ходить, так как все были вымокшие от дождя.

Обратная дорога на Птань показалась короче, приехали быстро и, войдя в избу, Гордей Никифорович затопил печь.

— Сейчас, барыни, потеплее будет. Сейчас печку затопим, и вы согреетесь, да и одежду свою просушите,— проговорил он, подкладывая в печь дрова.

У Екатерины Михайловны начался кашель. Первые его признаки проявились еще на обратной дороге от Никольского. Тогда, сидя в телеге, Катерина Михайловна тихонько и редко покашливала, а потому на ее кашель никто не обратил никакого внимания, а сейчас, в избе Фроловых, ее кашель усилился, стал громким и с гудом. И чем чаще у нее стал проявляться кашель, тем тяжелее ей становилось дышать. Софья не на шутку испугалась за мать.

— Ничего, ничего, барышня, вот сейчас печка протопится, ваша матушка согрется, и кашель от нее отступит,— начал успокаивать Гордей Никифорович Софью.

Но кашель не отступал. Вдобавок ко всему у Екатерины Михайловны поднялась температура, и у нее начался озноб. Марфа Антоновна долго копалась в сундуке, а затем достала из него свою одежду.

— Не побрезгуй, Катерина Михайловна, она чистая, я ее только тритедни как постирала,— сказала она, протягивая Екатерине Михайловне свежую одежду, а мокрую одежду Екатерины Михайловны разложила на печи для просушки.

Софья не стала переодеваться. Она отказалась от предложенной ей одежды и, подойдя к еще не успевшей прогреться печи, прислонилась к ней спиной, заложив руки за спину. Трясущуюся словно при лихорадке Екатерину Михайловну прямо в одежде уложили в кровать и накрыли теплым лоскутным одеялом, но это не помогло, ее продолжало трясти. Гордей постоял некоторое время в раздумье, почесал голову, а затем достал свой зимний тулуп и укрыл им Екатерину Михайловну. Та успокоилась, задышала ровнее и то ли уснула, то ли впала в забытье.

— Ну вот, барышня, матушка ваша, похоже, уснула. Сейчас поспит и вся хворь от нее отступится,— сказал Гордей, обращаясь к Софье. Затем перевел взгляд на жену.— Чего стоишь, как укопанная? Иди, накрывай на стол, чай не видишь, что барышня проголодалась?

— Нет, нет, я не голодна, спасибо вам, Гордей Никифорович,— запротестовала Софья, но Гордей взмахом руки дал понять, что спорить с ним бессмысленно, и Марфа Антоновна начала хлопотать у стола.

Софья была встревожена состоянием матери, но до поры скрывала свои чувства, до той поры, пока Катерина Михайловна не начала на кровати метаться и что-то

бормотать. Все прислушались к ее словам. «Серафим.... Не сердись... никого, Серафим... Володенька, там Сонечка... Володенька, не уходи, я все знаю... и Сонечка тоже... я не хочу... там, в Евангелие», — бессвязно проговаривала она слова, при этом тулуп и одеяло были сброшены ею на пол. Вся мокрая от пота, Екатерина Михайловна металась на кровати, растрепанные седые волосы закрывали лицо, к взмокшему телу липла одежда. Она мотала головой из стороны в сторону, облизывала языком пересохшие губы и стонала.

— Бредит... видать, жар у ей сильнай, надоть за лекарем идтить, — вполголоса проговорила Марфа Антоновна. — Господи, боже ты наш, спаси нас грешных, сохрани и помилуй, — крестясь, запричитала она. Затем повернулась к мужу. — Гордей, иди за лекарем.

Тот покивал головой и вышел из избы. Перепуганная Софья взяла табурет, присела у изголовья матери и взяла ее за руку.

— Мамочка, миленькая моя, посмотри на меня... ну, пожалуйста, посмотри на меня, — просила Софья, прижав материнскую руку к своим губам и целуя ее, но Екатерина Михайловна не слышала дочь, она продолжала бессвязно выговаривать слова и, словно огнем, рукой обжигала Софье губы.

«Там... яма... там... твоя кровать... Володенька, там яма... Серафим там яма, Серафим... Сонечка, мне страшно», — говорила Екатерина Михайловна.

— Мамочка, миленькая моя, не бойся ничего, я с тобой, я здесь, рядом, — тихо говорила Софья со слезами на глазах.

Марфа Антоновна тоже плакала.

— Дык, куды ж енто Гордей-то делся? Чай провалился он, что ли? Чего ж он лекаря-то никак не приведет?! — возмутилась она. Затем смочила холодной водой рушник и приложила его ко лбу Екатерины Михайловны. — Щас, щас, Софья, маме твоей полегше будет.

Гордей возвратился через полчаса. Прошел в избу и остановился молча.

— Ну, что стоишь-то как истукан? Лекарь-то где? — не выдержала Марфа.

— Нету лекаря, — ответил Гордей и, словно был виноват в том, опустил голову.

— Как нету?! А куды ж он делся? — удивилась Марфа.

— Взяли его на войну, чтобы раненых лечил, — ответил Гордей, и после его слов все замолчали.

— Ах ты, господи, боже наш, чего же это они последнего лекаря у нас забрали?! — всплеснула руками Марфа. — Нужлишь других лекарей у них не нашлося? Ах ты, господи боже наш... Чего же теперча делать-то? — запричитала она.

Екатерина Михайловна тем временем успокоилась. Намоченный водой и приложенный ей ко лбу рушник помог, и она уснула.

Марфа Антоновна порадовалась этому и пошла накрывать на стол.

— Иди, сядь, поешь, — шепотом, боясь разбудить Екатерину Михайловну, предложила она Софье, но та отказалась.

Повздыхав, хозяйева ушли заниматься своими домашними делами. Они выходили из избы и вновь возвращались, периодически подходили к кровати, глядели на Екатерину Михайловну — не проснулась ли — и, убедившись, что спит, вновь уходили по своим делам. Софья все это время продолжала оставаться рядом с матерью. Ближе к вечеру, когда Фроловы уже завершили свои дела, Екатерина Михайловна проснулась. Приподняла голову, осмотрелась.

— Мамочка, ты проснулась. Как ты себя чувствуешь? Я очень за тебя испугалась, тебе лучше? — спросила Софья, припадая к матери и обнимая ее.

— Да, Сонечка, мне лучше, — ответила дочери Екатерина Михайловна, однако продолжая при этом тяжело и хрипло дышать.

— Барыня проснулась,— проговорил Гордей, обращаясь к хлопотавшей у печи жене.— Надо бы ее покормить.

— Да, да, я сейчас покормлю ее,— ответила мужу Марфа и, подойдя к кровати, взглянула на Екатерину Михайловну — Проснулась, Катерина Михайловна? Я сейчас... я тут молоко вскипятила...сейчас и хлебушка... горячего молочка-то... глядишь, хворь и отступитца,— начала бормотать Марфа, продолжая хлопотать у печи.

— Спасибо тебе, Марфа, но я не хочу.

— Трохи поесть надоть, да и Софье тоже надоть поесть,— начала настаивать Марфа, поднося Екатерине Михайловне налитое в крынку молоко и кусок хлеба.— А ты чего стоишь? Иди к столу, ешь,— сказала она, обращаясь к Софье.

Та немного поела, а Екатерина Михайловна вновь отказалась от пищи.

Ближе к вечеру, когда хозяева по своим домашним делам вышли из избы, Екатерина Михайловна подозвала к себе Софью.

— Сонечка, не видела ли ты мой узелочек? Он был спрятан в рукаве платья, а где он теперь, я не знаю.

— Он у меня, мама. Когда ты переодевалась в одежду Марфы Антоновны, то отдала его мне, чтобы я его спрятала. Вот он,— Софья достала из нарукавного манжета платья небольшой узелок и протянула его матери, но та отвела от себя руку дочери.

— Не нужно, оставь себе,— тихим и хриплым голосом проговорила она.— Я в него завернула немного денег на дорогу, тебе их как раз хватит доехать до Ельца. Еще я в узелке спрятала перстень. Его еще твоя прабабушка носила. Это наш фамильный женский перстень, он передается по наследству, от поколения к поколению по женской линии. Теперь, Сонечка, я передаю его тебе, отныне этот перстень — твой,— Екатерина Михайловна разволновалась, ее бледное лицо покрылось красными пятнами, дыхание стало хриплым и частым.— Постарайся сберечь его, но уж если будет очень трудно, то... продай,— последние слова дались Екатерине Михайловне особенно тяжело. Она замолчала, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

— Мамочка, а ты... — поняв причину, из-за которой Екатерина Михайловна передает ей перстень, Софья заплакала.— Мамочка, не надо...

— Не перебивай меня... мне очень тяжело говорить. Слушай и запоминай. Если доведется встретиться с Володей, то скажи ему, что я его очень любила, а ты...

— Мамочка, зачем ты так говоришь?! Не надо так говорить! — Софья прижала руки к груди, слезы потекли по ее щекам.— Мамочка, миленькая моя... не надо, прошу тебя, не говори так.

— Не перебивай меня и слушай. А ты, если встретишь хорошего человека, выходи за него замуж,— продолжила говорить Екатерина Михайловна. Переведя дух, она замолчала, и стала пристально смотреть на дочь, словно старалась запомнить ее. И Софья тоже молчала и смотрела на мать. И это молчание продолжалось довольно долгое время.— Подойди ко мне,— наконец-то произнесла Екатерина Михайловна. Софья подошла к матери и склонилась к ней голову.— Прости меня, если когда-то и чем-то обидела тебя,— Екатерина Михайловна тяжело задышала.— Будь счастлива, Сонечка, храни тебя Бог! — выдавила она из себя и, осенив Софью крестным знаменем, поцеловала ее в лоб.— А теперь иди, ложись спать, и я тоже посплю, а то я очень устала,— Екатерина Михайловна прикрыла глаза и отвернулась от дочери. Но Софья не отходила от матери. Наоборот, она присела на край кровати.

— Мамочка, миленькая, обещаю тебе, что мы с тобой обратно в Елец вместе поедим? Обещаешь? Ведь ты не оставишь меня здесь одну? — со слезами на глазах начала спрашивать у матери Софья.

— Обещаю,— тихо произнесла, почти простонала Екатерина Михайловна.— Иди спать, и я тоже посплю... я очень устала,— еле слышно проговорила она.

Софья укрыла мать одеялом и ушла. Забралась на печь, но уснуть долго не могла. Еще не спала, когда в избу со двора вернулись хозяева, подошли тихонько на цыпочках к лежавшей на кровати Екатерине Михайловне, заглянули ей в лицо и, убедившись, что спит, заговорили друг с другом шепотом. Уснула Софья после того, как Марфа Антоновна, помолившись на ночь, погасила маленький огонек лампадки, и комната наполнилась густой чернотой.

Этой ночью Екатерина Михайловна умерла. Ее остывшее тело обнаружила рано утром Марфа. Она начала было голосить по-бабьи, но вскочивший с лавки Гордей пресек ее.

— Тихо ты, баба! — полушепотом прикрикнул он на жену. — Тихо! Барышню напугаешь! Иди, разбуди ее, но только тихонько, — приказал он.

Спросонья Софья не сразу поняла, о чем говорит ей Марфа Антоновна, а когда окончательно проснулась и до нее дошел смысл услышанного, ее охватил ужас. Она буквально спрыгнула с печи и на ватных ногах подошла к мертвой матери. Екатерина Михайловна лежала на спине со сложенными на груди руками. Ее обескровленное лицо было спокойным и умиротворенным, и Софье показалось, что мать спит. И лишь слегка заострившийся кончик носа выдавал в Екатерине Михайловне усопшую. Софья подошла к матери ближе и, пересилив себя, дотронулась до ее руки. Тут же, словно обжигаясь о мертво-холодную руку матери, отдернула свою руку и в ту же секунду зарыдала и опустила у кровати на колени.

— Не плачь, Софья, не плачь. Ничего мы теперь слезами не исправим. Видно, так Богу угодно, — тихим голосом произнесла Марфа Антоновна, поглаживая ладонью Софье растрепанные волосы.

Похоронили Екатерину Михайловну вопреки христианским обычаям в тот же день рядом с мужем на Никольском кладбище. Пока Марфа Антоновна с соседской старушкой обмывали покойницу, Гордей отвез двух деревенских мужиков на кладбище и показал им место, где нужно рыть могилу, а сам вернулся домой. Покряхтывая, влез на чердак и, вздыхая, стащил оттуда дубовый гроб.

— Для себя домовину берег, да, видать, рановато мне еще. Видать, придется еще поглазеть на свет божий, пока для себя новую домовину не срублю, — с сожалением в голосе проговорил он.

За неимением посмертного белья хоронили Екатерину Михайловну в ее поношенной одежде, лишь вместо шляпки с вуалью повязали ей на голову Марфин новый платок. Пока сама Марфа готовила для поминок кутью, Гордей уехал в Сергиевское за священником. Софья стояла у гроба матери и под мерцание свечи слушала, как неизвестная ей местная старушка читала Псалтирь. По приезду Гордея Никифоровича и священника, гроб загрузили в телегу и увезли в Никольское. Священник отпел Екатерину Михайловну и предал ее тело земле. Софья уже не плакала — выплакала все слезы, лишь при прощании с матерью упали несколько капелек слез на материнское лицо в то время, когда она нагнулась над гробом, чтобы поцеловать ее лоб, да когда закапывали ее мужики, смахнула Софья с ресниц наворачнувшиеся слезы.

Всю обратную дорогу на Птань Софья сидела в телеге, опустив голову, ни с кем не разговаривая. Она находилась в удручающем состоянии, совершенно не представляя себе свое возвращение в Елец без матери, не зная, как обратно добираться до Ельца, да и вообще, не понимая, как жить дальше?! По возвращении с кладбища Гордей Никифорович затопил печь, а Марфа Антоновна затеплила лампадку и пригласила всех к столу помянуть усопшую.

— Что теперча думаешь делать, Софья? — жуя кутью, спросил у нее Гордей Никифорович.

— В Елец поеду, — вздохнув, ответила та.

— А хоть и у нас оставайся, живи с нами. Своих детей у нас теперча нету, вот и будешь нам с Марфою дочкой,— предложил он.

— Спасибо вам, Гордей Никифорович, но я поеду в Елец к дяде.

— Ну, гляди, как знаешь.

— До Ельца дорога-то не близкая, как же ты добираться будешь? — спросила Марфа Антоновна.

— Я не знаю... как-нибудь доеду,— Софья пожала плечами.

Ей не хотелось ни с кем разговаривать, хотелось побыть одной. Но у нее не было такой возможности. Встать из-за стола и выйти из дома она не могла, боялась, что Гордей Никифорович и Марфа Антоновна это воспримут как дерзость, неуважение и даже барское высокомерие к ним, к простолюдинам. И не поддерживать разговор с радушными хозяевами она тоже не могла, а потому продолжала сидеть за столом и отрешенно отвечать на вопросы. Гордей Никифорович внимательно взглянул на жену, а затем перевел взгляд на Софью.

— Ну, в Ехрем я тебя отвезу, а там сядешь на поезд,— сказал он.

— Спасибо вам,— тихо ответила Софья.

Спать в этот вечер она легла рано, но долго не могла уснуть. Уже когда засопели во сне хозяйева, когда вволю налаялись и замолчали в крестьянских дворах деревенские собаки, и когда на темном небосводе взошла круглоликая луна, на Софью навалился крепкий и глубокий сон. В эту ночь она во сне увидела лежавшую в гробу мать, но мать почему-то лежала с открытыми глазами и из гроба смотрела на Софью. Увидела свой горящий дом, а рядом с домом смеющегося отца. Еще ей снилось ее детство. Живые и радостные родители, они с братом, беззаботно играющие вместе с крестьянскими детьми в своем барском имени, снился укатившийся в пруд мяч и еще приснился, целующий ее в кустах, Сашка Тихонов. Затем Сашка куда-то ушел, а к пруду на коне прискакал Скворцов Николай. Конь стал пить воду из пруда, а Николай слез с коня, подошел к Софье и протянул ей руку.

Разбудил Софью рано утром Гордей Никифорович.

— Вставай, Софья, собирайся, я отвезу тебя в Ехрем, а то опосля мне некогда будет,— сказал он.

Софья поднялась быстро. Умылась под рукомойником, заправила волосы, отказалась от предложенного ей завтрака и вышла на улицу, где ее уже поджидал сидевший в телеге Гордей Никифорович. Марфа Антоновна сунула Софье в руку узелок с едой и перекрестила в дорогу. Софья поклоном поблагодарила Марфу Антоновну и села в телегу. Гордей подстегнул лошадь вожжами, и они выехали со двора. Почти сорок верст до Ефремова проехали, как показалось Софье, очень быстро, почти не разговаривая друг с другом. В Ефремове были после полудня, у здания вокзала Гордей натянул вожжи и остановил лошадь, Софья слезла с телеги, оправила платье.

— Ну что, Софья, может, все-таки, возвратишься назад и останешься жить с нами? — спросил он.

— Нет, я уже решила — поеду в Елец.

— Ну, тогда... ежели чего было не так, не поминай нас лихом... мы с Марфою — люди простые.

— Спасибо вам за все, Гордей Никифорович,— Софья поклонилась Гордею и медленной походкой направилась к дверям здания вокзала.

«Как же ты, девка, теперча одна-то жить будешь? Ни дома у тебя, ни заработка, ни людей близких с тобою рядом никаких нету. Ну да ладно, можа все образумится. Дай бог тебе счастья»,— мысленно рассуждал Гордей, провожая Софью взглядом. Дождавшись, когда она вошла в здание вокзала, он стеганул лошадь и отправился в обратный путь.

* * *

В этот раз в здании вокзала было не так многолюдно, как во время их с Екатериной Михайловной приезда. Софья осмотрелась, увидела открытое окошко кассы и подошла к нему. Беззаботно достала из-за манжеты рукава платья узелочек с деньгами и, не осмотревшись по сторонам, развязала его.

— Мне один билет до Ельца,— сказала она, протягивая кассиру деньги. В другой руке она держала два узелка — один большой, с едой, а другой, маленький, в котором находился перстень.

Кассир, средних лет полноватый мужик с рыжими усами и бакенбардами, взглянул на Софью удивленно.

— Нынче до Ельца поездов нету, не ходюь,— сказал он.

— Как это нету? — удивилась Софья.— Почему не ходят? — спросила она.

— Не ходюь из-за вагонных нагромождений на станции Бабарькино и из-за обострения обстановки на южном фронте,— ответил ей кассир.

— А когда же они будут ходить?

— Когда будут расчищены на путях нагромождения и улучшится обстановка на южном фронте.

— А... а когда она улучшится? — невпопад спросила Софья.

— А кто ее знает, когда оно все это улучшится?! — пожал плечами кассир.

Софья отошла от окошка кассы и остановилась в нерешительности. Она не знала, что ей нужно делать и как поступить в сложившейся ситуации. Она вновь беззаботно развернула узелок и убрала в него деньги. Она совершенно не обращала никакого внимания на окружавших ее людей, и не заметила, как стоявший поодаль от нее длинный худощавый мужик с густой черной бородой и лохматой головой внимательно наблюдал за ней. Наблюдая, он успел хорошо рассмотреть в узелочке и деньги, и перстень. Дождавшись, когда Софья спрятала узелочек за манжету, он отошел от нее и направился к стоявшему у окна низкорослому бородатому мужику с такой же, как и у него, лохматой головой.

— Вон та рыбка с икрой,— тихим голосом процедил сквозь зубы длинный, указывая взглядом на Софью.

— Понял, не своди с нее глаз,— также тихо ответил ему низкорослый и отвернулся к окну.

Побыв еще некоторое время на вокзале, Софья вышла на улицу и направилась в церковь Покрова, где они с Екатериной Михайловной провели ночь по приезде в Ефремов, в надежде получить помощь от отца Александра. Софья уже хотела войти в церковь, как из нее фактически навстречу ей вышел пожилого возраста мужчина. Он запер дверь на замок и, увидев стоявшую рядом Софью, взглянул на нее.

— Тебе чего надо? — спросил он.

— Мне нужно увидеть отца Александра,— ответила ему Софья.

— Нету его.

— А где же он?

Мужчина немного помолчал, осмотрел Софью с головы до ног, затем огляделся вокруг и, понизив голос, ответил:

— Должно быть в тюрьме. Забрали его.

— Как в тюрьме? За что забрали?

— Сын его к белым сбег. Ежели он тебе дюже нужен, то ступай в тюрьму, можа, там разрешат тебе с ним повидаться. Назовешь там его фамилию — Лампадьевский, чтобы не спутали, а то там нынче много священников сидят.

Отойдя от церкви, Софья остановилась. Теперь идти ей было совершенно некуда. Постояла немного в раздумье и бесцельно побрела медленной походкой по улице.

Было около двенадцати часов пополудни, день стоял теплый и безветренный. Мимо Софьи шли люди. Они спешили по своим делам, и никому до нее не было никакого дела. Никому, кроме двух бородатых с лохматыми головами мужиков, один из них был высоким, а другой низкорослым. Так же, как и Софья, они шли неспешной походкой от здания вокзала и внимательно наблюдали за ней. Наконец, выждав удобный момент, когда уже заканчивалась улица и рядом с Софьей никого не было, они ускорили шаг и вплотную подошли к ней. Низкорослый остался позади нее, а высокий забежал вперед, преградил ей дорогу и достал нож.

— Деньги давай и драгоценность! Быстро! Не то зарежу! — тихо и зловеще сквозь зубы процедил он и направил лезвие ножа к лицу Софьи.

Та испугалась и что было силы закричала: «Ма-а-ма-а-а-м-м-м...», — стоявший сзади нее низкорослый зажал Софье рот грязной, пропахшей табаком ладонью. Софья замотала головой из стороны в сторону и начала отбиваться от напавших на нее мужчин. Изловчившись, она укусила за палец грабителя. Тот взвыл от боли и затряс рукой. «Ма-а-а-ма-а-а», — вновь закричала Софья.

— Ах ты, жучка, ты еще кусаться вздумала, — вскричал находившийся позади Софьи грабитель и с силой ударил ее рукой по лицу. Софья упала и ударилась коленом о камень, узелок с едой выпал из ее рук. Грабитель еще раз ударил Софью по лицу, а затем схватил ее за волосы и начал волочить по земле из стороны в сторону. Софья закричала от боли и ухватилась за руки грабителя. В этот момент бывший впереди высокий грабитель схватил Софью за рукав платья, где за манжетой были спрятаны деньги и перстень, и с силой рванул. Послышался треск рвущейся материи, и в тот же миг в его руке вместе с манжетой оказался заветный узелочек.

— Силантий, деньги и драгоценность у меня, бежим! — крикнул он, и в ту же секунду оба грабителя побежали от Софьи. Один из них, тот, которого звали Силантием, пробегая, на ходу наступил сапогом на узелок с едой и раздавил находившиеся в нем картофелины.

Софья, в перепачканном и рваном платье, с растрепанными волосами, окровавленным коленом и разодранным на колене чулком, сидела на земле и плакала в голос. «Ой, мамочка моя... ой, мамочка моя...», — причитала она сквозь слезы, слюнявя грязный палец и прикладывая его к ранке на колене, пытаясь таким образом унять боль. Посидев немного и чуть успокоившись, она поднялась с земли и, прихрамывая на больную ногу, пошла на вокзал. В здании было немногочисленно, в основном находились красноармейцы. Софья отошла в дальний от входа угол и присела на лавку. Не имея ни угла, ни денег, ни куска хлеба, к тому же лишившись перстня, который был для нее дорог как память о матери, Софья не знала, что делать, к кому обратиться за помощью, а потому прикрыла лицо ладонями и горько заплакала. Вытирая руками слезы, она не сразу обратила внимание на остановившегося рядом с ней красноармейца. Увидев перед собой обутые в ботинки с обмотками до колен ноги, она подняла голову. Перед ней стоял Николай Скворцов.

— Это вы, барышня? — удивленно разглядывая Софью, спросил он. Софья ничего не ответила ему, лишь вновь прикрыла ладонями лицо и пуще прежнего заплакала. Плакала она навзрыд, как плачут маленькие дети. — Почему вы в таком виде и плачете? Вас кто-то обидел? Что с вами случилось? — начал спрашивать Николай.

— Моя... мама... вчера... умерла, — начала отвечать ему Софья, всхлипывая при каждом слове.

— Терять своих родных — это, конечно, дуже горько. Я это и сам знаю по себе, — после недолгого замешательства изрек Николай. — Но почему вы вся грязная, с растрепанными волосами и в рваном платье?

— У меня... дядьки... деньги отняли... и мамин перстень.

— Какие дядьки?

— Лохматые и с бородами.

— Как их зовут и где они живут, вы их знаете? — спросил Николай. Софья отрицательно покачала головой. — Значит, вас все-таки обидели, — скорее констатировал Николай, нежели спрашивал у Софьи.

— Николай, мне... надо уехать... в Елец к дяде, но у меня... теперь нет денег, помогите... мне, пожалуйста, туда... как-нибудь уехать, — попросила Софья. Она уже перестала плакать, немного успокоилась и лишь изредка при разговоре всхлипывала.

— Я вам, барышня, в этом вопросе ничем помочь не смогу. Елец захвачен белыми. Они от станции Бабарыкино не пошли на Ефремов, а повернули на Елец и захватили его, а на самой станции на путях лежат искореженные паровозы с вагонами. Вот рассчитим пути для проезда поездов, освободим Елец, тогда и поедете к своему дяде. А пока идите домой, — ответил Николай на просьбу Софьи, но та продолжала сидеть, опустив голову, и Николай понял, в чем дело. — Вам что — идти некуда? — спросил он.

— У меня в этом городе никого нет. Мы с мамой приезжали на Птань, где у нас было име... — Софья хотела было сказать «имение», но оборвала себя на полуслове, — где мы раньше жили. Мы туда ездили, и там умерла моя мама, а мне теперь идти некуда, — Софья вновь заплакала.

— Ну, будет вам, барышня, будет слезы-то лить, — Николай замолчал, задумался. — М-да, ну и загадку вы мне загадали, — произнес он и, сняв шапку-шлем, начал чесать в затылке.

— Вы идите, Николай, а я тут пока посижу, — вздохнула Софья.

— Здэрастье-пожалуйста... идите. Никаких таких идите, буду думать, как вам помочь, — произнес Николай и замолчал. Спустя минуту, изрек: — Поднимайтесь, пойдете, — но тут же увидел окровавленное колено Софьи и остановился. — А это что у вас, рана? — спросил он. И не дожидаясь ответа, повернулся к стоявшей поодаль группе красноармейцев. — Иванов! А ну, санинструктора сюда, живо.

— Слушаюсь, товарищ командир, — ответил Иванов и скрылся среди красноармейцев.

Санинструктором оказалась круглолицая и полноватая средних лет женщина. Одея она была в красноармейскую гимнастерку и солдатские галифе, только вместо ботинок с обмотками обута была в сапоги. На голове повязан платок, а на плече у нее висела сумка с красным крестом. Она обработала Софье рану на колене и перевязала бинтом.

— Все в порядке, до свадьбы заживет, — сказала она грубым прокуренным голосом и громко засмеялась. Стоявшие рядом красноармейцы, бесстыдно рассматривавшие оголенную до бедра Софью ногу, тоже засмеялись.

— А ну, отставить скалиться! — прикрикнул на них Николай, увидев, как Софья смутилась от солдатского смеха и начала натягивать на колено платье. — Разойтись! Всем привести в порядок себя и оружие! По возвращении каждого лично буду проверять! — приказал он.

Продолжая зубоскалить, красноармейцы нехотя направились в сторону дверей вокзала. — Вы тоже — свободны! — повернулся он к санинструктору.

Та ухмыльнулась криво одними губами, обвела Софью внимательным взглядом, как бы оценивая ее внешность, и направилась к остановившимся у двери красноармейцам. Что-то им тихо сказала, и те вновь загоготали. Николай взглянул на них недобро, но промолчал. Поправил ремень, кобуру с револьвером и перевел взгляд на Софью.

— Пойдемте, барышня, со мной, — сказал он.

Выйдя из здания вокзала, Николай зашагал быстрым шагом, Софья пошла за ним, прихрамывая на большую ногу.

— Вы, барышня, не отставайте, мне долго отсутствовать нельзя,— полуобернувшись к ней, на ходу произнес Николай, увидев, что Софья отстала от него.

— Меня Софьей зовут.

— А меня — Николаем.

— Я знаю.

Долго шли по улице и наконец-то зашли в маленький с низкими оконцами деревянный дом. В доме пахло вареной картошкой, хлебным квасом и затхлостью подгнившей древесины. Дом был разделен на две половинки перегородкой, образуя две небольшие отдельные комнатки, занавешенные друг от друга шторой. В дальней комнатке у окна стояла кровать, рядом деревянный со спинкой стул. В этой комнате жил Николай, а в другой жила хозяйка дома — семидесятилетняя Анна Тарасовна. Она находилась дома и, увидев вошедшего Николая с незнакомой ей девушкой, вышла им навстречу.

— Баба Нюра, это Софья,— с порога произнес Николай, указывая на Софью.— Она пока поживет на моей половинке,— тоном, не терпящим возражения, продолжил он.

Баба Нюра, маленького роста старушка со сморщенным лицом и руками, покивала головой.

— А мне-то что, пушай живеть. Сам-то спать с ею будешь, ай нет? — спросила она, пожевав губами.

— Я пока в сенцах посплю,— подумав несколько секунд, ответил Николай и повернулся к Софье.

— Я у бабы Нюры на квартире стою, так что вы, Софья, особливо ни о чем не переживайте, живите тут сколь нужно. А как мы Елец у белых отобьем, так вы сразу и уедете к своему дяде,— сказал Николай и вновь обратился к Анне Тарасовне.— Баба Нюра, там у нас еды еще немного осталось, покорми Софью, а то она, небось, ничего не ела. Ну, а мне пора на станции быть,— сказал он и направился к двери.

— Нет, нет, что вы, не надо, я не голодна,— запротестовала Софья, но Николай перебил ее.

— Вы, Софья, со мною не спорьте. Мой постой в доме бабы Нюры оплачивает наша Красная армия, а продукты у нас с нею общие, из моего командирского жалования. Так что ешьте все, чем баба Нюра вас угощать будет,— сказал он и вышел из комнаты.

— Спасибо вам большое, Николай,— громко сказала Софья, надеясь, что Николай, хотя и в сенцах, но все же услышит ее.

После его ухода Софья с удовольствием поела приготовленную бабой Нюрой трапезу, а поев, рассказала ей все, что с ней произошло за последнее время, однако скрыв от нее, что она — дворянского происхождения.

— Да-а-а, вот приехали вы с матушкой своею за семь верст киселя хлебать... — покачала головой Анна Тарасовна.

— Скажите, баба Нюра, а вам Николай рассказывал о своем брате или нет?

— Как же не сказывал-то, конечно, сказывал,— вздохнула Анна Тарасовна.— Будь она неладна, ента война. Колька в ентот раз всю ночь на кровати проплакал. Виду не подавал, что плачет, но я-то слыхала. Товарищи яво приходили к яму и успокаивали, даже вина яму предлагали, но он отказалси... сурьезнай он дюжа... бывалоча, так брови нахмурит, аж мне самой жутко становится. Хороший он, Колька... он у меня ужо почти с полгода как живет. Полубила я яво, как родного сына.

— Баба Нюра, а у вас что — родных нет никого?

— Сын мой идей-то на войне, а иде не знаю, давно яво не видала. Жив ли, нет ли, ничего о ем мене не известно. Ишшо дочька у меня есть, но тоже давно не видалиси. Она замужем и живет далече, а дед мой помер еще до германской войны. А ты, что жа теперь, выходит дело, тоже одна осталася?

— Почему одна? У меня дядя в Ельце живет. Еще есть брат, но он тоже где-то на войне,— вздохнула Софья.

Затем обе замолчали надолго, вспоминая своих родных, разбросанных войной неизвестно куда. Николай в этот день со службы вернулся поздно, но ни Анна Тарасовна, ни Софья еще не спали. Увидев пришедшего Николая, Анна Тарасовна засобиралась.

— Куда ты, баба Нюр, собралась? — спросил он у нее.

— Пойду к суседке схожу, у ей и заночую нынче, а ты ложись на мою постелю, неча в сенцах спать, чай не скотина ты.

— Опять на картах гадать будете?

— А чего же нам? Можя, и погадаем малость.

— Гадание — это, баба Нюр, все поповские предрассудки,— нахмутив брови, проговорил Николай, но Анна Тарасовна только улыбнулась его словам. Она постояла какое-то время у двери, пожевала губами и вышла из дома. Николай и Софья остались вдвоем.

После ухода Анны Тарасовны Николай молчал, и молчание то затянулось.

— А церковь, между прочим, тоже не поощряет гадания, считает это грехом,— наконец-то первой заговорила Софья.

— А? Что? Какая церковь? Вы это о чем говорите? — не понял Николай.

— Вы сказали, что гадание — это поповские предрассудки...

— А вы что же, не согласны со мною? Считаете, что гадание это не предрассудки?

— Я согласна с вами, Николай, что гадание — это предрассудки, но не поповские.

— А чьи же тогда?

— Церковь, она тоже против всякого гадания и считает гадание — грехом, идущим от лукавого.

— Вы, Софья, прямо, как моя маманя рассуждаете,— улыбнулся Николай.— Она тоже всегда говорила про грехи и про лукавого. Я-то ее особенно не слушал, а вот Акимка — тот, бывало, любил ее послушать... — вспомнив о брате, Николай замолчал, его глаза повлажнели, и он отвернулся от Софьи.— Идите, Софья, ложитесь спать. Шторку занавесьте и не переживайте, я в вашу половину не пойду,— сказал он.

Софье не хотелось уходить от Николая, ей хотелось еще поговорить с ним, но ослушаться она его не могла, а потому поднялась со стула и пошла в выделенную ей половину дома.

— Спокойно ночи,— пожелала она ему, но тот не ответил ей.

В эту ночь ей долго не спалось. Она слышала, как Николай еще какое-то время ходил по дому взад и вперед, как разбирал постель, затем задул лампу, и за шторкой стало темно, услышала, как он впотьмах лег в постель, вздыхал какое-то время, а потом наступила тишина. Спал ли Николай или не спал, Софья не знала, но догадывалась, что он тоже, как и она, не спал. Незаметно для себя она провалилась в сон, но сон ее был неглубоким и чутким. Она то и дело просыпалась, вновь пытаясь уснуть, ворочалась с боку на бок, переживала от навалившегося на нее тревожного чувства, наконец, проснулась окончательно. В комнате было блекло от лунного света и тихо. За шторкой в другой половине избы во сне сопел Николай. Софья лежала с открытыми глазами и глядела в окно. Вдруг она услышала, как за окном что-то хрустнуло, словно сломали ветку дерева, и в тот же миг Софья отчетливо увидела в оконном проеме заслонившие лунный свет две мужские фигуры, причем, одна фигура была высокая, а другая — низкорослая. Фигуры подняли к лохматым головам руки, приставили их ко лбу козырьком и начали пристально всматриваться в глубину избы. Софья сразу узнала своих грабителей, и ее охватил ужас. Не помня себя от страха, она закричала что было силы. Фигуры моментально исчезли, а на ее крик проснулся

Николай. Он вскочил с кровати и опрометью бросился к кричавшей Софье, с силой сдернул штору. Софья сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка, и продолжала кричать.

— Там... там за окном... они... те самые разбойники, что отняли у меня деньги и перстень... они там... за окном... — наконец-то выговорила она, указывая рукой в сторону окна.

Николай бросился на свою половину избы, где у него на кровати спинке висел ремень, выхватил из висевшей на ремне кобуры револьвер и в одном нижнем белье выбежал из дома. На улице заливалась лаем хозяйская собака, ее лай подхватили собаки соседних дворов, и в тот же миг вся улица наполнилась собачьим разноголосьем. У окна никого не было, и Николай вернулся в избу. Лампу зажигать не стал, в темноте убрал револьвер, подошел к Софье, та продолжала плакать.

— Николай, они там, за окном, я их видела, наверное, они хотят меня убить, я их очень боюсь, — захлебываясь слезами, тараторила Софья. — Николай, защити меня от них, — попросила она.

— Нет там никого, тебе, наверно, показалось, — произнес Николай, бросая взгляд на бледно-лунный свет в проеме окна. — Спи и не бойся никого, я рядом, — сказал он и попытался задержать штору, но Софья не дала ему это сделать. Она вскочила с кровати и бросилась к Николаю, дрожа всем телом, прижалась к нему, со страхом смотря на окно.

— Коленька, миленький, они там, не оставляй меня одну, прошу тебя, спаси меня от них, они меня хотят убить! — кричала она, от страха трепеща всем телом и называя Николая уменьшительно-ласкательным именем.

Тот растерялся. Не зная, как нужно поступить в сложившейся ситуации, он машинально поднял руки на уровне груди и прижал Софью к себе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду, не плачь только, — проговорил он, тоже перейдя на «ты».

Незаметно для себя они присели на кровать. Продолжая плакать и трястись, Софья еще сильнее прижалась к Николаю, и ему в этот момент вдруг стало жалко Софью. Жалко до такой степени, что он, не ожидая от себя самого подобных действий, прижал ее к себе и, успокаивая, начал гладить ей волосы, лицо, шею, коснулся плеча ее и, словно боясь раздавить его, нежно провел по нему ладонью. Ощувив в своих объятиях горячее и трепещущее тело Софьи, уловив тонкий запах ее тела, ее волос, у Николая откуда-то из глубины души возникло чувство то ли жалости, то ли сострадания, то ли еще чего-то таинственного, неизведанного им доселе и влекущего к ней. Это чувство Николаю вскружило голову, забила молоточками в висках, сдавило горло и залихорадило тело. Оно заставляло прикоснуться к сокрытому, запретному и таинственному.

— Не плачь, Софья, и не бойся никого, я не дам тебя в обиду, я буду всегда рядом с тобою, — прерывисто и тяжело дыша, тихим голосом сказал он и еще крепче прижал Софью к себе.

Та успокоилась, перестала всхлипывать и, находясь в объятиях Николая, тоже почувствовала изменение своего душевного состояния. Ей уже не хотелось утешать Николая, как когда-то ей хотелось это сделать при первой их встрече на вокзале. Сейчас, напуганная до полусмерти, она увидела другого Николая, не плачущего и вытирающего слезы, а большого, сильного и смелого, готового в любую минуту прийти к ней на помощь и защитить ее не только от разбойников, но и от всех других жизненных невзгод. А потому, ощущая у своего уха его тяжелое и хриплое дыхание, слыша его тихий, словно колдовством обволакивающий ее сознание голос, ощущая на своем теле его руки, ей захотелось еще сильнее прижаться к нему, чтобы просить

у него защиты и помощи. Просить его вырвать из ее души все пережитые ею за эти дни горести и печали, и поселить в ее сердце успокоение и веру, надежду и любовь. Будучи в объятиях Николая, Софья продолжала дрожать всем телом, но дрожала она уже не от страха, а от других, нахлынувших на нее и заставивших трепетать ее сердце, чувств.

— Ты не бросишь меня? — шепотом спросила она.

— Нет, я буду всегда рядом с тобою,— также шепотом ответил он ей. В темноте при разговоре они почувствовали тяжелое и горячее дыхание друг друга и соприкоснулись губами.

Ночь была спокойной, безветренной. В Ефремовских садах уже созрели яблоки. Налившиеся соком, они отрывались от яблонь и, прошелестев по листьям веток, падали к подножиям деревьев, а падая, лопались, обдавая округу своими ароматными запахами. Собаки уже уgomонились. Они улеглись возле своих будок на прохладной земле и, высунув из пастей языки и часто дыша, спали одним глазом, другим не переставая охранять хозяйские территории. В росистых травах пели свои ночные серенады сверчки, было тихо, город спал. И в этой тишине Николаю и Софье стало казаться, что во всей Вселенной они остались вдвоем, что во всем белом свете никого нет и ничего не существует, и их священнодействию никто и ничто не сможет помешать; да и не было в этот момент той силы, способной помешать им, и лишь одна бессовестно заглядывающая в небольшое окошко бледноликая луна стала свидетельницей их сокровенной тайны — тайны соединения двух молодых и горячих сердец.

Ночь прошла быстро. Не успели и глаз сомкнуть, как на востоке уже занялась заря. Николай едва задремал под утро, но тут же встрепенулся, встал с кровати, взглянул на Софью. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Выходит дело, мы с тобою теперь вроде как муж и жена? — спросил он, и Софья слегка смутилась от сказанного им. И в тот же миг приподнялась на кровати и, обняв Николая, притянула его к себе.— Пусты, Софья... ну не дури, слышишь? Пусты, мне некогда, мы нынче выходим в поход на Елец,— заговорил Николай, освобождаясь от объятий Софьи.

— Коля, а нельзя тебе остаться и не ходить в этот поход? — спросила она, освобождая Николая из своих объятий и поднимаясь с кровати.

— Нельзя. Я же командир, а потом, ты же знаешь... я должен отомстить за Акиму,— ответил ей Николай, тоже поднимаясь с кровати.

— Будь осторожным, прошу тебя.

— Не волнуйся за меня. Вышибем белых гадов, и я вернусь.

— Я буду ждать тебя.

— Не провожай меня,— приказал Николай, выйдя за порог. Софья остановилась. Николай развернулся, обнял ее за плечи и притянул к себе. Они поцеловались.

Через два часа из Ефремова вышел сводный в несколько сотен штыков, вооруженный ружьями и пулеметами, конно-пеший отряд красноармейцев. Поднимая сапогами, ботинками и конскими копытами еще дремавшую дорожную пыль, он направился вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Бабарькино...

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

И ВСЕ-ТАКИ...

Потапов был ошеломлен новостью, хотя, если проанализировать, к этому все шло. Год назад Иван Федорович уволился из органов безопасности, где прослужил тридцать лет и дослужился до полковника. Последние десять лет работал начальником городского отдела ФСБ. Практически он и создал в девяностые годы этот отдел в городе, который после развала Союза вдруг стал приграничным. Набрал молодых пацанов и с утра до позднего вечера учил их не только контрразведке, но и, как говорят в народе, уму-разуму. Иван Федорович не терпел пьяниц вообще, а среди подчиненных особенно. При каждом удобном случае он внушал молодым офицерам, что спиртное и творческий труд (а контрразведку он считал именно таким видом деятельности) — несовместимы. Но как он ни изоощрялся в воспитании молодежи именно в этом вопросе, а беда вот она — пришла. Отставник вспомнил прапорщика Александра Савченко, который десять лет был его водителем. Много времени они провели вдвоем в различных поездках, о чем только ни разговаривали — и всегда водитель разделял мнение своего командира. Но на последнем году службы полковника он его удивил. Когда в очередной раз в разговоре затронули тему выпивки, Савченко неожиданно заявил:

— Я с вами, Иван Федорович, во всем согласен, но вот в этом вопросе у вас есть недопонимание...

Полковник тогда осуждающе хмыкнул, но предпочел промолчать.

Выходя на пенсию, Потапов сдал дела приезжему подполковнику, который оказался откровенным пьяницей. Уже на второй день пребывания в отделе новый начальник провел с офицерами совещание и в завершении ультимативно потребовал:

— Отдыхать тоже надо уметь. Теперь порядок такой: каждую пятницу после работы собираемся бухать. Кто будет уклоняться — тот гадюка...

И вот только что Потапову позвонил один из сотрудников отдела и сообщил печальное известие: ночью, будучи в нетрезвом состоянии, двое оперработников выехали на автомашине на встречную полосу — и в результате ДТП один погиб, а второй если и выживет, то останется калекой. Не успел Иван Федорович горестно поцокать языком и осмыслить происшедшее, как мобильник снова запел. По высветившемуся номеру Потапов понял, что звонит его бывший водитель.

— Саша, здравствуй,— угрюмо сказал полковник.

— Здравия желаю, Иван Федорович! Вы знаете, какое у нас ЧП? — раздался возбужденный голос Савченко.

— Уже доложили, — Потапов тяжело вздохнул.

— И все-таки вы были правы...

Эту фразу Потапов уже слышал раньше от другого человека. И та, другая история, вспомнилась ему, когда он закончил телефонный разговор с прапорщиком. Память похожа на лестницу с подгнившими ступенями. С годами их становится все больше. Однако человек, сказавший когда-то ему точно такие же слова, как будто стоял перед глазами.

Это было еще в советские годы, когда майор Потапов работал старшим оперуполномоченным. Имелось тогда у него в производстве оперативное дело с окраской «антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями ревизионистского характера», по которому проходил Самохин Юрий Николаевич — молодой симпатичный парень, сын майора милиции. После окончания военного училища он прослужил в армии три года взводным и по своей инициативе уволился. Учился заочно на историческом факультете университета. Был холост. Работал матросом-спасателем на пляже.

Контрразведывательную деятельность Потапов осуществлял по территориальному принципу, то есть на весь курортный городишко он был один и все вопросы, относящиеся к компетенции органов КГБ, висели на его шее, начиная от шпионажа и кончая непопулярной даже в среде чекистов статьи УК «клевета на советский государственный и общественный строй». Иван Федорович крайне редко заводил материалы с окраской «антисоветская агитация и пропаганда» и не слышал, чтобы этим увлекались его коллеги. Когда сегодня говорят, что за рассказанный политический анекдот в то время кого-то вызывали в КГБ — это элементарная клевета.

Потапов завел на Самохина дело потому, что тот вынашивал намерение создать оппозиционную партию и уже занимался поиском кандидатов в члены этой организации, чтобы коллективно вести борьбу за политические свободы. Узость его мысли увеличивала ее остроту. И с каждым днем он вел себя все активнее, даже написал тексты нескольких листовок. Это уже была не только болтовня, а действия, и подобного рода деятельность, надо было пресекать. Из полученной от агента, имевшего псевдоним «Цезарь», информации было понятно, что формой пресечения может быть только профилактическая беседа с вызовом в органы КГБ.

В те годы в приказах этого ведомства постоянно прослеживалась мысль о том, что чекисты должны бороться за каждого советского человека, который по каким-либо причинам оступился. Потапов знал, что политзаключенных во всей стране было менее сотни. Ну и ежегодно органы госбезопасности профилактировали семнадцать-восемнадцать тысяч человек за изменнические, националистические и другие, как тогда формулировали, политически вредные проявления. И это на страну с населением двести восемьдесят миллионов человек. Совсем немного... Разве профилактика не была действительно гуманной формой пресечения действий, которые могли нанести ущерб безопасности государства?

Однако нередко профилактическую беседу оказывалось не так — то легко провести. Требовалось задокументировать добытую оперативным путем информацию о действиях объекта, то есть получить от граждан заявления или объяснения. Именно эти официальные документы по действовавшим в ту пору приказам давали право вызывать объекта для беседы. И хотя срок ведения дела заканчивался, такими материалами Потапов не располагал. Иван Федорович мог обратиться к руководству и продлить срок ведения дела, но начальство на это всегда смотрело неодобрительно и требовало выдать на-гора конечный результат, то есть пресечение. Кроме того, продление расценивалось как низкий уровень профессионализма оперативного работника.

И вот Потапов получил информацию, что объекту стало известно о проявлении к нему интереса со стороны органов госбезопасности. Неделю назад из милиции к Потапову поступил запрос в отношении Самохина: просили согласовать его допуск к нарезному оружию, так как он собирался устроиться охранником в тоннель. Потапов в допуске, естественно, отказал. Это стало известно бывшему сослуживцу отца проверяемого. Он-то и шепнул Юрию, что к чему. Самохин тут же прибежал к «Цезарю», рассказал, что, мол, так и так, и спросил, что теперь лучше делать. Агент ответил, что надо подумать и, расставшись с проверяемым, вызвал оперработника на внеочередную явку.

Получив эти данные, Потапов там же, на явочной квартире, пришел к выводу, что самый лучший, даже можно сказать идеальный, выход такой: Самохин должен прийти к нему по своей инициативе и покаяться в содеянном. Чтобы решить поставленную задачу, чекист придумал простенькую оперативную комбинацию: три человека, которым доверял Самохин, должны были убедить его в этом. Один из них, заведующий пляжем внештатный сотрудник органов КГБ Яровенко, являлся непосредственным начальником Самохина. Второй, друг покойного отца проверяемого, милицейский пенсионер Михайлов, с которым Иван Федорович установил доверительные отношения, рассказал о сути дела и попросил выполнить поручение органов. Третий — агент «Цезарь». Двадцать дней Яровенко, Михайлов и «Цезарь» независимо друг от друга капали на мозг Самохину, внушая ему, что всегда можно выйти из трудного положения, если знаешь, куда идти. И тот в итоге капитулировал.

В один из самых прекрасных для Потапова дней Самохин сам пришел в кабинет к чекисту. Венец любого греха — раскаяние. И он-таки покался. Отказ от своих убеждений должен быть юридически оформлен. Принесший повинную голову дал органам госбезопасности письменное обязательство не допускать в дальнейшем подобных действий. Они расстались довольные друг другом: Юрий Николаевич не ожидал, что с ним будут разговаривать достаточно мягко и даже ни разу не повысят на него голос, а Потапов был рад, что Самохин наконец-то пришел сам, и начальство чекиста по достоинству оценит его труд.

После этой памятной для обоих беседы они периодически виделись в городе, и Самохин всегда уважительно здоровался с Потаповым.

Но вот прошло два года, и времена стали кардинально меняться. Трещины, которые образовались в последние годы советской власти в фундаменте государства, расходились, и через них к власти пролезли прорабы перестройки. Началась активная подготовка к реставрации капитализма. В это время Самохин увидел в городе чекиста. У старых обид хорошая память. Юрий Николаевич не только в очередной раз уважительно поздоровался, но и позволил себе небольшую реплику:

— А зря вы меня тогда. Все-таки прав-то ведь оказался я...

— Поживем — увидим. Человеку свойственно ошибаться в том числе и в оценке своих ошибок, — ответил Потапов и пошел дальше.

Большому кораблю — большое крушение. Вскоре громадная страна развалилась, и под ее обломками до сих пор гибнут люди. А жизнь задает все новые вопросы. А, как известно, на вопросы, поставленные жизнью, существует острая конкуренция ответов. Попробуй разберись, какой из этих ответов правильный.

После падения советской власти профилактику, как одну из форм предупреждения и пресечения антигосударственной деятельности, новая власть отменила. Это, мол, ущемляет политические свободы граждан. Теперь государство ждет, когда, например, тысячи чеченцев уйдут с оружием в горы, чтобы там без суда и следствия расстрелять их и с земли, и с воздуха. Ведь, как известно, в нашем правовом государстве все права у государства.

В начале девяностых между Потаповым и Самохиным состоялся последний короткий диалог. Юрий Николаевич увидел на противоположной стороне улицы Потапова, перешел на его сторону, впервые осмелев, протянул руку и, поздоровавшись, громко сказал:

— Иван Федорович, и все-таки вы были правы! Что творится в стране? Ужас! Ну, я им еще покажу! — и погрозил кулаком в небо.

С тех пор Потапов не видел бывшего подопечного.

А совсем недавно он узнал, что Самохин арестован в Иркутске за попытку взрыва памятника Колчаку.

«РИХАРД»

Николай Привалов не был похож на русского человека. В разрезе глаз и овале лица просматривались его далекие предки, одни из которых жили когда-то в западной Европе, другие — на Ближнем Востоке. Но он ничего не знал о них и даже не догадывался об их существовании в прошлом.

Вечером, когда у него зазвонил сотовый телефон, номер не высветился. Он приложил трубку к уху и услышал:

— Завтра. Сорок четыре двенадцать сто шестьдесят семь,— четко сказал незнакомый мужской голос и отключился.

— Что за шутки? — спросил сам себя Николай и машинально вернул дешевенький телефон в карман.

Он не придал значения этому звонку, хотя и держал в памяти набор цифр. Добравшись до общежития и укладываясь спать, он вспомнил об этом звонке и стал размышлять о том, кто мог ему позвонить, и что означают эти цифры. Если это не шутка, значит, позвонили по поручению шефа, предположил Привалов. Теперь надо расшифровать, что означают эти цифры. Самое простое — это номер московского телефона (насколько ему известно, только в Москве семизначные номера) или номер мобильного и по нему надо позвонить завтра. Могут быть и другие варианты. Например, рейс самолета 4412, прилет в Ростов в 16 часов 7 минут. Или 44 поезд прибывает в 12 часов 16 минут, вагон 7. Может быть и более сложный ребус. Прежде чем размышлять дальше, Николай решил проверить выдвинутые версии. Он позвонил в аэропорт и на железнодорожный вокзал. Точно! Есть такой поезд. И время совпадает. Однако завтра надо на всякий случай позвонить и по телефонам, подумал Привалов и с чувством победителя лег спать.

На следующий день, первого июля, возле 7 вагона встретились двое: одному было чуть за двадцать, второй по возрасту годился ему в отцы.

— Здравствуйте, Сергей Иванович,— сказал молодой, пожимая руку старшему. По его глазам и выражению лица было видно, что он с нетерпением ждал этой встречи.

— Молодец — сообразил. Поздравляю с окончанием университета.

— Спасибо.

— Диплом получил?

— Позавчера.

— Ну и замечательно. Я буду краток и, может быть, не очень убедителен. Вот тебе билет до Волгограда и деньги на месяц из расчета сто рублей в сутки,— он протянул конверт.— Твой поезд через три часа. В Волгограде поселишься в квартире по адресу, указанному на конверте; ключ в конверте. В квартире будешь жить один. Через месяц с тобой свяжутся. Пароль «Вам привет от Сергея Ивановича из Ростова». Вопросы есть?

— Есть. Сергей Иванович, что от меня требуется. Что я должен за месяц успеть сделать?

— Ничего. Жить обычной жизнью. И ждать. В нашем деле это очень важное качество — научиться ждать. И еще: не расслабляйся; считай, что ты в командировке. Ну, Николай, удач тебе, постарайся использовать это время рационально; впрочем, о ценности времени мы уже говорили.— Он пожал руку собеседнику и покинул перрон так же быстро, как и появился на нем три минуты назад.

Николай Привалов сидел в вагоне и под стук колес размышлял. Почему в Волгоград, а не в другой город? И почему впервые не поставлено никакой задачи? Болтаться в незнакомом городе целый месяц, да еще на сто рублей в сутки. Могли бы дать и побольше. Сергей Иванович изучает его уже четыре года. Наверняка он знает о нем все, или почти все. Ему известно, что отца, братьев и сестер у него нет, что мать на зарплату сельского учителя не имеет возможности помочь ему. Знает и то, что все пять лет, пока он учился на юрфаке Ростовского университета, ему пришлось постоянно где-то подрабатывать. А может им и нужны такие? А впрочем, задачи, скорее всего, поставлены, но пока не озвучены. Мало ли что мог придумать этот Сергей Иванович. Мужик он толковый, интересный, мозг работает виртуозно, знает в совершенстве три языка, много лет работал за границей. К примеру, приеду в Волгоград, а там такого адреса нет. Что делать? Тогда надо выяснить, не переименовали ли улицу. Хотя такой ситуации, видимо, не предвидится; она уже была, когда его послали в Таганрог. Другой вариант: найду квартиру — ключ не подходит. Или в поезде сумку специально сопрут. Тогда предстоят дополнительные расходы на предметы первой необходимости. А как жить? Придется где-то подработать. Да и как это охарактеризует? Лопух, да и только. Да мало ли какие еще проблемы можно придумать. Привалов встал, взял сумку, стоящую под столиком, сунул ее в ящик своей нижней полки и пошел покурить. По пути в тамбур он обратил внимание, что свободных мест в вагоне не видно. Тогда почему в его купе два свободных места? Да и на купе расщедрились, ему хватило бы и плацкарты. Может, для того, чтобы лишний раз посмотреть на него свежим взглядом? Сосед-то у него не бабушка и не женщина с ребенком, а мужик; и по всему видно, что не из рабочих и крестьян. Правда, с первых минут пути на разговоры не напрашивается. А с другой стороны: стоит ли он того, чтобы на него тратили столько сил и средств. Наверяд ли...

Квартира в Волгограде оказалась однокомнатной, без следов проживания в ней. Стол, стулья, диван, кресло, телевизор, холодильник — вот и вся мебель. На столе телефон. Привалов поднял трубку и убедился, что телефон работает. В кухне было все необходимое для приготовления пищи, но продуктов не было. Николай сходил в магазин, купил кофе, сахару, немного других продуктов и вернулся в квартиру. Сварил кофе и сел в кресло. Обо всех поручениях Сергея Ивановича, которые приходилось выполнять, он всегда писал отчеты, подписываясь псевдонимом «Рихард». Он избрал именно этот псевдоним, потому что считал Рихарда Зорге лучшим разведчиком. О чем же он будет писать на сей раз? Он решил не ломать голову и ликвидировать проблемы по мере их поступления. Ясно одно: скорее всего через месяц зададут сотню вопросов и поэтому надо быть во всеоружии. На всякий случай, планировал «Рихард», соберу информацию о соседях; разработаю проверочные маршруты и выясню, нет ли слежки. Poiщу в квартире подслушивающие устройства. Под благовидным предлогом схожу в квартиру этажом выше, осмотрю ее: нет ли там техники для визуального контроля надо мной. Познакомлюсь с достопримечательностями города. Во-первых, самому интересно, а во-вторых, могут прозондировать, насколько любознателен их подопечный...

Давно уже в жизни Привалова не предполагалось столько свободного времени, и поэтому он хотел почитать художественную литературу зарубежных классиков на русском языке. Честно сказать, он уже и забыл, когда делал это в последний раз. Все

свободное время он тратил на изучение одного из диалектов французского и художественную литературу читал только на французском языке. Пожилая француженка, с которой он занимался на конспиративной квартире изучением языка, была им довольна. К сожалению, в квартире Николай обнаружил лишь одну книгу. Это были «Северные рассказы» Джека Лондона. Специально подсунули, решил Николай, чтобы формировать у меня силу духа и стойкое отношение к трудностям. Да и знакомство с достопримечательностями Волгограда — это тоже в какой-то степени воспитание патриотизма.

На следующий день «Рихард» побывал на Мамаевом кургане, в музее-панораме Сталинградской битвы, увидел известный всему миру дом Павлова, прошел по набережной Волги и направился в центр города. В проходном дворе обратил внимание на мусорные ящики, в которых рылись двое потрепанных мужичков. Прошел через арку и вышел на проспект Ленина. На фоне иномарок и сияющих витрин сновали пешеходы, озабоченные не жизнью, а выживанием. Спустился в подземный переход. Мимо ставших уже привычными нищих равнодушно протекала людская река. «Сколько потерянных лиц на дороге жизни!», — вспомнил Николай где-то прочитанную фразу и отправился домой.

После ужина Привалов удобно устроился на диване и, получая неописуемое удовольствие от мысли, что у него еще куча свободного времени, открыл рассказы Джека Лондона. Мир суровых и мужественных людей захватил его. Он уже с сожалением констатировал, что непрочитанных страниц остается все меньше. Чтобы растянуть удовольствие, Николай сделал над собой усилие и отложил книгу. Ночью ему снилось белое безмолвие и гонки на собачьих упряжках. А утром Привалов решил никуда сегодня не выходить и снова погрузился в чтение. Как и все хорошее, книга быстро закончилась. На следующий день Николай зашел в «Книжный мир» и, отмахиваясь от голоса разума, купил семь книг Джека Лондона, потратив более тысячи рублей.

Незаметно пролетела неделя, затем вторая. Все запланированные мероприятия «Рихард» выполнил, а от Сергея Ивановича не было ни слуху, ни духу. В компании Джека Лондона Николай не скучал: казалось, что вместе с автором и его героями он прошел тяжелый путь по Юкону, задержался на несколько дней в Доусоне, а потом пустился дальше, ночуя вместе с собаками у костра; он даже чувствовал вкус жареного лосиного мяса, хотя раньше его никогда не ел. Может быть, это ощущение возникло в связи с тем, что у него заканчивались деньги. В его рационе теперь преобладали хлеб, картошка и макароны. От сигарет с фильтром он неделю назад отказался и перешел на «Приму». Чтобы сэкономить деньги, по городу он передвигался пешком. Уже приходила идея пойти где-нибудь подработать, но Привалов отогнал эту мысль. Герои северных рассказов Джека Лондона были в гораздо худшем положении, один сумасшедший мороз чего стоил. Здесь, правда, другая проблема: дикая жара и духота.

Вечером первого августа Привалов доедал последнюю картошку. Из запасов у него остались полпачки макарон и щепотка чая. Как известно, убедительнее всех просит желудок. Хотелось чего-нибудь мясного и сладкого. Но хуже всего было то, что оставалась последняя пачка «Примы». Перед ужином Николай застелил стол газетой, и теперь рассеянно пробежал ее глазами. Он наткнулся на заметку об одном из российских олигархов, который за год увеличил свой капитал на пять миллиардов долларов. Привалов раздраженно встал из-за стола и, подойдя к раскрытому окну, нервно затянулся сигаретой. И такой стране он намерен посвятить всю свою жизнь, а если потребуется, то и отдать ее? Впервые Николая посетило сомнение, а верный ли выбор он сделал? Раньше ему и в голову не приходило сомневаться в правильности своего решения. Он был горд, что его выделили среди других, и с радостью дал со-

гласие работать в Службе внешней разведки. И работать не в посольской резидентуре, где собираются в основном блатные ребята, а в качестве разведчика-нелегала. Он будет ежедневно рисковать где-то там, в чужой стране. А здесь, на родине, какая-то шпана будет нагло обирать народ? Покупать себе яхты, футбольные команды... В то время как большинство россиян все больше опускается на дно... Привалов никак не мог успокоиться.

Неожиданно впервые за месяц зазвонил телефон. Николай вздрогнул и поднял трубку.

— Четвертая октава,— сказал незнакомый мужской голос. Короткие гудки ничего нового не добавили.

ВЕЧЕР НА КУРОРТЕ

Воля случая свела нас в уютном курортном местечке на берегу Черного моря. Мы съехали в санаторий в один день, и нас поселили в трехместной палате. И вот лишь только начал оживать сентябрьский вечер, мы дружно сели, предвкушая приятное застолье, организованное по случаю приезда. Две бутылки водки в окружении разнообразных закусок смотрелись не хуже чем в хорошем ресторане, но как-то не очень вязались с интеллигентным видом моих новых знакомых. Один из них — Курганов Василий Иванович — высокий представительный мужчина лет шестидесяти с красивыми умными глазами. Как выяснилось, он окончил консерваторию и всю жизнь преподавал в музыкальном училище. Другой — Лукин Николай Петрович — выглядел совершенно иначе: роста среднего и удивительно подвижный для своих неполных семидесяти лет. Глаза у него были живые, и огонек, который маячил в них, как бы бросал вызов его возрасту. По его словам, он долгое время работал учителем-словесником, затем был директором школы. Для нашей компании больше соответствовало бы хорошее вино, но на столе стояла водка, и Николай Петрович по праву старшего начал разливать ее по стаканам, приговаривая:

— Сегодня выпью и все. Буду принимать мацесту — нельзя. Только потом, в день отъезда...

Тосты шли попеременно с шутками и анекдотами. Мои старики оказались удивительно остроумными, мы шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, и казалось, что этому не будет конца. Однако атмосфера безмятежного веселья царила недолго.

После очередного тоста Василий Иванович отпил глоток, поставил недопитый стакан и, неожиданно тяжело вздохнув, сказал:

— Да, мы хоть пожили, а вот что ожидает наших детей и внуков...

— А мы-то что хорошего видели? — возразил Лукин.— Тюрьмы, голод, война, слова лишнего не скажи, нищенское существование — вот и вся наша жизнь. Что там говорить, поиздевались коммунисты над своим народом...

— Что вы такое говорите? — возмутился Курганов.— Посмотрите, что происходит со страной: развалили СССР, подорвали экономику, на окраинах льется кровь, миллионы беженцев...

— Вот это и есть итог правления коммунистов,— решительно рубанул Николай Петрович.— Другого и не могло быть.

— Ну, кинулись сломя голову в капитализм, перешли к рыночным отношениям. И что же? — вопрошал Василий Иванович.

— Сейчас в нашей экономике не рынок, а базар, на котором много воруют. Это не одно и то же. Но все же сделано главное: мы поняли наконец, что если нет частной собственности, то нет и движущей силы, нет перспективы развития ни промышленности, ни сельского хозяйства.

— Знакомая песня. Поздравляю вас, господа, с реставрацией капитализма,— язвительно обратился к нам Курганов.

Я молчал, ожидая услышать аргументы каждой из сторон, а Лукин начал страстно доказывать свою правоту:

— Можно назвать тысячи примеров, подтверждающих, что самое ценное в жизни человека — это его собственность, будь она материальная или интеллектуальная. Да вот хотя бы такой выразительный пример. Почему человек (не имеет значения — мужчина то или женщина) предпочитает растить своих детей, а не чужих (даже если те взяты в младенчестве и не догадываются, кто их истинный родитель)? А потому, что и дети — это своего рода собственность. И человек, растя и воспитывая детей, хочет приумножить не чужую, а свою собственность. На чем держится любое государство? Семья, частная собственность и религия — на этих трех китах. А большевики в семнадцатом году стали разрушать этот фундамент. А что было при Сталине?..

— Да что вы все Сталин да Сталин! — вспыхнул Курганов. — Петром, значит, который «первый», вы все восхищаетесь, а Сталина втоптываете в грязь. А чем, собственно, Петр отличался от Сталина? Да ничем! Также для укрепления экономической мощи государства бросал на смерть десятки тысяч своих подданных. Петербург построен на костях — это всем известно. Но Петра вы превозносите. А как Пушкин писал о Петре? Восторженно! Гениальный Пушкин, чья жизнь есть образец борьбы за свободу, тем не менее восхищался тираном. Есть над чем подумать. Не правда ли? Пушкин, как и Сталин, понимал, что в истории государства наступают моменты, когда без жертв не обойтись.

— Слишком велики жертвы. Если бы Россия после семнадцатого года и дальше шла эволюционным путем, у нее была бы другая история, и мы сейчас жили бы иначе,— Николай Петрович начал заметно нервничать.

— Вы хотите сказать, что до революции народы России были счастливы?

— Все счастливы быть не могут, но основная масса населения жила неплохо.

— Да как же вы можете это утверждать? — Курганов резким движением руки отставил подальше свой недопитый стакан. — Вы же всю свою сознательную жизнь преподавали русскую литературу. О чем писали самые честные, самые талантливые писатели? Вспомните произведения Достоевского, Куприна, Горького... Какова главная мысль их произведений? Российская действительность есть гнусность — вот что они утверждали и против этой гнусности надо бороться...

— Как Родион Раскольников? С топором в руках? Однако что нам говорил Достоевский в назидание? От чего он предостерегал? Великий писатель выступал против бунта, ибо революция — это разрушение государства, да и личности тоже. Достоевский на примере Раскольникова показал нам, что тиран и благодетель рода человеческого в одном лице несоединимы, что избранный им путь спасения униженных и оскорбленных не выдерживает суда совести и не приводит к цели. Вот в чем главная идея романа, — огонек в глазах Лукина стал еще ярче.

— Категорически с вами не согласен. Своим романом «Преступление и наказание» Достоевский утверждает совершенно иное. В буржуазном обществе, говорит он, существуют определенные законы, и, живя по этим законам, большая часть общества крайне несчастна, так как в этом обществе царствуют эксплуатация, нищета, проституция, подлость и так далее. И есть, говорит Достоевский, люди, которые протестуют против этих законов и такой жизни с топором в руках. Другое дело, одни могут «переступить» эти законы с топором в руках, а другие — нет. Больше Достоевский ничего не хотел сказать и не сказал. Поэтому мы и не находим строк, осуждающих поступок Раскольникова.

— Ну как же, а Библия у него под подушкой, когда он был уже на каторге?

— А где вы вычитали, что он упивался чтением ее? Достоевский положил Библию под подушку Раскольникова, судя по всему, из цензурных соображений, и не более того. Достоевский прямо говорит: Раскольниковы — это политическая сила, которая способна уничтожить хозяев этого гнусного общества. И без крови здесь не обойдешься, будут и невинные случайные жертвы — такие, как Лизавета.

— Так что же вы предлагаете? Снова звать Русь к топору?! — возмущенно спросил Лукин, и мне показалось, что он побледнел.

— А что же делать? Или звать народ к топору — или мучиться в этом гнусном государстве, погибать, торговать совестью, телом и при этом ратовать за смирение, к чему призывает, кстати, церковь. Ведь отказ от революционных действий — это и есть смирение. А вы мне говорите: да, мерзкую действительность надо изменять, но мирным путем. Но какая же власть позволит это, наивные вы господа?

— Вы до августа девяносто первого были искренним коммунистом? — спросил Лукин.

— Нет, в отличие от вас в партии я не состоял. А вы, коли работали директором школы, значит, обязательно были в КПСС. Но если раньше я был «розовым», то сейчас, наблюдая, как гибнет Россия, я стал «красным», — отчеканил Василий Иванович и с сожалением добавил. — Вот уж действительно: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— Василий Иваныч, ну как же вы так ничего и не поняли. И не увидели, что российская действительность была, выражаясь вашим языком, гнусностью именно в годы Советской власти. Вы же, я уверен, читали Солженицына, Шаламова, Дудинцева, других, кто писал правду, — и неужели все это прошло мимо вашего сознания? Да, в конце концов, вы прожили целую жизнь. Я не знаю, надо быть... — Лукин запнулся, с трудом подбирая слова помягче, — удивительно слепым, глухим, чтобы ничего не видеть и не слышать...

Дискуссия подошла к опасной черте, за которой ее участники могли потерять контроль над собой. Чтобы немного остудить своих стариков, я включил телевизор и предложил посмотреть «Вести». Однако на экране мы увидели президента России Ельцина Б. Н., который объявил, что своим Указом он распустил Верховный Совет. Схватка стариков продолжилась с еще большим ожесточением, но меня уже интересовало другое.

Я вышел на балкон, где курил одну за другой сигареты, размышляя о судьбе своего Отечества. Время от времени я всматривался в море, берег которого был от меня в двухстах метрах. Из-за темноты я не видел, что в нем происходит. Порывистый ветер, нарастающий шум, отчаянные удары волн о берег — все говорило о том, что начинается шторм.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

ЕФРЕМОВСКИЕ КУПЦЫ МЯСИЩЕВЫ

Наш постоянный автор.

Город Ефремов до 20-х годов 20 века был уездным купеческим городом. По улице Свердлова, дом 10 расположено старинное полукаменное строение. Это не единичное сохранившееся в городе типичное здание построек 19 — начало 20 века.

В середине 19 века получили распространение полукаменные дома. Цокольный этаж или первый этаж такого дома строился из камня, а верхний этаж из дерева. Принадлежали они купцам, богатым мещанам. Всегда жилые помещения для хозяйской семьи располагались на верхнем деревянном этаже. Снизу в каменных стенах у купцов были лавки и склады. Поэтому сразу же строилось два этажа. Применение камня вместе с деревом — это не просто архитектурное решение. Сочетание этажей выбирали по ряду причин:

— В городах часто вспыхивали пожары, а в каменном здании можно было сохранить запасы, в том числе товары.

— Нижние венцы любого деревянного дома портились с годами из-за близости с землей. Камень внизу делал дом крепче, надежнее.

— Приобретение обработанного камня или даже кирпича могли позволить себе только состоятельные люди, поэтому полукаменный дом указывал на статус своего хозяина.

— Жилые же комнаты в деревянных стенах в отдалении от земли были более теплыми и уютными.

— Чтобы построить полностью каменный дом, нужны были суммы, которые не являлись доступными для купцов средней руки или зажиточных горожан.

Историки не исключают тот факт, что в то время это было просто модно в определенных кругах.

С 70-х годов 19 века вышеуказанное здание принадлежало купцам Мясичевым. Что нам известно об этих купцах?

На многих сайтах нашего необъятного интернета написаны статьи о Владимире Михайловиче Мясичеве, известном авиаконструкторе. В большинстве случаев они начинаются предложением: «Род Мясичевых корнями врос в землю самой что ни на есть средней России». А через несколько предложений начинается описание рода. Описание ведется от деда Михаила Григорьевича, более глубокие колена древа не приводятся. Далее в статьях рассказывается об отдельных фактах жизнедеятельности купцов Мясичевых в городе Ефремов. Аналогично об этом повествуют ефремовские современные краеведы, говоря о ефремовских корнях рода Мясичевых, аналогично рассказывается история купцов Мясичевых и на различных мероприятиях. Но эти рассказы более похожи на художественное произведение, за основу которого взяты отдельные факты из истории купцов Мясичевых. Какого-либо документального ис-

следования ефремовского периода жизни купцов Мясичевых и откуда они прибыли не проводилось. Попробуем это сделать.

Заранее хочется сказать, что было проведено краткое исследование документов генеалогического характера и других архивных источников о купцах Мясичевых. И это краткое изучение документов уже говорит о фактах, которые не указываются в рассказах. О результатах опишем в ходе исследования.

Почему же о купцах Мясичевых ведется описание от Михаила Григорьевича? Почему никто из ефремовцев не задумывается, откуда же род Мясичевых? В ходе просмотра ревизских сказок купцов Ефремовского уезда за 1858 и 1850 годы, семейства Мясичевых в этих списках не обнаружены. Дополнительно были исследованы ревизские сказки купцов 1795 года, где также фамилия Мясичевых по Ефремову не выявлена. Для более точного подтверждения отсутствия фамилии Мясичевых среди ефремовских купцов в указанный период были изучены ревизские сказки мещан города Ефремова. Но и в них фамилия Мясичевы не фигурирует. Проверка мещан сделана для того, что по законодательству если купец не мог объявить капитал на следующий год, то его переводили в мещанство. Таким образом мы видим, что в интересующих нас сословиях Ефремовского уезда Мясичевы в первой половине 19 века отсутствуют. Тогда откуда же они появились в городе Ефремове?

Ежегодно купцы были обязаны возобновлять сословные свидетельства. Об этом в конце текущего года они подавали соответствующие документы в Городскую Управу. Список купцов города направлялся в Тульскую Казенную палату. В перечне указывались и члены семьи, включенные и не включенные в гильдейское свидетельство. Поэтому была изучена именная ведомость Ефремовской Городской Управы о купцах города Ефремов как о состоящих в 1879 году, так объявленных и необъявленных по Ефремовскому 2 гильдии капиталов на 1880 год. В списках за № 47 (на 1880 год за № 48) значится Мясичев Михаил Григорьевич, 33 лет. У него жена Агафья Васильевна, сын Михаил 4-х лет (на 1880 год — 5 лет). В списках указана мать Михаила Григорьевича — Аксинья Николаевна. Капитал на 1880 год он объявлял 29 декабря 1879 года и имеется пометка «с 1871 г. из Новосильских купцов». Пометка означает, что Мясичев Михаил Григорьевич получил Ефремовское гильдейское свидетельство в 1871 году из Новосильских купцов. Для подтверждения новосильских корней Мясичевых изучались именные ведомости о купцах и их семействах 1867—1868 и 1857—1858 годов. Мясичевы значатся по спискам Новосильского уезда, а в списках Ефремовского уезда отсутствуют. Значатся Мясичевы в списках кандидатов Новосильской городской думы на выборы купечества в должности по городу на 1834 год. Указаны Мясичевы по Новосильскому уезду и в ревизских сказках 1834 и 1795 годов. Поэтому мы можем говорить, что числиться в купцах по городу Ефремов Мясичев Михаил Григорьевич стал с 1871 года.

Как ранее указывалось, родословная описывается и рассказывается от деда В. М. Мясичева — Михаила Григорьевича. Обозначается, что «Михаил Григорьевич был женат на вдове Агафье Васильевне, урожденной Киндяковой. Пятнадцать лет брак оставался бездетным. Чего только не делала Агафья Васильевна — и травы заговорные пила, и на богомолье ходила, и советы знахарок выполняла. Так или иначе, в 1873 году в семье Мясичевых появился долгожданный ребенок — сын, нареченный Михаилом».

Агафья Васильевна, урожденная Киндякова,— это все, что известно из рассказов. Но не секрет, что в городе Ефремов проживало семейство купцов 3-й гильдии и семейство мещан Киндяковых. При просмотре ревизских сказок купцов города Ефремов за № 41 значится «ревизская сказка тысяча восемьсот пятидесятого года августа третьего дня Тульской губернии города Ефремова 3 Гильдии купца Василья Петрова

Киндякова о состоящих мужского и женского пола душах». По документу глава семейства Петр Степанович Киндяков умер в 1843 году, но на лицо значатся 7 человек мужского пола и 9 — женского. В семье Никифора — младшего сына Петра Степановича, 4 сына и дочь. А в семье старшего сына Василия 5 дочерей и 1 сын. Среди дочерей значится Агафья, 14 лет. Точную дату рождения Агафьи по просмотренным документам установить не представляется возможным, т. к. метрические книги Ефремовского уезда 1834—1838 годов в ГУ ГАТО отсутствуют. В 1855 году в ноябре месяце (запись № 10 в метрической книге о бракосочетавшихся Соборной Троицкой церкви г. Ефремов) девица Агафья, дочь Ефремовского купца Василия Петровича Киндякова, 19 лет, обвенчалась с Ефремовским купеческим сыном Григорием Николаевичем Трусовым 34 лет, первым браком, сыном вдовы Ефремовской купчихи Ульяны Григорьевны Трусовой.

По материалам ревизских сказок 1858 года Агафья Васильевна проживала с мужем в семье купчихи Трусовой, т. е. по месту жительства мужа. Но в 1864 году, согласно исповедальной ведомости Соборной Троицкой церкви города Ефремова, она с мужем проживает отдельной семьей. Детей они не имели.

Возникает вопрос: «Когда же вышла замуж Агафья Васильевна за Мясичева Михаила Григорьевича, чтобы проживать с ним бездетно 15 лет и в 1873 году родить единственного ребенка?». Исходя уже из выше приведенных результатов исследования, по всем канонам такого не может быть. Это подтверждает дальнейшее исследование, меняет историю рождения детей в семье Мясичевых — Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны.

При просмотре метрической книги за 1873 год о родившихся Тульской Духовной Консистории города Ефремова Соборной Троицкой церкви факт рождения Мясичева Михаила не зафиксирован. Почему Соборная Троицкая церковь? Район местожительства Мясичевых относился к приходу Троицкой церкви. Для установления года рождения и других дат в ходе поисков просматриваются метрические книги на несколько лет назад и вперед. Так было сделано и в этом случае. Просматривая метрическую книгу за 1872 год Соборной Троицкой церкви города Ефремов, встречаем три новых факта, зафиксированных в архивных документах, которые касаются семьи Михаила Григорьевича.

Первый факт: в метрической книге о родившихся Соборной Троицкой церкви города Ефремова имеется запись № 5 мужского пола. В ней указано, что 23 февраля 1872 года родился Иоанн. Родителями являлись Ефремовский купец Михаил Григорьевич Мясичев и законная жена его Агафья Васильевна, оба православные. Иоанн крещен 24 февраля 1872 года причтом Троицкой церкви. Восприемниками являлись Ефремовский купеческий сын Михаил Владимиров Шилов и купеческого сына Кирилла Васильевича Киндякова дочь девица Варвара.

Второй факт: т.к. в последующих документах Иоанн не упоминается, возникло предположение, что он умер. В 18 веке очень часто дети умирали в младенчестве. Поэтому была просмотрена часть 3-я о смерти метрической книги за 1872 год Троицкой церкви города Ефремова. Здесь мы встречаем запись № 30 мужского пола. В ней указано, что у Ефремовского купца Михаила Григорьевича Мясичева умер сын Иоанн возрастом 9 месяцев от скарлатины. Погребен 15 ноября 1872 года на городском кладбище.

Третий факт: на этой же странице метрической книги имеется запись № 35 женского пола. В ней сказано, что у Ефремовского купца Михаила Григорьевича Мясичева 20 ноября 1872 года умерла дочь Александра, 2 лет, от скарлатины. Погребена она была 22 ноября 1872 года на городском кладбище. По записям метрической книги о смерти в ноябре 1872 года умершими значатся в основном дети. Причина смерти детей — скарлатина.

С целью установления даты рождения Александры была изучена метрическая книга 1870 года Соборной Троицкой церкви города Ефремова. В части записей о рожденных сохранились первые 4 записи с 4-го по 7-е января 1870 года. Александра в них не значится. Но запись о смерти дочери Мясичевых Александры свидетельствует, что в браке Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны первым ребенком была дочь, которая прожила только 2 года и умерла от скарлатины.

Подводя итоги небольшого исследования за период 1870—1873 годов, становится известно, что у Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны Мясичевых родились два ребенка: Александра, 1870 г. р. и Иван, 1872 г. р. Когда же родился Михаил?

Были исследованы метрические книги о рожденных Соборной Троицкой церкви города Ефремов за 1874—1875 годы. В метрической книге за 1874 год записи о рождении детей в семье Мясичевых не зафиксированы. В метрической книге за 1875 год имеется запись № 18 мужского пола. В ней говорится, что 7 марта 1875 года родился ребенок по имени Михаил. Родители ребенка Ефремовский купец Михаил Григорьевич Мясичев и законная жена его Агафья Васильевна, оба православные. Михаил крещен 8 марта 1875 года причтом Троицкой церкви. Восприемниками являлись Ефремовский купец Матвей Николаевич Трусов и купца Василия Александровича Вавилова жена Евдокия Васильевна. В левом углу записи имеется отметка: «спр 16/XI-26 и подпись». Данная отметка говорит о том, что выдавалась справка 16 ноября 1926 года для оформления документа личности.

Запись № 5 мужского пола в метрической книге о рожденных Соборной Троицкой церкви города Ефремов за 1875 год зафиксировала, что Мясичев Михаил Михайлович родился в 1875 году, а не в 1873 году, как это расписано в публикациях. Факт рождения Михаила Михайловича в 1975 году подтверждается и метрической справкой, выданной Тульской духовной консисторией от 18 февраля 1916 года. Документ выдавался для бракоразводного процесса с женой. В справке записано, «что по метрическим книгам церкви села Супонева, Богородицкого уезда, за тысяча девятьсот первый /1901/ год в числе бракосочетавшихся, записью под № 27, значится так: Ноября второго /2/ дня жених Тульской губернии города Ефремова 2-й гильдии Михаила Григорьева Мясичева сын Михаил Михайлов, 26 л, православный, повенчан первым браком с невестою дочь местечка Щебрешин Люблинской губернии Замостного уезда, аптекаря дворянина Евгения Дудкевич, Нина Евгениева, 19 л, православная, первым браком, священником Алексеем Глаголевым с псаломщиком Петром Лебедевым». На момент венчания в 1901 году Михаилу Михайловичу Мясичеву было 26 лет, и это говорит, что он родился в 1875 году.

Таким образом, Михаил был не долгожданным ребенком в семье, а единственным из оставшихся в живых детей Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны. По изученным документам стало известно, что в семье родились 3 ребенка, двое из которых умерли в детстве. Михаил был младшим ребенком. Это говорит о том, что первый муж Агафьи Васильевны умер после 1864 года и второй раз замуж она вышла до 1870 года. Агафья Васильевна не проживала со вторым мужем Мясичевым бездетно 15 лет, т.к. первый ребенок у них появился в 1870 году.

А вот в семье Михаила Михайловича первым ребенком был Владимир, ставший известным авиаконструктором. Имеется запись № 34 мужского пола в метрической книге о рождении 1902 года Троицкой церкви города Ефремова Тульской губернии. В ней указано, что Владимир родился 15 сентября 1902 года. Родители: Ефремовский купеческий сын Михаил Михайлович Мясичев и законная жена его Нина Евгеньевна, оба православные. Крещен 19 сентября 1902 года причтом Троицкой церкви: протоирей Алексей Гастев и псаломщик Рафаил Попов. Восприемники: Ефремовский купеческий сын Василий Васильев Вавилов и Ефремовская купчиха Агафия Васильева Мясичева.

Из рассказов известно, что родители Владимира Михаила Михайлович и Нина Евгеньевна обвенчались тайно, так как их родители не давали благословения на этот брак. Первоначально они проживали в Москве. И когда недоразумения в семьях улеглись, они вернулись в город Ефремов.

Михаил Григорьевич Мясичев был одним из уважаемых купцов города Ефремова. В 1888—1891 годах он избирался гласным городской думы. В 1915 и 1916 годах гласным городской думы избирался его сын Михаил Михайлович.

В публикациях указывается, что «дед Володи Мясичева — Михаил Григорьевич держал гастрономический магазин на самой фешенебельной улице города — Московской». В адрес-календаре Тульской губернии 1905 года опубликован список торгово-промышленных предприятий по Тульской губернии. В этом списке указано, что в городе Ефремов на ул. Большая колониальными товарами осуществлял торговлю Мясичев Михаил Григорьевич. К колониальным относились товары, ввозимые из других частей света (кофе, сахар, чай, пряности, москательные продукты, рис, хлопок, краски, некоторые продукты дерева, служащие для поделок, и т. д.).

В центре Михаил Михайлович Мясичев, слева Нина Евгеньевна, трое их малолетних детей и родственники семьи.

В списках купцов, включенных и не включенных Городской Управы города Ефремов за 1906—1907 годы, значится и семья Мясичева Михаила Григорьевича, которому 64 года. В список семьи включены: его жена Агафья Васильевна, сын Михаил, 30 лет, жена сына Нина Евгеньевна, внуки: Владимир, 2 лет, Георгий, 1 года. В списках значится и мать Михаила Григорьевича — Акинья Николаевна, с пометкой: умерла в 1906 году. В списки 1907 года она не включена. Документы для продолжения сословных свидетельств на 1907 год Михаил Григорьевич подавал 30 декабря 1906 года, предъявлял свидетельство от 1871 года. В этих же документах указан и второй ребенок Михаила Михайловича. Ребенок назван Георгием. Но во многих печатных изданиях он пишется под именем Юрий. Здесь нет никакой ошибки. Юрий — славянская форма греческого имени Георгий. Младшим ребенком в семье был Евгений. После рождения Георгия в семье появился третий ребенок — Евгений.

Нина (Янина) Евгеньевна Мясичева повстречала чиновника Толпыго и стала с ним в Туле проживать гражданским браком. В отдельных публикациях пишут, что

Нина Евгеньевна была женщиной решительной, развелась с мужем и стала женой Толпыго. Но архивные документы свидетельствуют о другом. Прошение в Тульскую Духовную Консисторию о расторжении брака подал 29 февраля 1916 года Михаил Михайлович Мясичев. В прошении он указывает, что в настоящее время, около года тому назад, жена прекратила совместную жизнь и вступила в прелюбодейную связь с посторонним мужчиною, с которым и живет по настоящее время гражданским браком. В виду сего, считая, что жена его нарушила святость брака прелюбодеянием, он просит Тульскую Духовную Консисторию о допросе свидетелей: «брак мой, совершенный 2-го ноября 1901 года, и записанный в метрические книги церкви села Супонева Богородицкого уезда Тульской губернии, расторгнуть по прелюбодеянию жены моей Янины Евгеньевны». На момент подачи заявления проживала Янина Евгеньевна в г. Тула по ул. Киевской, дом Городского Полицейского Управления.

В ходе рассмотрения дела (судоговорения) Янина Евгеньевна виновной себя в прелюбодеянии признала, с мужем помириться не пожелала. Во время дачи показаний участники процесса не пожелали назвать данные мужчины, с кем в гражданском браке стала проживать Янина Евгеньевна. Янина Евгеньевна также отказалась указать лицо, с кем она сожительствовала.

По Указу его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от 17 ноября 1916 года за № 15111 брак Ефремовского купца Михаила Михайловича Мясичева с его женою Ниной Евгеньевной расторгнут. Михаилу Михайловичу было разрешено вступать в новый брак, а Нине Евгеньевне вступать в новый брак разрешалось по отбытии возложенной на нее семилетней церковной эпитимии.

Но наказания Нина Евгеньевна избежала. Она принимает католическое вероисповедание, и в связи с этим священник Петропавловской церкви г. Тулы по месту жительства не мог осуществлять за ней надлежащий надзор. Нина Евгеньевна вышла замуж за своего сожителя. Дети Мясичевых периодически проживали то у матери в Туле, то у отца в Ефремове.

После событий 1917 года предпринимательская деятельность Мясичевых прекратилась, но их потомок стал одним из известнейших авиаконструкторов России.

По материалам Государственного архива Тульской области.

Фотография — МБУК «Ефремовский районный художественно-краеведческий музей».

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Ольга Коршунова

(г. Заречный Пензенской области)

Родилась на Камчатке. Окончила факультет иностранных языков Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского. Преподавала в школе, работала в ПО «Старт». С 1989 года пишет стихи и прозу для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Автор 12 книг. Награждена медалью «М. Ю. Лермонтов».

ПЕСНЬ НАДЕЖДЫ

Побегу, задохнусь,
Упаду, онемею
От красы светлой, Русь.
В зорь златую камею
Сердце вправлю свое
И тебе — на ладони.
Как оно запоеет!
Как от счастья застонет!
Каждый цветик, листок,
Облака — ворохами —
Все для песни — исток,
Все взовьется стихами.
О поблажках судьбу
Никогда не просила.
Задохнусь, упаду,
Но земля даст мне силы.
Без опоры душа
Безнадежно пропаща.
Здесь мне жить и дышать —
Воздух Дома всех слаще!

НА ПЕРЕПУТЬЯХ

На перепутьях осени с зимою
С опаской жду, что вьюга стоном взвояет
И заметет судьбы моей следы,
В слепом безумье слез не замечая.
И боли крик, безудержен, отчаян,
Расколет мир в предчувствии беды.

На перепутьях радости и грусти
Тревожусь я, что жизнь вот-вот упустит
Надежды нить, что тоньше волоска,
И беспричинно долю обескровит,
И украдет звезду над сирым кровом.
И оскудеет Господа рука

На перепутьях... Но душа — не камень.
Хоть семь ветров не развести руками,
Я взором пью небес живую синь.
И исцеляюсь этой синевою,
И слышу трепет крыл над головою —
Спешит мой Ангел с чашей свежих сил.

* * *

А на рассвете — чудеса!
Светло-елейно, как в молебен,
И так медовы небеса,
И воздух пряный так целебен.
На мшистых лапах бродят сны,
Туман предутренно рассеян.
Янтарясь на коре сосны,
Зрачок смолы в покой осенний
Глядит... И мысли о былом
Вплетает в кружево рассвета.
Пусть где-то топь и бурелом,
Пусть где-то заблудилось лето,
Устав на жизненном пути,
И грустных полон мир мелодий,
Рассвет не может не прийти,
И весть о нем уже летит!
Он — чудо! Так пускай приходит!
Впусти его! Трухлявый сон
Пусть ковыляет в свой валежник.
Душа с рассветом в унисон
Подарит миру песнь надежды.

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Валерий Сухов
(г. Пенза)

КРЫЛЬЕВ МАТЕРИНСКИХ ОБЕРЕГ

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельское Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете (1997, тема диссертации «Сергей Есенин и имажинизм»). Работал учителем в сельской школе, преподавателем педагогического училища, с 1988 г.— на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета. Член Союза писателей России.

РОДНИК

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.
И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.
Исток обжег устами струй
Горючих русских слез.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унес.

ИСКУПЛЕНИЕ

Метели путь мой заметали,
Но вывел к дому огонек.
Меня встречая, в черной шали
Старуха вышла на порог.
Пустила молча на ночлег
И постелила, словно сыну,
И понял я ее кручину,
Как самый близкий человек...
Нисходит озаренье свыше,

Когда сбивает вьюга с ног.
Вдруг голос матери я слышу:
«Вернись на родину, сынок».
Пусть тучи нависают низко,
Я вижу в темноте огни.
Иду с молитвой материнской —
«Сынок, Господь тебя храни!»
Когда дороги жизни пройдены,
Тогда дойдешь до глубины.
И возвращение на родину,
Как искупление вины.
Святому поклонюсь распятию
И на родной порог взойду.
И на колени перед матерью
Я блудным сыном упаду...

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
Подошел, хотел ее обнять.
Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...
Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, березы листья сбросили...
Снег теперь хранит ее покой
Долгою холодною зимой.
А весной ей птицы будут петь.
Летом сосны на ветру шуметь.
На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.
Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.
И всплакнет береза надо мной,
Осыпая золотой листвою...
Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка — крылата!
От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Вера Дорошина
(г. Пенза)

ПО КРАЮ СВЕТА

Вера Анатольевна Дорошина родилась 29 сентября 1979 года в Пензе. Окончила факультет русского языка, литературы и журналистики ПГПУ им. В. Г. Белинского. Работала редактором в университетском издательстве, международном ООО НИЦ «Социосфера», пресс-секретарем городского Управления культуры. В настоящее время занимается журналистикой. Автор 10 поэтических сборников, многих публикаций в зарубежных, республиканских, региональных и областных изданиях, СМИ. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, конкурса имени А. И. Куприна «Гранатовый браслет», журнала «Сура». Член Союза писателей России.

Можно это назвать работой —
раздавать имена облакам,
взглядом взламывать горизонты
и в рюкзак паковать века,

отправляясь по краю света,
по дрожащему краю тьмы —
на вопросы искать ответы,
удивленно смотреть на мир.

Можно это назвать забавой —
нарушая земной уклад,
не налево идти, не вправо,
а все чаще — то под, то над.

Бисер тлеющих слов — на нитку,
в уши — плеер небесных сфер.
И разматывать хрупким свитком
явь и морок наивных вер.

Или это назвать любовью,
на закате упав в траву,
глядя звезды у изголовья?..
Лишь любовью и назову.

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

COLIS EUM?*

Наш постоянный автор.

*«Пока стоит Колизей, будет стоять Рим,
но если падет Колизей, падет и Рим,
а если падет Рим, падет весь мир».*

Пророчество английского монаха
Беды Достопочтенного

I

Был много лет тому назад заложен камень
на месте пруда, где не стать нам рыбаками,
на месте сказочных дворцов,
садов и арок —
народу Рима от властей большооооой подарок.

Сам Император восхищен такой идеей,—
трудились день-деньской и ночь здесь иудеи —
и травертин крошился в пыль,
и белый мрамор,
и счет не велся ни рабам,
ни страшным ранам.

И вот — арена,
ложа,
свод амфитеатра,
не всякий выйдет, кто сюда войдет, обратно.
и вот — доска с посланьем нам о том, что Титом
шедевр всемирный сотворен,
к дверям прибита.

II

Бои вне правил и хлеба — хлеба задаром.
Не видя битвы, что ты знал о цвете алом? —

* Colis eum? С латинского языка переводится как Поклоняешься ему? Одна из версий происхождения слова Колизей, связанная с проведением оккультистами обрядов внутри амфитеатра в период упадничества его прямого предназначения.

когда мечи пересеклись,
щиты и стрелы?
В награду жизнь — всего лишь жизнь! — тому, кто смелый!!!

И рев животных.
И толпы:
«Хлебов и зрелищ!
Да будет кровь!
Да будет мощь!
К Эребу немощь!
Да что Эреб?!
Диспатер,
Орк,
сюда идите!» —
Ворота ада,
адский круг и... победитель!

О времена!
О, нравы!
Кто
людей научит
вторую щеку подставлять, когда есть случай
на зло ответить добротой,
своим смиреньем?
...Мы до сих пор так поступить не все сумеем...

III

...А между тем не первый век шел нашей эры,
О Вечном городе пеклись миссионеры.
И каждый, кто почти утоп, душой хватался,
как за соломинки, за вехи Христианства.

Чуть успокоилась толпа,
немного стихла,—
молитва действенна была святого Сикста:
кто милосерден, тот прощен,
тот чист,
и небо
себя однажды распахнет.
В сердцах — победа!

И у арены Крестный ход,
и папа Римский,
когда бы знал число убийств, нанес бы риски
на стены, ставшие теперь стенами плача,—
так искупления грехов этап был начат.

IV

...Просили только тишины колонны эти.
И я стояла среди них — колонной третьей,—

металась яркая звезда в сквозных проемах,
как боль,
мученье,
как вина
в глазах огромных.

Что скажешь мне,
колосс,
гигант,
титан безликий?
Как тени древние — твои — сюда проникли?
Как ты попал в далекий век — век двадцать первый,
когда твой путь судьбой не раз,
не два был прерван?

О, всемогущий великан,
как ты вмещался
в грядущий день?
Не обошлось без шарлатанства?..
...Просили только тишины колонны эти...
Как хочешь жить, когда ты видел столько смерти!

V

Сейчас святой Варфоломей спасает жизни.
И Бог-отец во имя нас Вселенной движет.
А я иду, как будто вспять, к средневековью
с какой-то странной, не такой, как свет, любовью.

И дышит древностью толпа (толпа извечна!)...
И я дышала,
ощущая, будто, нечто
меня затягивает внутрь,
внутри Колизея,
как жертву прошлого,
острожника,
как зверя.

Но я смотрела снизу-вверх на эти своды,
как человек, кому смешна цена свободы,
как проходимец,
как беглец — из любопытства,
как тот, кому
самим с собою только биться...

Игорь Лукьянов

(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Игорь Лукьянов — русский поэт. Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова. Член Союза писателей России с 1994 года.

* * *

Как в мифах Эллады
Среди океана
С трибуны, с эстрады —
Сирены обмана.

Вторгаются в уши
Лукаво и рьяно.
Уродуют души
Сирены обмана.

Где совесть в блокаде,
Там съпятся страны.
Заткнитесь, покайтесь,
Сирены обмана.

* * *

Всякое есть на свете
Ставка чему высока.
Выйду на русский ветер.
На русские облака.
Зреют вдали огороды.
Гикают в небе стрижи.
Миг абсолютной свободы
Для несвободной души...

* * *

Дорога вела на закат.
Лучась сквозь стекло ветровое
Далекое солнце родное
Привычно печалило взгляд.
Привычно давил на педаль.
Привычно следил за дорогой.

Закат – золотая тревога.
Вечерних минут пастораль.

САД

Доживают последние годы
Эти яблони в старом саду.
Все идет по закону природы.
На него не накинешь узду.
Подопру я усталые ветки.
Скоро осень. А там — снегопад.
Поживи, дорогой мой ровесник,
Мне судьбою назначенный сад.

КАПИТАН

Не один прошел меридиан
Грузный, поседевший капитан.
О себе он много рассказал.
Я о нем в газете написал.
А потом буфетный был форпост
И «За тех, кто в море» — первый тост.
И второй, и третий «взял» стакан...
«Наш! Моряк!» — одобрил капитан.
Шли сквозь вьюгу
Каждый в меру пьян
Два матроса —
Я и капитан.

* * *

Где предательство,
Там и притворство.
Время голых вокруг королей.
Фарисейством
Захвачен воздух.
Ложь исходит из всех щелей.
Врут министры
И прочие ВИПы.
Врет статистика.
Пресса врет.
В эту лажу
Однажды влипнув,
Глубоко в ней
Завяз народ.
По колено,
А, может, по пояс —
Как теперь
Вылезать из нее.
И хохочет
Вселенская подлость —
Сатанинское воронье...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ЗИМА В БРАТСКЕ

Декабрь стоял удивительно мягкий,—
И люди все чаще ходили пешком.
Январь же завел посуровой порядки,
Грозя нам своим ледяным кулаком...

Но город был весел, шутив и беспечен.
И даже мороз не унял горожан.
Он, ежась, их тряс за озябшие плечи
И, снегом скрипя, их домой провожал...

А день начинался колючим рассветом.
Курился над городом розовый дым.
...Белесое солнце сквозь изморозь веток,—
Оно в январе нам казалось седым.

РУССКИЙ ГОВОРОК

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,

И, вливаясь в зарево проспектов,—
Потекут безудержной рекой,—
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...

Кто-то обожжется грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

ЦВЕТЫ ЗИМЫ

Как у художника в наброске,
Штрихи нечеткие во всем,—
Так в пышном инее березки
Стоят в безмолвии своем...

Цветы на ветках выткал иней.
Ольшаник вывален в снегу.
И я на льду, у речки синей,
Кусочек неба стерегу...

Тряхнешь курчавую рябину,
Пульнешь снежком в плечо сосны,—
И вниз обрушится лавина,
Слепя сверканьем белизны...

А день все ниже солнце клонит,
И в царстве снежной полутьмы
Я — очарованный поклонник —
Любуюсь на цветы зимы.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти В. Г. Распутина

Восхищаться перестали мы:
Словно пленкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче елочки стоят...

Русь зимой щедрá подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И березок шали белые
Озарят твой мрачный взор.

Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия,—
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах,—

Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.

...Зимний утренний морок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.

А мороз — аж дымитя...
В белых шубах дома...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.

Коль метель, — то до нёба,
В рост медвежий снега́.
Здесь не меряно хлеба
И богата тайга.

Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир, — так по-русски,
А обиду простят.

Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Владимир Федорович Шугля — поэт, публицист, общественный деятель. Родился 30 января 1947 г. в г. Кыштым Челябинской области в семье военнослужащего. Окончил Свердловский институт народного хозяйства (1970), Уральский социально-политический институт (1991). С 1990 г. — президент ООО «Холдинговая компания Т. Д. «Мангазея». Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Западной Сибири. Публиковался во многих журналах, коллективных сборниках и альманахах. Автор ряда книг.

Давно я не был в Беларуси,
Во мне ее родимый зов.
И снова думается с грустью:
Зачем ее миную вновь?!

Душою слышу шум Полесья
И вижу пахоты простор.
И в этом — где бы ни был —
весь я...
О, как нелегко с днями спор!

И от забот не оторваться...
Но в небе памятью больной —
Незримо — мама надо мной,
И годы — тройкой — лихо мчатся...

И с неба:
«Сын, пора домой!»

* * *

Душе дано от Бога зреньё —
Скрещенье чувств, посыл небес,—
Что светом звездных откровений
Готовит сердце для чудес.

Шестое чувство в этом взоре,
Неотделимо от души:

Летит туда, где плещут зори,
Где свет сквозь темноту спешит.

О, это неземное зреньё!
Из серых буден суеты
Рождает новые свершенья,
Мечтаний новые холсты.

Сквозь тернии мостит дороги
За край непознанной межи,
За синие небес отроги...
...И чистит душу ото лжи.

* * *

Нет солнца в полуденном небе,
Но муза в обнимку с душой!
И вот в поэтическом хлебе
Строфа вдруг летит за строфой...

Душа, как космический ветер,
Гуляет в далеких мирах,
Незримой звездой на свете —
Прозреньем — горит в небесах.

И пусть пролетают столетья —
Поэты бессмертны в стихах!
Стихи прорастают в поэте
Подснежником желтым в снегах.

* * *

Аэропорт... И рейса ожиданье,
И люди, словно стайки серых птиц.
Объятья, слезы, встречи, расставанья,
Мельканье лиц...
Мельканье стольких лиц...

Застыло время, тянется как вечность,
Часы вершат,
вершат свои круги,
Забывтых дум таинственная встречность
Опять влачит безвременья шаги...

* * *

Разносит ветер мусор старый —
В дожде зимы шуршат страницы,
И в жиже липкой тротуары
С утра проходим хмурят лица.

На небе мрачно. В тучах утро.
Мороза нет, но все же, все же
В прожилках сонных перламутра
День набежавший душу ежит.

Суровость улиц в дня погоне
Промозглою погодой ранит.
И сердце, словно ветер, стонет
И рвет собой земные грани...

И по инерции — за светом —
Стремится ввысь... Туда...
К зарницам.
А на земле небес крупницы —
Слезинки жизни первоцветом...

* * *

Шепни мне сердце, что устало,
Что дальше жить со мной нельзя,
Что от вокзала до вокзала
Не жизнь... Что все проходит зря.

Что жить, как все, я не умею,
Покой души не берегу,
Несусь потоком, ветром вею...
А надо бы — на берегу...

В ответ — стук сердца под рукою,
И сбои ритма, как слова:
А по-другому разве стоит?
Жизнь, что разлив реки весною...
Нет стрегня — жизнь твоя мертва.

* * *

Проходим километры жизни,
Идем в страну грядущих лет,
Дни радости и счастья выгнав,
И стон души, и плач от бед.

Сквозь сердца раненого призму
Летим мечтой в заветный свет,
Из букв земного магнетизма
Строкою будущих побед.

Шагаем вместе с правдой жизни,
Ступая на отцовский след...
С удачей — девою капризной —
Спешим в непрожитый рассвет.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

Наш постоянный автор.

ОКА ВЛЮБИЛАСЬ В ЕНИСЕЙ

Читатель мой!
Ни пуле, ни игле
Не позволяй войти в тебя случайно...
Ни скальпелю...
Ни Ведьме на метле...
Ни Черту в камуфляже — специально...
Нет!
Только лишь — Божественному зову,
Душевному
Спасительному слову...

СОНЕТ-РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Помню, здесь весенним садом,
В сердце — счастье до краев —
Мы всю ночь под звездопадом
Шли на пенье соловьев...
Нынче — звездам господин —
Я, увы, иду один...
По желанию судьбы
Хоть одна упала бы!
И над морем, и в горах —
Соловьиный Лунный свет...
Но тебя со мною — ах —
Нет... Семь бед — один ответ...
Полнолуние — вот те на!
А на сердце — тишина...

ВЕРА-НАДЕЖДА-ЛЮБОВЬ

Я верил,
Что люблю тебя,
Надеялся — невежда...

И где теперь
Любовь моя?
И вера? И надежда?..

Увы, живу теперь
Один
В краю потерь...

Мечтающий
Опять:
Найти — не потерять...

Расуль Ягудин
(г. Париж, Франция)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Родился в 1963 г. Педагог, филолог, журналист, публицист, поэт, прозаик. Литературные направления: авангардная лирика, остросюжетный мистический триллер, публицистика.

* * *

Просвет не светел в пустоте,
где окна гулки в лунном свете.
Луч искажен,
как на кресте,
на неотсвеченном просвете.
Дома тяжелы от песка,
от туч,
сползающих под ноги.

Был острым холод у виска
вот здесь,
на брошенной дороге
среди домов, смотрящих вдаль
пустыми зенками без света.

Ну, вот —
я кончил пастораль
у освещенного просвета
такой обгрызенной луной
над тополями выше крыши.

Дворы так гулки за спиной,
когда вокруг намного тише.
И здесь в песке и щебне мрак
так мягок, бархатист и влажен.

Мы — под горой почти овраг
во мгле,
как в обнимавшей саже.

* * *

Иглами окон зачеркнута даль.
Дальше — конец возле мглы, как у стенки.

К ночи простор вдруг пахнул, как миндаль,
мраком, как пледом, ложась на коленки.

Он, как сугроб, мне согрел бедра мглой.
Ветер удушлив,
недвижим в коленях.
Ночь очень странно,
как горькой золой,
пахнет миндалем в умерших сиренях.

Глыбы домов так невидимы, так!
Эта бесшумна река...
или тело.
Эта стена так похожа на мрак,
непроницаемо тиха и бела.

Вот.
Этот шаг словно канул в песке.
Глохнут парады на желтой ладони.
Ночь так сыра на беззвучной реке,
словно ребенок, плывя на баллоне.

* * *

В руках цветов,
как в синеве,
почти обнявшей нас крылами,
в огне,
как в небе на траве,
перевернувшейся за снами,
вот в этом всем,
как в долгом сне,
вот в этом —
пахнущем гнильцою
я пыль вздымаю на столе,
настолько схожую с пыльцою.

Мне из угла все тянет длань
какой-то сумрачный и строгий.
Он хоронится за герань
вон —
на окне, как на пороге —
как на пороге через синь,
в окно ко мне смотрящей гнило.

Я из окна сникал в полынь
с таким тяжелом духом ила.
А синь все паялилась в окно,
перевернувшись книзу солнцем.
Я спал
и гладил телом дно
за этим сколотым оконцем.

* * *

На нас глядели через окна лампы,
Когда был кончен путь по мостовым.
К нам прислонялись, словно льдины, вампы
на перекрестке, уводящем в дым.

Вокруг был снег, похожий на туманы.
Он налипал на свет, как на стекло.
Я целовал на вашем сердце раны,
ладонью справа обхватив крыло.

Замерзли свечи на седом восходе.
Скользили кошки лапами в снегу.
Мы обнимались в вымерзшей природе
все там же, на вчерашнем берегу.

На вашей шее было пресно, льдисто.
Был так упруг ваш поцелуй мне в рот.
Ваш снег звенел похоже на монисто,
ссыпаясь крошкой вниз на небосвод.

* * *

Холода подступают снизу —
Там,
где темень среди воды,
где над черным,
снимая ризу,
нам шептали из лебеды.

Тянет, тянет с щелей поземкой.
Снег по полу от сквозняка.
Этим плачем,
как белой пленкой,
заслоняемся от зрчка

под шаги из пространства в угол —
здесь нас ждут, шелестя, часы,
здесь прохладно от плача пугал,
опрокинутых на весы.

Плащ-палатка повязкой прела.
Перегнулась струна на штрих.
Очень страшно вблизи у тела,
непрозрачного возле них.

А пружины скрипят под ночью.
Тихо-тихо, когда рассвет.
Вот — пора,
мы видны воочью
через холод,
сквозь тень и свет.

Константин Струков
(г. Тула)

ЧЕРНОУХО
Сказание о собаке

Наш постоянный автор.

1

В задворках брошенных,
в грязных трущобах,
За блеском реклам —
полумрак.
Там волчьи законы,
там голод и злоба,
Там город бездомных собак.
Слоняются стаи грязных, лохматых,
Но держатся за вожака.
И кто-нибудь с пьяна
пошлет их матом,
А может быть даст пинка.
Они огрызнутся,
хвосты поджимая,
Стремглав убегут от беды.
У мусорных баков
лежат, поджидая
Хотя бы немного еды.
В том городе правят
жестокость и сила,
И зависть глухая, и страх.
Бредут друг за другом
худые псины,
Якшаются, рыщут впотьмах.
Там много калек
с подбитою лапой,
С расквашенной мордой, слепых.
Там много щенков
беспомощных, слабых.
Но стая — опора их.
Ночами, устав
от скитаний, от муки,
Ютятся у теплых труб.

И лижут щенков своих
сонные суки,
И мир для них нежен и люб.

А рано, задолго до хмурого утра
Бредут, чтобы выжить.
Хоть как!
Как выжить?
И ходят, и ищут приюта
В том городе жалких собак.

* * *

Больная собака
дрожала от холода, ветра,
Лежала в углу,
и не в силах подняться с колен,
Чего-то ждала:
похлебки, тепла, человека...
Но нет никого...
Наступал бы скорее конец!
А ветер крепчал,
но в углу было тихо и сыро.
Она вспоминала
у свалки остатки еды:
Колбас кожуру,
и сухарик, и корочку сыра,
И тление мусора —
сизый зловонный дым...
А ветер нес листья сухие
легко, бесшабашно.
И их относил на газоны,
в углы относил.
И теплой копною
прикрыл он больную собаку.
Она задремала
без страха, без воли, без сил.

* * *

Сергеич жил одиноко, как старый бобыль.
В квартире неубрано, пыльно, разбросаны вещи.
Нет сил что-то делать,
следить за порядком нет сил.
К жилью своему охладел он,
как к ветхой одежде.
Завяли цветы и засохла земля в горшках.
И пыль ржавым слоem
весь простенький скарб покрывала.
Соседи по дому говаривали:
— *Наш старик,*

*Сергеич из пятой квартиры,
совсем опустился...*
*Весною жену схоронил
и теперича духом пал.—*
А он никого не просил,
не ходил по соседям.
Он с горем своим
в одиночку справлялся, как мог.
Поужинав скромно, прочитывал давние письма,
Потом у портрета ее небольшого сидел,
В глаза обреченно смотрел, до боли родные.
И каждый раз спрашивал,
что ему делать, как жить?
Глаза почему-то молчали, слегка улыбаясь.

И он уходил, остывающий чай допивал.
И поздно совсем,
ложась в постель ледяную,
У Бога просил, чтоб скорее к себе забирал
Его одинокую душу...

* * *

В прохладное, хмурое утро
зачем-то бродил
Бесцельно по улицам скучным,
по грязным задворкам.
Мучительно он вспоминал:
надо что-то купить к столу.
И медленно, нехотя шел
к продуктовой палатке.
Опять старый двор —
он пришел машинально сюда.
И в самом глухом тупике,
возле ветхих сараев
Увидел собаку.
Недвижно лежала она.
Жива ли была
или жизнь покинула тело?
Он рядом стоял и казалось, забыл обо всем.
В груди только жалость
к беспомощной твари проснулась.
И лишь наклонившись, дыханье едва различил.
— *Жива ведь!..* — подумал Сергеич,
не зная, что делать.
Ласкал осторожно
линялую мягкую шерсть...
Вся серая, будто обсыпана пеплом,
Лишь правое ухо
угольно черным пятном

Казалось на фоне
 пепельной шести.
Она вдруг открыла глаза
 и с надеждой взглянула.
— *Ах, бедная, бедная!*
 Что же случилось с тобой?
Он бережно взял ее тело худое на руки...
Боясь оступиться,
 домой ее медленно нес.
Она лишь глаза открывала
 доверчиво, грустно,
К груди прижималась его,
 как родное дитя...

* * *

Он положил ее на свой тулуп замшелый
Дыхание было частым, как в бреду.
Просила пить, но ничего не ела.
А у него от невеселых дум
Болела голова.
 И с нею рядом
Он просидел всю ночь.
 Давал ей пить.
И снова пить.
 Лишь благодарным взглядом
Она пыталась отблагодарить.

* * *

Он снова смотрел на любимое фото
Сегодня глаза ее были печальны.
Но не было в сердце его отчаяния:
Заполнено новой оно заботой.
Глаза говорили:
 — *Я здесь, я с тобой...*
Я помню тебя в те далекие годы.
Казался ты мне несгибаемым, гордым —
Но что же с тобою случилось, герой?
...А рядом лежала больная собака.
Открылись глаза ее.
 В их глубине
Увидел он боль об ушедшей жене,
Ушедшей в ту пропасть
 забвенья и мрака...

И вот рассвет...
 Она с трудом дышала.
И тут он, пасть раскрыв ей широко,
На страх и риск свой
 водки треть бокала

Ей влил...
Она вздохнула глубоко
Теперь ей, может, станет легче.
А он, устав от тягостных хлопот
Заснул поодаль.
Сон ведь тоже лечит.
И слышит, что жена его зовет.
Спешит он к ней.
Но ждет его собака,
Ее глазами смотрит...
Помоги!
И он во сне был рад жене
и плакал:
Где, где ты, Надя?..
Не видать ни зги.
Проснулся он...
Его находка рядом.
Возможно, ей по нраву
новый кров...
Она ему лишь отвечала взглядом
И этот взгляд
красноречивей слов.

Как называть тебя?
По цвету — Серой.
Иль может Черноухо, может быть...
В такую осень
будто луч весенний
Мрак комнаты пытается пробить.

А за окном уж занималось утро.
Сквозь пыль окна горел неяркий свет.
Квартиры хаос осветил он скудно
И в рамке старой женщины портрет.

* * *

Она очнулась.
Запахи лежалой пыли.
Нахлынули извне, ее заворожили.
Вокруг не улица, но что же? Где она?
Стоит диванчик старый у окна.
Комод высокий, шкафчик незатейный
И стулья в беспорядке у стола.
Простора неба нет, вокруг лишь стены, стены,
Иконка Божья в глубине угла...

И тишина вокруг, скрипят лишь двери тонко.
Нет сверху облаков, лишь нависает полка.
А рядом ОН, заступник, верный друг —
Она чутьем его признала: он вокруг...

Все вещи пахнут им — его носки и брюки,
И эти ласковые жилистые руки.
Все пахнет им — и даже фото на столе.
Везде незримый теплый он оставил след.
А сам тревожно спит на обветшалом кресле.
Она так хочет лечь у ног его, быть вместе.
Но встать пока не может. И плачет, и скулит...
А он, уставший за ночь, беспокойно спит.
И наконец проснулся, подошел к ней близко:
— *Очухалась?.. О, Боже! Ты же голодна...*
Подавал бульона с хлебом ей, подвинул миску
Она, дрожа всем телом, съела все до дна.

Соседка из второй квартиры,
тетка Нюра,
Старухам у подъезда говорила хмуро:
— *Вы квартиранта видели?*
Старик принес.
Дворняга серая, простая...
или пес...
Нашел ее на свалке
или на помойке.
Теперь на улицу не выйдешь — загрызет.
Какой уход она найдет
в его коморке,
Когда живет он там
как старый крот?

Так в этот вечер соседки обсуждали
Судьбы Сергеича подробные детали.

С небесной высоты спускался первый снег.
А это значит — время ускоряет бег.
И так на улице светло и тихо стало,
Что теткам захотелось просто помолчать.

...А где-то у помоек
собак бездомных стаи
Иль медленно бредут,
или спешат опять...
А те из них, что занемогли иль устали,
Без сил и воли отползают вспять.

2

Сегодня ночью сон
как снег растаял.
Он лег на бок другой,
но сон не шел.
Он поменял подушку, одеяло.

Но мысли отгоняли напрочь сон
Накатывались мысли, будто волны.

...Поднялся, к книжной полке подошел.
Он в каждой книге перелистывал страницы.
Среди стихов искал...

И вот нашел.

Нашел поэму... Все в ней так созвучно
Его душе, что по ночам болит.
Там, во вселенной человек остался
Один как перст,
как звездочка вдали.

Ходил как в клетке по квартире,
Читая вслух крылатые слова:

*«Перед одиночеством
бессилен даже стон.
Небо черно-крашеное,
страшное
Над могилой братской,
над простым крестом,
Над
непостижимую
утратою.
Странно, он себя
сегодня не узнал:
С зеркала смотрели опустело
Хмурые глаза его.
Светилась седина
В волосах.
Лицо лишь почернело...
От отчаяния
думал он сначала
— умереть...
Во Вселенной —
одному остаться!...
Но отец.. не дал.
Он завещал
лететь...*

*На тяжелой планете,
окутанной мраком,
Сын далекой земли
затерялся.
Как быть?
Что дальше?
Но падает голос
в вакуум.
Он вырвет*

*отчаяние, страх
из груди.
Рожденный
земною женщиной,
Человек
во Вселенной
совсем один.
И взор свой
направил он в небо:
— О, Боже!
Единственный ты
советчик остался.
Что делать мне,
что же?»*

...А за окном чуть-чуть рассвет забрезжил.
Подумал он: вот ночь уже прошла...
А рядом, у кровати Черноухо
Калачиком свернулась и спала.

* * *

Проснулся он после бессонной ночи,
И встал уставший, и побрел на кухню.
Все тело ныло, голова трещала,
И боль пронзала спину, сдавливала грудь.
Сергеич медленно добрался до аптечки.
Лекарство принял.
Ноги подкосились...
Когда пришел в себя,
добрался до кровати.
И снова лег, и целый час лежал,
Пока дыхание
не стало ровным.

И тут случайно он взглянул на фото.
Ее глаза с тревогой и заботой
Смотрели на него.
Не мог понять он,
Что выражали на сей раз они.

...Пронзила мысль:
пора гулять с собакой.
И он, преодолевая боль и слабость,
Ее на улицу повел...

* * *

Прошли они с собакой переулок
По свежавыпавшему снегу.

И в сквер вошли.
Там громче лай собачий.
Выгуливали там своих питомцев
Жильцы домов многоэтажных.
Там было целое сообщество собак
Пород необычайных и размеров разных.
Там Черноухо среди друзей была,
И друг за другом, как в веселой гонке,
Они гонялись, лапы в ход пускали.
И распаялись иногда, и огрызались.
А людям разнимать их приходилось.

* * *

Сергееич в сквере подошел к скамейке.
Сюда добрался из последних сил.
Поправил куртку и надвинул глубже кепку
И поводок собаки отцепил.

Она вначае отбежала резво,
Потом на нем остановила взгляд.
И, обойдя ближайšie тропинки,
Вернулась не спеша к нему назад.

И села возле ног его. Скулила...
Тревожно, смутно было на душе.
А он лишь потрепал ее по шее,
Погладил серую, густую шерсть.

Прогулку он закончил много раньше.
Придя домой, без промедленья лег.
Таблеток наглotalся, стало легче.
И день за днем лечил себя, как мог.

* * *

Шли медленно.
Бежала Черноухо,
По обнаженным от растаявшего снега,
Весною дышащим газонам.
И, насыщаясь их теплом и вешним светом,
К нему не забывала возвращаться.
Он ковылял, как мог,
и мучила одышка,
И ноющая боль в груди...
Кружилась голова...
Напрявился к ближайшей остановке,
Где можно было сесть
и отдохнуть.
И кое-как дошел
и на скамейку

Смог опуститься. Лег.
Она сидела рядом.
То лаяла отчаянно, то выла.

Терял сознание Сергеич и снова
Оно к нему упрямо возвращалось.
И в эти редкие минуты просветленья
Он смутно видел человеческие лица,
Над ним склонившиеся:

— *Как он?.. Что с ним?..*
Жив ли?..

Так надо вызвать «скорую» скорей!..
И образ встал в сознании перед ним
Его Надежды.

Она смотрела с сожаленьем:
— *Скажи, любимый, что с тобой случилось?*
Кто защитит тебя, душа моя?
Растаял образ.

Руку он откинул,
Нащупал морду Черноухо...
Здесь она...
Весь мир вокруг куда-то сгинул,
Сознание накрыла пелена...

* * *

Как только приехала «скорая помощь»,
Все в ней возмутилось,
ее естество.
И лаяла рьяно на тех, что посмели
Прервать драгоценный покой ЕГО.

Задвинули в белый кузов носилки,
Захлопнулась наглухо дверь.
От лая собака совсем обессилела,
Кто скажет, как быть ей теперь?

* * *

Прохожие, ожидающие на остановке,
Терпели и ветер, и холод. Они
Как будто не замечали собаки,
Лежащей без движения ниц.

Лишь только один из них,
бомж или нищий,
Буханку достал и кусок отломил.
Спокойно погладил собаку и дал ей,
И худо и бедно ее накормил.

Позвал он собаку:
— *Пойдем со мной, серая!* —

Она отвернулась, легла ничком.
Ждала лишь его, своего хозяина,
Ведь думала все это время о нем,

Ждала и надеялась: он вернется,
И лишь отбегала в соседний двор.
И вновь возвращалась к своей скамейке.
Но было ей худо,
хоть лай или вой.

3

Продержали все лето Сергеича
в местной больнице.
Наконец он вышел оттуда
слегка похудевший.
Но несломленный дух в нем окреп,
появились силы.
И пошел неспеша он по листьям опавшим,
В родных стенах его ожидала
неустроенность быта.
И нутром своим он ощущал
пустоту и никчемность свою,
Будто стал в этом мире людей
бесполезным и лишним.
Лишь собака его, Черноухо,
была светлым пятном
В этом черном туннеле
судьбы его трудной.

* * *

Сергеич ходил по проспектам,
бульварам и скверам,
Искал везде свою Черноухо,
смотрел ее, звал.
Уставший, домой возвращался,
и утром снова
Искал на задворках, искал у помоек,
в подъездах искал.
Он дал объявления во все газеты, журналы,
Он спрашивал у знакомых,
у посторонних людей.
Он потерял аппетит,
начал страдать от бессоницы.
Но думал и ночью, и днем
только о ней.

* * *

Сидели опять у подъезда
додельные тетки
И косточки всем промывали,
как и всегда.

Шел мимо Сергеич,
приветствовал женщин:
— *Всем здрасте!*
Добавив при этом:
— *Со мною случилось беда...*
И с горечью рассказал
о пропаже собаки.
Нет, тетки не знали,
не видели ни одной
Собаки, похожей на Черноухо.
Но надо бы
Искать ее там,
где гулял Сергеич весной.

* * *

Небо закрыто тяжелыми тучами.
Капали слезы сегодня с утра.
Всюду мельканье плащей и зонтиков.
Вот и настала раздумий пора.

Думал Сергеич о лете прошедшем:
Долго ж в больнице он пролежал!
Где же тот угол, что для собаки
В летнее время пристанищем стал?

Кажется лета вовсе и не было.
Был на газонах подтаявший снег,
Были приборы у койки больничной
И Черноухо, но только во сне.

В сквер он зашел, там собак уже мало.
В дождь морозящий гулять не резон,
Сел на скамейку он, где когда то
С ней, с Черноухо, был рядом он.

Вдруг он увидел возле скамейки:
Рядом с киоском щенят толчея.
Там они, мокрые и смешные,
С мамой резвились: собачья семья.

К ним подошел он:
— *Вы, видно, голодные?*
Встретили жалостным лаем.
Присел,
Чтобы увидеть их
он наклонился
И всю семейку собак рассмотрел.

Все они жались на крохотном коврике,
Кто-то за ними следил
и, наверно, кормил.
Миска стояла рядом
с каким-то кормом.

..Только назойливый дождик
все моросил.

— *Жаль, но ничем вам помочь не сумею.*
Нет ни сухарика в сумке моей.
Взять всех с собой
пока не получится,
Но загляну я сюда
очень скоро, ей-ей.

Гладил и грел их, спасая от сырости,
Сердце сжималось от жалости к ним.
Было четыре простых дворняжки,
С ними их мать, хранитель семьи.

В этот момент ему показалось
Что они чуда какого то ждут.
С сердцем тяжелым покинул Сергеич
Этот убогий собачий приют.

* * *

Вечером подошел к остановке,
Где весной его «скорая» подобрала.
А сейчас пассажиры
ждали автобусов.
Холодно было и сыро,
и все возмущались.
Так и не в силах дожидаться,
брели восвояси.
И сгоряча проклинали
общественный транспорт.

Он терпеливо опрашивал всех —
и детей, и взрослых.
Не попадалась ли им собака,
может, кто видел:
Вся она серая,
но ухо черно, как смоль.
И ни на что не надеясь,
все ж докучал пассажирам,
Но, к сожаленью,
собаки такой
никто не встречал.

Дождь разошелся.
Сергеич решил уходить.
Тут окликнул его
старик невысокого роста:

— *Слышишь, мужик!*
Ты, говоришь, потерял

*Серую суку с черным пятном на ухе?
Помню такую собаку.
Долго ютилась она
Здесь под скамейкой.
Я ее иногда
Хлебом подкармливал
А, порой, чем придется.
Видно она тебя
все время ждала,
Долго ждала.
И днями ждала, и ночами.
Только скулила все время,
плакала будто.
Что ж ты, мужик,
так долго не приходил?
Не дождалась она, бедная.
Умерла.
Может ее отравили,
а может, от горя...*

* * *

*Горечь его охватила и сердце заныло.
От неожиданности
опешил, оторопел.
Лишь одна мысль упорно сверлила:
Жить в одиночестве —
вот его новый удел.
— Где ее тело? —
спросил он, лишь только
Он получил этот страшный удар.
— Похоронил я ее
здесь, недалеко...
Я постараюсь
тебя отвести туда...*

* * *

*Листья шуршали у них под ногами.
Дождик хлестал по одежде, по волосам
Хмурый Сергеич и новый его знакомый
Долго брели и зашли в заброшенный сад.
Вот и могилка собаки —
еле заметный холмик.
Струи косые мешались с грязью
и неспеша
В лужу сливались.
Дождь проникал под куртку.
И от дождя промокала
замученная душа.*

* * *

В сквер зашел он в тот же вечер.
Сумерки на землю опустились.
Дождь прошел и было сыро и прохладно.

Подошел к знакомому киоску,
наклонился.
И увидел там одну собаку,
Без щенков.
Но где же вся семейка?
Он искал щенков везде,
и каждый метр
Около киосков
тщательно обшарил.

* * *

От своих мытарств
он окончательно устал.
И при выходе из сквера,
прямо под скамейкой
Серого щеночка рассмотрел
и в нем узнал
Одного из той заброшенной семейки.

Он почти не шевелился,
с голода ослаб.
Положил Сергеич на ладони это чудо.
Этого щеночка, видно, Бог ему послал.
Здесь оставлен для него, как будто.

Он обнял щенка, прижал к своей груди.
Тот открыл глаза, ответил грустным взглядом.
*Не страшны теперь тебе
ни ветры, ни дожди,
Ведь отныне
я с тобою буду рядом.*

* * *

Листья падают лавиной,
как из рваных туч.
А деревья оголяются,
разбросав одежды.
В жизни пусто и темно,
не сбываются надежды,
И лишь редко
освещает землю солнца луч.

А сегодня этот луч
темноту в душе пробил.

И тепло пришло,
душа раскрепостилась.
Наконец она
с одиночеством простилась.
Может завершились
все превратности судьбы?

Шел домой Сергеич
и сокровище свое
Осторожно нес,
к сердцу прижимая.
— Будет жизнь теперь
новая, иная.
Вот и все. Отныне
мы с тобой вдвоем.

...И, ожившая как будто,
перед ним предстала
Черноухо.
Будто где-то рядышком бежит.
Он подумал:
— Чтобы там ни стало,
Я тебя не позабуду, пока жив.

...Как она его встречала
звонким лаем,
Когда дверь открыв,
домой он заходил!
И, на лапы задние вставая,
Мордой ластилась к его груди.
Как она старалась быть с ним рядом
В те моменты, когда жить было невмочь!
Согревала его грустным зглядом,
Будто знала, как ему помочь.

— А теперь щенок — моя надежда.
Малец крохотный
судьбу мою вершит.
Нет тебя со мной.
Наверно, где-то
Тень витает
твоей любящей души.

* * *

Сутулая фигура вошла в людской поток,
В движеньи хаотичном растворилась.
Спустились тучи.
Темнота на город опустилась.
И снова дождь, как осени итог.

Валерий Демидов
(г. Тула)

КОБА
(Иосиф Виссарионович Сталин)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

«Да, был культ... Но была и Личность!»
Михаил Шолохов

I

Великий правитель?
Великий тиран?
Чего в его имени больше?
Он Ленина знал,
Был среди каторжан,
Спасал довоенную Польшу.

Ему предъявили
Особенный счет —
За гибель людей от репрессий,
За то, что доньше
В России живет
Дух культа и всяких агрессий.

На нем, говорят,
Не смывается кровь,
Озера из слез не иссохли,
Но Сталина люди
Цитируют вновь
И флаги несут в красной охре.

А скоро исполнится
Семьдесят лет,
Как смерть его тайно настигла,
За номером «2»
Цел партийный билет
И слава с годами не стихла...

Родился он в Гори
В грузинской семье,
Здесь рос молодой Джугашвили,
В духовном училище
Несколько лет
Его православью учили.

Но свет революций
Уже засиял,
И вот Джугашвили стал Сталин,
На ссылки и тюрьмы
Покой променял
И был его путь нелегален.

Не раз из неволи
Он дерзко бежал,
И знали друзья, что их Коба
Мог пламенным словом,
Как острым кинжалом,
Разить, и быть верным до гроба.

Он, мамин Сосо,
Романтический Коба,
Примером которому был Робин Гуд,
Был тверд в убеждении,
Что филантропы
На нашей Земле непременно живут.

И жизнь его стала
Нелегкой юдолью,
Без тени заботы и дум о себе,
Без поисков лучшей,
Безоблачной доли,
Которую вряд ли находят в борьбе...

II

Сегодня мы там,
Где спокойно и сытно,
Где множество благ нас сковало в цепях,
И с внутренним страхом
Глотаем обиды,
У власти бываем подчас в холуях.

Мы волю с неволей
Сплетаем, как кружево,
Готовы отринуть и Бога, и честь,
И больше всего
Драгоценен и нужен нам
Мещанский покой и приятная лесть.

И трудностей тех,
Что отцам выпадали,
Сынам не пришлось в своей жизни пройти,
И мы ведь не знаем,
Как с именем «Сталин»
В бой поднимались, не смея ползти.

Прошлое часто
Мы в ложь одеваем,
Грим свой наносим на сотни имен
Или же просто
В набитом трамвае
Камень бросаем в события времен.

Вот уже в нас
Разгораются страсти,
Мнением каждый своим дорожит:
Сталина время —
Кому-то за праздник,
А для кого-то — исчадие лжи.

Что человек?
Смесь грехов и ошибок,
Он не судья никому на Земле.
Часто за шторами
Милых улыбок
Кроется то, что родилось во зле.

И тысячи разных
Суждений и мнений,
Гамма эмоций, несдержанность чувств —
Вот где рождается
Враг или Гений,
Строятся башни из лжи и причуд.

Пусть именем Сталина
Кто-то гордится,
Пусть кто-то тираном зловещим зовет,
Пушкой упиваются
Самостью лица
И почитают себя за народ,

А я опасуюсь
Подобных эмоций,
И знаю, что путь из ошибок и слез
Из сада Едемского
Тянется, вьется,
И очи не зрят, что шипы есть у роз...

III

Сталину время
Досталось нелегкое —

Нет, не нелегкое — адское время,
Руки его
Обвязали веревками,
Ноги цепями опутало бремя.

Часто курил
Всем известную трубку
С «Герцеговиною Флор»,
И потирал
Свою левую руку,
Важный ведя не спеша разговор.

Ночи не спал —
В тишине было легче
Мысленно видеть родную страну
И принимать
На уставшие плечи
Эту тяжелую ношу — войну.

Он понимал,
Что в ответе за горе,
За многочисленность акций и жертв,
Даже за город
По имени Гори,
Где много лет не бывал он уже.

А когда Якова,
Сына, убили,
Он в одиночестве плакал и пел
Песни Вертинского,
Те, что любили,—
Все на грузинском родном языке...

Кто воевал —
Сталинистами стали,
С ним возрождали из пепла страну,
Знали, что если
Живет рядом Сталин,
То они с ним даже горы свернут.

Так и случилось:
Страна возродилась,
Дружно тогда жил великий народ,
Не было тех,
Кто трудился вполсилы,
Знал только дом свой и огород.

Видели люди,
Как вождь отдыхает,
Трудится как, экономно живет,—
Так и народ его

В ногу шагает
И с неба манны бесплатной не ждет.

Черчилль писал,
Что в великом кумире —
Счастье великой огромной страны,
Нет никого
Равноценного в мире
С силою мыслей такой глубины.

Принял Россию
С сохой и кнутом он,
А вот оставил ее на века
С атомной бомбой,
Всецело готовой
Сталинский выполнить план и приказ.

Даже де Голь
Во французской манере
Сдержанно как-то однажды сказал,
Что Сталин может
С любым сладить зверем,
И на войне это он доказал.

Больше побед,
Чем любых поражений,
Сталин добился за множество лет,
И никаких
Быть не может сомнений,
Что будет жить его авторитет.

Впрочем, и сам вождь
Признал перед смертью,
Что на могилу его нанесут
Мусора много,
Но ветер, поверьте,
Нашей истории *свой* знает суд...

IV

Смерть была трудной.
Страна онемела.
С Лениным вместе он лег в Мавзолей,
Но сила тьмы
Изменить все хотела
И обвинила вождя в его зле.

Странно звучали
В хрущевском докладе
Фразы о Сталине в черных тонах,
Будто и не было

В сталинском взгляде
Мук, что оставила в сердце война.

Будто не он
Все осмыслил сраженья,
Будто не он повернул врага вспять
И поборол
Беды все и сомненья,
Чтобы державе великою стать.

Ночью и тайно
Из стен Мавзолея
Вынесли тело вождя вопреки
Гласу народа,
И цепенели
Партии верные «большевики».

Гроб был простой,
Из деревьев устроен,
Без инкрустаций и ценных камней.
Сняли погоны,
Награды Героя
И закопали в земле поскорей.

Тут же устроили
Стол поминальный,
Кто-то рыдал, кто-то быстро ушел
И весь процесс этот
Злой и печальный
Ленточек красных украшивал шелк...

V

Долгое время
О нем не писали,
Вымарать имя старались из книг,
Но были живы,
Кто с ним воевали,
И слово правды сказали они...

Время течет
Безвозвратно и быстро,
Мы не устанем о нем горевать,—
Верится многим,
Что пламя из искры
Будет в народных сердцах оживать.

Есть ведь и китель,
И строгость шинели,
Трубки, блокноты, любимый табак —
То, что отнять

У вождя не сумели,
То, что не ценится ныне никак.

Ныне в цене
Иномарки и яхты,
Чудо-дворцы, крупный банковский счет,
А для шахтеров —
Забои и вахты,
Утром роса — тем, кто рано встает...

Разве мы лучше
Без Сталина стали?
Разве мы сделали то, что хотели?
Разве свершилось,
О чем мы мечтали,
И стало меньше чинушей с портфелем?..

Жизнь не бывает
Все время спокойной,
Дни не похожи один на другой,
Также и люди —
Бывают достойны
Славы иль просто движенья ногой.

Бог разберет,
Кто был прав, кто ошибся,
Время расставит года по местам.
Мы не хозяева
Собственной жизни —
Наши молитвы есть наша мечта...

VI

Он не был военным,
Но светлым умом
Умел понимать ход военных сражений
И так говорить
О стратегии мог,
Что виден был выход из всех положений.

Когда убеждал,
То был краток приказ,
Зато его мысли глубокими были
И даже прищур
Выразительных глаз
Был словно бы знаком о внутренней силе.

Когда входил Сталин,
Все дружно вставали,
А он их спешил посадить на места
И доброй улыбкой

Глаза его звали
В тот мир, где реальностью станет мечта...

А в зале стояла
Всегда тишина
И взгляды к нему устремлялись,
Как в день тот, когда
Завершилась война,
В которой орудья так долго стреляли...

С людьми он был прост,
Ничего показного,
И даже одеждою равен был с ними,
И видеть его
Так хотелось им снова,
Чтоб вновь насладиться чертами родными.

Он был из народа
И жил для народа,
Познав труд и бедность, неволю и зло,
И в этом была
Его точка отсчета
Всех дел и забот, всех учений и слов.

Да, Сталин велик.
Он труда не боялся,
Во всем был порядочен, честен и скромн,
Частенько шутил,
Добродушно смеялся
И мир его был недоступно огромен.

Он трижды спасал
Дорогую державу —
В гражданской войне, где Деникин грозил,
В борьбе с оголтелой
Фашистской оравой,
А после с диктатом проатомных сил.

Ведь с ним завершилась
Эпоха рыданий,
В которую смог он так смело войти,
В которой познал
Тяжесть бед и страданий,
Смог новые силы в беде обрести.

В победах ему
Почивать бы на лаврах
И почести видеть, пока еще жив,
Но Сталин далек был
От лести и славы
И видел другие уже рубежи.

При нем возводили
Дома и заводы,
Бесплатно учились и в клиники шли,
Никто не боялся
Тяжелой работы
И с юности дружбу и честь берегли.

Все были спортсмены,
Звучали гитары,
Под звуки гармонии плясали в селе,
И знали, что скоро
Давать будут даром
Душистый и вкусный под корочкой хлеб...

VII

Послушайте, мы ведь
Себя обманули,
На веру приняв всю о Сталине ложь!
Вставали отцы наши
Грудью под пули,
И имя его уже не зачеркнешь.

Пусть сложная личность,
Пусть черное с белым,
Но он ведь за правое дело восстал
Не ради себя
И друзей скороспелых,
А ради Отчизны, где Сталиным стал.

Представьте, что он
Проявил бы вдруг слабость,
Бежал из Москвы на далекий Урал,—
Кто мог бы спасти
И Россию, и Запад,
Кому б многократно кричали: «Ура!»?

Представьте, что он
В те жестокие годы,
Как ныне, глаза закрывал бы на все
И свел бы на «нет»
Все богатства природы,
Забыл о трагическом облике сел.

Представьте, что он
Воровал бы, как ныне,
За ширмой своей подлецов укрывал,—
Неужто б мы видели
В этом мужчине
Того, кто не бросит на ветер слова?

Давайте же видеть,
Где ложь, а где правда,
И думать почаще своей головой,
И видеть в *делах*,
А не в позе отраду,
Россию любить, а не бредить Москвой.

Нам Сталин оставил
И скверы, и парки,
Любительский спорт и культуру во всем,
Он знал, что решают
Проблемы все — кадры
И власть отвечает, *что* в кадры несем.

Он, Сталин, любил
Слушать звук патефона,
Не знал, что придет в города Интернет,
Что общество станет
Тюрьмою и зоной,
Что нет уже правды и совести нет...

VIII

Он умер, как Цезарь,
Не зная предавших,
Взошел, как Иисус, на страдальческий крест,
Забыт на полу
Среди смерть ожидавших
«Соратников», ждущих печальный оркестр.

Быть может, подсыпали
Яду в посуду?
Не знает история правды о нем,
И мифы рождались
Под крупные ссуды,
И выжгли враги все бесстрастным огнем.

Но Сталин вернется.
Уже он вернулся.
Он в тех, кто порядочен, честен и смел,
Кто в душных домах
Без любви задохнулся
И образы Зверя увидеть сумел...

Отец мой из тех,
Кто войну повидали.
Я видел, как он тяжело умирал,
А рядом висел
На стене *ego* Сталин —
Товарищ, которого он не предал.

Евгений Чугунов
(г. Луганск, ЛНР)

Чугунов Е. В. родился 6 января 1948 г. в г. Юрюзань, Челябинская область. Учился и работал в г. Туле, преподавал в Тульском политехническом институте. В 1987 г. женился и переехал в г. Луганск, где жил в дальнейшем и был похоронен в сентябре 2019 г. Увлекался историей, философией, искусством и музыкой, но больше всего литературой. Всегда с любовью говорил о Туле и упоминал город в своих стихах.

* * *

Век новый пробует смотреть
поверх голов
туда где сонный
кремлевский сад
где сталь
где медь
тут оружейный
там патронный
завод
царь Петр
не статью тронной
является
непокоренный
град тульский славит
ныне
впредь.

* * *

В Щегловской засеке бродил
шаг в шаг
отмеривая точно
путь
кой снова выводил
туда
где утвердился прочно
лес темный на краю полян
к Пятнадцатой я вроде вышел
тут осень

лето
тут изъян
ущербность неба кое выше.

* * *

Речь чью-то путал
по местам
все больше тульским и толстовским
ходил
благоволил мостам
и тропам
может Маяковским
был опьянен
был не судим
я майским топодем
акаций
грех ныне неисповедим
я чтил придел что нелюдим
Козловой засеки и станции.

* * *

Почтив всех петербуржцев
я рижан
не узнаю
обжегшись на толстовстве
как будто бы по лезвию ножа
хожу
в гордыне
в благородстве
перекипев
пишу о том что твердь
монастыря Щегловского восстала
над пустотой
над парком
тлен и смерть
смешавшись с языком моим попраля.

* * *

Яснополянским будням не вместить
мир
кой только мыслим
во вселенной
свет разума
стыда
ему светить
над пустотой бескрайней и смиренной
есть каждый в каждом
бранный человек

не одолеет времени
в остатке
век XIX-й
XX-й век
заказов
просек и засек
смешенье
дневники
тетрадки
сам по себе
лишь тот кто не ходил
проторенным путем
кто отказался
от дел мирских
безумствовал
судил
на свой аршин
что вехой оказался.

* * *

За ремесло воздаст мне град
за слово город слух утешит
вернет пространной речи лад
гудки фабричные
и скрежет
трамваев красных будет свят
благословив завод петровский
всем кто читают
говорят
булатом издревле грозят
нашествию
рубеж хранят
московский.

* * *

Все та же местность
площадь
дом
думский
от стены кремлевской
взглядов сторону чтобы потом
Чулковским
каяться мостом
покуда монастырь Щегловский
взирает в небо
белый шелк
архитектурной драпировкой
восстанет над тщетою
вершок

пядь кажет белую
снежок
парк что чернит
злит гравировкой.

* * *

Поддержи нас Господи
поддержи детей наших сирых
дай им воли
духовной твердыни
дай им милости
дай им мира
не давай нам богатства
славы
отврати от гордыни и спеси
тут где небо и горькие травы
там где высится пятиглавый
монастырь
где щегловские веси.

* * *

Я прочь ушел из города где тьма
и свет соперничали в межсезонье
где лето северное
где зима
как будто спотыкается спросонья
где больше серый цвет
где монастырь
парит
над зеленью глухополянской
был сам я царь себе и поводырь
словесностью пересолив славянской.

Олег Мошников
(г. Петрозаводск, Карелия)

В ГОРКУ МЛЕЧНОГО ПУТИ...

Олег Эдуардович Мошников родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Работает в одной из организаций ГО и ЧС Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

НАКАЗ О БЛАГОЧИНИИ

Бумага до готовности лежала —
От росчерка чернильного влажна:
«Беречь людей и нивы от пожаров...»
Во смутные лихие времена —

Чинился бунт, грозящий Алексею
Пожогами раскольничьих скитов:
«Спасти от разорения Россею» —
Наказ о благочинии готов.

Пошел Наказ по весям деревянным —
Обозом от Московской каланчи:
То Смуга на Руси, то басурманы —
Все угли от пожарищ горячи...

Гудел набат: пожарная охрана
На огненных стояла рубежах —
Царь Алексей Михайлович Романов
Тяжелую державу удержал.

Путь огнеборцу издавна указан —
Хранить и впредь предания веков,
Урочность благочинного Наказа...
Сухих тебе, служивый, рукавов.

* * *

И вновь февраль, чернильница —
Речная полынья...
Из сумерек не выльется
Непроливашка дня.
Ни отсвета, ни месяца —
Пролетами моста...
И лишь круги мерещатся,
Где канула звезда.

* * *

Ну, здравствуй, дуб, железная кора!
Литые швы, зазубрины и вехи —
Хранят Петрозаводского двора
Источенные временем доспехи.

Порывами — вздыхает великан,
Кольчужный лист вздымается знакомо:
Привычный к среднерусским берегам —
Ты встал на страже северного дома.

Раскидистый... Склонился надо мной.
Горит щека. Покоен шорох сердца.
Шершавый ствол, играющий волной,
Из тайных пор — выпрастывает детство.

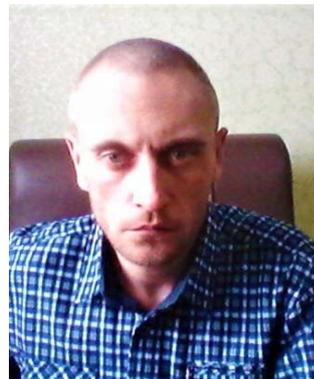
ДУША

По дороге, хлябь и травы
Долгой палкой вороша,
Ради благ и брэнной славы
Не задержится душа.

Через лес непроходимый,
В горку Млечного пути...
Сколько — неисповедимо —
Божьей страннице идти.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в 1985 году в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии по направлению «Агротомия». Публиковался в изданиях местного и федерального уровней.

ЗЕМЛЯ

Лихорадка изогнутых вен
На морщинистом теле Земли.
Неподвижны изгибы колен,
Острой вечностью в небо влекли.

Воссиял долгожданный рассвет,
Расплавляя небесный металл.
Сколько тысяч далеких планет
Кто-то темной порою искал.

Изменить невозможно Земле
За красоты гранитных колен.
Нет в космической Млечной петле
Лихорадки изогнутых вен.

ТУЧА И ЦВЕТЫ

Железные тучи коржами литыми
Забили на небе зовущую даль,
Они любовались цветами степными —
Повисли на месте, глотая печаль.

Печаль невозврата в далекое детство,
Когда белым паром росли в небесах,
Сейчас бы отдать сбереженные средства,
Но их, увы, нет на промокших весах.

Цветы любовались железной машиной,
Что сверху чернела огромным пятном,

В глазах лепестков была балериной,
Прекрасно танцующей над озерцом.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Утром росистым пошли на охоту —
уточек жирных стрелять, на болото,
рядом с селом километров за пять,
нужно собаку охотникам взять!

Вольная птица вполне осторожна,
голой рукой изловить невозможно.
Нос у собаки чуткий на дичь,
людям эффекта, отнюдь, не достичь.

Хитро прищурившись друг говорит:
«Пес мой на деле отпетый бандит,
ловкий, охотничий, быстрый, как зверь,
рыжая бестия — злой спаниель!»

Двинулись в путь: собака, ружье,
байка приятеля, как без нее.
Вот и болото, поющий камыш,
заводь оставил шумящий Иртыш.

Ждали недолго, селезень прет,
женится видно — нагло орет.
Вскинул ружье, три секунды, душет,
ай да охотник, выбрал момент!

Селезень в воду. «Рыжик, плыви!»
Рыжика уши мелькали вдали —
пыль из-под лап, словно мчался тягач,
Рыжик пустился безудержно вскачь.

Прочь побежал испуганный пес,
знать до охоты еще не дорос!

РУССКОЕ ПОЛЕ

Русское поле бесценное наше —
В крепких руках драгоценная чаша
Сильной России, кормящая мать,
Некому больше ее приласкать.

Отвесив поклон плодородной земле,
Сохою крестьянин пахал налегке,
С верой надеялся всходу ростков —
Бьются, родные, сквозь черный покров!

Просьба к заступнице Матери Божьей —
«Дай мне седмицу, одну, по погожей!»
Страхом поверженный в засуху летнюю,
Молвил отчаянно просьбу последнюю.

Нивы безбрежной — колос поющий,
Голос услышан во тьме вопиющий!
Вот косовица пришла долгожданная,
Радость великая — поле отрадное.

Косит до пота полоской стальной,
Острое лезвие стебель ржаной
Валит в полоску, на жниву, зерно,
Бедный трудяга, скорей на гумно —

Тяжесть снопов урожайных свезти...
Сколько потов, Боже, прости,
Ливнем сбегало по телу севца?
Поле пахалось и дедом отца...

Русское поле бесценное наше —
В крепких руках драгоценная чаша!

Марина Щенятская
(г. Белгород)

МЕЛОДИЯ ГРУСТИ

Марина Александровна Щенятская родилась в 1984 году в г. Белгороде. Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском государственном технологическом университете имени В. Г. Шухова. Автор книги стихотворений «В сети волшебных лабиринтов». Лауреат Международного поэтического конкурса «Что превращает слезы в благодать...» (2018 г.). Призер Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы», номинация — поэзия (2019 г.). Стихи публиковались в литературных журналах «Симбирскъ», «Рассвет».

ПОЕЗД

Туман. Протяжные гудки.
И поезд мчится.
И чьи-то в небо от тоски
Вспорхнут ресницы.
К кому-то же состав летит,
Влеком судьбою:
Два одиночества спасти
Одной любовью.

* * *

Как далеко мы друг от друга,
Но мысль с тобой неразделима.
И тишь разлучного недуга
Твои объятья дарит мимо.
Потоки снов и ожиданий
Рисуют яркую реальность,
Где мы с тобою лучезарны,
И жизнь моя — твоей зеркальность
В лиричных звуков содроганье,
Где несущественного мало...
Душа моя — твоей дыханье,
Твоя любовь — мое начало...

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
Их отраженье в речке утомленной.

О чем молчат, о чем грустят они? —
О том ли, что таят глаза влюбленных?..

О том ли, что с небесной высоты
Легко разбиться, главное разрушив,
И голос сердца дивной чистоты
В слепой гордыне так и не дослушав?..—

Забыв про все стремленья и мечты,
Порвать любви святой златые струны
И раствориться в призраках толпы,
Наполнив душу холодом безумным...

* * *

Мне с тобой всегда туманно,
Океанно и безбрежно,
Парусно и несказанно,
И закатно-безнадежно.
Мне с тобой чуть-чуть тревожно,
Корабельно и дурманно,
Непривычно, сладко, странно,
Горячо и невозможно...

* * *

Морские мысли мне душу греют.
И часто вижу в счастливых снах,
Как расцветает рассвет, алея,
И золотится песок в волнах.

Как я брожу по высоким взгорьям,
Дышу свободой и криком птиц
И, взгляд купая в блаженстве моря,
Не постигаю его границ.

К стихии бурной взывает имя
Мое морское! Оно влечет
В то совершенство прибрежных линий,
Где сердце рвется к прохладе вод.

И я с разбега влетаю смело
В лазурь бодрящих морских глубин,
В алмазных каплях сияет тело,
И радость вьется, как серпантин!

Иду по улочкам, вдаль манящим,
Пью солнце южных и звонких дней.
Ах, как сладко здесь жить настоящим,
Мир обретая в любви твоей!

.....

И в час, когда меня накрывает
Бесцветье будничных пелерин,
О счастье моря напоминает
На пальце ясный аквамарин...

Игорь Лукин
(г. Орел)

Родился в 1988-м году в городе Бровары (Киевская область, УССР). В возрасте пяти лет переехал с родителями в город Орел. В 2005-м году окончил школу и поступил в Орловский государственный университет на филологический факультет. По окончании университета учился в аспирантуре. Автор ряда работ по творчеству Андрея Платонова. Имеет художественные публикации в журналах «Российский колокол», «Литературная учеба», «Приокские зори». Живет в Орле, работает учителем русского языка и литературы.

21 НОЯБРЯ

Обещаю — зимой станет легче,
Скорбь покроется коркой льда.
И зажгутся святые свечи,
Снегопады — вместо дождя.

Тротуар захрустит под подошвой,
Швы замерзнут, окрепнет ночь.
И тревога утонет в прошлом,
И мороз будет рад помочь.

Будет воздух холодный ясен,
Искушенья уснут и страх.
Окна иней густой украсит,
Снег укроет унылый прах.

Из трубы понесется кверху
Разогретый котлами пар.
И кошмарные сны померкнут,
Ослабеет душевный жар.

Обещаю — зимой станет легче.
Потерпи еще десять дней:
Гнет покинет худые плечи,
Станет солнце зимой теплей.

ТЕЛЕВИЗОР

Поскорее включить телевизор,
Чтобы так одиноко не стало,
Чтоб не слышать, как плачут карнизы,
И ветра разрываются шквалом.

Поскорее добраться до пульта,
Чтоб разбавить вечернюю тьму,
И одежду повесить на стулья,
Гробовую взорвать тишину.

Поскорее услышать программы,
Чтобы шум своей боли заглох,
Чтоб футбол и далекие страны
Проводили в спокойствие снов.

Чтобы чей-то дешевенький юмор
Улыбнуться заставил на миг.
Даже если актер где-то умер,
Станут ниже позывы на крик.

Даже если чужие постели
На экране любовью полны,
Станет легче исход понедельный,
Станут мягче тиски тишины.

Пусть дерутся на ринге боксеры,
И грохочет с экрана война —
Голубым мой разбавится морок,
Не поранит меня тишина.

В новостях пусть гудит Украина,
Президенты становятся в круг.
Я под все это лягу на спину,
Телевизор — мой преданный друг.

Я на кнопку нажму только ночью,
Когда сон мой прервет туалет,
И тревога уляжется прочно
Под мерцавший программами свет.

ГРАЧИ

Я увидел однажды грача,
Что упал прямо в мутное русло:
Его братья и сестры кричат,
Разлетаются по небу шустро.

А он крылья расправил, как весла,
Чтобы выбраться к твердой земле,
И взлететь в свое небо после,
И парить на сухом крыле.

Люди города были в парке,
Веселились, не зная о птице.
Только грач был несчастный и жалкий,
В небо жаждал свое устремиться.

И доплыл он, как утка, к берегу,
Только берег желанный высок.
Он в погибель свою не поверил бы,
Если б ввысь устремился в срок.

Грач пытался подняться из бездны,
Залезал на горячий гранит.
Но попытки не стали полезными —
Грач остался рекою убит.

Был один сердобольный сородич,
Что пытался подать ему в клюв.
Остальные не знали про горечь...
Грач пустил пузыри, утонув.

Сколько было подобных грачей,
Что упали в житейскую Лету
Средь разумных бескрылых людей?
И как страшно подумать об этом!

Людмила Леушина
(г. Астрахань)

РОССИЯ-МАТУШКА!

Леушина Людмила Петровна, 1937 г рождения. Закончила физико-математический факультет Астраханского педагогического института, механико-математический факультет Саратовского госуниверситета и аспирантуру в Москве. Более 50 проработала преподавателем на кафедре математики и методики ее преподавания в Астраханском госуниверситете. Состоялась в жизни и как профессионал, и как женщина.

1

Ты много плакала от горя,
Терпела, мучилась, страдала.
Нелегкая досталась доля,
Но побеждала ты вандалов,
И сохранила гордый лик.
Народ твой — скромн и велик.

Тебе чужие не нужны богатства.
Всегда ценила мир и братство.
И пусть тревожны времена,
Ты в этом мире — не одна.

Россия, свету улыбнись!
Народам мира поклонись
И угости всех хлебом с солью,
Сама скорей расстанься с болью.
Я знаю,— ты добру верна,
Любимая моя страна...

Улыбнись, Россия!

2

Я — русская! И этим я горжусь!
Я не больна антисемитизмом.
Многонациональна наша Русь.
Мне чужд и дух слепого шовинизма.

Ведь в наших венах — смесь кровей:
Монголов, викингов, славян.
Нет чистокровных рас! Борьба идей,
Разгул насилия за это — лишь обман!

О человеке судят по большим делам,
А не по крови его дальних предков.
Потомками гордиться должно нам.
А мы о будущем думаем так редко!

3

Россия — матушка, какая — никакая!
Моя ты родина, моя ты сторона.
Тебя так часто обижают, хая,
Те, кто спешит в заморские края.

Одни бегут за призраком удачи.
Другие жили в злобе много лет.
А кто-то, претворяясь, плачет,
Тебе предсказывая много страшных бед.

Ты не жалея таких,— пусть уезжают!
Что проку от того, кто предаёт тебя?!
Ведь большинство и любят, уважают.
И светлого тебе желают дня.

4

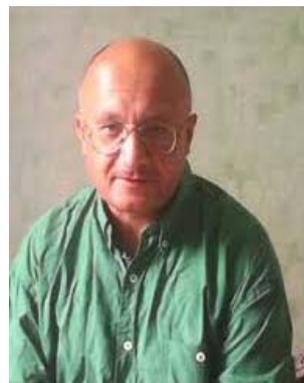
Привычное становится обиденным.
Привычное порой не видим мы.
Так города, где много лет живу,
Не замечала красоту.

В разлуке с ним не тосковала.
А возвратившись, вспоминала
Московских площадей размах, простор,
Старинных улиц свет, что так ласкает взор.

Теперь смотрю я вашими глазами.
В них — преданность родимой старине.
История веков встает пред нами,
А мы пришли оттуда, не извне.

Юрий Токарь
(г. Днепропетровск, Украина)

ЭХО НАДЕЖДЫ

Родился 5 января 1967 г. в г. Днепропетровск. В 1988 г. году окончил Днепропетровский государственный университет и начал преподавать математику и физику в сельской школе, расположенной в районе, пострадавшем от аварии на Чернобыльской АЭС. С 1996 по 2003 г. работал директором школы в военном городке (Житомирская обл.). Теперь учитель математики, физики, информатики. Стихи, рассказы, очерки более пятнадцати лет публикуются в центральных украинских изданиях, в России и Беларуси. В декабре 2016 г. в виде электронной книги в Российском издательстве вышел его роман «Учитель», вышел роман «Воля Божья?» о гражданской войне на Украине.

Ты узнаешь любовь, ты узнаешь ее по дыханью,
И по блеску в глазах, что растеряны будут сперва,
Это позже уже постигать станешь светлые тайны,
И ту боль, без которой не наполнятся силой слова.

В тишину превратится шумящий бессмысленно город,
Потому что один только голос сумеет звучать.
Во вселенной во всей для тебя он бесценен и дорог,
Только как же его нелегко в суете отыскать.

О, испить этот мед, что бывает и с привкусом яда,
Это значит коснуться рукою невидимых нот,
Что зависли бедой или счастьем меж раем и адом,
И которые мало кто, даже услышав, поймет.

Только не попадись на фальшивость, прикрытую правдой,
На желания грязь, не рожденного силой любви.
Научиться нельзя, это просто почувствовать надо,
Если ты растеряешься, в помощь лишь Бога зови!

* * *

А давай мы сбежим на другую планету с тобою,
На которой и небо светлей, и закончился дождь,
Где туманы добром, одеялом нас будто укроют,
Только жалко, планету такую меж звезд не найдешь.

Это значит опять, просыпаясь, бежать на маршрутку,
Но, ныряя в метро, оставаться на нужных тонах.
В суету окунаясь от ночи сбежавшего утра,
Не забыть бы надежду, что кротко являлась во снах.

Полонезы слышны даже в этом разорванном мире,
Значит души еще не замерзли в холодные дни.
Пусть не очень тепло было в полночь сегодня в квартире,
Все же мы понимаем, что властны не беды одни.

Понимаем, что здесь нам настроить сердца не мешало б,
Чтоб они в унисон зазвучали мелодией снов,
Хоть надежды для счастья, наверное, все-таки мало,
Но так хочется верить, что есть чистота и любовь.

* * *

Приснилось, что ты в светлом зале огромном,
Где мраморный пол и на стенах цветы,
Дворцовые залы не очень то скромны,
И к ним через лес так не просто дойти.

А в платье для бала ты неотразима,
Но музыки не было слышно во сне,
А слуги и гости прошли, может, мимо,
Одна ты по мрамору шла в тишине.

И нежностью мир, как бокал, наполняя,
Ты щедро хотела ее разделить,
Могла б состязаться с тобою другая,
Но некого в зале пустом победить.

И так захотелось явиться внезапно,
Раздвинув дворцовые стены во сне,
Бояться сияния, знаю, не надо,
И может быть ты подошла бы ко мне.

Но снова будильник позвал к электричке,
Однако я сон забираю с собой,
Конечно, в дороге мне с ним непривычно,
Но, кажется, я хоть немного с тобой!

* * *

Тропинки мудрее дорожек бетонных,
Естественней, точно, чем сеть автострад.
Их ноги рисуют от дома до дома,
В котором тебе будет кто-нибудь рад.
Они, безусловно, минуют овраги,
Без стрелочек разных ведут не спеша.
Их тайны никто не доверит бумаге,
Те тайны, которые знает душа.
Что толку в залитых асфальтом дорогах,
Где шум суетливый, чем эхо сильней.
Не будут тропинки означены строго
На картах, придуманных волей людей.
Ты можешь сама выбирать повороты,
Не стоит пытаться всю жизнь расчертить.
Конечно, всегда будут влечь нас заботы,
А может еще и попытка любить.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Москва)

**«НАДО ВЕРОВАТЬ В БОГА...»:
СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА**
(к 160-летию писателя)

Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России.

В январе 2020 года отмечается 160 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860—1904) — замечательного русского классика, в личности которого добропорядочность, мягкость и деликатность сочетались с мужеством и силой воли.

«Возмужалость» и «чувство личной свободы» писатель воспитывал в себе с ранней юности. Собственное нелегкое начало на заре жизни, когда гимназисту Антоше Чехову приходилось за гроши давать уроки купеческим детям, чтобы содержать не только себя, но и помогать родительской семье, обрисовал он впоследствии в письме к издателю А. С. Суворину 7 января 1889 года: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества,— напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Знаменательно, что ставшая знаменитой чеховская установка — выдавливать «из себя по каплям раба» — была сформулирована в Святочные дни, и звучит она в полном соответствии с евангельской заповедью свободы во Христе, освобождения человека от рабства, греха и от ига страха смерти. В послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, «дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2: 15); «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа» (Гал. 4: 7). Таким образом, событиями Рождества и Воскресения Христова утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом ни других людей, ни собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание.

Чеховское художественное творчество занимает особое место среди многообразия русской святочной словесности. Писатель много и увлеченно работал в святочном жанре и, следуя своему принципу «краткость — сестра таланта», нередко создавал настолько лаконичные произведения, что некоторые читатели и литературные критики упрекали его за крохотный объем рассказов — «меньше воробьиного носа». Это даже не рассказы в привычном жанровом отношении, а «вещицы», зарисовки, миниатюры.

Однако в сжатую до пределов форму художнику слова удавалось вместить чрезвычайно емкое содержание — глубокое исследование человеческой природы, русской жизни и социальных отношений. «Умею коротко говорить о длинных вещах», — так сам Чехов афористически характеризовал эту особенность своего писательского дарования.

С проницательностью опытного редактора Н. А. Лейкин, сознавая, что своим успехом у читателей его журнал «Осколки» во многом обязан Антоше Чехонте, сразу же оценил талант молодого автора. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал редактор «Осколков» двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье».

Также охотно публиковал чеховские рассказы журнал «Зритель». Его святочные выпуски за 1883 год почти целиком заполнены «вещицами» Чехова. Среди них — забавная зарисовка из мещанского быта **«Мошенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком *«новогодняя побрехушка»*; новогодний *«психологический этюд»* «Пережитое»; *«подновогодние картинки»* **«Гадальщики и гадалищицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный *«фантастический рассказ»* **«Кривое зеркало»**; *«юмореска»* **«Ряженные»** («Зритель», 1883, № 2).

Уже одни только подзаголовки этих святочных «вещиц» демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю типичный святочный рассказ, выстроенный по устоявшимся канонам, в котором обычно все известно заранее. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре — в ряду немногих счастливых исключений. В основном так называемая массовая святочная литература повторяла из года в год один и тот же набор заезженных, давно отработанных мотивов и образов.

Но вот необычный поворот темы встречи Нового года и неизменно связываемых с ним надежд. В стихотворении **«Встреча»** за подписью В. Шуф показано свидание необыкновенных возлюбленных — Нового года и Надежды. Однако любимый здесь — это изменник, неверный обманщик-соблазнитель:

<...> Сердцу верится, как прежде...

Но, как Старый, в свой черед

Новый год солжет Надежде,

И обманет, и уйдет.

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...» («Осколки», 1884, № 1).

В юмористической прессе и Старый, и Новый год, обманувшие возлагаемые на них надежды, выступают обвиняемыми, подсудимыми. В том же ключе, используя форму и стилистику юридических документов, молодой Чехов составил **«Завещание старого, 1883 года»** и **«Контракт 1884 года с Человечеством»**:

«Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

- 1). Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.
- 2). Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.
- 3). Обязуюсь возлагать на него великие надежды.
- 4). Я, Новый 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>
 Нотариус: Человек без селезенки. М.П.»*.

Особенно ощутима в святочном творчестве Чехова поэтика театра марионеток, кукольной комедии, стилистика райка, вертепа, святочных игрищ. Художественный мир чеховских рассказов — при всей его кажущейся обыденности — ироничный и парадоксальный, полный «сюрпризов и внезапностей», непредвиденных метаморфоз, маскированных «ряженных» персонажей...

Чеховские новогодние «вещицы» населяет целая толпа «ряженных». Этот традиционный для русской святочной словесности образ выносится в заглавие, объединяя серии сенок и зарисовок, которые заполнили январский номер журнала «Зритель» за 1883 год. А в 1886 году в новогоднем номере «Петербургской газеты» под пером Чехова появляется новый сюжетный ряд под тем же названием — «**Ряженные**».

Писатель переосмысливает зимний праздничный обычай ряжения — костюмированного веселого розыгрыша. В чеховских миниатюрах новогодний маскарад открывается своим внутренним планом — неприглядным, уродливым, гротескным.

Так, герой одной из сенок — адвокат — страстно защищает в суде невинную женщину: «Глаза адвоката горят, щеки его пылают, в голосе слышны слезы. Он страдает за подсудимую, и если ее обвинят, он умрет с горя!..» (С2, 8). «Он поэт», — шепчут зрители. Но экзальтированные чувства, возвышенный пыл его речи имеют вовсе не поэтическую, а самую тривиальную корыстную подоплеку: «Дай мне истец сотней больше, я упек бы ее! — думает он.— В роли обвинителя я был бы эффективней!» (С2, 8). **Недаром говорят в русском народе о продажных юристах — горезащитниках: «Аблакат (адвокат) — нанятая совесть».**

В другом сюжете «пьяное умиление» деревенского мужичонки, который все время приплясывает и «визжит на гармонике», — тоже маска. «Ему весело живется, не правда ли? Нет, он ряженный. «Жрать хочется», — думает он» (С2, 8).

Писатель убеждает не верить бутафорской внешности, позе и в доказательство снимает маски со своих персонажей, открывая их сокровенные мысли. В этой серии рассказов не только автор делает выводы, но и его герои, устраняя самообман, выносят себе приговор: «Я ряженный. Наедет ревизор, и все узнают, что я только ряженный!..» (С2, 8); «Я ряженная, — думает нарядно одетая барыня. — <...> Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это...» (С2, 7).

Не правда ли, не раз в жизни мы встречали подкупленных адвокатов с подобной юридической шайкой, чиновников-расхитителей казны, воров-коррупционеров, продажных содержанок и прочих ряженных персонажей, прикрытых благопристойной личиной, хотя на каждом из них словно висит ярлык с ценой...

Есть в чеховском цикле и настоящие ряженные — зарисовка любимого народного развлечения на зимних праздниках. Однако под пером писателя это отнюдь не сезонно-бытовой эпизод. На «маленького солдатика в старой шинелишке» набрасывается унтер: «Ты отчего же мне чести не отдаешь? <...> А? Почему? Постой! Который ты это? Зачем?»

— Миленький, да ведь мы ряженные! — говорит бабьим голосом солдатик, и толпа вместе с унтером закатывается звонким смехом...» (С2, 7)

* Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Сочинения. — Т. 2.— С. 306. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страниц арабскими цифрами. Литерами С и П обозначены Сочинения и Письма.

Эта крохотная сценка наполнена актуально-общественным смыслом, отражает «время и нравы». В косноязычных выкриках охранителя власти слышится другой чеховский унтер — Пришибеев — зловещий символ кабального угнетения и подавления личности в деспотическом государстве.

Так, в миниатюрных зарисовках, призванных, на первый взгляд, всего лишь развлечь и позабавить читателя юмористических журналов, Чехов изобличает черты социального зла, несправедливо устроенного общества, искаженной грехом человеческой природы: всеобщую продажность, ложь, позерство, лицемерие. Мы видим даже «храм ряженный» (С2, 8). Здесь «ряжение» — то же, что приспособленчество, «хамелеонство», бесовство.

Чеховская выставка «ряженных» 1886 года очень напоминает «население» **«Невского проспекта»** Н. В. Гоголя: «О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект»*. В сходном стилистическом ключе: «Выходите на улицу и глядите на ряженных» (С4, 276) — Чехов нашел оригинальный поворот темы, показал гротескное ряжение наоборот, шиворот-навыворот: не люди оделись в маскарадные костюмы, а звери вырядились людьми, маскируя свою хищную, животную, бездуховную и безбожную сущность. «Вот солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то, нарядившееся человеком. Это «что-то» толсто, обрюзгло и плешиво <...> Говорит оно чепуху <...> Это — свинья» (С4, 276). В «нарядившемся рецензентом» «по бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленье зубов нетрудно узнать <...> цепного пса» (С4, 277).

В этом перевернутом мире «закройщик модной мастерской» вырядился драматургом. Рядом стоят талант, загримировавшийся забулдыгой, и бездарный позер, «нарядившийся талантом» (С4, 277). Вот пробегает «лисица». Мчится в роскошных санях «чертова перечница» в костюме «дамы-благотворительницы». Из 1013 рублей 43 коп., собранных «для страждущего человечества», бедные получают только 43 копейки, остальное пойдет на расходы по благотворению» (С4, 276).

Чехов не просто раздвигает устоявшиеся жанровые рамки новогоднего рассказа, он иронизирует над самой праздничной традицией, превратившейся в бессмысленный и бездуховный обряд: новогодние поздравления-«приневоливания», выматывающие визиты, гости, неприменный бокал шампанского и т.п.

Погружаясь в суету сует, забывая о Боге, человек превращается в пустую оболочку. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Если душа не наполнена жизнью по Божьим заповедям, ее вмиг заполняют иные существа, через суету ведущие в ад, погибель и тлен. Именно образ ада и его обитателей с высунутыми языками и вытаращенными глазами рисуется у Чехова взамен традиционно умильного зрелища зимних праздников: «На улицах картина ада в золотой раме... Если бы не праздничное выражение на лицах дворников и городских, то можно было бы подумать, что к столице подступает неприятель. Взад и вперед, с треском и шумом снуют парадные сани и кареты... На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры...» (С4, 279). А затем ошалевших визитеров — «новогодних великомучеников», которые падают прямо на улицах «без гласа и воздыхания», городские толпами свозят в полицейский приемный покой, где те постепенно приходят в себя.

На ту же тему **«Старая история... на новый лад»:**

«— Извозчик!

— Куда прикажете?

— <...> Что за черт! До того умаялся с визитами, что даже позабыл, где сам живу!.. Вези меня в адресный стол, там справлюсь...»

* Гоголь Н. В. Петербургские повести. Вечера на хуторе близ Диканьки.— М., 2007.— С. 80.

Хорошо всем нам знакомая предновогодняя суматоха и толкотня в современном обществе потребления достигает своего апогея. **Уже за месяц до наступления Нового года по всем подвластным каналам преднамеренно запускается одурманивающая программа всеобщей «мобилизации» — подготовки к празднику.** Навязчивая реклама день и ночь назойливо призывает запастись подарками и продуктами, шампанским и елками, игрушками и хлопушками, прочими безделушками. Особая доходная статья предновогодней «торговой кабалы» — так называемые «символы года» в виде обезьянок, мышек, хрюшек или других зверюшек. Ополумевшие потребители снуют и носятся между прилавками и витринами буквально, как в рассказе Чехова, «высунув языки и тараща глаза». И вся эта «картина ада в золотой раме» разворачивается в течение Рождественского поста — времени, когда требуется особая духовная сосредоточенность, призванная уводить от мирской суеты и сутолоки.

Неудивительно, что неперенная для святочного жанра хвала Новому году в устах чеховских героев нередко обращается в хулу. В рассказе **«Шампанское»** Чехов пишет: «при встрече Нового года с бокалами в руках кричат ему «ура» в полной уверенности, что ровно через двенадцать месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову» (С4, 282). Героя святочного рассказа **«Ночь на кладбище»** в новогоднюю ночь вместо радостных мыслей и чувств переполняют горестные раздумья: «Радоваться такой чепухе, как Новый год, по моему мнению, нелепо и недостойно человеческого разума. Новый год — такая же дрянь, как и старый, с тою только разницею, что старый год был плох, а новый всегда бывает хуже... По-моему, при встрече Нового года нужно не радоваться, а страдать, плакать, покушаться на самоубийство. Не надо забывать, что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старше жена, больше ребят, меньше денег» (С4, 293).

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, вбирает в себя не только веселую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск. По-гоголевски **«невидимые миру слезы»** проливает борец со всякой пошлостью Чехов в сердце своем, рисуя «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»: «Жизнь — канитель <...> Пустое, бесцветное прозябание... мираж... Дни идут за днями, годы за годами, а ты все такая же скотина, как и был... Пройдут еще годы, а ты останешься все тем же Иваном Ивановичем, выпивающим, закусывающим, спящим... В конце концов закопают тебя, болвана, в могилу, поедят на твой счет поминальных блинов и скажут: хороший был человек, но жалко, подлец, мало денег оставил!..» (С4, 294)

В «тине мелочей», болотной жиже неприглядно-пустого и пошлого прозябания барахтается и вязнет, захлебывается и тонет человек, пока не опомнится и не обратится с молитвой о спасении к Богу: *«Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем стать. <...> Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне»* (Пс. 68: 2—3, 15).

И все же, несмотря на страдание от несовершенства несправедливо устроенной жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение русской зимней сказочности праздника Рождества Христова. **«Поздравляю Вас с Рождеством, — обращался он в письме к Д.В. Григоровичу в 1888 году. — Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <...> самым красивым временем года. Это время когда, кажется, что сам Бог ездит на санях»** (ПЗ, 102).

Эти размышления о красоте Божьего мира гармонируют с сокровенным чеховским убеждением, воплотившимся в известном афоризме, о том, что и «в человеке все должно быть прекрасно».

В. С. Миролубову Чехов писал: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...» (П10, 142).

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НАВЕЯННОЕ ЧТЕНИЕМ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»*

Журналист. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», альманахах и журнала «Истоки», «Муза» (Москва), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Невский альманах», «Приокские зори» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Складчина», «Литературный Омск», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь» (Омск), «День и ночь» (Красноярск). Член Союза российских писателей. Автор 18 книг. Зам редактора альманаха «Тарские ворота». Дипломант конкурса «Лучший рассказ XXI века» Омского отделения СРП и Министерства культуры, шорт-лист международного фестиваля «Центр Европы — 2018», лонг-лист международной литературной премии «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019).

Сам от себя не ожидал, что в последних номерах всероссийского литературного журнала «Приокские зори» меня в первую очередь заинтересуют статьи к юбилеям классиков словесности, выходящие из-под пера главного редактора Алексея Яшина. Сначала предполагал пробежать их по диагонали, но завяз — они явно выходят за рамки разговора — хлесткие, с привязкой к реалиям сегодняшнего дня. Д. Оруэлл, А. К. Толстой, Г. Маркес, М. Горький, Л. Толстой.

Интересно было сопоставить чье-то прочтение с собственным восприятием и попутно почерпнуть что-то дополнительно для себя, хотя бы о приемах когнитивности.

Помню, в книжном магазине нашего райцентра, где я тогда жил, по случаю приобрел последние тома ПСС Горького, не выкупленные подписчиком. Единым духом прочитал всего «Клима Самгина», а потом, бывая в крупных городах, заглядывал в «Букинист» или на черный рынок в поисках недостающих томов. Каждое приобретение воспринимал как праздник. Для того, чтобы скомпоновать все эти 25 коричневых томов, потратил без преувеличения четверть века.

В школе всем до оскомины вдалбливали напыщенные слова о «буревестнике революции», а пролетарский писатель оказался удивительно многогранным, полифоническим. Сильно разбрасывался своим талантом, отчего остались многие вещи незавершенными. Такие знатоки человеческих душ не каждый день встречаются. Поражают даже его периферийные вещи — литературные портреты. Каждый их герой с громким именем словно просвечен рентгеном. Недаром Лев Толстой даже побаивался молодого окаяющего автора, обронив, что у того «душа соглядатая». Наверное, ничто не могло укрыться от пронизательного глаза этого самородка — и великое, и курьезное. Думается, что Горький до сих пор изрядно недооценен — слишком широк диапазоном. Особняком стоит его цикл крупных рассказов 1922—24 годов: «От-

* Тарские ворота — выпуск 8 — 2018—2019. — С. 439.

шельник», «Карамора», «Репетиция»... Это какая-то новая литература, тоже «несвоевременная». Не удивился, узнав из примечаний, что этот сборник рассказов был прохладно принят критикой тех лет, хотя он и «обещал быть вкусным».

Разыскивал я и дополнительные 15 томов с письмами и вариантами, но удалось полистать всего два тома. Тиражи этого приложения совсем крохотные, даже в крупных библиотеках не удалось полюбоваться всеми сорока томами в сборе уникального издания. Не так давно появилось новое жизнеописание Максима Горького — том из серии «Жизнь замечательных людей» известного критика Павла Басинского. Обнаружилось много чего интересного, в новом свете представляющего нашего классика соцреализма. Меня и раньше посещала смутная догадка, что этот босяк, намотавший по России сотни километров пешком, на поверку слишком интеллектуальной, не бродяжнической души. Какое-то необъяснимое противоречие. Исследователь тоже это почувствовал. Оказалось, что дед Каширин, судя по хрестоматийной повести о детстве бестрепетно отправивший подростка «в люди», был не таким уж обедневшим и вполне мог помогать своему отпрыску. Правда, на мой взгляд, несколько утяжелили документальную книгу постоянные взывания к христианским ценностям — в укор порою слишком своевольному писателю. Ну уж таким он был, а сослагательного наклонения история не приемлет.

Попутно, как библиофил со стажем, хочу пару слов сказать о еще одном открытом для себя авторе, современнике Горького, хотя ему вряд ли будут в нашей прессе посвящаться юбилейные статьи.

Как-то мне уже в перестроечные годы привезли домой целую машину книг — их владелица переезжала за границу. Среди разноробя обнаружилась любопытная вещица 1960 года издания. Сборник рассказов «Анаконда» уругвайского писателя Орасио Кируги. Это представитель «креольского реализма». В те годы умели очень тепло издавать — каждый рассказ или главак предварялись изящным рисунком в стиле минимализма.

Сам автор оказался тоже большим оригиналом — удалился с семьей в джунгли, где надо было вести ежедневную борьбу за существование. Примитивное бунгало, пропитание исключительно возделанным и добытым собственными руками. Дети тоже должны расти Тарзанами, уметь забираться за плодами на вершину пальмы. Не выдержав таких испытаний, покончила с собой жена, оставив писателя с двумя малолетками. Вторая жена тоже покинула его, хотя обитали они уже в городе. Вообще злой рок упорно преследовал семью Кируги. Отца случайно застрелили из ружья, сам он из-за неизлечимой болезни и отсутствия пенсии тоже добровольно ушел из жизни. В дальнейшем и его сын поступил аналогично.

Творчество Кируги меня, довольно-таки начитанного, притянуло не только ювелирным мастерством, но и какой-то редкой душевностью. Этаким эталон рассказа с экзотическим флером. Книга стала одной из самых любимых в моей библиотеке. Попутно поделюсь тем, что я обнаружил, довольно часто бывая по объявлениям в разных квартирах — в поисках очередных раритетов. Неприятнейшее открытие. На полках ни одной книги шестидесятых годов, словно их ветром сдуло! Неужели все сдано на макулатуру из-за нехватки жилого пространства в наших пресловутых «хрущевках», самом распространенном жилище? Даже из семидесятых годов почти ничего не встретишь, за исключением подписок. Только перестроечные детективы, фэнтези, да любовные романы. Поищешь на «Озоне» — тот же результат. Очень долго надо караулить счастливый случай.

Вымыт из обихода целый пласт полиграфической культуры. Причем это делалось не по принуждению, а вполне себе добровольно. Поколение «недолайков» тотально стремится избавиться от всего бумажного — самому доводилось видеть в мусорных

баках не только целые подшивки «Крокодила» или «Огонька» пятидесятилетней давности, но даже альбомы с фотографиями предков. Может, из этого что-то и оцифровано, но не стоит забывать, что очередной хитроумный троян может за один миг уничтожить все, сброшенное на накопитель. Из интернета выкопал, что Кирогу в наше время несколько раз издавали, но это очень куцые книги, какие-то оборыши. «Сказки сельвы» для детей — крупным шрифтом растянуты на сотню страниц паратройка рассказов, с аляповатыми иллюстрациями. Видимо, издатели посчитали, что все остальное явный «неформат» и будет скверно продаваться. А ведь у Кироги есть еще много другого, никогда не издававшегося у нас, в том числе пьесы, роман «Прежняя любовь». По обмолвкам в критических статьях узнал, что у уругвайца все остальное подано в слишком пессимистических тонах. Такое у нас действительно не любили пропагандировать. У меня даже промелькнула мысль: самому найти тексты писателя в оригинале и воспользоваться электронным переводчиком. Но он пока еще слишком несовершенен — получается какая-то абракадабра: без склонений и падежей, с неверным выбором вариантов многозначных слов. Догадывайся по смыслу. Остается надеяться лишь на чудо. Возможно, найдется энтузиаст и переведет полностью этого прекрасного писателя. Положительные примеры имеются, даже у нас в Омске. Полиглот Евгений Фельдман, с тонким вкусом и версификационной безупречностью, наконец-то перевел «Песни действия» Конан Дойла — впервые в стране! А ведь далеко не все знают, что создатель образа великого сыщика был еще и поэтом!

ЗОЛОТОЕ ПЕРО ЕВГЕНИЯ ТРЕЩЕВА

О творчестве писателя

Трещев Евгений Иванович — коренной житель Тульского края и всю жизнь прожил и проработал там же. Он родился 2 марта 1948 года в г. Щекино Тульской области. Евгений Иванович имеет высшее образование, является членом Союза писателей России, действительным членом Петровской Академии наук и искусств. Он почетный работник общего образования РФ, почетный учитель, почетный работник газовой промышленности РФ, ветеран газификации Тульской области и ветеран труда, почетный гражданин Чернского района Тульской области. Им издано двадцать восемь книг, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников «История родного края» для седьмых и восьмых классов. Печатается в журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег», в других журналах, альманахах, антологиях и хрестоматиях, в коллективных сборниках и газетах. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат областных литературных премий имени Л. Н. Толстого и имени А. Г. Лаврика, лауреат и дипломант многих литературных конкурсов и фестивалей. Награжден «Знаком ордена Доброты», семью правительственными медалями и восемью ведомственными знаками, многими грамотами и благодарностями. Главный редактор литературных альманахов «Приупиские просторы» и «Солова», а также краеведческого альманаха «Отчий край». Имя Евгения Ивановича внесено в энциклопедию «Лучшие люди России», в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники: «Наши знаменитые земляки» и «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Е. Трещев — известный меценат и краевед, с юных лет проявивший интерес к истории. Им, кроме поэтических и литературоведческих книг, муниципальных учебников, написано несколько книг по краеведению, в которых автор показывает жизнь наших древних поколений, а также отражает современность и передает собственный житейский опыт. Поэтому его книги ценны для соотечественников, в том числе и для молодежи. Их ценность заключается еще и в том, что Евгений Трещев занимает активную, бойцовскую позицию, вот строки его стихотворения: «...Поседали мы, постарели, / Отправляют нас на покой. / А душа? А душа не стареет, / Рвется к жизни: где жизнь, там бой!» (1) «Уйти в старость проще простого. А вот сохранить свежесть чувств, что и является главной мечтой ЖИЗНИ — именно жизни, а не существования, — ой как нелегко. Для этого надо иметь большой запас даже не физических, а прежде всего духовных сил, накопление которых начинается в юные годы...» (2).

Евгений Трещев не устает комментировать произведения авторов — прозаиков и поэтов — с пониманием и теплом, душевно, со всем тем, на что способна его широкая натура, абсолютно чуждая недружелюбия и критики, и, наоборот, открытая благоговению и свету. Будучи мудрым человеком, спешит делать людям добро, его работы свидетельствуют о том, что он писатель, любящий людей человек. В них живут чувства, вера и надежда на счастье, способные отозваться в сердцах читателей. «Тот, кто может сказать о... чужом рассказе, стихотворении что-то хорошее, обязательно должен это сделать. Ведь творческие люди так ранимы! Помогите, защитите их» (3). Потому писателя и привлекают, прежде всего, люди близкие ему по духу. Это можно выразить словами поэта И. Прасолова: ««Я о дружбе так сужу: / Кто открыт душою, / Значит, с теми я дружу / Дружною большою» (И. Прасолов) (4).

Отсюда и полное отсутствие зависти, мелочности и амбициозности. Вот такой этот человек — Евгений Иванович. «Я всегда рассматривал своего читателя как друга...» (5), — говорит он. Поэтому, читая любой его отзыв на прозу или поэзию, исполненный по-настоящему мастерски, реалистично и незамысловато просто, будто открываешь окно в душевный мир другого человека, с его горестями и радостями, бедами и удачами. Кроме того, он, будучи человеком гражданской направленности, глубоко-коммысленно вглядывается в окружающий его современный мир, в сегодняшнюю нашу жизнь, глубоко любит Родину и думает о ней, о смысле жизни и месте современного человека в ней. Все это в совокупности является основой его произведений.

Е. Трещев — духовный человек. Духовность многими понимается как то, что по западным канонам ведет к «благословию божьему», т.е. к преуспеянию, богатству, здоровью, счастью в любви и т.д. И только по-настоящему духовный человек понимает, что не по тем канонам путь к благословию, что даже у кромки бездонной пропасти может человеческая душа устремиться к Богу, и вместо мучения, смятения и беспокойства обрести умиротворенность, четкое осознание всего и любовь, то есть настоящее благословение, к которому по воле Божией приложится и остальное. И нужно-то для этого только смирение и признание: «Да будет воля Твоя, а не моя!» Но как далеко к этому идти большинству людей! Трещев же, отвергая тоску и злые сомнения, молясь, идет по родной земле, любит ее, учит этому других и показывает верный жизненный путь.

В своих произведениях автор и прямо, и косвенно не устает утверждать, что у человека есть единственный наиглавнейший долг — быть Человеком и главный смысл жизни — Любовь! Ибо «Где любовь — там и жизнь», — учил Махатма Ганди*. Поэтому его строки наполнены добротой ко всему сущему, ко всем, о ком он пишет.

«...Старую дружбу ценю и храню, / Прошлое в памяти нежно лелею, / В самом святом никогда не солгу, / Друга предать и продать не посмею», — пишет он в своем стихотворении (10).

Евгения Трещева волнуют нравственные вопросы жизни человека. «Конечно, не может быть абсолютной свободы от общества, но стремление личности к свободе было, есть и будет всегда» (11), — говорит он и многое делает для развития нравственной силы своих читателей. Вся его жизнь — это движение вперед, понимание, что возврата в прошлое нет, но послушание голосу совести, стремление не потерять этого чувства, не успокоенность и равнодушие закономерно отражаются в творчестве.

Следующие строки, приведенные писателем в одной из своих работ, можно со всем основанием отнести и к самому автору: «Но если в главном цель у нас — добро, / Для многих приносимое негласно, / То наша жизнь — что чистое окно: / Всегда мы можем видеть Мир прекрасным» (12). Добро... Быть добрым и добреньким — это далеко не одно и то же. Добро может быть и с кулаками... Из многих высказываний Е. Трещева ясно, что ему свойственны разумность и человечность — черты, которых так недостает многим нынешним людям.

Евгений Иванович переживает, что люди не хотят жить по законам совести и добра и полагаться на волю Божью. Ведь каждый человек оставляет след на своем пути по земле. Но и этот путь запечатлевается в душе путника, идущего им. Другими словами, мы являемся той стезей, которою шли и идем. Только у одних она прямая, а у

* Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди (англ. Mohandas Karamchand «Mahatma» Gandhi) (2 октября 1869, Порбандар, Гуджарат — 30 января 1948, Нью-Дели) — индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Его философия ненасилия (сатьяграха) оказала влияние на движения сторонников мирных перемен. Материал «Махатма Ганди» из Википедии — свободной энциклопедии.

других путанная. Однако, так или иначе, она должна привести к Богу, конечно, за редкими исключениями...

Евгений Иванович глубоко верующий православный человек: «...Вера есть у меня / Вечна наша душа» (Все еще впереди) и «...Годы жизни земной — один миг для Вселенной» (Любовь с нами) (13).

В работах Трещева, в том числе, прослеживается тяготение к раздумьям на философские и этические, нравственные и социальные темы. «Путь к истине в большинстве случаев труден. Но вера, стремление к познанию, любопытство влечет человека и дает дополнительные силы» (9), — пишет он. Ведь истина — это то, что существует порой за обманчивой действительностью, но верно отражает эту действительность, т. е. правда; то, что проверено практикой, жизненным опытом поколений.

Автор осознает каждое слово, его значение и энергию, знает, что написанное не исчезает и оставляет вечный след в душе читателя. Евгений Трещев обладает созидательным образным воображением, способностью не только задавать себе темы для размышления, но и вникать в их суть, и находить верные решения. Знакомство с его работами поднимает человека, облагораживает, делает внутренне богаче. А ведь что может быть важнее, ибо «человек способен изменять свой внешний мир посредством изменения своего внутреннего мира»*.

Писатель Евгений Трещев обладает богатым жизненным опытом, накладывающим сильный отпечаток на все, создаваемое им. В его творчестве, в каждом живом слове отражается его биография и сама его личность, душа творца, чувствуется испытанное, пережитое им, как всегда и происходит с талантливым творцом. И, тем не менее, он постоянно стремится познать новое. «Даже микроскопический кусочек новой и полезной информации вызывает у меня радость» (6), — пишет Евгений Трещев.

Однако не всякая новая информация радостна для него. Современные люди, тем более молодежь, сейчас не могут жить без телевидения и компьютера, без бессмысленной музыкальной невнятицы, живут, погруженные в гаджеты. А люди постарше — не могут жить без «мыльных» телесериалов. И всем поголовно подсознательно, на уровне двадцать пятого кадра, рекомендовано учиться на жизненных примерах нынешних «хозяев жизни» и в мировой паутине, во многом обслуживающей их интересы; учиться основному закону сильных хищников: «Нам все можно, все, желаемое нами! И не смей никому нас судить!»

Трещев Е. И. — большой труженик. Потому он так ценит это качество в других: «Постоянный, интенсивный и упорный труд всегда принесет результат. Надо работать, работать и работать» (7).

Так же много и радостно Евгений Иванович трудится сейчас на поприще писательского и поэтического труда, как ранее творчески трудился на производственной ниве. В его работах, отличающихся художественной силой, ему присущи искренность, доброта и сердечность, явно прослеживается глубина мысли, ясность изложения, логическая закономерность в раскрытии предмета его внимания, четкость и безошибочность определений. «Полнота, стройность, законченность — характерная черта произведений. ...Особая сила убедительности окрашивает эмоционально, выявляет неповторимую творческую индивидуальность» (8), — пишет Е. И. Трещев о поэзии В. Г. Сапожникова. И эти слова совершенно справедливы и в отношении к нему самому.

А картины русской природы, которые очень изобразительны в его произведении

* Уильям Джеймс (англ. William James; 1842—1910) — американский философ и психолог. Мудрые цитаты, афоризмы и высказывания про внутренний мир, стр. 2.
http://www.wisdoms.one/tsitati_pro_vnutrenniy_mir_2.html

ях? И у других авторов Евгений Иванович отмечает их своим вниманием. Это говорит о его любви к природе, с величием которой мы, как дети, несоизмеримы, о любви к красоте, о том, что он неразделен с красотой родной земли: ее лесами и реками, полянами и лугами.

Жить бы и радоваться и самому бытию, и красотам родной природы, и духовно красивым людям, и удачной мысли, метафоре, образу. Однако наше несправедливое время не дает постоянно пребывать в таком состоянии. Вот и многие люди думали и поныне думают, что не будет больше лада и правды в обществе, чувства собственного достоинства в людях, что останутся только деградация всего и всех, беспредельное потребление и мздоимство, распутство и мерзость во всем... Но автор думает по-другому. На вопросы: будем ли мы жить в согласии со своей совестью, обретем ли утраченное достоинство, возродим ли и обновим Россию, восстановим ли ее величавый ход? — Евгений Трещев однозначно отвечает утвердительно.

Потому написанное Евгением Ивановичем весьма убедительно и полезно. Мы знаем его как очень неравнодушного, переживающего в полной мере за происходящее человека, пропускающего это сполна через свое сердце. Как верно сказал Виктор Гюго: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем — преклоняю колени»^{*}.

Большое место в творчестве Е. Трещева занимает тема патриотизма — «не красное», а истинное. Эта тема волнует всех прежде живших и нынешних русских писателей-патриотов, постоянно обращающихся к этой теме и любви к Отчизне. «Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!»** — вечные слова А. С. Пушкина. Этими чувствами преисполнено все творчество Трещева Е. И. Он испытывает гордость за Россию, независимо от периода ее истории, и славит ее, ибо у сына, даже в болезни матери, не уменьшается чувство любви к ней, а только увеличивается. О чем бы ни говорил автор в своих произведениях, чувствуется, что рядом его родная земля, отчий край, любимая мать-Родина, его Россия. Потому-то он и не приемлет «девиз»: «Там отечество, где хорошо!» Поэтому история Родины нашла широкое отражение в произведениях Евгения Трещева. Он считает, что история нашей страны — особое, неповторимое звено мировой истории, и сама Россия легендарна и уму непостижима.

Но кое-кто думает иначе. Недоброжелатели делают все, чтобы подорвать наши скрепы, прежде всего веру в Бога, в Россию, в народ, делают все, чтобы дискредитировать русских и страну, не понимая, извращают, ставят с ног на голову, пачкают. Во многом это потому, что русский человек, живущий в атмосфере своих легенд и преданий, не может радостно существовать на чуждой ему почве и трудно адаптируется к прозаической, читай, чисто материалистической жизни. Наши геополитические противники никогда не примирятся с тем, что еще в древности народ Руси своим особым нравом, терпимостью к другим народам и народностям, к их верованиям, со стремлением собирать земли и объединять народы, а не бросать их; сберегать народное богатство, а не растрчивать его; делиться с бедными, а не жадничать; уважать духовное, а не низкое; а также необъятными пространствами своей земли раздражал разного рода завоевателей. Это, с теми же и другими действующими лицами, наблюдается и в современности.

^{*} Виктор Мари́ Гюго́ (фр. Victor Marie Hugo) — французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма. (26.02.1802 — 22.05.1885 (83)). 198 цитат. <https://socratify.net/quotes/viktor-giugo/43945>

^{**} Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 20 т.— М.: Художественная литература, 1947.— Т. 2. Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях.— С. 72. «К ЧЕДАЕВУ».

Без этих отличий не может быть России, не может быть веры в ее великое будущее, считает писатель. «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие»,— считал А. С. Пушкин. Писатель также думает, что без здорового национального чувства не может существовать народ. Однако, как всякий настоящий патриот он понимает, что нельзя закрывать глаза на недостатки. «В недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом. Ныне к восхвалению всего хорошего прибавилось неумолимое порицание и преследование всего дурного, что есть еще у нас»*,— писал Николай Александрович Добролюбов. Это неотъемлемые составляющие патриотизма, без которого можно потерять страну, создают болеющие за Россию патриоты.

Каждый искренний патриот России, а таковым безусловно является Евгений Иванович, страдает от того, что наша страна в настоящем находится не в лучшем своем положении. Любовь к Родине, патриотизм, считает писатель, это не вспышка эмоций, а чувства, проистекающие из наших постоянных будней, а они, скажем прямо, не очень-то благоприятны. Произошло же это из того времени, когда мы переустраивались, чтобы у нас на полках в магазинах было все и еще больше. «Мечты» вершились, но, кажется, что-то упущено, что-то мы променяли на «чечевичную похлебку»**, потеряли что-то духовное, что-то «наше» продали за грош, да и купить можем далеко не все и всегда... И Трещев серьезно переживает, видя во всем упадок, разлад, расстройство, порой и полную разруху в экономике и невероятные контрасты: сверхбогатство единиц, тотальную и беспрецедентную коррупцию, с одной стороны, и нищету большинства, с другой (см. (33)).

Много негативного происходит и в нынешнем селе, когда полуразрушены дома, одичали сады и огромное количество плодородных земель заброшено и превращается в степное пространство, зарастает кустарниками, деревьями и травами, буйствует на нем в рост человека крапива с лопухами, как будто захвачено оно вражьей силой, не встречающей более отпора. Как после бомбардировки, стоят разрушенные конструкции животноводческих помещений, механических мастерских и тракторных станков. Село тихо умирает. А рядом с гибнущей деревней, гибнущими полями и лугами дичает и река, зарастают и пруды... Былое созидание и благоразумие отступили. В современной России слишком уж много всего этого, словно потеряна святость земли, и зараза расплзается по телу ее, губит людей и оставляет после себя скверну одичания. А ведь если не будет людей на земле, способных хранить заветы и предания предков, кто будет говорить на родном языке?

И Трещев Е. И. пишет: «Разве можно быть свободным, жуя кусок хлеба, произведенный в чужом государстве? Только страна, полностью обеспечивающая себя продовольствием, может быть независимой и свободной. Без своего хлеба нельзя говорить о силе и могуществе государства и его процветающем будущем» (29). Как правильно сказано Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика не эффективна, более того — нежизнеспособна и опасна» (34). Потому и больно автору за страну, которую разрушили буквально

* Семь цитат Николая Добролюбова о патриотизме, актуальных и сегодня
<https://mir24.tv/news/16337267/sem-citat-nikolaya-dobrolyubova-o-patriotizme-aktualnyh-i-segodnya>

** Библия. Современный русский перевод. Книга «Бытие» — М.: Российское Библейское общество, 2017.— 2640 с. «Бытие» рассказывает, как один брат продал другому брату свое первородство за чечевичную похлебку.

на его глазах, больно за миллионы сынов и дочерей Отечества, которые отдали свои жизни за Родину. Он ощущает рану в сердце от того, что мы оказались чужими в ней, беззащитными против взяточников и «распилщиков» бюджета, против культа насилия, разрушения чувства совести и стыда, искажения понятий о добре и зле, перевиранья нашей истории, унижения русского народа, процветающих в средствах массовой информации. Чего ради растоптали свою страну, потеряли так много территорий, стали разбросанным по разным углам народом, стали терпящими бедность и поношение людьми? Почему в шестьдесят считаемся долгожителем, уменьшаем в численности, деградируем и трудимся за малую зарплату? Ведь на виду всей Земли страдает наша страна. И что интересно: теперь, когда на Западе начинают работать механизмы социальной справедливости и государственных гарантий человека (кстати, во многом под влиянием бывшего СССР), это все кое-кому кажется бросовым, хламом, и это в лучшем случае, а в худшем — элементами тоталитаризма... Евгений Трещев делает вывод, что отказ от бесценных практических наработок прежних поколений, от морально-нравственных основ, когда, по сути, рушилась привычная жизнь путем навязывания «средствами массовой дезинформации» чуждых ценностей, является большой бедой, даже драмой, нашей страны и нашего народа. Индивидуально это воспринимается как опустошенность, ощущение несправедливости и неблагополучия. «Когда это безобразие прекратится? — Задается вопросом, как и всякий честный человек, писатель.— Другой истории у нас нет. И другого народа нет тоже. И судьбу, в конце концов, не выбирают!» (35) — восклицает он.

И Евгений Иванович спрашивает себя — неужели похоронена наша Родина, и наш народ остался круглым сиротинушкой? Неужели его доля в том, чтобы, как будто на роду написано, до скончания времен ждать свой золотой век? Дождемся ли? Однако ведь были же и другие времена, были добросовестные, самоотверженные работники, молодые и зрелые, были, кто учил заветам предков, кто воспитывал подрастающих! Неужели смерть и растворение? Для этого ли происходил весь процесс становления нашего народа и России?

И бьется сердце, как колокол, у Е. Трещева, равнодушное сердце равнодушного человека.

Он знает, почему мы выстояли в девяностые, — потому что подсознательно знали, в чем всегда было спасение наших отцов и дедов. А было оно в добывании, проливая порой обильный пот, своего насущного хлеба и в продолжении, несмотря ни на что, своего рода. Мучения были не напрасны: каждый день во тьме, голоде и холоде, каждый день бесплатного труда держались мы и, выходит, держали страну, не позволяя погибнуть. Часто мы при этом задавались вопросом: «За что это нам досталось жить в эти жуткие девяностые годы двадцатого столетия?», но ответа не находили...

Однако нам есть чем гордиться, уверен автор. Наши прародители, деды и отцы создали народ и великую державу, которая еще совсем недавно была на первых ролях на Земле. «Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира»*.

И Трещев Е. И. отвечает тем, кто поносит нашу Родину и народ: «Как же мы, «ударенные пыльным мешком», лентяи и пьяницы умудрились освоить такую огромную территорию? ...Как же мы — «слабые, неумелые, безразличные» — смогли дать по рукам всем завоевателям? ...Кто обжил эту землю, построил города, создал замечательные произведения литературы и искусства? Кто создал передовую науку и

* Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914 — 1917). ISBN: 5-94865-448-6, 978-5-94865-448-5 (7)

запустил первый космический спутник? Разве не мы и не наши предки?» (31) Но с другой стороны дела обстоят так, что «стоит вам только заикнуться о величии русского народа, как вас тут же обвинят в национализме» (32).

Но не может быть действенного патриотизма и действенной любви к Родине, если дух не силен в человеке. Когда человек крепок духом, то его «можно убить, но не сломать душу. Мы — победители! Об этом говорит вся история нашего народа» (20), — говорит автор. Не могут быть слабы духом люди, рожденные после Великой Отечественной войны, которая показала, насколько силен и уникально жизнестоек наш народ, и получившие от своих родителей геном Победителей даже в самых что ни на есть невыносимых обстоятельствах.

Таким духом силен и Евгений Трещев. Потому и говорит: «Перепуталось все кругом ... / ... Кому верить? / Как дальше жить? / И услышал ответ вдали: / Стойким будь. Своей жизнью живи. / Правде верь и дружи с Добротой, / Наслаждайся земной Красотой. / Даже если слабый ты, / Храбро стань на защиту страны» (На перепутье) (16). И он верит, что нашу Россию ждут светлые времена. Только для этого каждому нужно раствориться в реке истинного патриотизма, обретя благодаря этому могущество и красоту, ведь обособленность ни к чему хорошему не приведет. Еще он обращает внимание читателя на то, что «нашей культуре свойственна особая форма патриотизма. У нас за многие сотни лет выработалось родственное отношение к стране» (19).

Да и как же иначе может быть, если вокруг свои родные люди — земляки! И Евгений Иванович говорит: «Я родился на этой земле: / Синь небес, шепот трав — все во мне. / Радость встречи, пожатые руки — Земляки!» (Земляки). «...На всю жизнь нам друзья / Земляки. ...» (Земляки) (17). А у таких есть антиподы — это: «Человек без рода и без племени, / Для тебя открыта вся Земля; / Корешки иссушены, изъедены, / Ты забыл, где Родина твоя (Человеку без Родины) (18).

Писатель думает: не может быть, чтобы все испытания, выпавшие на нашу долю, были напрасными, не может быть это умиранием. На это писатель категорично отвечает: — «Нет!» Может быть, это родовые муки при появлении на свет новой жизни? — спрашивает он себя и отвечает: дай бог, только не плутать во тьме, не изнемогать, не сбиться и не погибнуть в пути, дойти до своего времени. «Мы живем в эпоху перемен. Идет война за души людей. Поток изливается клевета на великую историю нашей страны, унижается наше национальное достоинство» (28). Чуткое сердце Е. Трещева переживает и мобилизуется на преодоление. При этом важно отличать критику от клеветы. Он считает, что если с критическими замечаниями выступает умный человек, то хоть и неприятно, но полезно. Ибо это «...есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм», — писал Виссарион Белинский*. Он считает, что сейчас, кроме самокритики и осознания всего позитивного, мы должны изыскивать в себе силы и способности, навыки и умения для постоянного созидания и возвеличивания России в противовес разрушению и умалению ее. А для этого очень важно сберечь и укрепить веру в Россию, сберечь и укрепить память — ее историю. Трещев Е. И. знает, что, как говорится в теории, без национального самосознания, понимания собственной уникальности и самобытности в совокупности всех духовно-нравственных и материальных форм существования не может быть народа. Сейчас России, как никогда, как воздух, требуется концепция, которая сможет цементировать народ, сделать таким же великим и крепко спаянным, каким был ранее советский народ. Главными основополагающими принципами ее должны непременно

* Виссарион Григорьевич Белинский (30 мая [11 июня] 1811, крепость Свеаборг, Великое княжество Финляндское — 26 мая [7 июня] 1848, Санкт-Петербург) — русский литературный критик. Материал «Белинский, Виссарион Григорьевич» из Википедии — свободной энциклопедии.

быть: преемственность всех благих достижений наших предшественников, сохранение и передача потомкам памяти о наших великих предках и устроителях земли Русской, непоколебимость фундаментальной цивилизационной идентичности России, незыблемость ее устоев.

Нужно созидать! Чтобы у нас и наших детей было будущее, считает автор, мы должны перестать потворствовать насаждению невежества и бескультурья, потребительства и разврата во всех их формах, а напротив — вкладываться в человека. «Для этого во главу угла должно быть поставлено развитие медицины, образования, науки, культуры, соцобеспечения, воспитание подрастающего поколения в патриотических традициях. Необходима сплоченность общества, наличие цели, понимание вызовов и задач, стоящих перед ним. Люди должны быть уверены в справедливости... На том и будем стоять!» (21).

Евгений Трещев размышляет не только о состоянии нашего государства, но и о нынешнем человеке, его месте в жизни. «...И шагает грозно по планете / Самый страшный хищник — человек!» — пишет он (Человек шагает по планете). Почему так получилось, что второстепенное поставлено на первое место? Почему потерян образ Божий? Почему оскорблена память наших отцов и дедов и разлагаются наши дети? Деньги, деньги, деньги... Они поставлены во главу угла, они стали мерилем всего. А еще, кроме корысти,— зависть, предательство, взаимная вражда, ожесточение, продажная — скрытая и открытая — любовь. В России простому человеку сейчас тяжело. Свалившаяся невесть откуда бедность, потеря достоинства в жизни на скудный заработок...

Писатель хочет, чтобы люди опомнились, ибо нельзя так жить, ведь нет счастья, когда все продается и покупается и вещи являются критерием уровня человека. Видеть цель жизни в накоплении и высоком уровне потребления — означает навсегда остаться догоняющими и обезьянничавшими, вместо того, чтобы понять, что нужно, прежде всего, о состоянии души думать, развивать и расширять сознание... В противном случае могут ли люди остаться людьми? Вот и А. А. Яшин пишет: «...пришлось догонять Запад... в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной»* ...«и выйти в холодящий душу мир глобализованного человекиника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где... нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: цифрофрения»**.

Потому Евгений Иванович пишет: «Я не новый русский, я из старых. / Больно мне за Родину мою: / Разорили, обокрали, оболгали, / Кучи грязи навалив на белизну». (Боль моя) (30). Он неистово обличает низкое существо самого чудовищного хищника — двуногого, потерявшего человеческий облик. Об этом же говорит и, по образному выражению автора, «летописец смутного времени» — В. Я. Маслов***.

* Алексей Яшин. «Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 329 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). «Современная литература как салонный вид творчества», с. 7.

** Там же, с. 7.

*** Маслов Валерий Яковлевич. Родился 6 ноября 1943 года в городе Донском Тульской области. Имеет три высших образования. Член Союза писателей СССР с мая 1991 года, член Союза журналистов СССР с 1976 года. Член Союза писателей России, заместитель Председателя Правления Тульской организации СПР. Председатель Межрегионального Союза писателей, член Международного Литфонда, Заслуженный работник культуры РФ. Награжден многими государственными орденами и медалями, а также литературными медалями. Лауреат многих литературных премий. Является автором более 30 книг.

Золотой нитью пронизывает все творчество Е. Трещева любовь к русскому народу. «Русские люди никогда не будут счастливы, зная, что где-то творится несправедливость»,— говорил Шарль де Голль*. Разве можно не любить такой народ? «Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкой, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал русским особое свойство... верю, взойдет звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа, мощи и силы»**,— писала Екатерина II. «Мы — свободный народ, сильный своей любовью к Родине и верой»,— говорит и Е. Трещев.— «Свободный народ не желает быть побежденным, и он никогда не будет побежден» (22). Однако Трещев Е. И. знает, что народ не появился в готовом виде из ниоткуда, потому он пишет: «Из глубины веков, подернутой пеленой забвения, смотрят на нас народы, когда-то называвшие наши земли своей Родиной. Многие тысячелетия и столетия назад они обитали здесь, а потом исчезли, оставили нам свои традиции, черты лица, отдельные слова, названия рек» (23). И не все гладко было в процессе формирования народа. «В восемнадцатом веке языческие реликвии активно уничтожались по всей стране, а языческая вера была предана анафеме. Фактически был истреблен огромный пласт культуры» (24). (см. стихотворение Е. Т. «Человек шагает по планете» (25)).

Так в мастерской истории путем сложений и вычитаний формировались русские. К этому процессу вполне применимо определение, данное писателем В. Грековым: «Были — разброд, стали — народ», ставшее названием его рассказа. И мы видим три основные черты русского народа: «...Необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже неосознанная умом, и талантливость» (26).

Однако через тяготы и тернии шло формирование, и поэт Евгений Трещев отражает это в своих стихах: «Кошмары рабства и позора / Враги несли нам из степи. / За гибель близких нет пощады! / На степь идут полки Руси». (В поход). «...Истории тревожные шаги. / Прислушайся — услышишь ты тогда, / Как сердце предка бьется у тебя...» (Шаги истории). «Орловско-Курская дуга. / Прошла здесь грозная война. / Смотри в пыли после дождя / Следы оставила она / ...Увидишь ты: среди ракич / Окоп обрушенный стоит, / В высоких зарослях травы / Воронки старые видны». (В местах былых сражений) (27).

Преданность своему народу, защита его единства и независимости стоят на одном из главных мест в творчестве автора. «Быть русским — значит не только говорить по-русски. Нужно воспринимать свою Родину душой!» — говорит он и приводит строки поэта Ходулина, лучше которого о Родине вряд ли можно сказать: «...Нет земли ни привольней, ни краше — / И когда в ее очи смотрю: / — Как прекрасна ты, Родина наша,— Сам себе я в душе говорю...» (14). Евгений Иванович не только любит Россию, которая на планете прекраснее всех, но не может жить без нее и все делает ради ее блага. И тому свидетельство его поэтические строки: «... Земля дорогая, родная земля, / Готов пред тобой на колени склониться. / Просторы твои беззаветно любя, / За счастье твое продолжаю молиться» (Родная земля) (15). Любовь эта живет на памяти родителей и представителей старших поколений. Она присуща и молодежи, хоть и отрицающей порой многое, но в основе своей переживающей за будущее.

* Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (фр. Charles André Joseph Marie de Gaulle; 22 ноября 1890, Лилль — 9 ноября 1970, Коломбе-ле-Дёз-Эглиз, деп. Верхняя Марна) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент (1959—1969) Пятой республики. Материал «Де Голль, Шарль» из Википедии — свободной энциклопедии.

** Из записей Екатерины II Великой Императрицы Всероссийской (1729—1796).

Все это вышесказанное и послужило становлению Евгения Ивановича как писателя. Отношение к литературе и писательскому труду у него всегда было серьезным. «Можно ли научиться писать? Думаю, что если тебе не дано поэтического огня в душе, его и не появится», — размышляет писатель в работе «Ужель с годами свыкнемся с покоем?», посвященной творчеству А. А. Яшина* (44).

Он знает, что для многих грамотных людей чтение естественно в жизни и что они воспринимают в прочитанном материале и перерабатывают то, что исходит в основном из личного их опыта. И многое здесь зависит от умения автора установить диалог с читателем и активизировать его душу. Однако Е. Трещев понимает также все значение возможного откровения новизны для человека. Потому он пишет: «Слово, сказанное человеком, имело и сегодня имеет огромную созидательную и разрушительную силу. ...Этим свойством обладает и напечатанное Слово» (36). Из чего ясно, что книга обязана побудить человека к духовной жизни, а не наоборот, как это и происходит по большей части с современным «чтivism». Но в современном обществе отсутствует это понимание.

А ведь хорошее произведение — это итог долгих творческих исканий и трудов, когда все пропускается через личность, через ум и сердце автора. И тогда какое удовольствие испытывает он от удачной строки, абзаца или страницы. «...Книга — это всегда послание к читателю, в ней заложена частица жизни автора. Жизнь книги, по существу, оплачивается здоровьем и жизнью творца» (37), — говорит Трещев Е. И. Ведь целью является — увлечь, пробудить интерес читателя к произведению. И когда читаешь Евгения Трещева, чувствуешь, что то, о чем он пишет и что он пишет, не надуманно, а взято из реальной жизни, взято именно взволновавшее его душу, поселившееся в его сердце, заставляющее его учащенно биться и звучать и требующее излияния на бумагу.

«Быть писателем — мало. Нужно жить. Любить, дружить. Уметь делить с людьми чувства радости и печали, набираясь опыта, чтобы когда-нибудь изложить все это на листе бумаги» (38).

Однако прозой и публицистикой не исчерпывается творчество автора. Он еще и талантливый поэт, который, в отличие от некоторых стихотворцев, любит не только свои стихи, но и саму Поэзию. «Не любить поэзию — значит не любить, не понимать литературу вообще» (39), — пишет он. И в душе его горит поэтический огонь и стремление передать красоту жизни, которая есть не только красота природы, но и добро, и истина, и любовь. И у него это хорошо получается, так как вся красота не в ком-то, чем-то и где-то, а в том, прежде всего, кто ее находит, видит, ощущает и воспринимает.

«Многое должно пройти через сердце автора. Он многое должен пережить сам, испытать и, обладая художественным чутьем, уметь выражать свои чувства — просто, правдиво и естественно» (40), — говорит поэт. И мы читаем: «...И песня жизни на земле / Как солнцу гимн звучала!» (Затмение); «...О доме мечтал я, / Веслом шевеля. / Мне путь освещали / Любовь и мечта» (По реке). (45).

Евгений Иванович воспевает любовь к женщине и делает это особенно, как свойственно только ему одному: «...А теперь на висках седина, / Сеть морщин на лицо ложится, / Но глядишь ты светло на меня, / И любовь вокруг нас струится / ...Дни проходят, летят года, / Юность пеплом седым покрыта, / А любовь все равно жива, /

* Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР. См. также материал в Википедии «Яшин, Алексей Афанасьевич».

И душа для нее открыта» (А душа для любви открыта); «...Был я счастлив, жизнь прожив рядом с тобой, / С самой милой, ненаглядной, дорогой» (Растревожена душа); «...Ты пойми, жизнь дана для любви. / Красоту пожалей и ее береги. / Жизнь дана для любви» (Жизнь дана для любви) (41).

Его стихи искренни, интересны, насыщены жизненными реалиями, пронизаны мыслью, написаны легким, непринужденным и в то же время искусным, конкретным и безошибочным языком, способным передать мельчайшие сердечные движения, и полны воодушевлением, человеколюбивы и жизнерадостны, в них видна работа ума и сердца, соблюдено равновесие мысли и чувства. Они говорят о чувстве прекрасного у автора, преисполнены любовью к людям, к просторам центральной России — малой родины поэта, наполнены красотой природы и обычной жизни. Стихи Е. Трещева обладают силой и точностью определений, авторитетностью высказываний, основанных на сугубо личных переживаниях, способны вести за собой патриотически настроенного человека, гражданина страны, ибо отражают все современные настроения и негативные стороны жизни народа. Одним словом, все они говорят о вечных категориях, о смысле всего сущего и волнуют человеческие души. Как пишет сам поэт: «...За струны трогала сердца и грела душу» (У костра) (42).

К поэтическому творчеству Трещева Е. И. вполне приложимы строки стихотворения поэта Б. М. Голованова: «...Всю жизнь рассыпал я в стихах, / Роняя их, как перья птица» (43).

Таким образом, дорогие читатели, приобщившись к искреннему и высокопрофессиональному творчеству Евгения Трещева, вы познакомитесь не только с произведениями многих прозаиков и поэтов земли Тульской, близких ему по духу, но и с душевным миром, с опытом много прожившего и много прочувствовавшего автора, с душевным миром творца, великого труженика, неповторимой индивидуальности. Вы найдете в его лице своего союзника в вере, духовности, нравственности и в великой любви к большой и малой Родине. Творчество писателя — это мощная школа патриотизма — осознание корней, опора на прошлое, преодоление всего негативного в стране и в современном человеке и светлая вера в прекрасное будущее — и высокого чувства к общему народу нашей большой страны, к единству всех народов и народностей, населяющих ее.

Успехов вам в пути по литературной стране Евгения Ивановича Трещева!

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть». — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005, — 104 с. «От реформы к революции» («Где жизнь, там бой»), с. 59.

(2) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011, — 80 с. «Влюбленный в жизнь» (А. А. Янежич). — с. 49.

(3) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 80 с. «О книгах и писателях». — с. 79.

(4) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011, — 80 с. «С любовью в сердце» (И. Н. Прасолов). — с. 20.

(5) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 88 с. «Писатель и читатель». — с. 64.

(6) Там же. «Слово». — с. 8.

(7) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 60 с. «Далекая звезда в ночи моей» (К. В. Струков). — с. 30.

(8) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 80 с. «Врач, ученый, поэт» (В. Г. Сапожников). — с. 25.

(9) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 60 с. «Наши реки текут в никуда» (В. Н. Шавырин). — с. 27.

(10) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла». — Тула: «Шар», 2000, — 152 с. «Жизнь дана для любви» («Размышления»). — с. 103.

- (11) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Писатель и читатель», с. 68.
- (12) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Не жди чудес: они вокруг!» (П. П. Юрьев).— с. 38.
- (13) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Вечность».— сс. 115 и 121.
- (14) Трещев Е. «История родного края».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 1997,— 160 с.— С. 6.
- (15) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «На родной земле» («Родная земля»).— с. 10.
- (16) Там же. «Жизнь дана для любви» («На перепутье»).— с. 86.
- (17) Там же. «На родной земле» («Земляки»).— с. 23.
- (18) Там же. «На родной земле» («Человеку без родины»).— с. 7.
- (19) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Писатель от земли» (Н. А. Смирнов), с. 39.
- (20) Евгений Трещев. «Мастера слова». Часть IV.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 104 с. «Воин и поэт» (М. А. Абрамов), с. 66.
- (21) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Путь писателя» (Д. Е. Ракин), с. 57.
- (22) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Историк, краевед, литературовед» (В. И. Боть).— с. 42.
- (23) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005,— 104 с. «Путешествие во времени», с. 3.
- (24) Там же, с. 4.
- (25) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Ветры войны» («Человек шагает по планете»), с. 126.
- (26) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Историк и краевед» (В. Я. Греков), с. 60.
- (27) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Ветры войны» («В поход», «Шаги истории», «В местах былых сражений»), с. 134, 138, 146.
- (28) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Путь поэта» (В. Н. Савостьянов), с. 46.
- (29) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005,— 104 с. «Путешествие во времени», с. 16.
- (30) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. («Боль моя»), с. 101.
- (31) Евгений Трещев. «Мастера слова». Часть IV.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 104 с. «Дай мне силы, чтобы в строки жизни капельку вдохнуть» (А. В. Толчий), с. 9.
- (32) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Путь поэта» (В. Н. Савостьянов), с. 47.
- (33) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Летописец смутного времени» (В. Я. Маслов), с. 22.
- (34) Там же. «Писатель от земли» (Н. А. Смирнов), с. 38.
- (35) Там же. «Путь писателя» (Д. Е. Ракин), с. 56.
- (36) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Слово», с. 3.
- (37) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «О книгах и писателях», с. 79.
- (38) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Слово», с. 8.
- (39) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «От автора», с. 3.
- (40) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Музыка стихотворения» (Д. Е. Трещев), с. 52.
- (41) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. См. сс. 68, 73 и 85.
- (42) Там же. «Времена года» (У костра), с. 41.
- (43) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «И запела душа словно птица» (Б. М. Голованов), с. 31.
- (44) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Ужель с годами свыкнемся с покоем» (А. А. Яшин).— с. 9.
- (45) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Времена года» (Затмение), с. 34. и (По реке), с. 39.

Яков Шафран, г. Тула

КНИГА О ЛЮБВИ

I

«Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы.»

Стендаль

Роман А. А. Яшина «Женщина в человекинке» именно такое зеркало. В нем отразились вещи самые разнообразные. Романтичные переживания влюбленности и пошлые истории адюльтера, социологические и философские размышления о роли женщины в современном мире и гротескные (в духе Салтыкова-Щедрина) заметки о благотворительных акциях для малоимущих в... доме терпимости, этические советы женщинам, погрузившимся в увлекательнейшую беседу на узком тротуаре, давать все-таки возможность пешеходам продвигаться по панели и житейские наблюдения за бытом маленьких и больших, полных и неполных семей. Впрочем, роман не о женщинах и не о семье.

Из книги А. А. Яшина читатель может почерпнуть ценные исторические сведения. Например, о строительстве КВЖД, о жизни офицеров-танкистов в годы войны, о послевоенном развитии наших городов и сел, о своеобразии взаимоотношений жителей советского областного центра в годы «застоя», о завихрениях «перестройки», о «лихих девяностых». Впрочем, роман не исторический.

А. А. Яшин пишет и о дне сегодняшнем, который, скорее всего, когда-нибудь тоже закавычат, придумав запоминающийся термин для обозначения наших надежд и разочарований, любви нашей и ненависти, горя и радости, одиночества и полигамии. Впрочем, роман не о современности, хотя и имеет подзаголовок «Роман одного дня».

Это, однако, не означает «нашего сегодняшнего дня». Это не означает «роман вторника» либо «роман последнего дня отпуска». А. А. Яшин написал книгу о том дне, который длится дольше века, для чего автору потребовался весь арсенал достижений современной литературы: и пастернаковский опыт, и художественные интенции Айтматова, и умение скользить по «потoku сознания», и, разумеется, собственные наработки. Для тех, кто не знает, сообщим, а другим напомним, что из-под пера создателя трех десятков книг и пяти сотен публикаций в периодике вышло уже несколько произведений, в которых крупные формы эпоса творчески переосмысливаются с позиций романиста первой четверти XXI века; эти формальные (в лучшем смысле слова) поиски, как нам представляется, чрезвычайно интересны с точки зрения методологии изучения актуальной словесности, и, возможно, ждут своего пытливого исследователя, который через них сумеет выявить своеобразие текущего момента в развитии отечественной беллетристики; мы же в данном случае об этих поисках имеем возможность именно что лишь напомнить.

II

«Идет человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало!»

Стендаль

Сейчас модным стало различную художественную продукцию маркировать значками с возрастными ограничениями. Простампуют какую-нибудь раскраску обозна-

чением «7+», и умиротворенные родители («Нашему уже можно!») приобретают своему чаду полиграфическую продукцию (даром, что чадо тайком потягивает из отцовской пачки сигаретки).

Нам скажут, что это требование законодательства — клеймить соответствующим образом печатную продукцию. А мы ответим, что требования требованиями, однако печатники и маркетологи с условными обозначениями явно заигрались. Модно это стало, модно. И больше ничего. Иначе как объяснить маркировку «0+». Книга для месячного младенца? Для пионера? Пенсионера? Никакого смысла в подобном обозначении возраста читателя не имеется.

Но одно дело глупость как таковая (на латыни *glupost obiknovennaya*), а другое дело глупость вредная. Ведь сколько уже случаев отметила пресса, когда бдительные работники книжных магазинов не продают старшеклассникам книги с маркировкой «18+». И добро бы это было какое-нибудь бульварное чтиво, а то ведь классика! «Лолита» не доступна юношеству... Ну, допустим. А «Анна Каренина»? А «Преступление и наказание» как маркировать? Ведь роман Достоевского, если грубо и тупо проследить канву, — рассказ о студенте-убийце, поддерживающем проститутку и вводящем в заблуждение органы правопорядка. Причем рассказ-то сочувственный. Пожалуй, не лучший пример для молодежи. Не запретить ли? (Сюжетную линию, связанную со Свидригайловым, даже пересказывать не беремся, дабы записные охранители нравственности не привлекли нас к ответственности за соращение, расчленение или... За что там еще?... Был бы человек, как говорится, а статья найдется).

Но позвольте! Когда же читать глубокую литературу, как не в семнадцатилетнем возрасте? Когда же еще насытиться классикой, когда напиться взрослым и серьезным отношением к жизни, к любви, противоположному полу?

Впрочем, оставим риторические вопросы и не менее риторические восклицания и вернемся к роману А. А. Яшина. Так вот, книгу «Женщина в челоуейнике» гражданину, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, не продадут. Т.е. буква закона издателями соблюдена, тавро на теле тома выжжено.

Но ведь и этого может оказаться недостаточно! Вполне вероятно, что найдутся ревнители морали, которые назовут «Женщину в челоуейнике» книгой безнравственной, а автора обвинят в распущенности.

«Вы обвиняете зеркало!» — воскликнем мы вслед за Стендалем. Приведите хотя бы один пример в современном мире, когда, подражая герою литературного произведения (литературного произведения, не блокбастера голливудского!), кто-либо совершил убийство. Кто-нибудь, добиваясь развода, указал причиной его прочтение «Крейцеровой сонаты»? Может быть, зафиксирован случай, когда некая девица призналась возлюбленному: «Я тебе изменила с Арменом Иосифовичем, потому что Наташа Ростова не была верна князю Андрею»?..

Не из книг научаются люди дурному. И Яшин плохому не научит. Он пытается разобраться: что происходит с обществом, с нами, с мужчинами и женщинами, в наступившем тысячелетии. И абсолютно прав романист, помещая в центр своего художественного исследования эпохи женскую фигуру. Это ведь тоже одна из традиций отечественной литературы.

Испокон веку повелось у нас, что отношением к женщине проверяется общество. Так, князя Петра помним мы по его Февронии. Державина знаем как певца Фелицы. «Луч света в темном царстве» — это Катерина. Муза Некрасова — крестьянка. Нравственную ценность революции ищет в горьковском романе «Мать» Ниловна. Солженицын заботится: как там живет-может на своем дворе Матрена? А у Распутина не старики — старухи воют в голос, прощаясь со своей (с нашей общей!) Матерой.

В романе «Женщина в челоуейнике» идет серьезный разговор о жизни, в которой чувственная сторона мало сказать присутствует — во многом определяет бытие от-

дельного человека, да и всего рода человеческого. И автор романа чувственную сторону бытия, мягко говоря, не игнорирует. А кто бы, задавшись целью написать книгу о женщине, не сказал бы о ее плотской красоте и манкости?! Хотя... В современном мире, пожалуй, следует сформулировать иначе: а какой настоящий мужчина, задавшись целью рассказать о женщине в современном мире, не упомянул бы о волшебстве ее волос, о магии ее взгляда, о притягательности ее форм?

За это Яшину спасибо следует сказать, а не порицать его. Впрочем, повторимся: уверены, что найдутся желающие поймать «хайп» на выходе новой книги и обвинить маститого автора в сексизме, гендерном шовинизме и в чем-нибудь еще из модного нынче наборчика «Юный толераст».

Не удивимся, если объявится дама предпенсионного возраста, которая обвинит писателя и ученого Яшина в харассменте полувекковой давности... Но нет, довольно! И так уже много употребили мы отвратительных слов, которые, к сожалению, грязной пеной болтаются ныне на зыби моря русской речи: хайп, гендерный, предпенсионный... Даже как средство сатиры «харассмент» это уже перебор. Отправим по известному адресу все эти словечки вместе с теми, кто попкой-дураком повторяет их, не дав себе труда найти в родном языке выразительных средств.

Вернемся к писателю Яшину. Ему удалось нужные слова подобрать. Взвзвись за откровенную, как раньше говаривали, тему, писателю удалось избежать как пошлости, так и деланой брутальности, удалось не скатиться в слюнявое сюсюканье, удалось избежать соблазна привлечь читателя, поманив его «клубничкой».

Скажите, а много ли сейчас найдется авторов, которые, приглашая читателя заглянуть в альков, не приглашают его при этом «полакомиться насчет клубнички»?

Ну, вот! Вы хором ответили: «Мало». Оттого-то и заводятся в нашем языке, подобно опарышам, «хайпы» с «харассментом», что мало желающих и имеющих возможность (в этом случае мы бы даже сказали так: имеющих потенцию) вести серьезный и прямой разговор об отношениях мужчины и женщины, не обходя молчанием, но и не вырывая из общего контекста телесную сторону их отношений.

И не забудьте при этом, что и о тех, кто такую потенцию имеет, подрастающее поколение не узнает: модная татуха «18+» стоит на обложке книги. Поэтому серьезного и прямого разговора с нашей молодежью об интимной стороне жизни (разговора, в равной степени нужного как парням, так и барышням) опять не получится. И узнает наше юношество о том, что называется «тайной двоих», либо от гопников из соседней подворотни, либо от все тех же толерастов, которые, воровато оглядываясь, с подозрительной щедростью раздадут молодым людям упомянутые наборчики псевдонаучных, псевдосовременных, псевдолиберальных клише.

Поэтому повторим: писателю Яшину следует сказать спасибо уже за то, что он взвалил на себя зеркало своего романа и тащит его по ухабистой дороге нашей современности.

III

«Обвиняйте уж скорее большую дорогу с ее лужами, а еще того лучше — дорожного смотрителя, который допускает, чтобы на дороге стояли лужи и скапливалась грязь».

Стендаль

И вот теперь есть смысл вернуться к вопросу, с которого начали: «О чем же новая книга Яшина?»

Не пытаясь дезавуировать основные послышки, изложенные в первой части настоящей статьи, завершив чтение романа, мы все-таки скажем, что он о любви.

Сюжет произведения развивается, если позволительно использовать это слово, нелинейно. Читатель стремительно переносится из одного временного пласта в другой, с легкостью перемещается между внезапно возникающими в повествовании географическими пунктами. Абсолютно разные друг другу персонажи вдруг оказываются чуть ли не вершителями судьбы кого-то из действующих лиц. Взаимосвязь биографий героев столь изощрена, что ее можно сравнить с сетью, в которой бьется рыбацкая добыча. Порой стоит отложить книгу в сторону, чтобы припомнить, кто кому кем приходится и о ком шла речь в предыдущих частях.

А когда восстановишь в памяти продуманные автором хитросплетения сюжетных линий, вдруг начинаешь понимать, что дело вовсе не в фабуле, не в интриге, не в последовательности событий. Дело в чувствах. Дело в том, что автор любит своих персонажей.

Яшин искренне любит всех этих людей, так трудно живущих в своем небогатом, неказистом, невзрачном Тулуповске; живущих подчас, так сказать, назло врагам, на радость маме; а подчас, кажется, даже и себе самим назло. Живущих, поскольку это и есть дело человека на Земле — жить. Яшин же любит людей. Любит пьяных и трезвых, больных и здоровых, как говорится в ехидном народном присловье. Любит любых, потому что это — его люди. Наши люди. Свои.

А вслед за писателем и мы, читатели, принимаем и почитаем за своих его персонажей. Несчастливого бригадира Ле Хувя. Не вышедшего в генералы Егора Фомича. Ищущую счастья Лизу. Стервозную Светлану. Безнадёжно влюбленного в Светлану узбека-дворника. Разбившего сдуру да спяну свою машину полубандита...

Много их, неказистых, но свойских персонажей, на страницах густонаселенного романа А. Яшина. Персонажей сквозных и эпизодических, персонажей главных и второстепенных. Про них не скажешь: «Хорошие» либо: «Плохие». Так же, как сам себя затруднишься однозначно отнести к положительным или отрицательным. Ибо сложны люди. И жизнь их сложна. И нимб ни над кем не светится. Как, впрочем, и рога из черепа ни у кого не торчат.

И вот, казалось бы, простой секрет писателя — любить своих героев. Простой, но далеко не каждому доступный. Ибо сложно это — полюбить людей. Несовершенных. Порой срывающихся и падающих. Порой подличающих. Порой глуповатых. Порой некрасивых. Чтобы их полюбить, надо иметь и мудрость, и сострадание, и снисходительность. Безразличия только нельзя иметь писателю в душе, поскольку безразличный к людям литератор (даже небесталанный) превращается в холодного стилиста, отстраненного демонстратора мастерства. Это в лучшем случае. В худшем же вырождается в желчного мизантропа, в заносчивого ментора.

А писатель Яшин не таков. Он честен с читателем. Поэтому, как высказано выше, несправедливо обвинять его в безнравственности. Да и того (см. эпиграф), по чьему недогляду на нашем жизненном пути скапливается грязь и стоят лужи, Яшин тоже не обвиняет. Никаких фиг в кармане. Это уж мы, читатели, вольны делать выводы о том, кто превращает нашу российскую дорогу в символ безнадёги и есть ли надежда переломить печальную многовековую тенденцию.

Автор же «Женщины в челоуейнике» прямо говорит нам: неча не зеркало пенять. От ухабов никуда не деться, да не всякий в них попадет. А попав, не всякий в них разляжется, сладострастно упиваясь собственными неудачами. От дорожной грязи не спастись, да не любой изгваздается, как черт, ковыляя по нелегкому жизненному пути. И измазавшись, не любой побредет вперед неумытой чушкой.

Будем же помнить о личной ответственности каждого из нас за свою судьбу. За судьбу своей женщины. За судьбу своего челоуейника.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

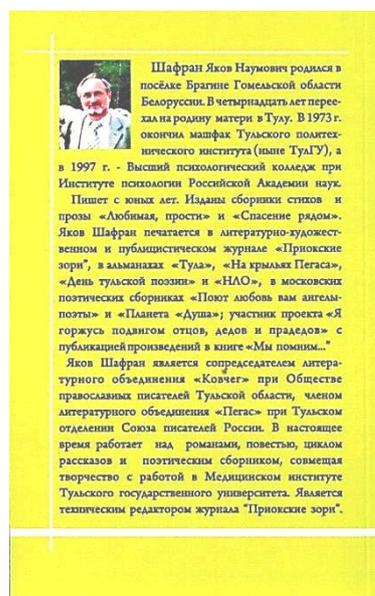
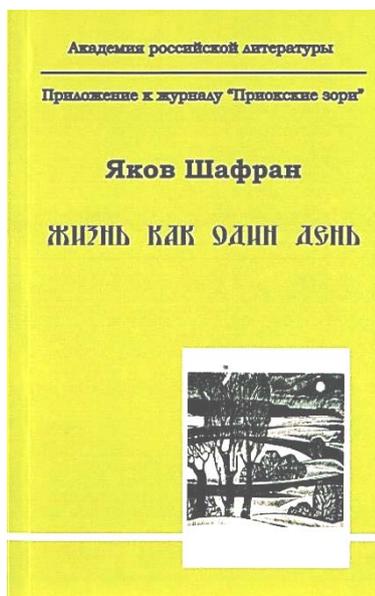
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2020.— № 1.
2. *Северо-Муиские огни*: Авторский литературный журнал.— 2019.— № 4—6 (в номере № 6 опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2019.— № 3 (в номере опубликован материал Алексея Яшина).
4. *Иртышь и Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2019.— № 1—2 (31—32) (в номере опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Врата Сибири*: Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах.— 2018.— № 1(50) (в номере опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина); 2018.— № 2(51); 2019.— № 1(52) (в номере представлен альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» и его авторы: Яков Шафран, Олеся Маматкулова, Евгения Курганова, Александр Кердан, Светлана Макашова, Виктор Борисов).
6. *Тульское слово*. Сборник произведений тульских писателей. Вып. 2 / Ред. и сост. В. Я. Маслов.— Тула: Аквариус, 2019.— 332 с.
7. *Керим Волковыский*. Раньше книги сжигали: Стихотворения и поэмы.— М.: Время, 2020.— 192 с. (Серия «Поэтическая библиотека»).
8. *Владислава Васильева*. Нелюбовь: Сборник рассказов.— Тула: Аквариус, 2019.— 144 с.
9. *Грешиников А. Н.* Уроки Валентина Распутина.— М.: Русский Мирь, 2019.— 376 с. ил.
10. *Вячеслав Тебенко*. На своей стороне.— СПб: Изд-во ООО «Союз писателей Петербурга», 2019.— 432 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На лирической волне*: Альманах журнала «Приокские зори». Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 5.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 106 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Тульская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 5.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 100 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Валерий Демидов*. Не силой строится судьба... Поэтическая публицистика / Предисл. Эдуарда Георгиевского.— Тула: «Полиграфинвест», 2019.— 357 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Кн. 1: Чайка с того света: рассказы, повести, очерки, эссе.— М.: Бит-принт, 2019.— 424 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
7. *Яшин А. А.* Житие наше оцифрованное: Новеллино: Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
8. *На крыльях Пегаса*. Альманах. Вып. 14.— 375 с.; Вып. 16.— 188 с.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2018 и 2019 гг. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2020-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

14 ноября 2019 г.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СООБЩАЕТ:

Уважаемые члены Академии!

13 ноября 2019 г. состоялось рабочее совещание Правления Академии РЛ. В совещании приняли участие члены Правления: Роман Тишковский, Михаил Лапшин, Ольга Карагодина, Наталья Иванова, Евгений Скоблов. В ходе работы были рассмотрены вопросы:

1. В академию приняты новые члены: Татьяна Чеглова (ЧЕ); Владимир Коблов; Виктор Родионов. Поздравил и вручил билеты главный редактор АРЛ — Роман Константинович Тишковский.

2. Член правления АРЛ, руководитель коллегии публицистики Михаил Лапшин напомнил о наборе материалов в готовящуюся антологию публицистики, так же обратился к присутствующим с просьбой активнее присылать материалы. В соответствии с планами Академии русской литературы готовится к публикации **Антология публицистики Академии русской литературы** в серии «Библиотека Академии российской литературы». Объем издания планируется в 180—200 страниц; книги стандартного формата А5, с учетом возможных иллюстраций и фото авторов. Сбор материалов публикаций устанавливается до 15 декабря 2019 года. Ход работы будет сообщаться дополнительно. Материалы следует присылать по электронному адресу: expo-partner@mail.ru Телефон для связи: 8-916-685-04-79 — Михаил Иванович Лапшин.

3. В торжественной обстановке были вручены авторские экземпляры «Антологии сатиры и юмора».

4. Обсуждались вопросы по организации издательской деятельности Академии РЛ на предстоящий период 2019 и первое полугодие 2020 года. Коллектив академии поблагодарил и поздравил Председателя РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи» Марину Юрьевну Чайкину с успешным изданием «Антологии сатиры и юмора».

ИНФОРМАЦИЯ

В тульском издательстве «Аквариус» вышел в свет № 5 музыкально-литературного альманаха «НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ», учредителями которого являются все-российский журнал «Приокские зори» и региональная общественная организация «Объединение тульских композиторов». В этом выпуске альманаха представлено творчество авторов из Тулы и Тульской области, Москвы, Нижегородской области, Алтайского края, Республики Казахстан. Одно из основных отличий издания — отсутствие ярко выраженной политической и религиозной тематики. Особенностью также является профессиональное оформление нотной графики (песни с аккомпане-

ментом для фортепиано (баяна) и инструментальные пьесы лирического характера). Альманах издается как в печатном виде, так и в электронном.

Сергей Сенин

* * *

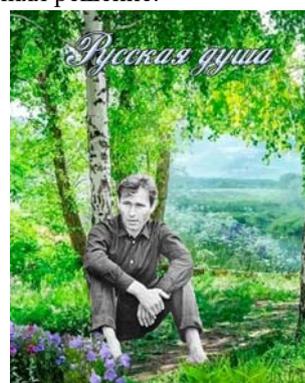
Уважаемые коллеги — писатели и поэты!
С целью популяризации и пропаганды творчества авторов — участников Международного литературного клуба «Добро», а также расширения литературных связей между государствами

Административный Совет принял решение:

Передавать в библиотеки крупных населенных пунктов России и стран ближнего и

дальнего зарубежья часть выпущенных клубом конкурсных сборников в безвозмездное пользование. На данный момент нами получен из типографии тираж конкурсного сборника «Русская душа». 40 экземпляров поэтических сборников (объемом в 292 страницы каждый) мы готовы передать в библиотеки.

Для того чтобы передача сборников была адресной, представителям библиотек необходимо связаться с нами, прислав заявку на электронную почту irinavor.61@mail.ru

* * *

16 декабря 2019 года состоялось Общее отчетно-выборное собрание МГО СПР и вручение медалей им. И. А. Бунина.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Дорогие друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию обзор нового издания вестника Академии — литературного альманаха «Московский Парнас» № 3/2019.

Главный редактор издания — Роман Тишковский.

Поздравляем авторов альманаха и желаем новых творческих успехов!

* * *

13 января 2020 года состоялось расширенное совещание Правления Академии РЛ. В работе совещания приняли участие: Александр ШЕПЕЛЬ, Михаил ЛАПШИН, Наталья ИВАНОВА-ХАРИНА, Ольга КАРАГОДИНА, Надежда ШЛЕЗИГЕР, Петр ГУЛДЕДАВА, Михаил МОРОЗОВ, Евгений СКОБЛОВ. В ходе совещания были рассмотрены следующие вопросы.

1. Итоги работы Правления Академии в 2019 году и перспективы активизации издательской, организационной и творческой деятельности в 2020 году.

2. Членам Правления были представлены новые периодические издания региональных отделений Академии и отдельных авторов: «Приокские зори», «Ковчег», «Донская сотня», новая книга А.А. Яшина «Житие наше оцифрованное».

3. Вопросы взаимодействия с региональными отделениями и соблюдения обязательств по изданию и своевременной рассылке вестника Академии — литературного альманаха «Московский Парнас» и других изданий Академии.

4. По итогам работы в 2019 года известный российский поэт, писатель, публицист и общественный деятель, активный член Академии РЛ Петр ГУЛДЕДАВА был награжден Почетной грамотой Академии.

5. Обсуждены текущие организационные вопросы московского и региональных отделений Академии РЛ.

Предлагаем вашему вниманию фоторепортаж, любезно предоставленный Ольгой КАРАГОДИНОЙ:

Николай ИВАНОВ:

«У НАС ДЛИННАЯ СКАМЕЙКА ЗАПАСНЫХ»

Выступление на секретариате 17.12.2019 г. при подведении итогов года

Дорогие друзья!

Наше сегодняшнее заседание секретариата не совсем обычное — на него приглашены все желающие. Причина одна — мы сегодня назовем не только некоторые итоги уходящего года, но и скажем спасибо тем, чьи имена звучали в этом году на литературном небосклоне наиболее часто, кто сказал веское слово в литературе, способствовал авторитету СП России в обществе. И крайне важно, чтобы это звучало в присутствии друзей и единомышленников.

Какими принципами в своей деятельности руководствовался секретариат нашего Союза в уходящем году?

Остался неизменным наш курс на открытость. Все заседания секретариата проходили, можно сказать, в режиме он-лайн, с подробной информацией о нашей работе на сайте «РП». Спасибо за оперативность редакции сайта и тем, кто выставляет нашу информацию в социальных сетях, многократно увеличивая доступ к ней для всех желающих.

Эта открытость порой вроде бы мешала, потому что раз за разом находились диванные полководцы, которые сетовали: а почему сделали так, а не эдак. Вот «эдак» мы бы делали в том случае, если бы были от всех закрыты и что-то решали за спинами членов Союза в одиночку. Но подавляющее большинство писателей и наших читателей ждали среды, когда выставлялись сообщения о секретариатах, как «сводок с фронта» — по выражению Юрия Орлова.

Не изменили мы приоритетов в своей работе по поддержке региональных организаций. В первую очередь слова благодарности от имени секретариата мы выражаем писательским коллективам Краснодарского края и Республики Дагестан, которые признаны в 2019 году лучшими региональными организациями СП России. Мы с вами, уважаемые секретари, заглянули в самые отдаленные уголки Отечества, где за 60 лет существования Союза — так уж получалось — ни разу не были не то что председатели, но даже и рабочие секретари. Мы с вами посетили Камчатку, Нарьян-Мар, Благовещенск, Читу, Хакассию, Новую Землю. Наше литературное слово звучало на базе Хмеймим в Сирии, в ДНР и ЛНР. Мы смогли объединить русских писа-

телей в Кишиневе, Таллинне, Риге, Казахстане, показав им, что они не брошены, не оставлены, что мы одна писательская семья. У нас доходило до 8 командировок в месяц, но это говорит только об одном — заработали регионы, они увидели и почувствовали заботу о себе. И потому стали не просто приглашать, а ждать наших приездов, потому что «человек из Москвы» — как подчеркнули на Кавказе, намного быстрее помогает решать проблемы местных писательских организаций вместе с региональной властью. Наступающий год опять не предвещает нам спокойной жизни, но мы готовы вновь и вновь лететь и ехать туда, где требуется наше присутствие.

Мы поздравляем писательские организации, встретившие в этом году свои юбилеи. Благодарим тех губернаторов, министров культуры регионов, которые шли на контакт и диалог с представителями СП России. Мы поздравляем с общественным признанием губернатора Орловской области Клычкова Андрея Евгеньевича с почетным званием «Губернатор литературной России».

Третьей нашей позицией была и остается работа с молодыми литераторами. В этом году, помимо многочисленных областных совещаний молодых писателей, при активной поддержке и большой организаторской работе Совета молодых литераторов (СМЛ), возглавляемого А. Тимофеевым, прошло 20 межрегиональных совещаний, чтений и школ, через которые прошло более 600 молодых литераторов. Тем, кто говорит, что молодежь «рассыпается», «разбегается», что ей не интересны наши форумы — реальные цифры и факты говорят сами за себя. 77 лучших семинаристов рекомендованы для участия во Всероссийском совещании молодых писателей в Химках в феврале следующего года. Не говорим уже о Шанхайских встречах, на которых побывало более 30 наших молодых авторов и чьи произведения переведены на китайский язык. Спасибо за этот участок работы О. М. Бавыкину. Многие литературные журналы делают целевые номера, посвященные творчеству молодых. Мне кажется, грех обижаться на невнимание к подрастающей смене. Единственное, хочется, чтобы они сами не задерживались в статусе молодых, не прикрывали свои огрехи званием «молодой литератор», активнее вырывались на «взрослый» творческий простор.

Наша работа не замыкалась по адресу Комсомольский, 13. Прошло 8 выездных секретариатов в регионах, совещание по вопросам художественного перевода в Махачкале и Сыктывкаре, проблемам толстых литературных журналов в Ульяновске. Мы не потеряли ни одного литературного фестиваля и ни одной литературной премии. Наоборот, способствовали появлению трех новых — имени Ф. Абрамова «Чистая книга», по детской литературе «Солнечная дорога» и совместно с СП Беларуси и Общественной палатой Союзного государства две премии к 75-летию Победы — «Жди меня» и «Горячий снег», о которых планируем объявить на книжной ярмарке-выставке в Минске. Мы почтили память М. А. Шолохова у его памятника на Гоголевском бульваре и В. М. Шукшина на Новодевичьем кладбище, как в свое время Николая Тряпкина в Ракитках. Огромное количество поэтических вечеров провел Виктор Кирюшин как председатель Совета по поэзии. Плодотворно для текущего литературного процесса поработал Совет по критике во главе с Вячеславом Лютым.

Наши творческие усилия венчала работа Приемной комиссии СП России. За прошедший год прошло 4 заседания, на которых рассмотрено 149 заявлений о приеме в СП России. 85 литераторов стали членами Союза писателей, 44 кандидатуры отклонено. Мы не гонимся за количеством, главным для нас остается качество представляемых произведений, и я благодарю членов Приемной комиссии за скрупулезность в работе, принципиальность и усердие.

Огромный объем работы по замене членских билетов проделали руководители наших региональных писательских организаций и Кира Александровна Громыко. На сегодня произведен обмен билетов 3313 членам СП. К сожалению, ни одного билета

не обменяли писательские организации Тверской области, Ингушетии, Тывы, Удмуртии, Бурятии, Московской городской организации. Вчера состоялось отчетно-выборное собрание столичных литераторов, на нем определен алгоритм завершения работы в этом направлении, и нет сомнения в том, что решение нашего съезда будет выполнено. Начата подготовка и выверка списков по организациям для того, чтобы на сайте «РП» разместить федеральный поименный список всех членов СП России.

У нас нет раскачки и каникул. 15 января уже ждем результатов отчетно-выборного собрания в Белгородской области и проведения Дня курского литератора в соловьином крае. 19-го — традиционное вручение премии «Имперская культура», за которое всегда отвечает у нас С. И. Котьяло. Нас ждут поездки в Чувашию, Мурманск, Петрозаводск, Мичуринск, Брест и т. д.

Но году уходящему мы вправе сказать доброе слово. То есть, мы должны поблагодарить за творческую и организаторскую работу многих наших писателей.

Первые наши поздравления — И. Т. Янину, Указом президента награжденному орденом Почета.

Медалью Станюковича, разработанной совместно с Севастопольским региональным отделением, награждаются: Валентина Валентиновна Ефимовская, Борис Александрович Орлов (оба — Санкт-Петербург), Вадим Александрович Арефьев (Москва-Антарктида).

Медалью Шукшина награждаются: Светлана Анатольевна Сырнева (Вятка), Александр Гаврилович Нестругин (Воронеж), Александр Васильевич Суворов (Сыктывкар).

Почетной грамотой СП России награждаются В. Г. Гурьянов (Саратов), С. А. Бережной (Белгород), В. А. Латынин (Москва), Е. Е. Пиетийайнен (Петрозаводск), Л. В. Довыденко (Калининград), А. С. Труба (Мичуринск), В. Ф. Терехин (Калуга), А. А. Дашко (Ульяновск), А. В. Алмазов (Москва), В. Н. Казаков (Минск).

А сейчас я хотел бы, чтобы мы поздравили большого друга СП России, нашего соратника во многих делах — Сергея Павловича Козубенко, у которого вчера был день рождения. То, что делает он для сохранения культуры нашего Отечества и оказания помощи Союзу писателей — неоценимо. Но сказать об этом все же хочется. Мы только что вручили флаги СП России самой старейшей региональной организации, отметившей свое 90-летие — Чеченской. Флаги вручены писательским организациям Якутии и Дагестана, ставших лучшими. Вчера на отчетном собрании флаг был вручен, как самой многочисленной, Московской городской организации. Секретариатом принято решение вручать флаг СП России в качестве признания заслуг в деле пропаганды художественной литературы библиотекам, вузам, а также частным лицам. Первому наш флаг-вымпел вручается — Сергею Павловичу Козубенко.

Премией «Слово-2019», учрежденной СП России и С. П. Козубенко, награждаются:

Панкова Алла Васильевна (Москва) — за верность высоким образцам русской литературы.

Палько Леонид Леонидович (Москва) — за активную работу по пропаганде книги в самых отдаленных регионах России, среди военнослужащих базы «Хмеймим» (САР) и в ДНР.

Большаков Владимир Ильич (Москва) — за книгу «Преступление и покаяние».

Сазонов Геннадий Алексеевич (Вологда) — за книгу «Сияние слова Василия Белова. Встречи. Беседы. Воспоминания».

Смолькин Игорь Александрович (Псков) — за книгу «О тех, кто идет впереди нас» и многолетнюю работу по выпуску православного календаря.

Богатырев Евгений Григорьевич (Москва) — за книгу «Повесть об олимпийском характере».

Попов Михаил Константинович (Архангельск) — за книгу «Дочь Харона» и спецвыпуски журнала «Двина», посвященные столетию Федора Абрамова.

Воронов Василий Афанасьевич (Ростов-на-Дону) — за роман-трилогию «В Загряжске нет американцев».

Коновской Николай Иванович (Москва) — за верность своему поэтическому пути и книгу стихов «Лирика».

Мурашев Сергей Анатольевич — за чистоту прозы о Русском Севере.

Васин Александр Николаевич (Москва) — за многогранный труд во славу русского поэтического слова, подготовку и издание «Антологии русского лиризма».

Дорогие друзья! 14—16 июня мы провели в Орле выездной секретариат на тему: родная природа в художественной литературе. Инициатор проведения С. А. Бутусов учредил литературную премию «Не может Родина быть малой» для поэтов и прозаиков.

Первую премию в области поэзии получает К. В. Скворцов (Москва).

Первую премию в области прозы получает Ехалов Анатолий Константинович (Вологда).

Сегодня член Общественной палаты Союзного государства Юрий Шурчков так же вручает Николаю Ивановичу Дорошенко удостоверение члена Общественной палаты Союзного государства.

Конечно же, не все имена награжденных прозвучали сегодня. Многие удостоены званий и наград во время наших командировок в регионы. При этом у нас, как говорят в спорте, длинная скамейка запасных. И поскольку впереди нас ждут новые дела, то и мы ждем повода для дальнейшего благодарного награждения наших коллег.

Еще раз всем спасибо за работу в уходящем году.

Российский писатель

В ПРОХОРОВКЕ Белгородской области председатель СПР Николай Иванов принял участие в заседании Попечительского совета «Прохоровское поле». Также состоялась встреча с читателями.

Российский писатель

В Самаре состоялся выездной секретариат Союза писателей России, посвященный проблемам детской книги. Писатели также посетили Музей космической техники и так называемый «Бункер Сталина».

А в областной юношеской библиотеке в рамках проекта «КультПросвет» прошла встреча Николая Дорошенко, Василия Дворцова и Владимира Плотникова с самарскими школьниками. Оба литератора — авторы многих книг. Доро-

шенко является секретарем Союза писателей России, а Дворцов курирует в этой творческой организации молодежную литературу.

Вадим КАРАСЕВ, член СП РФ и СЖ России

*По материалам областной газеты «Волжская коммуна»
и сайта «Без формата. Самара»*

Российский писатель

В СТАНИЦЕ ВЕШЕНСКОЙ состоялись торжества, посвященные 35-летию Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.

Российский писатель

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Современные русские поэты — Сталину

*Сквозь бури, дожди и метели
Отсюда Держава видна.
Здесь — Красная площадь. В шинели
Идет он, презрев времена.*

Российский писатель

В ЛУГАНСКЕ прошла XIV Международная литературно-историческая конференция «Восточнославянская цивилизация: история и перспективы». С докладом выступил сопредседатель СП России Сергей Котьяло.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

УТВЕРЖДЕНО
решением 6-го Съезда
РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»

Резолюция шестого съезда Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь»

Мы, делегаты 6-го Съезда Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», вынуждены констатировать, что ситуация, в которой в настоящее время пребывает наша организация, вызывают у нас большую тревогу и серьезную озабоченность за ее жизнеспособность и будущее. В последние годы среди части членов союза и его актива наблюдаются странные попытки игнорировать распоряжения руководящих коллегиальных органов, центробежные устремления, замалчивание своего членства в организации, создание предпосылок для отхода от базовых проектов, уставных целей и задач объединения, его популяризации, бездействие или скрытое противодействие здоровым инициативам и перспективным проектам, предлагаемым руководством организации, преобладающие вялость и апатия, творческая безынициативность. В ряде отделений практически прекращена публичная деятельность, отсутствуют планы работы и лежащие проекты, не ведется работа по пополнению рядов оргструктур и их популяризации, стремительно стареют основной и руководящий составы.

В связи с чем мы обращаемся к своим коллегам по объединению с просьбой самым активным образом включиться в жизнь своей организации, всеми силами способствовать ее популяризации, росту и продвижению на литературном пространстве страны, а также за рубежом. Мы призываем прекратить внутриорганизационные распри и межличностные разбирательства, перестать заниматься исключительно самопиаром, забывая о своих коллегах (в т.ч. ушедших из жизни), своих отделениях, секциях и организации в целом. Призываем не втягиваться в сомнительные проекты, которые могут нанести вред узнаваемости Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», его непохожести на прочие творческие союзы страны, репутации. Мы настаиваем на неукоснительном соблюдении внутриорганизационной дисциплины, порядочности, этики и морали, литературной «чистоплотности», на укреплении межструктурных творческих и межличностных «цеховых» связей, в т.ч. путем проведения совместных литературных проектов.

Мы считаем, что только осознание каждым своей персональной ответственности за судьбу Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», за ее будущее, за свое место в не чужом нам творческом объединении позволит сохранить его и развивать далее.

ПРИНЯТО И УТВЕРЖДЕНО
делегатами очередного 6-го Съезда
РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ
делегатов 6-го Съезда Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь»
к высшим государственным органам Российской Федерации, Республики
Беларусь и Союзного государства, правительствам иных стран и
международных структур

В настоящее время и в мире, и на постсоветском пространстве, и в Союзном государстве Беларуси и России, и нашей стране наблюдаются негативные тенденции по пропаганде культуры чтения, приобщению к художественной литературе подрастающего поколения, употреблению в быту и обществе литературного языка, культивированию литературных традиций, изучению литературного наследия и литературных процессов, изданию произведений как классиков, так, в особенности, писателей-современников.

Вместе с тем, заметно стремление политической элиты стран и международных структур принизить значимость писателя как носителя культурного кода, а писательство — как необходимую в общественном мироустройстве профессию. Можно наблюдать, как в ряде стран подвергаются ущемлению, а порой и гонению литературные союзы, (в частности Международное сообщество писательских союзов, корпоративным членом которого выступает и наше объединение и у которого в течение трех последних лет было изъято ФГА «Росимущество»), как сворачиваются издательские планы, сокращаются учебные программы по литературе, ужимается финансирование творческих литературных проектов и т.п. Увы, но и среди самого писательского сообщества как постсоветского, так и славянских государств, наблюдаются центробежные тенденции, стремление к самоизоляции, к ограничению себя рамками внутригосударственной литературной деятельности, что никак не способствует созданию корпоративного духа в отстаивании общеписательских межгосударственных интересов.

Однако всегда и во все времена писатели были нервом общества, индикаторами общественных настроений, оракулами грядущих событий, инженерами человеческих душ, а зачастую — еще и движителями истории, ее творцами. И сбрасывать этот факт со счетов со стороны властных структур не просто недальновидно, но и глупо, а также чревато негативными последствиями, так как за каждым из писателей стоят его читатели и почитатели.

Поэтому мы, делегаты 6-го Съезда Белорусского литературного союза

«Полоцкая ветвь», обращаемся к высшим государственным органам Республики Беларусь, Российской Федерации и Союзного государства, правительствам иных республик и международных структур бывшего СССР с призывом сохранить на территории СНГ единое культурное пространство путем укрепления статуса писателя, утверждения и упрочения духовных связей между национальными культурами постсоветского пространства, а также поднятия престижа профессии писателя, поддержания и развития сотрудничества с писательскими организациями, отдельными литераторами на просторах бывшего СССР и русскими, русскоязычными писателями во всем мире, укрепления позиций русского языка, как одного из государственных и языка межнационального общения, на территории Республики Беларусь и СНГ, создания в Союзном государстве и, в частности, в нашей стране, творческих рабочих мест для писателей трудоспособного возраста, популяризации, особенно в среде мо-

лодого поколения, русской и русскоязычной литературы и их создателей из числа классиков и современников, создание условий для сохранения литературного процесса и преемственности литературных традиций между разными поколениями.

23 ноября 2019 года, гор. Минск

* * *

**Много важного произошло в литературной жизни
постоянного автора нашего журнала Тамары Анатольевны Булевич**

* * *

№ 7, 2019, декабрь

Читателям, авторам и поклонникам газеты «Крылья души»!

Уважаемые друзья! Спешим сообщить вам интересную и одновременно прекрасную новость: со следующего номера наша газета, не меняя своего содержания, струк-

туры публикуемых материалов, как публицистических, так и авторских, и широкого охвата своей аудитории, ...переходит на новый формат издания, и со следующего номера будет издаваться в виде одноименного полноформатного журнала «Крылья души». ...Выходить журнал будет ежеквартально, четыре раза в год. Ориентировочный выход первого номера намечен на апрель 2020 года.

*Редактор газеты / журнала «Крылья души»
Дмитрий Кузнецов*

* * *

ИНФОРМАЦИЯ ОТ РЕДАКЦИИ И РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

В следующем году, который не за горами, наш журнал отмечает свое 15-летие выхода: точно по графику, без сдвоенных номеров, без копейки какого-либо финансирования, при полном отрицании нашего существования Тульской писательской организацией СПР <«лучше никто, если не мы»>, но зато с полным же одобрением Союза писателей России и Академии российской литературы, под эгидой которых журнал выходит. И, конечно же, великое спасибо нашим замечательным авторам и читателям — ведь журнал издается для вас!

15-летие суть пора начала взросления, а значит, учитывая опыт, «друг ошибок трудных», предыдущих годов издания, на пороге «совершеннолетия» следует и нам пересмотреть отдельные моменты, ибо *quod licet bovi, non licet Joui*, то есть что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру...

Эти моменты, конечно, несколько стесняют творческую свободу авторов, но они общеполнимы литературной журналистикой (и наши, «приокские» авторы ранее порой грешили...)

Ранее мы не предъявляли авторам возражений в части печати уже опубликованных произведений; это сознательно делалось, исходя из: а) создание обширного круга «наших» авторов; б) малотиражности нынешних журналов, каждый из которых «обслуживает» свой, узкий круг читателей; в) обычное утверждение, что однажды опубликованное уже попадает в интернет и пр., полагаем необоснованным — как показывает анализ, в интернете читают (смотрят) что угодно, но не художественную литературу.

Поэтому, начиная с № 1, 2020 «ПЗ», мы публикуем только новые, ранее не печатавшиеся в литжурналах произведения, что авторы подтверждают в сопроводительном письме своего предложения. (После публикации в «Приокских зорях» авторы вольны печатать произведения в других литжурналах). Данное ограничение не относится к произведениям, ранее опубликованным в авторских книгах, коллективных сборниках и альманахах — учитывая их крошечные тиражи и полное отсутствие книгораспространительной сети.

Несмотря на наши многократные разъяснения, авторы предваряют свои произведения творческо-биографическими справками (ТБС) до 1,5...2 страниц объема (!). Любой отдел кадров позавидует таким подробным автобиографиям...

Поэтому, начиная с № 1, 2020 «ПЗ», настоятельно рекомендуем авторам: а) прилагать ТБС (с фото автора) объемом не более 8...10 стандартных машинописных строк (шрифт 14); б) в ТБС указывать только факты, связанные с литературной деятельностью; в) лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова обязательно указывают этот факт в ТБС.

Мы всегда придерживались мнения, что в ежеквартальном журнале недопустимы публикации произведений крупного жанра (роман, повесть, «многотомные» мемуары и поэмы и пр.) с продолжением из номера в номер, что является нонсенсом: «ждать» продолжения по три месяца! Но как-то получилось, навреде как «тихой сапой», эта порочная практика стала разрастаться. И сами члены редколлегии здесь подкузьмили: вроде как по делу... но — раскаиваемся.

Поэтому, начиная с № 1, 2020 «ПЗ», журнал не печатает произведений «с продолжением». Если автору угодно представить свой роман, повесть (или см. выше, поэму свыше 1 а. л.) в «ПЗ», то он может дать сюжетно-центральные, литературно-выигрышные главы своего произведения объемом не более 1,5 а. л. (больше — только по предварительному согласованию с редакцией). Допускается в течение года представлять таковые главы дважды, но — без акцентации на «с продолжением».

...Как говорится, не корысти для, а только для придания журналу качества «по-взрослевшего».

С уважением, редакция «Приокских зорь»

НАМ ПИШУТ

Дорогой Алексей Афанасьевич, вчера на литературном вечере «Здравствуй, новая книга!» в детской библиотеке п. Медвенка поговорили и о Вашей книге. Дети над многим задумались. Просили ее полистать, посмотреть. Высылаем их фото с Вашей книгой.

*Ольга и Наталья Артемовы,
п. Медвенка Курской области*

С НАСТУПИВШИМ НОВЫМ ГОДОМ

Прошло двенадцать многотрудных лет –
и снова год крысиный подступает.
В конце тоннеля жизни – света нет!
И снега нет... И Антарктида – тает...

Год белой крысы – високосный год,
покрытый металлическим налётом.
И, пусть он с неизбежностью грядет –
доверия к нему исчерпан вотум!

Обман таит восточный календарь,
всем обещающая блага на планете.
От обещаний остается гарь.
И лишь надежда тусклой свечкой светит.

А тем, кто «крысит бабки» с юных лет,
кто тащит в норы супермиллиарды, –
всегда горит в пути зеленый свет,
и песни им слагают шоу-барды.

Но в нашей жизни каждый Новый Год
несет в себе идею обновления,
семейный дух предпраздничных хлопот,
и веру в наступленье Возрожденья!

За наш нелегкий, но полезный труд
на благо всех живущих рядом с нами!
За тех друзей, кого на пир зовут!
За тех, кто в трудный час приходят сами!

Отправим все плохое в забытье!
Друг другу улыбнемся в Новогодье!
Пусть двадцатых лет житьё-бытьё
не омрачит природы непогодье!

Пьем за здоровье! Значит – за любовь!
Пусть в любви не будет дефицита!
За детский смех, звучащий вновь и вновь!
За дверь в мечту, которая открыта!

Мы пьем за продолжение себя
в делах бескрайних, в творчестве, в науке!
Друг друга обнимая и любя –
сомкнем в единстве и сердца, и руки!

А. А. Хадарцев
(г. Тула)

Тюменская региональная
гражданская организация
«Союз-интеграция братских
народов»

625005, г. Тюмень,
ул. 2-я Луговая, д. 35
Тел.: (8-3452) 44-08-93
e-mail: belorus72r@yandex.ru

17 декабря 2019 г.

Тюменская региональная
общественная организация
«Союз-интеграция братских
народов»

625005, г. Тюмень,
ул. 2-я Луговая, д. 35
Тел.: (8-3452) 44-08-93
e-mail: belorus72r@yandex.ru

Главному редактору
литературно-художественного
публицистического
журнала «Приокские зори»
Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

От имени Западно-Сибирских областных общественных объединений – членов региональной общественной организации «Союз-интеграция братских народов» и от меня лично, в годовщину 20-летия Союзного государства России и Беларуси, примите искренние сердечные поздравления и наилучшие пожелания в связи с наступающим 2020 годом и Рождеством Христовым!

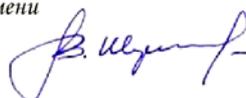
Пусть Новый год принесёт успешное завершение начатых дел, даст удачный старт новым начинаниям и дальнейшим творческим решениям.

От всей души желаем Вам, уважаемый Алексей Афанасьевич, крепкого здоровья, созидательной и успешной работы на благо Отчизны и дальнейшего процветания России!

P.S. Высылаю в Ваш адрес подборку стихов «Шестое чувство» для возможной публикации в журнале.

Председатель Совета ТПОО «Союз-интеграция братских народов»,
Почётный Генеральный консул Республики Беларусь
в Российской Федерации в Тюмени

 – В.Ф. Шугля

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2020
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

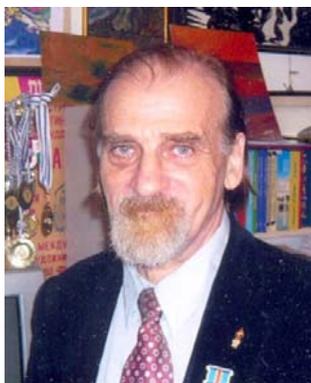
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2019 ГОД**

Михаил Иванович Смирнов — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в №№ 1—4, 2019 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; постоянный автор «Приокских зорь», печатается в различных российских периодических литературных изданиях, в интернет-изданиях. Лауреат ряда литературных премий, дипломант всероссийских литературных конкурсов. Живет и работает в Салавате, Башкирия.

Валерий Григорьевич Демидов — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованные в № 1, 2019 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» и подборку новых стихов в № 4, 2019 «ПЗ». Член Союза журналистов СССР и Международного союза писателей. Работал много лет директором издательского отдела Заокской духовной семинарии. Печатается во многих региональных литературных изданиях, автор четырех книг религиозно-философских стихов. Редактор и корректор ряда тульских литературных изданий. Живет и работает в Туле.

Ефим Аронович Гаммер — в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в №№ 1—3, 2019 «ПЗ» произведения и за активное участие во всероссийском и международном русскоязычном литературном процессе. Постоянный автор «Приокских зорь». Печатается в России, Израиле, США, Франции, Англии, Германии и многих других странах. Член израильских и международных союзов писателей, художников и журналистов. Автор двадцати книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий. Живет и работает в Иерусалиме, Израиль.

Евгений Иванович Трецев — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за публикацию в №№ 1, 3, 4, 2019 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств, Почетный учитель, Почетный работник общего образования РФ, Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор двадцати шести книг и многочисленных литературных публикаций. Живет и работает в Щекино Тульской области.

**ВРУЧЕНИЕ ЗНАКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЛАУРЕАТАМ 2019-ГО ГОДА**

Михаил Иванович Смирнов, лауреат 2019-го года в номинации художественной прозы, после вручения ему знаков премии (Салават, Башкирия)

Ефим Аронович Гаммер, лауреат в номинации литературной публицистики, не только писатель и художник, но и многократный чемпион Иерусалима по боксу в старшей возрастной группе. И местом вручения ему знаков лауреата не случайно избран боксерский клуб Иерусалима